

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

РИМ:

DOMINATIO

CIVILIS

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
МАРТ 2017

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

РИМ:
DOMINATIO CIVILIS

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Под общей редакцией А.Л. Смышляева

МОСКВА, 2017

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков

главный редактор, кандидат исторических наук

Ф.Г. Тараторкин

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий

зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства

Т. Лефко

редактор английской версии

Е.А. Радзиевская

ученый секретарь

Редакционный совет

В.Э. Голдман

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исааков

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

И.В. Курукин

доктор исторических наук, профессор Кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Д. Ленхофф

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

Е.И. Пивовар

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

А.Л. Смышляев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, проректор РГГУ

Я.М. Хамеен-Анттила

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Filipp G. Taratorkin

Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

Igor Ya. Keremetskiy

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture

Todd Lefko

Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya

Academic Secretary

Editorial Board

Wendy Z. Goldman

Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

Anton A. Gorskiy

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Igor V. Kurukin

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Gail D. Lenhoff

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey

Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Daniel Panateri

Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Efim I. Pivovarov

Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences

Alexander L. Smishliaev

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture

Alexey E. Titkov

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities

Jaakko Markus Hämeen-Anttila

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

XX век — это эпоха распада европейских и колониальных империй и формирования на их обломках новых национальных государств. В наше время наряду с тенденцией к разделению и распаду все заметнее тенденция к объединению и интеграции. Опыт сосуществования разных народов под единой кровлей снова становится востребованным. Наступает время собирать, а не разбрасывать камни. Не удивительно, что интерес к империям, в том числе и древним, постоянно растет.

Этот номер посвящен проблемам управления Римской империей, на территории которой ныне находится около 40 современных государств. Главное внимание уделяется Ранней Римской империи, в рамках которой в эпоху «Римского» или «Августова мира» I—II вв. н. э. города, представлявшие собой основополагающее звено управления, находились на невиданном ни ранее ни позднее уровне стабильности и благосостояния. До сих пор во многих, превратившихся в пустыню районах Передней Азии и Северной Африки, находят остатки великолепных римских городов, каналов и дорог — следы некогда цветущей жизни.

В тематическом номере освещаются различные аспекты римского искусства государственного строительства и управления.

Во вступительной статье А.Л. Смышляева дана общая характеристика этого искусства на примере деятельности наместника римской провинции в период Ранней Римской империи.

В разделе «Структуры и институты» Г.М. Кантор разбирает вопрос о судебных советниках наместника, игравших важную роль не только в судопроизводстве, но и в управлении своими городами. Советники в его статье рассматриваются также на уровне центрального управления и управления семьей (римской фамилией), не только как политический, но и как социальный институт.

Д.В. Обрезкова в статье, посвященной императорскому конси-
сторию, исследует проблему советников римских императоров эпо-
хи Домината. У читателя есть возможность сравнить институт совет-
ников эпох Ранней и Поздней империи.

К.В. Марков дает обзор представлений о римских наместниках у
греческих авторов Второй софистики.

С.Э. Таривердиева описывает становление чрезвычайно важного
для управления империей института соправления. При отсутствии
легитимной монархии и, соответственно, законной передачи власти
по наследству, этот институт давал возможность плавного мирного
перехода власти от императора к избранному им преемнику.

В разделе «Социально-политическая история» А.В. Махлаюк на
примере основателя империи Августа исследует проблемы управле-
ния исторической памятью, которая играла важную роль в идеоло-
гическом обосновании императорской власти.

О.В. Любимова в своей статье рассматривает роль наследия попу-
ляров в политике Августа, позиционировавшего себя как наследника
вождя популяров Цезаря.

В разделе «Историческая мысль» А.В. Махлаюк и К.В. Марков
знакомят читателей с недавно вышедшими монографиями по исто-
рии древнего Рима.

В разделе «Источники» дается выполненный Е.С. Марей ком-
ментированный перевод титулов Кодекса Феодосия о наместниках
в эпоху Поздней Римской империи. Здесь также есть возможность
сравнения.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

The 20th century is the period of degradation of European and colonial empires and formation of new national states on their debris. We witness two trends: separation and degradation is counterbalanced by unification and integration. The experience of co-existence of different peoples under the same «roof» is once again gaining value. It is time to collect stones and not throw them around. This is why it is not so surprising that the interest in empires, including ancient ones, is on the rise. This issue deals with administrative issues in the Roman empire, the vast territory of which is now home to over 40 national states. Our primary focus is on the earlier Roman Empire, when, in the period of Pax Romana or Pax Augusta (1st and 2nd centuries AD), the cities representing the main administrative nucleus enjoyed unprecedented stability and welfare. In many areas of the Middle East and North Africa archeologists have unearthed remnants of magnificent Roman cities, canals and roads — vestiges of the once flourishing civilization.

The present feature issue spotlights various aspects of the Roman art of state building and state administration.

The introductory article by A.L. Smishliaev gives a general idea of this art taking as a model activities of a Roman province governor at the Early Roman empire period.

In the «Structures and Institutes» section G.M. Kantor analyses the functions of judicial councillors to the governor who not only dealt with legal proceedings but were also active in administration of their cities. In this article councillors are also described on the central administration level as well as that of family (Roman familia) administration. The councillors were not only a political but also a social institution.

D.V. Obrezkova in her article about the Imperial Consistory dwells on the issue of councillors to the Roman emperors from the Dominate

period. This gives the reader an opportunity to compare the institute of councillors at the time of Early and Late Roman Empire.

K.V. Markov gives an overview of the Roman governors as presented by Greek authors of the Second Sophistic.

S.E. Tariverdieva analyses the institutionalization of the co-regency in the Roman empire. In the absence of legitimate monarchy or legal power succession this institute enabled peaceful transmission of power from the emperor to his chosen successor.

In «Social and Political history» section A.V. Makhlayuk uses the Empire founder Augustus as a model to analyze the ways to control historical memory. Those memory controlling mechanisms played an important role in ideological rationale of the emperor's power.

O.V. Lyubimova in her article analyzes the role of the populares inheritance in the politics of Augustus who considered himself a successor of the populares leader Julius Caesar.

In the «Reviews» section A.V. Makhlayuk and K.V. Markov introduce the readers to the recently published monographs on the history of the Ancient Rome.

In «Sources» section readers will find E.S. Marey's translations and commentaries of The Codex Theodosianus on the duties of vicars and province governors in the Late Roman Empire.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

Смышляев А.Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти.	10
--	----

СТРУКТУРЫ И ИНСТИТУТЫ

Кантор Г.М. Qui in consilio estis: судебные советники наместников в эпоху Ранней империи.	50
Обрезкова Д.В. Императорский консistorий в IV — начале V в. (по данным позднеримского законодательства)	88
Марков К.В. Официальные полномочия и неформальные аспекты власти римских наместников в суждениях и оценках греческих авторов Второй софистики.	112
Таривердиева С.Э. Август и Агриппа: развитие системы соправления с 29 по 18 г. до н. э.	126

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Махлаюк А.В. «Что скажет о нас история?..» О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа.	170
Любимова О.В. Наследие популяров в политике Августа (по данным Res Gestae Divi Augusti)	226

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Махлаюк А.В. Политика и политики в «зловещий век» истории Рима. Рецензия на книгу: Циркин Ю.Б. «Военная анархия» в Римской империи.	292
Марков К.В. Историописание первой половины III века как предмет нарратологического исследования. Рецензия на книгу: Kemezis Adam M. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian.	306

ИСТОЧНИКИ

Марей Е.С. Кодекс Феодосия об обязанностях викариев и наместников провинций.	320
--	-----

CONTENTS

ROME: DOMINATIO CIVILIS

Editor: Alexander L. Smishliaev

Alexander L. Smishliaev. «Dominatio Civilis» as imagined by Greek writers and realized by Roman authorities..... 10

STRUCTURES AND INSTITUTES

Georgy M. Kantor. Qui in Consilio Estis: the governor and his advisers in the Early Empire (published in English) 50

Daria V. Obrezkova. Imperial Consistory in the IV — early V century (based on Late Roman legislature) 88

Konstantin V. Markov. The official duties and informal aspects of power of roman provincial governors in judgments and estimates of Second Sophistic authors 112

Sabina E. Tariverdieva. Augustus and Agrippa: Development of the coregency from 29 to 18 BC 126

SOCIAL AND POLITICAL HISTORY

Alexander V. Makhlayuk. «What is history going to say about us?» On some aspects and motifs of Octavian Augustus' memorial politics..... 170

Olga V. Lyubimova. The legacy of populares in the politics of Emperor Augustus (on the evidence of Res Gestae Divi Augusti) 226

REVIEWS

Alexander V. Makhlayuk. Policy and politics during the «ominous age» in history. Y.B. Tsyarkin «Military anarchy» in the Roman Empire..... 292

Konstantin V. Markov. Historical narratives of the first half of the III c. as an object of Narrative Study. Kemezis Adam M. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. 306

SOURCES

Elena S. Marey. Codex Theodosianus on the duties of vicars and province governors..... 320

А.А. Смьшляев

«ПРАВЛЕНИЕ ПО-ГРАЖДАНСКИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГРЕЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И В ПРАКТИКЕ РИМСКОЙ ВЛАСТИ

В заключении к своей «Географии» Страбон объясняет, каким образом римлянам удалось подчинить себе чуть ли не весь обитаемый мир: «Я уже упоминал раньше, как они, выйдя из одного города, именно из Рима, овладели целой Италией *посредством войн и правления по-граждански* (курсив мой. — А.С.), как они, действуя с тем же искусством, кроме Италии, присоединили к своей державе еще и окрестные земли (пер. Г.А. Стратановского с небольшими коррективами)¹. Очевидно, оба указанных фактора взаимосвязаны: посредством войн римляне завоевывают мир, а посредством правления по-граждански удерживают его под своей властью.

Если с войнами все понятно, то в отношении «правления по-граждански» полной ясности нет: можно задаться вопросами, что именно в представлении Страбона означало «правление по-граждански», и в какой мере правление современной ему Римской державой соответствовало этому представлению. Насколько мне известно, первым попытался дать ответ на

¹ «Ὅτι μὲν οὖν ἐκ μιᾶς ὀρηθέντες πόλεως τῆς Ῥώμης ἄπασαν τὴν Ἰταλίαν ἔσχον διὰ τὸ πολεμεῖν καὶ πολιτικῶς ἄρχειν εἶρηται, καὶ διότι μετὰ τὴν Ἰταλίαν τὰ κύκλω προσεκτήσαντο τῇ αὐτῇ ἀρετῇ χρώμενοι.» (Str. XVII.3.24. С. 839).

этот вопрос Э. Мейер-Цвиффельхоффер, автор интересной монографии, посвященной стилю управления грекоязычными провинциями Ранней Римской империи². По его мнению, под «правлением по-граждански» Страбон подразумевал образ правления, характерный для эпохи *raх Augusta*³. Основой этого правления был город античного типа или, иначе говоря, полис. Римляне управляли подвластными им полисами по-граждански, то есть не с помощью военного принуждения, а путем соблюдения местных законов и обычаев и сотрудничества с полисными нотаблями⁴, входившими в Советы полиса — *буле*. Такой стиль был характерен для римского искусства управления⁵.

В целом, на мой взгляд, с этими выводами можно согласиться, однако они нуждаются в дополнительном обосновании и конкретизации, поскольку, скорее всего, не исчерпывают понятия «правление по-граждански»⁶. Для этого необходимо обратиться к происхождению этого словосочетания.

Слово *πολιτικῶς* впервые встречается в составе тех или иных словосочетаний в сочинениях греческих авторов IV в. до н. э.⁷ Но только у Аристотеля мы находим словосочетание *ἄρχειν πολιτικῶς* (Pol.I.2.35(1324a37)). В дальнейшем, насколько я могу судить, оно встречается только у Страбона.

Известно, что преподавателем философии у него был перипатетик Ксенаρχ из Селевкии Киликийской (Str. XIV.5.4. С. 670), преподавателем риторики и грамматики — перипатетик Аристодем из Нисы (Str. XIV.1.48. С. 650)⁸, а учителем грамматики — Тираннион из Амиса (Str. XII.3.16. С. 548), которого Страбон называет поклонником Аристотеля и в распоряжении которого находилась привезенная в Рим библиотека с сочинениями великого философа (Str. XIII.1.54. С. 609). Он прямо указывает, что зани-

² Meyer-Zwiffelhofer E. Zum Regierungsstil *Πολιτικῶς ἄρχειν* der senatorischen Stathalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen. Stuttgart, 2003.

³ Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 8.

⁴ Основой для этого сотрудничества был общий облик (*habitus*) центральной и местных элит благодаря общему для них всех воспитанию и образованию (*paideia*) (Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 11, 13, 46 f., 330).

⁵ Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 9 ff.

⁶ Как справедливо отметил А. Брайен, понятие *πολιτικῶς* шире того содержания, которое вкладывает в него Э. Мейер-Цвиффельхоффер (Bryen A.Z. Judging Empire: Courts and Culture in Rome's Eastern Provinces // Law and History Review. Vol. 30. 2012. P. 778. N 17). Однако он не уточнил, что именно имеется в виду.

⁷ См.: LSJ s.v. *πολιτικῶς*.

⁸ Roseman C.H. Reflections of Philosophy: Strabo and geographical sources/Strabo's Cultural Geography. The Making of a Colossourgia. Ed. by Dueck D., Lindsay H. and Potheary S. N.Y., 2005. S. 28.

мался изучением философии Аристотеля с Боэфом из Сидона (Str. XVI.II.24. С. 757), ставшим впоследствии главой афинской школы перипатетиков⁹.

Как отмечает К. Роузмен, знакомство с Аристотелевой мыслью пронизывает всю работу Страбона¹⁰. Во введении к «Географии» можно обнаружить отражение методологии изучения естественной истории, разработанной Аристотелем¹¹. В описании присущих варварам особенностей Страбон следует за характеристикой варваров в «Политике» Аристотеля¹². Наконец, в обзоре племен, заселявших Балканский полуостров, он прямо ссылается на «Политии» Аристотеля (Str. VII.7.2. С. 322). Таким образом, есть все основания для предположения, что Страбон заимствовал понятие «правление по-граждански» у Аристотеля.

Каково же содержание этого понятия у великого Стагирита? Характеризуя в «Политике» основные разновидности правления, он отмечает: «По мнению одних, править своими ближними деспотически — дело величайшей несправедливости, править же ими по-граждански хотя и не включает в себе ничего несправедливого, но препятствует счастливому существованию самого правителя» (пер. С.А. Жебелева с небольшими коррективами)¹³. Очевидно, говоря о том, кто правит «по-граждански», Аристотель не имел в виду полисного магистрата, который в любом случае не мог править иначе. Речь здесь идет о какой-то внеполисной или надполисной власти, носитель которой правил наподобие полисного магистрата и в силу этого должен был во многих отношениях себя ограничивать, препятствуя тем самым своему счастливому существованию.

Характерные особенности «правления по-граждански» Аристотель намечает в «Афинской политии», на примере правления Писистрата. Говоря о приходе тирана к власти, он констатирует: «Писистрат же, взяв в свои руки власть, управлял общественными делами, скорее, по-граждански (курсив мой. — А.С.), чем тиранически» (пер. С.И. Радцига с небольшими коррективами)¹⁴.

⁹ Dueck D. Strabo of Amasia: a Greek man of letters in Augustan Rome. L. and N.Y., 2003. P. 11, 68.

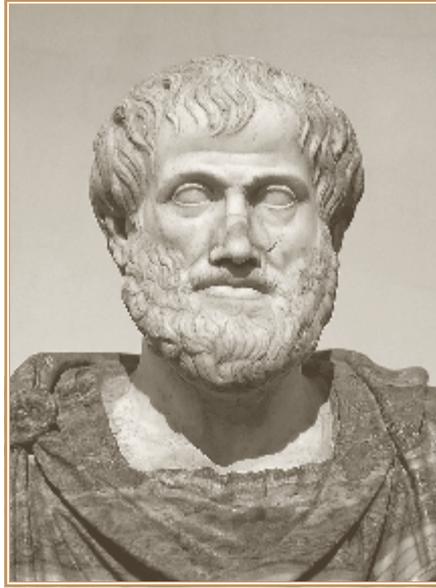
¹⁰ Roseman C.H. Op. cit. P. 40.

¹¹ Ibid. P. 27.

¹² Vliet van der E.Ch.L. The Romans and Us: Strabo's Geography and the Construction of Ethnicity // Mnemosyne. Fourth Series. Vol. 3. Fasc. 3. 2003. P. 264.

¹³ Aristot. Pol.VII.2.35(1324a): «...νομίζουσι δ' οἱ μὲν τὸ τῶν πέλας ἄρχειν δεσποτικῶς μὲν γίγναι ὄμενον μετ' ἀδικίας τινὸς εἶναι τῆςμεγίστης, πολιτικῶς δὲ τὸ μὲν ἄδικον οὐκ ἔχειν, ἐμπόδιον δὲ ἔχειν τῇ περὶ αὐτὸν εὐημερία...»

¹⁴ Aristot. Ath. Pol. 14.3: «Πεισίστρατος δὲ λαβὼν τὴν ἀρχὴν διώκει τὰ κοινά, πολιτικῶς μᾶλλον ἢ τυραννικῶς». Ср. Aristot. Ath. Pol. 16.2.

Аристотель.
Римская копия
с оригинала Лисиппа

Писистрат, по свидетельству Аристотеля, был гуманным и кротким человеком и правил с умеренностью (*μετρίως*) (Ath. Pol. 16.2). Он по своему характеру был демократичным, обходительным и хотел руководить всеми делами по законам, не допуская для себя никакого преимущества (Ath. Pol. 16.8). Он старался ничем не раздражать народ во время своего правления, но всегда обеспечивал мир (вовне) и поддерживал спокойствие (внутри) (Ath. Pol. 16.7). Благодаря этому «за него стояло большинство как знатных, так и простого народа. Одних он привлекал к себе, поддерживая с ними дружбу, других тем, что оказывал им помощь в их личных делах. Он отличался таким характером, что умел ладить и с теми, и с другими» (Ath. Pol. 16.9). «Поэтому-то, — указывает Аристотель, — он и оставался долгое время у власти и, если бывал изгнан, легко возвращал себе эту власть снова» (пер. С.И. Радцига) (Ath. Pol. 16.9). Благополучие граждан было таковым, что впоследствии «говаривали часто: “Тирания Писистрата — это жизнь при Кроносе”» (пер. С.И. Радцига) (Ath. Pol. 16.7).

В современной историографии, посвященный Писистрату очерк Аристотеля, как правило, не подвергается сколько-нибудь значительной критике¹⁵. Однако, если присмотреться, в нем можно найти существенные противоречия. Сам Аристотель сообщает, что Писистрат после захвата власти прожил 33 года и за это время дважды изгонялся из полиса

¹⁵ Так, например, один из самых авторитетных исследователей Архаического периода И.Е. Суриков отмечает, что Аристотель при работе над этим очерком «старался быть предельно объективным и непредвзятым» (Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 173).

враждебными ему группировками знати, так что на 19 лет его правления приходится 14 лет изгнания (Ath. Pol. 17.1). В «Политике» он определяет продолжительность власти тирана в 17 лет (Pol. V.9.23(1315b)). То есть в этом случае на 17 лет правления Писистрата приходится 16 лет его изгнания. Все это слабо согласуется со словами Аристотеля о всеобщей поддержке тирана и о той легкости, с которой он возвращал себе власть после очередного изгнания.

Почему же основоположник логики, самый могучий ум своей и любой другой эпохи не смог избежать столь явных противоречий? Как мне представляется, это связано с тем, что, рисуя благостный образ правления афинского тирана, Аристотель не был объективным и непредвзятым автором, а его очерк относится не столько к Архаическому периоду, сколько к современной ему эпохе кризиса IV в. до н. э.

Как известно, в это время многие греческие мыслители начинают осознавать, что полис своими силами не способен преодолеть непрерывную череду внешних войн и внутренних смут (стасиса). В результате в общественной мысли получают распространение монархические идеи, представления об идеальном правителе (царе или тиране), который правит в интересах своих подданных и избавляет подвластные ему полисы от всех бед и зол¹⁶. Подобные идеи были присущи и Аристотелю¹⁷. На мой взгляд, на примере Писистрата великий Стагирит создал образ подобного идеального правителя (вернее, один из его вариантов¹⁸), выразив тем самым надежды и чаяния своей эпохи¹⁹.

Этот правитель — тиран, то есть носитель неограниченной власти, как правило, несовместимой с полисными обычаями, ценностями и институтами. Но при этом он осуществляет свою власть не тиранически, а

¹⁶ *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 113 сл.; *Luraghi N.* One-Man Government: The Greeks on Monarchy / A Companion to Ancient Greek Government. H. Beck (ed.). Oxford, 2013. P. 139 ff.; *Суриков И.Е.* Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015. С. 52 сл.

¹⁷ Как справедливо отметил И.Е. Суриков, Аристотель «готов примирить с идеей полиса идею полной и неограниченной монархии» (*Суриков И.Е.* Предпосылки становления культа правителя в доэллинистической Греции: «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 62).

¹⁸ По мнению Аристотеля, тирания — это отдельный вид монархического строя (IV.4.5 (1292a; 1292b); V.8.2(1310b)).

¹⁹ В «Политике» Аристотель также намечает образ «хорошего» тирана, правление которого при соблюдении рекомендаций автора «будет прекрасным и завидным» (Arist. Pol. V.9.10 (1314a — 1315b)). Этот образ почти полностью совпадает с образом Писистрата в «Афинской политии».

по-граждански, то есть в соответствии с интересами и желаниями большинства граждан²⁰. Он обеспечивает мир и покой вовне и внутри, руководствуется в своей деятельности законами и обычаями полиса, умеет ладить со всеми гражданами, как с аристократами, так и с простонародьем, обеспечивая тем самым единство гражданского коллектива, ведет себя демократично и обходительно, то есть наподобие полисного политика и полисного магистрата. В этом случае полная и неограниченная власть ведет не к подавлению полиса и его институтов, а, наоборот, к благосостоянию и расцвету.

Все это, в представлении Аристотеля, и составляет содержание понятия «правление по-граждански». Оно, таким образом, характерно для такого своеобразного государственного строя, как гражданственная тирания. По всей видимости, Страбон заимствовал у Аристотеля не только само это понятие, но и представление о его содержании.

Все намеченные Аристотелем особенности, характерные для «правления по-граждански», можно обнаружить в практике римского правления эпохи Принципата. Именно на это время в римском мире приходится реальное примирение идеи полиса с идеей единовластия. Римские правители, как на уровне центрального, так и провинциального управления в тех регионах, где город античного типа, то есть полис, играл главенствующую роль²¹, осуществляли свое правление по-граждански. Это во многом было обусловлено объективными факторами. Римская держава сложилась на основе завоеваний римской гражданской общины. Еще и в период Ранней империи Рим сохранял многие характерные особенности античной гражданской общины или, иначе говоря, республиканские институты и ценности²².

²⁰ Согласно Аристотелю, тиран осуществляет свою власть вопреки воле и желанию подвластных и к собственной выгоде, а не в интересах подданных (Arist. Pol. IV.8.3 (1295a), ср. III.5.3 (1279b)).

²¹ Следует учесть, что в период Ранней империи в этих регионах проживала большая часть населения Римской державы, что именно выходцами из городов античного типа пополнялась римская правящая элита и что территория, где полис играл главенствующую роль, постепенно расширялась (Jacques F., Scheid J. Rome et l'integration de l'Empire (44 av. J.-C. — 260 ap. J.-C.). T. 1. Les structures de l'Empire romain. Paris, 1990. P. 350 suiv., 358 suiv.; Eck W. Emperor, Senate and magistrates / САН. Second edition. Vol. 11. Cambridge, 2007. P. 220; Garnsey P. and Saller R. The Roman empire: economy, society and culture. Second edition. L.; N.Y., 2014. P. 22 ff. 32, 40, 45).

²² Jacques F., Scheid J. Op. cit. P. 47 suiv., 108 suiv.; Махлаюк А.В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата / Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М., 2010. С. 176 сл.

Денарий, 15 г. до н. э. Аверс: непокрытая голова Августа
 Реверс: Август сидит в курульном кресле на трибунале, протягивая руку двум солдатам
 (Тиберий и Друз?), подающим ему лавровые ветви

Одной из этих особенностей было отсутствие бюрократии²³. В громадной державе с населением в 50–60 млн человек насчитывалось 300–400 администраторов сенаторского или всаднического ранга и около 10 тысяч разнородного вспомогательного персонала²⁴, так что на каждого государственного служащего с властными полномочиями приходилось более ста тысяч человек²⁵. Эти администраторы в большинстве своем (так же как и императоры, начиная с Флавиев) происходили в пер-

²³ Характеристика конкретных особенностей римской государственности в период Ранней империи дана здесь в рамках нового подхода к ее изучению, основоположником которого является Ф. Миллар (см.: *Смышляев А.Л. Римская императорская власть эпохи Принципата в современной зарубежной историографии* // РЖ. Государство и право. 1991. № 5. Сер. 4). Почти все современные исследователи (в том числе и я) работают в рамках этого подхода.

²⁴ В этой среде можно обнаружить бюрократию в зародышевой форме (*Weaver P. Familia Caesaris*. Cambridge, 1972; *Смышляев А.Л. Об эволюции канцелярского персонала в III в. н.э.* // ВДИ. 1979. 3. С. 60 сл.). Однако это не противоречит общему выводу, ведь основное бремя управления несли не государственные служащие, получающие жалование, а городские магистраты и члены местных городских сенатов (декурионы и булевты), исполнявшие городские повинности (литургии) и осуществлявшие добровольные пожертвования (см. ниже прим. 30).

²⁵ *Saller R.P. Promotion and patronage in Equestrian Career* // JRS. Vol. 70. 1980. P. 57; *Purcell N. The Arts of Government* / *The Oxford History of the Classical World* / Ed J. Boardman et al. Oxford; N.Y., 1986. P. 576 ff.; *Burton G.P. The Government and provinces* / *The Roman world*. Ed. by Wachter J., L.; N.Y., 1987. Vol. 1. P. 426; *Смышляев А.Л. Античная гражданская община: отсутствие или особый тип государственности* // ВДИ. 1989. № 3. С. 99 сл.; *Jacques F., Scheid J. Op. cit.* P. 106; *Galsterer H. Local and provincial institutions and government* // *CAH. Second edition*. Vol. 11. Cambridge, 2007. P. 345; *Garnsey P., Saller R. Op. cit.* P. 53; *Махлаюк А.В. Указ. соч.* С. 190 сл.

вом или втором поколении из сословия декурионов²⁶ и не имели особой подготовки, специальных знаний и опыта в какой-нибудь конкретной области государственного управления²⁷, а срок их службы, как правило, был очень непродолжительным²⁸. Не удивительно, что многие современные исследователи характеризуют государственный аппарат Ранней империи как рудиментарный, слабо развитый или неадекватный, высшую администрацию считают дилетантской, а саму империю — «недоуправляемой (undergoverned; Deficit an Verwaltung)»²⁹.

Подобные определения выглядят, мягко говоря, парадоксальными, если учесть, что именно на это время приходится «Римский» или «Августов мир» (раха гомана или раха Augusta) — эпоха невиданных в древней истории: ни ранее ни позднее; внешнего и внутреннего мира, — стабильности и процветания. Очевидно, слабо развитой римскую систему управления можно считать только исходя из современных представлений и реалий. Она вполне соответствовала потребностям своей эпохи и была достаточно эффективной по меркам своего времени.

Основой этой системы управления было сотрудничество центральной власти в лице императора и наместников провинций с органами местного самоуправления и прежде всего городского самоуправления.

²⁶ Как потомственная сенаторская аристократия, так и представители слабоурбанизированных периферийных провинций и низших социальных слоев составляли ничтожную долю в составе раннеимперской элиты (Talbert R. The Senate of imperial Rome. Princeton, 1984. P. 31 ff.; см. выше прим. 21).

²⁷ Разумеется, администраторы, занимавшие ряд разных постов и успешно справлявшиеся со своими обязанностями, постепенно приобретали опыт управления широкого профиля и репутацию компетентного государственного служащего. Это принималось в расчет при последующих назначениях наряду с рекомендациями влиятельных лиц из окружения императора (Eck W. The growth of administrative posts / CAH. Second edition. Vol. 11. Cambridge, 2007. P. 260).

²⁸ Campbell J.B. Who were the «Viri Militares»? // JRS. Vol. 65. 1975. P. 27 f.; Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B.C. — A.D. 337). P. 101 f.; Brunt P.A. The Administrators of Roman Egypt // JRS. Vol. 65. 1975. P. 141 f.; Idem. Princeps and equites // Ibid. Vol. 73. 1983. P. 47 ff.; Saller R.P. Op. cit. P. 44 ff., 52 ff.; Campbell J.B. The Emperor and the Roman Army. 31 B.C. — A.D. 235. Oxford, 1984. P. 325 ff.; Talbert R. Op. cit. P. 64 ff.; Eck W. Spezialisierung in der staatlichen Administration des römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit / de Blois L. ed. Administration, Prosopography and Appointment Policies in the Roman Empire. [Impact of Empire I]. Amsterdam, 2001. S. 1ff.; Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 40.

²⁹ Levick B. The Government of the Roman Empire. A Sourcebook. L., Sydney, 1985. P. 1; Eck W. «Augustus» administrative Reformen: Pragmatismus oder systematisches Planen? // Acta classica. Vol. 29. 1986. S. 117; Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 190 сл.; Cascio E. Lo. The emperor and his administration. General developments / CAH. Second edition. Vol. 12. Cambridge, 2005. P. 134; Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 35 ff., 40.

Именно на них лежала основная ноша повседневного рутинного управления³⁰.

Как известно, главной опорой императорской власти были города античного типа (полисы), около двух тысяч которых насчитывалось в Ранней империи³¹. Полисные элиты и в меньшей мере рядовые граждане были главными сотрудниками и помощниками императора и его наместников. Это само по себе определяло сотрудничество представителей центральной власти с полисными институтами и особенности их деятельности в рамках этой институциональной системы.

По мнению Ф. Жака и Дж. Шайда, принцепс был не абсолютным монархом, но носителем особых публичных полномочий, аналогичных полномочиям магистрата, а его общественная деятельность осуществлялась в рамках традиционных институтов и в соответствии с ними; он всегда мог добиться от сената и народа всего, чего хотел, но именно от них и с помощью средств, санкционированных обычаем³². Эту формулировку можно отнести и к наместникам провинций, которые также осуществляли свою деятельность наподобие магистрата в рамках традиционных полисных институтов и в соответствии с ними³³. Вместе с тем, она, на мой взгляд, нуждается в некоторой корректировке.

Действуя в рамках традиционных институтов, император и его наместники, обладавшие практически неограниченной властью, далеко не всегда могли добиться всего, чего они хотели. Органы центрального и местного самоуправления, представлявшие главным образом интересы имперской и полисных элит, выполняли лишь те распоряжения высшей власти, которые не противоречили их собственным интересам³⁴. Даже самые деспотичные императоры в этом случае не могли настоять на своем. Так, например, когда Калигула перенес выборы магистратов из сената в народное собрание, сенаторы, сговорившись, стали выставлять только по одному кандидату на место, и он был вынужден отменить свою реформу (Suet. Cal. 16.3; Dio Cass. LIX.9.6; 20.3.4). А когда Домициан своим эдиктом повелел, чтобы виноградные посадки в провинциях были сокращены, по крайней мере, наполовину (Suet. Dom.

³⁰ Jacques F., Scheid J. Op. cit. P. 83, 108 suiv.; Galsterer H. Op. cit. P. 348 ff.; Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 40 ff.; Roselaar S.T. Local Administration / The Oxford Handbook of Roman Law and Society. Ed by P.J. du Plessis, C. Ando and K. Tuori. Oxford, 2016. P. 124 f.

³¹ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 54.

³² Jacques F., Scheid J. Op. cit. P. 32, 84.

³³ Смышляев А.Л. Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. 3. С. 25 сл.

³⁴ Kelly Chr. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Massachusetts) and L., 2004. P. 108 f.

7.2), то его распоряжение никто не стал выполнять, и он то ли отменил его (Philostr. Vit. Soph. I.21.6), то ли просто не стал настаивать на его выполнении (Suet. Dom. 7.2; 14.2)³⁵. Таким образом, в условиях римской системы правления властители не могли себе позволить не учитывать интересы исполнителей своих решений. Подобная система могла нормально функционировать лишь при добровольном сотрудничестве со стороны этих исполнителей.

Характерные особенности «правления по-граждански» особенно наглядно проявляются на уровне управления провинциями, где контакты представителей центральной власти и местного самоуправления были особенно тесными³⁶.

Как известно, основная деятельность римских наместников протекала в городах — центрах судебных округов (конвентов), где они отправляли правосудие³⁷. Приезд наместника в провинцию, а затем в каждый из центров судебных округов сопровождался церемонией прибытия (*adventus*) (D. 1.16.4.3-5; 1.16.7 pr.-1; Men. 381). Она представляла собой торжественную встречу вступавшего в город правителя или какого-либо иного влиятельного лица. В ней наиболее ярко проявлялись особенности «правления по-граждански».

Она строилась в соответствии со стереотипом, сложившимся еще в эллинистическую эпоху: процессия граждан, возглавляемая магистратами, встречала правителя перед городскими воротами и после обмена приветственными речами сопровождала его в город. Затем наступал второй этап церемонии: наместник посещал храм богини — покровительницы города и приносил ей жертвы (Suet. Galba. 8.2; Men. 381)³⁸, назначал празднества в честь богов, устраивал зрелища для всех граждан³⁹, инспектировал храмы и общественные

³⁵ *Levick B. Domitian and the Provinces // Latomus. Vol. 41. 1982. P. 73; Смышляев А.А. Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) / Античность и современность. М., 1991. С. 37 сл.*

³⁶ Ср.: *Bryen A.Z. Op. cit. P. 781.*

³⁷ *Burton G.P. Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // JRS. Vol. 65. 1975. P. 92 ff; Jacques F., Scheid J. Op. cit. P. 174 suiv.; Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 227 ff; Galsterer H. Op. cit. P. 347; Bérenger A. Le métier de gouverneur dans l'empire romain de César a Dioclétien. De l'archéologie à l'histoire, 62. P., 2014. P. 200 suiv., 332 suiv.*

³⁸ *Смышляев А.А. Вступление наместника в провинциальный город: церемония adventus по Ульпиану // ВДИ. 1991. 4. С. 113 сл.; Bérenger A. Op. cit. P. 269 suiv., 350.*

³⁹ В 57 г. н. э. этот компонент выпал из церемонии «прибытия» наместника, поскольку Нерон «воспретил магистратам и прокураторам устраивать в управляемых ими провинциях представления гладиаторов, травлю диких зверей и любые другие зрелища, так как «подобной щедростью они наносили своим подчиненным не меньший ущерб, чем поборами и вымогательством денег, ибо заручившись народным расположением, избегали возмездия за преступное стяжательство» (Tac. Ann. 13. 31. 4).

постройки, чтобы, если потребуется ремонт, назначить кураторов построек и выделить им в помощь военных специалистов из своей свиты (D. 1.16.7 pr.-1).

На первом этапе граждане города во главе со своими магистратами демонстрировали свои сплочение и единодушную волю: восхваляя наместника и вверяя ему свой город, они представляли свое подчинение его власти как результат свободного выбора, обусловленного его исключительными достоинствами. Вместе с тем они выражали в наглядной форме идею всеобщего согласия (*consensus omnium*), которая считалась в античном мире основой полисного социума и любой законной власти⁴⁰. Конкретные особенности процедуры встречи наместника и введения его в город имеют, по моему мнению, определенное сходство с выборами городских магистратов⁴¹.

Внешнее сходство между торжественной встречей правителя и выборами магистратов, в которых участвовали одни и те же лица, наглядно проявляется и на втором этапе, который во многом напоминает вступление вновь избранного магистрата в должность⁴². Оно, как правило, включало в себя следующие компоненты: 1) посещение главного городского храма и совершение там жертвоприношения; 2) выступление в городском Совете по имеющему большое религиозное значение вопросу об установлении календарных сроков важнейших общественных празднеств; 3) устройство за свой счет игр и представлений для сограждан⁴³. Кроме того, высшие магистраты провинциальных и италийских городов (но не самого Рима)⁴⁴ в благодарность за свое избрание выделяли средства на строительство или ремонт какого-либо общественного сооружения или брали на себя соответствующее обязательство⁴⁵.

⁴⁰ «...Что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием?» (Cic. Rep. 1.25.40) (Пер. В.О. Горенштейна). См.: *Lobur J.A. Consensus, Concordia and the Formation of Roman Imperial Ideology*. N.Y.; L., 2008.

⁴¹ *Смышляев А.Л. Вступление наместника...* С. 111 сл.

⁴² Там же. С. 113 сл.

⁴³ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht*. Bd. 1. Aufl. 4. Tübingen, 1956. S. 414 ff., 615 ff.; Bd. 2 Abt.1. Lpz., 1874. S. 121 f.; *Langhammer W. Die rechtliche und soziale Stellung der Magistratus Municipales und Decuriones in der Übergangsphase der Städte von sich selbstverstandenen Gemeinden zu Vollzugsorganen des spätantiken Zwangsstaaten (1.-4. Jahrhundert der Römischen Kaiserzeit)*. Wiesbaden, 1973. S. 65 f.; *Wörle M. Stadt und Fest im Kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. München, 1988. S. 193 f.

⁴⁴ В самом Риме все постройки возводились только от имени принцепса или сената (*Vein P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralism politique*. P., 1976. P. 639).

⁴⁵ *Liebenam W. Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche*. Leipzig, 1900. S. 54 ff., 119; *Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford, 1983. P. 234 ff., 247; *Levick B. Roman colonies in southern Asia Minor*. Oxford, P. 79 ff.; *Vein P. Op. cit.* P. 283 suiv.; *Mackie N. Local Administration in Roman Spain AD 14–212*. Oxford, 1983. P. 83 f., 120.

Итак, горожане, встречавшие наместника перед городскими воротами, «избирали» его своим высшим магистратом, а тот, вступив в город с соблюдением всех формальностей, вместе с тем «вступал в должность»⁴⁶.

Уподобление наместника городскому магистрату можно обнаружить не только в церемонии «прибытия». Дион Хризостом советует гражданам Тарса, находившимся в конфликте с наместником провинции, хорошенько подумать, стоит ли им преследовать его в судебном порядке или же лучше терпеливо переносить поведение своего притана (Dio Chr. Or. 34. 40–42)⁴⁷. Поскольку подобное сравнение никак не следует из контекста, оно, очевидно, связано со сложившимся стереотипом, порожденным теми же представлениями и той же самой системой ценностей, что и церемония «прибытия». Церемония «прибытия» императора в основных своих чертах сходна с церемонией «прибытия» наместника⁴⁸. А Элий Аристид в «Похвале Риму» также именует императора эфором и пританом (Or. 26.90).

Вероятно, в торжественных процедурах, связанных с прибытием правителя, следует видеть не только церемониал и не только метод восприятия и осмысления участниками торжеств этого события, но также и способ своеобразного преобразования действительности. Вступавший в город наместник (или император) в итоге этой церемонии превращался в сознании его жителей из представителя и воплощения высшей и внешней по отношению к ним власти в полномочного представителя гражданского коллектива — в верховного магистрата полиса, получившего от сограждан свою власть, чтобы использовать ее для их блага. Таким образом, церемония «прибытия» и связанные с ней процедуры освящали и легитимировали власть правителя в соответствии с полисными традициями.

В связи с этим поведение наместника в подвластных ему городах имеет двойственный характер. С одной стороны, он действует как представитель центральной власти, требующий неукоснительного соблюдения ее законов

⁴⁶ Характерно, что префект Египта, власть которого была приравнена Августом к проконсульской, вступал в должность не по прибытии в провинцию, а только после вступления в Александрию (D.1.17.1; *Смышляев А.А.* Вступление наместника... С. 108 сл.).

⁴⁷ *Jones C.P.* The Roman World of Dio Chrysostom. L., 1978. P. 78 ff.

⁴⁸ *Alföldi A.* Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970. S. 79 f.; *Mac Cormack S.G.* Change and Continuity in Late Antiquity: The Ceremony of Adventus // *Historia*. Vol. 21. 1972. P. 721 ff.; *eadem.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley — Los Angeles — L., 1981. P. 18 ff.; *Wallace-Hadrill A.* Civilis princeps. Between citizen and king // *JRS*. Vol. 72. 1982. P. 40; *Harl K.W.* Civic coins and civic politics in the Roman East. A.D. 180–275. P. 52 ff. Наиболее подробный и основательный разбор см.: *Lehnen J.* Adventus principis. Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum. Frankfurt–Berlin, 1997.

и выполнения всех обязательств перед ней. С другой — он выступает защитником интересов полисного коллектива, проявляя заботу о городе и его обитателях, ходатайствуя за них перед императором⁴⁹.

Эта линия поведения особенно ясно проявляется в его заботе о городском благоустройстве и городском строительстве. Юристы рекомендуют наместникам лично инспектировать общественные и частные здания и постройки и добиваться ремонта обветшалых строений и завершения начатых работ (D. 1.16.7.1; 1.18.7). Президам предписывается поддерживать строительную деятельность городских эвергетов (D. 50.10.2.2; 50.10.3.2), разбирать конфликты между городскими властями, кураторами построек и подрядчиками (D. 50.10.2.1)⁵⁰. Судя по имеющимся данным, они не только не пренебрегали этими рекомендациями⁵¹, но нередко к тому же выступали как инициаторы и руководители новых построек⁵².

Таким образом, они брали на себя выполнение одной из главных обязанностей городских магистратов — заботу о городском благоустройстве и общественном строительстве. Однако сколько-нибудь ощутимый результат деятельности наместников можно заметить только в столицах провинций и городах, по соседству с которыми были дислоцированы легионы⁵³. Вплоть до середины III в. н. э. основной объем городского строительства в провинциях осуществлялся под непосредственным контролем городских магистратов и в значительной мере за их счет⁵⁴.

Личное участие наместника в инспектировании зданий и построек также, как правило, ограничивалось столицей и центрами судебных округов (конвентов).

⁴⁹ Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 172 ff., 255, 333 ff.; Kokkinia Chr. Ruling, inducing, arguing: how to govern (and survive) a Greek province // Roman Rule and Civic Life: Local and Regional Perspectives / L. De Ligt, et al. (éd.). Amsterdam, 2004. P. 39 ff; ср.: Slootjes D. The Governor as Benefactor in Late Antiquity / ibid. P. 59 ff.

⁵⁰ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 50; Bérenger A. Op. cit. P. 301 suiv.

⁵¹ Tac. Agr. 21.1; Dio Chrys. Or. 40.5; 40.9; 45.15; 48.2; Jones C.P. Op. cit. P. 99, 111 ff.

⁵² Plin. Epist. 10.2–24; 37–38; 41–42; 61–62; 70–71; 90–91; 98–99; MucMullen R. Roman Imperial Building in the Provinces // HSCP. Vol. 64. 1959. P. 210 f. Tudor D. Les constructions publiques de la Dacie romain d'après les inscriptions // Latomus. Revue d'études latines. Vol. 23. Fasc. 2. 1964. P. 277 ff.; Alföldy G. Noricum. L. — Boston, 1974. P. 81, 161 f., 180 f.; Vein P. Op. cit. P. 639; Jacques F. Op. cit. P. 665 suiv.; The Administration of the Roman Empire (241 B.C. — A.D. 193). Ed. by D.C. Braund (Exeter Studies in History n. 18). Exeter, 1988. P. 22 f., 38, 58 f.; Mattingly D.J. Tripolitania. Ann Arbor, 1994. P. 56.

⁵³ Tudor D. Ibid.; Alföldy G. Op. cit. P. 81; Jacques F. Le privilege de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244). Rome, 1984. P. 678 suiv.

⁵⁴ Alföldy G. Op. cit. P. 118; Tudor D. Ibid.; Jacques F. Ibid.; The Administration... P. 62.

Очевидно, активность наместника в этой сфере, его личное участие наравне с городскими магистратами в возведении новых и в сохранении старых зданий и сооружений, составляющих славу и гордость города (Dio Chris. Or. 40.10; Dio Cass. 52.30.3; Мен. 394.96), должны были скорее демонстрировать его заботу о процветании и благополучии городов его провинции, чем служить заменой традиционной деятельности местных властей и эвергетов.

Форма и содержание деятельности наместника в самом городе полностью соответствовали той роли, которая была отведена ему в церемонии «прибытия», и тем представлениям, которыми она была обусловлена.

По свидетельству Тацита, у хорошего наместника время четко делилось на две части: работу и отдых (*iam vero tempora curarum remissionumque divisa...*) — со своим стилем поведения для того и другого (Agr. 9. 3). Учитывая, что после участия в утомительной церемонии «прибытия» наместник несомненно нуждался в отдыхе, первым делом попытаемся выяснить, в какой обстановке и как именно он обычно проводил свой досуг и как это было связано с характером римского управления провинциями в эпоху Принципата⁵⁵.

Говоря о стилях поведения хорошего наместника в рабочее время и на досуге, Тацит отмечает: «Время, отводимое на отправление служебных обязанностей, он строго отграничивал от часов досуга: где надлежало — а именно в провинциальных собраниях и в суде, — он был важен, внимателен, строг и чаще милостив, но, отдав должное службе, сбрасывал с себя обличье власти (*nulla ultra potestatis persona*)... и, что встречается исключительно редко, ни его обходительность не умаляла внушаемого им уважения, ни суровость — любви к нему» (Agr. 9. 3; пер. А. С. Бобовича с небольшими коррективами).

Такой стиль поведения полностью соответствовал римским представлениям о том, как должен держать себя в обществе хороший государственный деятель⁵⁶. Этот стиль, как известно, был связан с гражданскими полисными традициями и имел знаковый характер.

Римский наместник, объезжавший свою провинцию по центрам судебных округов, проводил свой досуг в обычные дни в обществе тех пред-

⁵⁵ Подробно этот вопрос разбирается в статье: *Смышляев А.А. Римский наместник в провинциальном городе: otium post negotium // ВДИ. 1999. 4. С. 59 сл.*

⁵⁶ *Смышляев А.А. Там же. С. 59, прим. 2. Можно вспомнить также, каким «демократичным и обходительным» (Ath. Pol. 16.8) был Писистрат в изображении Аристотеля. Также и в «Политике» философ указывает, что «хороший» тиран «должен вести скромный образ жизни, не позволять себе излишеств, знатных привлекать на свою сторону своим обхождением, а народом руководить при помощи демагогических приемов» (Arist. Pol. V.9.20 (1315b) (пер. С.А. Жебелева).*

ставителей городской знати, чьим гостеприимством (*hospitium*) он пользовался, а в праздники — также и рядовых граждан провинциальных городов.

В адресованном наместникам и их советникам трактате-инструкции «Об обязанностях проконсула»⁵⁷ Ульпиан подробно разбирает вопросы, связанные с институтом гостеприимства и, в частности, с подарками (*xenia*), которыми хозяин-гостеприимец по обычаю наделял остановившегося у него в доме гостя (D. 1.16.6.3)⁵⁸. Подарки (*xenia*) такого рода были не только непременным атрибутом, но и символом отношений гостеприимства (*hospitium*). Этот разбор означает, что размещение презида не в официальной резиденции, а в доме гостеприимца было широко распространенным явлением⁵⁹.

Наряду с подарками (*xenia*) непременным атрибутом «гостеприимства» были пиры, которые хозяева по обычаю должны были устраивать для своих гостей⁶⁰. Обязательными участниками такого пира являлись наместник (или иное должностное лицо) и члены его свиты⁶¹, а также, чаще всего, принимавший их у себя хозяин дома. Состав остальных гостей определялся правилом, в соответствии с которым сотрапезниками должны быть люди близкие друг другу по характеру и общественному положению (Plut. Quaest. Conv. 708 D; 709 B). «Когда угощаешь обедом наместника, — указывает Плутарх, — разумеется, наиболее подходящие сотрапезники — это высшие магистраты (если они друзья) и первые лица в городе» (Plut. Quest. Conv. 679 D) (пер. Я.М. Боровского).

Итак, значительную часть своего свободного времени римский наместник проводил на пирах в обществе своего гостеприимца, а также самых видных граждан и магистратов того города, где он вершил суд. В соответ-

⁵⁷ См.: *Смышляев А.Л.* Домиций Ульпиан и его трактат «Об обязанностях проконсула» // ВДИ. 1985. 4. С. 221 сл.; *Meyer-Zwiffelhofer E.* Op. cit. S. 64 ff.

⁵⁸ *Leonhard R.* Hospitium // RE. 1913. Bd. XVII. Sp. 2495; *Hands A.R.* Charities and Social Aid in Greece and Rome. L., 1968. P. 29; *Kondoleon Ch.* Domestic and Divine. Roman Mosaics in the House of Dionysos. Ithaca—L., 1995. P. 143.

⁵⁹ Как отмечает Ф. Миллар, в период Империи должностное лицо, совершая путешествие, могло остановиться в официальной резиденции (*praetorium*), в общественной гостинице, которую предоставлял город, или в доме видного гражданина — гостеприимца, причем последний вариант был самым распространенным (*Millar F.* Op. cit. P. 30; ср.: *Saller R.* Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, 1982. P. 160; *Bérenger A.* Op. cit. P. 338 suiv., 373.

⁶⁰ *D'Arms J.H.* Control, Companionship and Clientela: Some Social Functions of The Roman Communal Meal // *Échos du Monde Classic — Classical Views.* Vol. 28.3. 1984. P. 331; *Lendon J.E.* Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 216.

⁶¹ *Cic. Verr. II.1.65*; *Plut. Quest. Conv. 707 B*; *Lendon J.E.* Op. cit. P. 215.

Римская империя в конце II в. н. э.

ствии с обычаем для пиров была характерна особая атмосфера раскованности и веселья, связанная с представлением о равенстве и дружеском единстве сотрапезников (Plut. Quaest. Conv. 707 E)⁶². По свидетельству Плутарха, цель пира — «обеспечить с помощью удовольствия укрепление дружбы среди присутствующих или ее возникновение» (Quaest. Conv. 621 C) (пер. Я.М. Боровского).

Таким образом, именно на пирах наместник должен был «сбрасывать с себя обличье власти» и проявлять свою *facilitas* (обходительность, любезность), способствующую установлению неформальных дружеских связей между ним и его помощниками, с одной стороны, и наиболее видными гражданами провинциального города — с другой. Его досуг был организован так, чтобы обеспечить ему наилучшие возможности для создания и укрепления неформальных дружеских связей с влиятельными провинциалами.

Между тем неформальные контакты в неофициальной обстановке порождали множество проблем и опасных ситуаций как для самого наместника, так и для центральной власти. В соответствии с аристократической этикой «дружба» предполагала взаимный обмен услугами (*officia*) и бла-

⁶² Ср.: Quit. 6.3.28; D'Arms. Op. cit. P. 345; *Idem*. The Roman Convivium and the Idea of Equality // *Symptica. A Symposium on the Symposion* / Ed. O. Murray. Oxford, 1990. P. 313 f.; Pellizer E. Outlines of a Morphology of Symptic Entertainment // *Symptica...* P. 178 f.

годеяниями (*beneficia*)⁶³. В ответ на оказанный ему прием наместник должен был обеспечить своим гостеприимцам и сотрапезникам особое, привилегированное по сравнению с другими провинциалами положение, не изменяя при этом своему долгу справедливого и беспристрастного судьи и правителя⁶⁴. Совместить верность социальным обязательствам и долгу государственного деятеля было чрезвычайно сложно. В неофициальной и в официальной обстановке наместнику приходилось руководствоваться двумя разными системами ценностей и, следовательно, выступать в двух разных обликах. Очевидно, именно с этим связано жесткое противопоставление досуга и службы, обходительности и суровости при описании поведения идеального наместника и гражданина.

Укреплению дружеских связей наместников с их гостеприимцами способствовало и вручение последними подарков (*xenia*)⁶⁵. И хотя приношения провинциалов наместникам строго пресекались центральной властью⁶⁶, она не запрещала принимать *xenia*, поскольку отказ от них был равносителен отказу от предлагаемой дружбы и мог разрушить неформальные персональные связи между наместниками и их гостеприимцами⁶⁷.

Чтобы понять, почему без них нельзя было обойтись, необходимо учесть, что «штат наместника провинции состоял главным образом из свиты, которой имел обыкновение окружать себя римский магистрат или промагистрат, когда он выезжал из Рима, причем она в свою очередь представляла собой урезанную версию домохозяйства и круга друзей римского аристократа, модифицированную небольшой добавкой государственных служащих»⁶⁸. В этих условиях расширение круга друзей

⁶³ *Hands A.R.* Op. cit. P. 26 ff.; *Saller R. Personal Patronage...* P. 13, 24 f.

⁶⁴ *Saller R. Personal Patronage...* P. 164.

⁶⁵ Как известно, обмен подарками и услугами представлял собой самую сердцевину отношений дружбы (*Hands A.R.* Op. cit. *ibid.*; *Saller R. Personal Patronage...* P. 123; *Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship.* N.Y., 1984. P. 59).

⁶⁶ *Mierow H.E. The Roman Provincial Governor as he appears in the Digest and Code of Justinian.* Colorado Springs, 1926. P. 16; *Duyvendac N. Restraining Regulations for Roman Officials in the Roman Provinces // Symbolae Van Oven.* Leiden, 1946. P. 333 f.; *Lintott A. Imperium Romanum. Politics and Administration.* L.; N.Y., 1993. P. 44, 100 ff.; *Bérenger A.* Op. cit. P. 94 *suiv.*

⁶⁷ Отказ от подарка свидетельствовал о нежелании аристократа признать дарителя равным себе и мог привести к полному разрыву отношений с ним (*Hands A.R.* Op. cit. P. 26, 33; *Saller R. Personal Patronage...* P. 127). Вопрос об обусловленности поведения наместника традиционной аристократической системой ценностей разобрал Дж. Лендон (*London J.E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World.* Oxford, 1997. P. 194 ff.).

⁶⁸ *Lintott A.* Op. cit. P. 50; Ср.: *Saller R.* Op. cit. P. 157.

и клиентов за счет влиятельных провинциалов означало, прежде всего, умножение помощников и сотрудников наместника в деле управления провинцией. Круг сотрапезников наместника, разделявших с ним его досуг, если не полностью, то в значительной мере совпадал с кругом советников, входивших в его *consilium* и помогавших ему вести судебные разбирательства⁶⁹. Не имея в городах своей провинции подчиненных ему чиновников, наместник мог эффективно исполнять свои обязанности, только заручившись поддержкой высших магистратов и самых видных граждан этих городов⁷⁰, то есть, говоря иными словами, установив с ними неформальные персональные связи, основанные на взаимном обмене благодеяниями и услугами.

Такого рода опора на друзей была характерна для полисных политиков в целом и являлась оборотной стороной отсутствия в полисе бюрократии. Подобная дружба имела преимущественно инструментальный характер. Не случайно греческие и римские авторы называли друзей политика и правителя живыми и мыслящими орудиями (Тас. Hist. 4.7.3; Plut. Praes. Rei publ. ger. 807 D.; idem. Cic. 7.1). От этой дружбы выигрывали и друзья как полисного политика, так и римского наместника, поскольку могли оказывать на него влияние и в собственных интересах, и в интересах своего полиса (Plut. Praes. Rei publ. ger. 814 C)⁷¹.

Римский наместник был непререкаемым участником не только пиров для избранных, но и общегородских празднеств и зрелищ (Gai. I. 20; D. 40.2.7). Менадр Ритор указывает, что обычаем установлено приглашать наместника в город, где устраиваются празднества, и приводит образец соответствующей речи (Men. Rh. 424—425). В муниципальном законе небольшого испанского городка Урсона, который вряд ли был центром судебного округа, упоминаются почетные места на зрелищах, предназначенные для наместника и его квестора (Lex Urs. §127 (FIRA. 1. 21))⁷². Очевидно, намест-

⁶⁹ В римском мире совпадение сотрапезников с советниками было достаточно распространенным явлением (Jos. Fl. Ant. Iud. XV. 77; Plin. Ep. VI. 31; Plut. Cato Min. 37.5).

⁷⁰ Saller R. Op. cit. P. 41 ff., 119 ff., 145 ff.; Jacques F. Op. cit. P. 343; Purcell N. Op. cit. 569, 579; Burton G.P. The Government and provinces/The Roman world. Ed. by Wachter J. L.; N.Y., 1987. Vol. 1. P. 424 ff.; Lintott A. Op. cit. P. 129; Shulte C. Die Grammateis von Ephesos. Schreiberamt und Sozialstruktur in einer Provinzhauptstadt des römischen Kaiserreiches. Stuttgart, 1994. S. 56 ff., Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 257.

⁷¹ Quass F. Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens. Untersuchungen zur politischen und sozialen Entwicklung in hellenistischer und römischer Zeit. Stuttgart, 1993. S. 149; Meyer-Zwiffelhofer E. Op. cit. S. 253 ff., 260 f.; Bérenger A. Op. cit. P. 373 suiv.

⁷² Почетные места для наместников засвидетельствованы и во многих других городах (Bérenger A. Op. cit. P. 357).

ники время от времени специально посещали тот или иной город, чтобы принять участие в местных празднествах.

Поведение наместников на зрелищах отличалось, видимо, той же любезностью и предупредительностью, что и на пирах. Модестин в своем трактате «О наказаниях» специально предупреждает президов, что они не должны отпускать на свободу преступников, приговоренных к бою со зверями из-за благоволения к ним народа. Этот вопрос наместникам следует согласовать с принцепсом (D. 48. 19. 31). Наместник Эпира жаловался Эпиктету, что подвергся в театре оскорблениям со стороны зрителей, поскольку слишком открыто «болел» за непопулярного актера (Epict. Diatr. III. 4). Дело закончилось нотацией Эпиктета несдержанному президу. Судя по всему, никто из зрителей не пострадал.

Поведение наместников и зрителей становится понятным, если учесть, что общественные зрелища в период Империи в некотором смысле заменяли комичии, и единодушное мнение всех или большинства зрителей нередко рассматривалось как выражение народного волеизъявления⁷³. Именно поэтому во время представлений рядовые граждане вели себя более свободно, чем обычно, а их просьбы, как правило, трудно было отвергнуть даже императорам⁷⁴. Присутствие императоров на зрелищах как в Риме, так и в городах Италии и провинций было залогом их популярности, а их предупредительное любезное отношение к зрителям рассматривалось как проявление гражданственности и почтения к народу⁷⁵.

Итак, и присутствие наместника на зрелищах, и его обходительное поведение было связано с устоявшимися полисными традициями и ожиданиями подвластных. Так же, как знать на пирах, рядовые граждане на зрелищах могли, видимо, оказывать определенное давление на наместника, выражать свою волю и свои интересы.

Подводя итоги, можно отметить, что досуг наместника в немалой мере выстроен по той же модели, что и досуг «хорошего» императора и полисного магистрата. В неформальной обстановке пиров и зрелищ ему следовало выступать скорее в качестве частного, чем должностного лица, демонстрируя свою обходительность, любезность и единство с подвластными. Такое поведение соответствовало характеру провинциального управления эпохи Принципата, ориентированного на взаимодействие центральной власти и

⁷³ Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 38; Cameron A. Circus factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 157 ff., 175 f., 231 f.; Yavetz Z. Plebs and Princeps. New Brunswick — Oxford, 1988. P. 99 ff.

⁷⁴ Cameron A. Op. cit. P. 160 ff.

⁷⁵ Wallace-Hadrill A. Op. cit. P. 38.

самоуправляющихся городских общин. Благодаря ему наместник лучше ориентировался в интересах и потребностях социальных слоев, с которыми он должен был считаться, и мог как заручиться поддержкой самых влиятельных и могущественных провинциалов, так и приобрести популярность у рядовых граждан. В этой ситуации от него требовалось не столько административное, сколько дипломатическое мастерство.

Таким образом, «досуг» наместника имел не меньшее значение для организации управления провинцией, чем его деятельность в рабочее время.

Говоря об особенностях этой деятельности,⁷⁶ следует учесть, что хотя наместники не были магистратами в строгом смысле этого слова⁷⁷, они обладали подобного же рода властью и полномочиями⁷⁸. По словам юриста Прокула, наместник должен замещать в провинции всех римских магистратов и исполнять их обязанности (D. 1.18.12; ср. D. 1.16.7.2; 1.18.10). В повседневной речи наместники нередко именовались «магистратами» или «преторами»⁷⁹.

Так же как император в Риме, наместник в провинциальном городе осуществлял свою власть в соответствии с устоявшимися обычаями, имея в качестве своих визави традиционные институты городского самоуправления и поддерживая тесное сотрудничество с представленными в них городскими элитами.

⁷⁶ Подробно этот вопрос разбирается в статье *Смышляев А.А. Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. 3. С. 24 сл.*

⁷⁷ Проконсулы провинций народа римского были промагистратами, а остальные наместники — помощниками промагистрата, то есть принцепса, считавшегося проконсулом провинций цезаря. Юристы упоминают отдельно среди тех, кто вершил правосудие, «магистратов народа римского» и «президов провинций» (Gai. Inst. II.24; D. 11.1.4; 42.1.15 пр. — 1; 50.16.131.1).

⁷⁸ Гай называет власть преторов и наместников «магистратским империем» (Inst. I.99) и постоянно проводит параллели между полномочиями претора в Риме и наместника в провинции (Inst. I.6, 20, 29, 101, 105, 134, 185, 200; II. 24, 278; IV. 139), в своем комментарии к провинциальному эдикту он использует слова «претор» и «проконсул» почти как взаимозаменяемые (*Honoré A.M. Gaius. Oxford, 1962. P. 89*). Параллели подобного рода можно найти и у других юристов. Тацит именует власть наместника «преторской властью» (*ius или vis*) praetoris (Ann. 2.56.4, 77.1; 4.15.2).

⁷⁹ Магистратами называли либо всех наместников, либо только тех, кто имел сенаторский ранг (Vell. Pat. II. 126.4; Tac. Dial. 36.22.5; Ann. 1.2.2; 2.54; 3.33.1; 34.3; 4.6.4, 20.4; 12.60.2; 13.31.3; 15.20.3, 21.4; Suet. Aug. 47; Tib. 12.2; Claud. 23.2; Fronto. Ad M. Caes. I.6.3 (Naber. P. 13). В греческих текстах, не являющихся официальными документами, наместник часто именуется ἄρχων, то есть «магистрат» или «высший магистрат» (*Mason H.J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. P. 111 ff.*). «Преторами» могли называть всех наместников сенаторского ранга (Tac. Ann. 1.74.1; 4.43.3, 45.1; 15.25.3). Греческие авторы вплоть до начала II в. н. э. нередко называли наместника так же, как и претора, στρατηγός (*Mason H.J. Op. cit. P. 12, 155 ff.*).

Очевидно, и подобные представления, и сам статус наместника, и окружающая его обстановка должны были воздействовать на его поведение и деятельность также и в рабочее время⁸⁰.

Характеризуя управленческую деятельность наместника, следует иметь в виду, что она не вполне соответствует современным представлениям о том, что такое «управление»⁸¹. Наряду с теми его аспектами, которые в наше время составляют содержание этого понятия, не меньшую, а то и большую роль играла церемониальная представительская деятельность, а политическая имела гораздо большее значение, чем чисто административная. Это хорошо видно и по церемонии «прибытия», и по деятельности наместника после вступления в город.

Следуя за Тацитом, рассмотрим эту деятельность поочередно «в судах» и «в собраниях». К последним, очевидно, относились заседания городского Совета и народного собрания. По свидетельству Ульпиана, наместник имел обыкновение принимать участие в заседаниях городского Совета (курии) при выдвижении кандидатов на должности и назначении их магистратами (D. 49. 4. 1. 3—4)⁸².

Но зачем вечно перегруженному делами наместнику⁸³ нужно было постоянно посещать заседания городского Совета? По мнению У. Сестона, это связано с практикой эпохи Северов, заключающейся в постоянном вмешательстве наместников в работу городского самоуправления, в лишении городских властей какого-либо самостоятельного значения, что вело к

⁸⁰ Насколько мне известно, первым обратил на это внимание Н. Перселл, отметивший, что поскольку во главе провинций Ранней империи стояли «магистраты», сохранялось и уважительное отношение к подданным, полагавшееся свободным, а римское правление по-прежнему имело непрямой характер (*Purcell N. Op. cit. P. 566*).

⁸¹ Нередко современные историки, изучающие систему управления провинциями в эпоху Принципата, рассматривают повседневную гражданскую (а не военную) деятельность наместников в определенном ракурсе, сосредоточивая свое внимание на ее судебных и административных аспектах, а остальные либо полностью игнорируя, либо в лучшем случае только упоминая. В этом отношении весьма характерно следующее высказывание Г. Бартона — признанного авторитета в этой области: «В соответствии с тем, что от них ожидалось, наместники должны были *в дополнение* (курсив мой. — А.С.) к осуществлению публичной власти участвовать в крупнейших церемониальных, религиозных и социальных мероприятиях своей провинции и составляющих ее общин» (*Burton G.P. Provincial Procurators and the Public Provinces // Chiron. Vol. 23. 1993. P. 25*). Подобная позиция характерна и для А. Беранже, автора недавно вышедшей фундаментальной монографии о римских наместниках (см. выше прим. 36).

⁸² *Смышляев А.Л. Civilis dominatio... С. 31 сл.*

⁸³ Не случайно императорские мандаты начинались с предписания наместникам заботиться о своем здоровье (Luc. Pro lapsu int. salut. 13; *Talbert R.J. Pliny the Younger as Governor of Bithynia-Pontus // Studies in Latin Literature and Roman History. V. 2 / Ed. C. Deroux. Bruxelles, 1980. Collection Latomus. V. 100. P. 421*).

фактической ликвидации городской автономии⁸⁴. С такой трактовкой убедительно полемизирует Ф. Жак, отметивший, во-первых, что, как следует из самого словоупотребления Ульпиана, речь идет не о нововведениях северо-восточного времени, а об обычной давно устоявшейся практике, а во-вторых, что в провинциях, включающих в себя, как правило, множество городов, наместники физически были не в состоянии подменять собою городские власти и, не имея собственного аппарата управления в городах, они вынуждены были, выдвигая своих кандидатов, пользоваться советами самих декурионов⁸⁵. Таким образом, в данном случае речь идет не о столкновении, а о сотрудничестве центральной и местной власти, о подкреплении мнения декурионов авторитетом наместника.

Как полагает Ф. Жак, наместник посещал те заседания курии, которые обещали быть особенно бурными, чтобы выступать там в качестве арбитра, разрешавшего споры и смягчавшего конфликты⁸⁶. Непонятно, однако, как, например, проконсул Азии и его легаты, регулярно посещавшие только 14 из без малого 300 городов своей провинции, могли поддерживать в ней мир и согласие подобными методами. По всей видимости, в данных условиях личное участие наместника и его легатов на заседании городских Советов должно было иметь в первую очередь церемониальный демонстративный характер. Обращаясь в Совете к декурионам с предложением утвердить своего кандидата, наместник действовал наподобие городского магистрата и, так же как и в церемонии «прибытия», выступал в его роли⁸⁷.

Сохранились свидетельства участия наместников в заседаниях народных собраний⁸⁸. Интересные сведения об этом имеются в речах Диона Хризостома — единственном дошедшем до нас от эпохи Империи образце ораторского искусства, связанного с повседневной политической жизнью⁸⁹.

Свидетельства Диона относятся к началу правления Траяна и посвящены событиям в его родной Прусе. Выступая в народном собрании, Дион

⁸⁴ *Seston W.* Le décret de Digne et la fin de l'autonomie municipale en Occident // REA. 1962. P. 323 suiv.; ср.: *Clavel-Leveque M., Leveque P.* Villes et structures urbaines dans l'Occident romain. P., 1984. P. 190.

⁸⁵ *Jacques F.* Op. cit. P. 341 suiv.; *Jacques F., Scheid J.* Op. cit. P. 180 suiv.

⁸⁶ *Jacques F.* Op. cit. P. 343.

⁸⁷ Как правило, по крайней мере, с конца II в. н. э. выдвижение кандидатов на должности проводилось городскими магистратами (*Langhammer W.* Op. cit. S. 46 ff., 232 f.; *Jacques F.* Op. cit. P. 442 suiv.).

⁸⁸ *Смьшляев А.А.* Civilis dominatio... С. 32 сл.

⁸⁹ *Kennedy G.* The Art of Rhetoric in the Roman World 300 B.C. — A.D. 300. Princeton, 1972. P. 574.

напоминает слушателям о том, как проконсул, узнавший о выдвинутом оратором плане постройки портика в Прусе, по собственной инициативе созвал экклесию и зачитал там предложение в пользу этого проекта. Следом за ним сам Дион произнес речь в поддержку строительства. В итоге предложение было принято единогласно, вызвав всеобщий энтузиазм (Ог. 45. 15—16). Здесь перед нами опять демонстрация всеобщего согласия и единства, причем проконсул участвует в ней в роли городского магистрата, в чьи обязанности входили и созыв народного собрания, и выдвижение проектов постановлений⁹⁰.

Другая речь Диона, связанная с интересующим нас вопросом, также адресована народному собранию, созванному с разрешения проконсула впервые после перерыва, вызванного какими-то недавними неурядицами (Ог. 48. 1). Дион собирается пригласить на заседание проконсула, чтобы экклесия могла выразить ему свою благодарность (Ог. 48. 15), но прежде, чем это сделать, напоминает собравшимся, как им следует себя вести в присутствии наместника. Он внушает согражданам, что поскольку ни один здравомыслящий проконсул не созывает без крайней необходимости народ, пребывающий в состоянии беспорядка, то не надо обманывать ожиданий наместника и отягощать его своими раздорами. Вместо этого необходимо, преисполнившись чувством дружбы и всеобщего согласия, выразить проконсулу свою признательность, приветствовать его аплодисментами и добрыми пожеланиями, воздать ему почести (Ог. 48. 1—2).

Таким образом, народные собрания и сходки, на которых выступает или должен выступать наместник, имеют одну общую особенность: они проходят в атмосфере всеобщего энтузиазма, сопровождаются аплодисментами и аккламациями, а все решения принимаются собравшимися гражданами единогласно.

Вряд ли эти особенности представляли собой случайные совпадения⁹¹. Можно предположить, что заседания народного собрания, на которых присутствовал наместник, имели главным образом церемониальный характер. Их участники, демонстрируя (так же как и в церемонии «прибытия») свое единодушие и добровольное подчинение правителю, свое сплочение с ним, способствовали тем самым легитимации его власти, ее оформлению в со-

⁹⁰ К тому времени в городах Восточных провинций уже утвердился западный обычай, в соответствии с которым выступать в народном собрании со своими предложениями могли только магистраты (*Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the end of the Third Century After Christ. Vol. 1. Princeton, 1960. P. 640.*)

⁹¹ В других известных нам случаях речь также идет о единодушном согласии и восторженном одобрении (*Tac. Hist. 2.80, 4.49.3; Suet. Galb. 10.1; Plut. Galb. 5.*)

ответствии с понятиями и представлениями граждан античного города⁹². Именно поэтому наместник ведет себя на заседании народного собрания (или на народной сходке) подобно городскому магистрату.

Отправление правосудия занимало бóльшую часть рабочего времени наместника в провинциях Римского народа, а в мирное время также и в провинциях цезаря. Судебные разбирательства были главной обязанностью наместника и основным способом решения стоявших перед ним задач⁹³.

Как отмечает Ульпиан: «поскольку проконсул обладает всеобъемлющей юрисдикцией (*plenissima iurisdictio*), он один осуществляет (в провинции) полномочия всех лиц, которые в Риме вершат суд в качестве магистратов... и нет в провинции такого дела, которое не мог бы решить он сам» (D. 1.16.7.2; 1.16.9 pr.). Это означает, что наместник осуществлял — в числе прочих — также и полномочия местных магистратов и судей иного рода⁹⁴ и мог разбирать те же самые дела, что и они. И, судя по имеющимся свидетельствам, он действительно занимался делами подобного рода (D. 48.2.6; 50.13.14; Suet. Galba. 7.1–2).

Посещая с небольшой группой помощников центры округов (*conventus*) для проведения там коротких судебных сессий, наместники постоянно сталкивались с ситуацией, когда спрос на их услуги превышал предложение⁹⁵. Вечно перегруженным неотложной работой, им часто приходилось вершить правосудие в порядке ускоренного судопроизводства

⁹² Ср.: *Mac Cormack S.G. Art and Ceremony... P. 18, 46 ff., 64, 168 ff.; Jacques F. Op. cit. P. 401.*

⁹³ «Мне... кажется, что обязанности по управлению Азией не особенно разнообразны, но все они по большей части опираются на отправление правосудия» (Cic. Q. fr. I.1.20).

⁹⁴ О их полномочиях см.: *Bérenger A. Op. cit. P. 183 suiv.*

⁹⁵ В трактате «Об обязанностях проконсула» Ульпиан рекомендует наместнику соблюдать определенный порядок разбора судебных ходатайств, а не поддаваться давлению со стороны занимающих высокое положение просителей, поскольку из-за этого рядовые просители вообще не могут высказать свои пожелания (D. 1.16.9.4). Из этого следует, что наместник зачастую был не в состоянии принять заявления всех, кто нуждался в его правосудии. Известно, что префект Египта за два дня судебной сессии в Арсиное получил 1804 петиции, а затем в течение двух месяцев отвечал на них (P. Yale 61. II. 2–6). По мнению современных исследователей, нагрузка, о которой идет речь, не была для наместников чем-то необычным (*Burton G.P. Proconsuls... P. 102; Macmullen R. Roman Government's Response to Crisis AD 235–337. New Haven–L., 1976. P. 77; Peachin M. Yudex vice Caesaris. Deputy Emperors and the Administration of Justice during the Principate. Stuttgart, 1996. P. 82. Not. 328; Horscotte H. Die Strafrechtspflege in den Provinzen der römischen Kaiserzeit zwischen hegemonialer Ordnungsmacht und lokaler Autonomie // Lokale Autonomie und römische Ordnungsmacht in den kaiserzeitlichen Provinzen vom 1. bis 3. Jahrhundert / Hrsg. Von V. Eck. München, 1999. S. 310; Kelly Chr. Op. cit. P. 114 ff.*

(de plano), в том числе и в отношении лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях⁹⁶.

Возникает вопрос, почему же наместники тратили свое драгоценное время на решение мелких тривиальных проблем и разбор, казалось бы, совсем незначительных дел, нередко дублируя деятельность других органов власти и судов более низкого уровня⁹⁷. Так, например, как отметил М. Эмбер, из 31 известного по данным папирологии судебного дела, которые префекты Египта разбирали лично, только 20 были действительно важными, остальные же вряд ли заслуживали внимания правителя такого ранга⁹⁸.

Как свидетельствует латинская поговорка: «Претор не занимается пустяками»⁹⁹, по мнению римлян, высшие магистраты и другие должностные лица не должны уделять свое драгоценное время мелочам. Если учесть, что у обитателей Римской империи представления о пустяках могли не совпадать с современными, то здесь нет противоречий.

Из известных нам мелких на первый взгляд дел, разбивавшихся наместниками, большая часть относится к двум видам: 1) дела, связанные с различными видами домашней власти, семейными и квазисемейными отношениями; 2) прочие дела, связанные с жалобами и исками рядовых граждан.

1. Согласно императорским инструкциям (мандатам) и рекомендациям юристов наместники должны были заниматься даже и незначительными делами, связанными с отношениями такого рода, например, разбирать жалобы отцов и патронов на непослушных сыновей и непочтительных отпущенников с тем, чтобы содействовать исправлению провинившихся с помощью внушения или порки (D. 1.16.9.3; 37.14.1; 37.14.7.1). Таким образом, им приходилось тратить свое время и силы на решение вопросов, входивших не только в сферу компетенции местных магистратов, но даже патронов и домовладык, обладавших соответствующей дисциплинарной властью (D.47.10.7.2; 10.11.7)¹⁰⁰.

⁹⁶ Так, например, de plano разбирались дела воинов и заключенных (D. 2.12.9; 38.12.2; 48.1.18.1; 48.18.18.10). *Burton G. Government...* P. 430 f.

⁹⁷ *Humbert M. La juridiction du Préfect d'Égypte d'August a Dioclétien / Burdeau F. et al. Aspects de l'Empire romain (Travaux et recherches de la Faculté de Droit et de Sciences économiques de Paris. Série «Sciences historiques». № 1). P., 1964. P. 127 suiv., 140 suiv.; Purcell N. The Arts... P. 577; Смышляев А.Л. Civilis dominatio... С. 30, 34.*

⁹⁸ *Humbert M. Op. cit. P. 127 suiv.*

⁹⁹ «De minimis non curat praetor». Ср. «Aquila non captat muscas» («орел не ловит мух») (Словарь латинских крылатых слов / Под ред. Я.М. Боровского. 2-е изд. М., 1986. С. 169, 172).

¹⁰⁰ *Kaser M. Das römisches Privatrecht. München, 1955. S.103; Morabito M. Les réalités de l'esclavage d'après le Digeste. Besanson. P., 1981. P. 230.*

Сестерций. 145 г. н. э. Аверс: голова Антонина Пия в лавровом венке вправо.
Реверс: Антонин Пий в тоге сидит в курульном кресле на трибуне
между солдатом с копьем и богиней Щедрости (*Liberalitas*)
со счетной доской и рогом изобилия; у подножия платформы гражданин,
получающий раздачу императора

О значении подобных дел свидетельствует фрагмент из приписываемого Ульпиану трактата «Мнения»: «Если сын оскорбил мать или отца, которых он должен глубоко чтить, или поднял на них нечестивую руку, то префект города наказывает за деликт, затрагивающий общественное благочестие (*ad publicam pietatem pertinens*), в соответствии с его тяжестью» (D. 37.15.1.2) (пер. Ю.В. Пущаева). Таким образом, разбирая жалобы отцов на непослушных сыновей, наместники защищали общественное благочестие (*pietas*) — священное для римлян понятие, включавшее в себя привязанность и чувство долга по отношению к родным, отечеству и богам и считавшееся, по выражению Цицерона, «основой всех доблестей» (*Pro Plancio*. 29) Очевидно, разбирая жалобы патронов на вольноотпущенников, они тем самым защищали другую фундаментальную ценность, лежащую в основе отношений патроната — *fides* (верность).

Комментируя судебные разбирательства по поводу невыплаченной заработной платы, Ульпиан сообщает, что наместники провинций «имеют обыкновение» вершить в экстраординарном порядке правосудие в отношении лиц определенных профессий, в том числе учителей начальной школы, дядек-наставников, сопровождавших детей в школу и из школы (*comites* или *paedagogi*), и нянь-кормилиц (D. 50.13.1). Таким образом, наместники постоянно занимались грошовыми тяжбами представителей социальных низов. Это было связано с тем, что, в представлении римлян, эти люди приравнивались к родителям. Таким образом, защищая их интересы,

наместники тем самым также демонстрировали свою заботу о сохранении *pietas*¹⁰¹.

Разумеется, во всех этих случаях речь идет именно о демонстрации, поскольку наместники могли лично разбирать лишь очень малую долю дел такого рода.

2. В соответствии с рекомендациями юристов наместники должны были выступать в роли защитников всех слабых и обездоленных граждан, помогать притесняемым. В вышеупомянутом трактате «Мнения» говорится: «К обязанностям, лежащим на совести презида, относится следить за тем, чтобы могущественные люди не чинили обид низшим и чтобы их защитники не возводили на невинных клеветнических обвинений в преступлениях... Презид провинции должен предусматривать, чтобы бедным людям не причинялось обид под предлогом прихода служащих или воинов...» (D. 1.18.6.2 и 5; Ср. D. 1.16.9.4-6; D. 4.2.23.1). Эта линия поведения соответствовала ожиданиям подвластных (D.1.16.9.5; Men.227; 379), и обязанностям магистратов самого Рима и других городов (D.3.1.1.4; Plut. Praesep. ger. reip. 805 В — С). И наместник действительно нередко выступал в этой роли (Plin. Ep. 9,5.1–1; Plut. Praesep. ger. reip. 815 А; Ael. Arist. 45.24; Ср. Tac. Ann. 15.20.1).

По словам Элия Аристида, в Римской державе «существует безграничное и прекрасное равенство ничтожного человека с великим, бесславного со знаменитым, бедного с богатым и знатного с безродным» (Ael. Arist. 26.39) (пер. С.И. Межеричской). В этой фразе не стоит видеть ни чистую риторику, ни свидетельство о реальном положении дел. Скорее это общепринятая установка, которой всем римским правителям (в том числе и наместникам) подобало в той или иной мере следовать.

Однако вряд ли они могли оказывать последовательную и действенную помощь «обиженным и угнетенным», поскольку этому препятствовали, прежде всего, социальная ориентация и система приоритетов как той власти, которую они представляли, так и того социального слоя, к которому они принадлежали¹⁰². Найти помощь и защиту у наместника было трудно также еще и потому, что доступ к нему был крайне сложен для тех, кто не обладал рекомендациями влиятельных лиц и средствами для взяток его служащим¹⁰³. К тому же, как говорилось выше, в отличие от полномочий на-

¹⁰¹ См.: *Смышляев А.Л.* Няня-кормилица в суде римского наместника // ВДИ. 2001. 3. С. 38 сл.

¹⁰² См.: *Смышляев А.Л.* «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2008. 2(22). С. 76 сл.

¹⁰³ *Burton G.P.* Proconsuls... Op. cit. P. 101 f.

местника, его реальные возможности вмешательства в жизнь подвластных ему городов были довольно ограниченными.

Видимо, выступления наместника в защиту слабых и притесняемых не оказывали сколько-нибудь значительного влияния на их реальное положение, а должны были лишь продемонстрировать его заботу о сохранении гражданского единства и согласия — основы городской гражданской общины. Таким образом, проявление наместником заботы об охране семейных устоев и защите рядовых граждан было в значительной мере символическим и ритуальным.

В судебных разбирательствах наместника форма имела едва ли не меньшее значение, чем содержание, и к тому же в некоторой мере определяла его характер.

Чтобы понять особенности поведения наместника во время заседаний, необходимо обратить внимание на то, где именно, в каком социальном и пространственном контексте они проходили¹⁰⁴. Как отмечал Т. Моммзен, едва ли не первым рассмотревший этот вопрос, судебные разбирательства в республиканском Риме велись в обстановке гласности и открытости, а трибуналы вершивших суд магистратов располагались на форуме и в базиликах. При империи гласность остается нормой судопроизводства, но вместе с тем как императоры, так и наместники нередко проводят судебные разбирательства не на форуме перед трибуналом (*pro tribunali*)¹⁰⁵, а в закрытых помещениях — *auditoria* или *secretaria*, куда могли допускать, а могли и не допускать посторонних¹⁰⁶. Тем не менее, как правило, все сколько-нибудь важные резонансные дела, как уголовные, так и гражданские, разбирались судом *pro tribunali* и лишь незначительные преступления и дела не граждан рассматривались в порядке ускоренного судопроизводства *de plano* (буквально «с ровного места»)¹⁰⁷. Для греческих и римских авторов

¹⁰⁴ Ср.: *Angelis F. de. Ius and Space: an Introduction / Spaces of Justice in the Roman World*. Ed. by F. de Angelis. Leiden. Boston, 2010. P. 2.

¹⁰⁵ Трибунал в Древнем Риме — это возвышение, на котором восседал магистрат или судья, представлявшее собой чаще всего сбитый из досок помост или подиум храма. *Bablit L. The Platform in Roman Art, 30 B.C. — A.D. 180: Forms and Functions / Studies in Latin literature and Roman history XIV*. Ed. C. Deroux. Bruxelles, 2008. P. 235 ff.

¹⁰⁶ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899. S. 358 ff.

¹⁰⁷ Ульпиан упоминает «незначительные преступления (*levia crimina*)», которые наместнику следует разбирать *de plano* (D. 48.2.6). Император Константин предписывает проконсулу Африки разбирать открыто и гласно (*publice*) все гражданские тяжбы и особенно те, которые вызывают наиболее широкий отклик (*quae fama celebriores sunt*) (CTh. I. 12.1). Императоры Валентиниан и Валент требуют от наместников, чтобы те не разбирали «в домашнем уединении (*in secessu domus*)» дела о статусе людей и наследственном достоянии (CTh. I.16.9). Возможно, именно эти дела «вызывали наибо-

обычное рабочее место презида — на трибунале в окружении огромной толпы¹⁰⁸. Не случайно юристы в числе прочих рекомендаций дают наместнику советы, как надо держать себя во время судебного заседания, чтобы не ронять свой авторитет в глазах окружающих¹⁰⁹.

Открытость и гласность судопроизводства в античном городе были, как известно, средством контроля граждан за деятельностью магистратов и других судей. Окружающие трибунал люди были не только зрителями, но в известной мере и участниками судебного разбирательства и могли своим поведением оказывать воздействие на его исход¹¹⁰. То же самое относится и к судебным разбирательствам в римских провинциях в период Принципата¹¹¹. По словам Филострата, знаменитый софист Адриан, обвинявшийся в убийстве, был оправдан в первую очередь потому, что в его защиту выступили собравшиеся на суд элины, рыдавшие и обращавшиеся с мольбами к проконсулу (V. S. II. 10, p. 588). Когда епископ Поликарп, приведенный на суд другого проконсула, хотел выступить перед ним и убедить его в своей невиновности и правоте своей веры, тот ответил (имея в виду собравшуюся вокруг трибунала толпу) «убеди народ» (Euseb. H. E. IV. 22). Характерно, что в так называемом указе Константина об аккламациях, требующем от наместников проводить судебные разбирательства не в закрытых помещениях (*in secretariis*), а с трибунала, всем присутствующим предоставляли право с помощью общественных аккламаций (*publicis adclamationibus*) (доводившихся впоследствии до сведения императора) восхвалять справедливых судей и обвинять несправедливых (CTh. I. 16. 6; CJ. 1. 40. 3). Признание в этом указе

лее широкий отклик». Об ускоренном судопроизводстве в отношении не граждан см.: Смышляев А.Л. *Civilis dominatio...* С. 27 сл.

¹⁰⁸ Apul. Flor. 9; Apol. 28, 44; Tert. Apol. 1.1.

¹⁰⁹ D. 1.16.9.2; 1.18.19.1. *Bonini R. I «Libri de cognitionibus» di Callistrato. Ricerche sull'alaborazione giurisprudenziale della «cognitio extra ordinem».* Milano, 1964. P. 30.

¹¹⁰ Судьи, заседавшие на Римском форуме, рассматривались как представители римского народа, а толпа зрителей, окружавшая место судебного заседания (*corona*), — как сам народ. Реакция этих зрителей в ходе процесса оказывала глубокое воздействие на ход и исход суда (*David J.-M. Le patronat judiciaire au dernier siècle de la Republique romain.* Rome, 1992. P. 471 suiv.; *Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic.* Ann Arbor, 1998. P. 41, 87 f.; *Bablitz L. Actors and Audience in the Roman Courtroom.* N.Y., 2007. P. 139 f., 201). Как отметил Ф. Миллар, судебные разбирательства на Римском форуме «не просто подвергались давлению со стороны собравшегося народа, а по самой своей природе были предназначены для этого» (*Millar F. The Crowd...* P. 183 f.).

¹¹¹ *Colin J. Les Exigences de la populace paienne dans la littérature greque chrétienne du II-e siècle // REG. Vol. 78. 1965. P. 330 suiv.; MacMullen R. Roman government's response to crisis AD 235–337. New Haven–L., 1976. P. 78; idem. Corruption and Decline of Rome. New Haven–L., 1988. P. 117 f.; Bryen A. Z. Op. cit. P. 774. N 12).*

прав городского плебса на открытое выражение своего мнения (а фактически — прав оказывать давление на наместников-судей) было прямым продолжением античной традиции¹¹².

Деятельность наместника не была совершенно бесконтрольной даже и тогда, когда он вершил суд «в закрытом помещении». Иногда доступ в зал суда был открыт всем желающим¹¹³. Но и в ином случае в судебном заседании все равно принимали участие граждане того города, где оно проходило. Ведь законную силу имели судебные решения, принятые наместником в присутствии его советников (С. 7. 45. 6)¹¹⁴, в число которых входили не только подчиненные и «спутники» наместника, составлявшие его свиту, но также, как правило, самые богатые и влиятельные представители местных городских элит.

Формально наместник, так же как и любой другой судья, не был обязан следовать мнению своих советников, но в силу обычая он должен был с ним считаться и стараться выносить свое решение на основе мнения совета (*e consilii sententia*)¹¹⁵. Правитель, не считавшийся со своими советниками, рассматривался как тиран (Ioann. Lyd. *De mag.* I. 3. 6). Наместник не мог игнорировать мнение своих местных советников также и потому, что только сотрудничество с «самыми выдающимися мужами» городов позволяло ему нормально выполнять свои обязанности по управлению провинцией¹¹⁶ и быть спокойным за свою дальнейшую карьеру¹¹⁷. О значении местных советников позволяют судить слова Диона Хризостома, заявившего после превращения его родной Прусы в центр судебного округа, то есть в город, где вершит суд наместник, что его сограждане теперь сами себя судят, а не судятся перед другими (Dio Chrys. *Or.* 40.10)¹¹⁸.

¹¹² Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (По данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 127.

¹¹³ Mommsen *Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 362. См.: Millar F. *The Emperor...* P. 230.

¹¹⁴ Смышляев А.А. *Civilis dominatio...* С. 28 сл. См. также статью Г.М. Кантора, опубликованную в этом номере.

¹¹⁵ Mommsen *Th.* Römisches Strafrecht... S. 149 f.; Garnsey P. *The Lex Julia and the Appeal under the Empire* // *JRS.* Vol. 56. 1966. P. 177 ff.; Sherwin-White A.N. *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary.* Oxford, 1966. P. 395, 541; Lintott A. *Op. cit.* P. 57.

¹¹⁶ См. выше прим. 70. Особенно велика была роль местных советников в грекоязычных провинциях, где наряду с римской функционировали и местные системы права (Bérenger A. *Formation at compétences des gouverneurs de province dans l'Empire romain* // *Dialogues d'histoire ancienne.* Vol. 30. 2004. P. 45 suiv.; Bryen A. *Z. Op. cit.* P. 775 ff.).

¹¹⁷ Тразея Пет, по свидетельству Тацита, с возмущением отзывался о наместниках, заискивающих перед могущественными провинциалами и уподобляющихся под конец своего правления кандидатам на магистратуры, гоняющимся за голосами (*Ann.* 15.21).

¹¹⁸ Jones *Chr.* *Op. cit.* P. 108.

Разумеется, советники из местной городской знати использовали свое влияние прежде всего в собственных интересах, и именно поэтому разбор сколько-нибудь важных дел за закрытыми дверями мог вызывать негативную реакцию основной массы граждан¹¹⁹.

Во время открытых судебных заседаний «*pro tribunali*» наместник нередко должен был подвергаться разнонаправленному давлению как со стороны своих высокопоставленных местных советников, так и окружающих трибунал остальных граждан. Он должен был проявлять при этом немалый дипломатический такт. Плиний хвалит наместника Бетики Тирона за то, что тот повышает цену своего правосудия в глазах провинциалов своей большой обходительностью, в которой самое главное — привлечь к себе каждого почтенного человека и, будучи любимым маленькими людьми, в то же время пользоваться уважением первых людей города (*ita a minoribus amari, ut simul a principibus diligari*). Большинство же наместников, опасаясь показаться слишком угодливыми по отношению к могущественным лицам, приобретают славу недоброжелательности и даже злобности (Ер. IX.5.1). Характерно, что Плиний упрекает наместников-судей не в том, что они пытаются кому-то угодить, а в том, что они не могут угодить сразу всем. Их поведение на трибунале имело демонстративный ритуализованный характер¹²⁰. Из этого следует, что наместники выступали не столько в роли судей и администраторов, сколько политиков и дипломатов. Здесь можно провести параллель между римским наместником и афинским тираном, сумевшим привлечь на свою сторону как знатных, так и простой народ.

Таким образом, суд *pro tribunali* был одним из важнейших компонентов «правления по-граждански». В своем сильно ритуализованном виде он проводился в атмосфере, препятствующей произволу, и генерировал образ римской власти, осуществляемой с заботой о всех гражданах и в полном соответствии с законами и обычаями¹²¹.

Упрекая проконсулов Африки в отказе от открытого и гласного судопроизводства и нарушении принятых правил, когда дело касается христиан, Тертуллиан напоминает им: «Та держава, которой вы служите, — это владычество гражданское, а не тираническое (*Nos imperium, cuius ministri estis, civilis non tyrannica dominatio est*)» (Apol. 2. 14). *Civilis*

¹¹⁹ См. выше прим. 107.

¹²⁰ Именно поэтому в императорских мандатах и в трактатах-инструкциях юристов уделяется внимание поведению наместника во время судебных заседаний, тому образу, которому он должен был соответствовать (см. выше прим. 109).

¹²¹ Ср.: Bryen A.Z. Op. cit. P. 778, 781, 800, 807 f.

dominatio можно перевести и как «гражданственная тиранья». Именно эта парадоксальная формулировка составляет суть «правления по-граждански».

Как справедливо заметил Дж. Лобур, император «обладал» властью не потому, что люди признавали его в качестве командующего войском, но потому, что он продвигал и гарантировал ценности, инкапсулированные в понятиях «concordia» и «consensus»¹²². То же самое можно сказать и о наместнике, который и своими действиями, и своим демонстративным поведением¹²³ поддерживал и гарантировал полисные ценности, близкие сердцу граждан городов античного типа.

¹²² Lobur J.A. Op. cit. P. 208.

¹²³ Разумеется, демонстративное вовсе не означает лицемерное. Большинство императоров и наместников разделяли те ценности, которые они защищали и гарантировали.

REFERENCES

1. *Alföldi A.* Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970.
2. *Alföldy G.* Noricum. L.; Boston, 1974.
3. *Angelis F. de.* Ius and Space: an Introduction / Spaces of Justice in the Roman World / Ed. by F. de Angelis. Leiden; Boston, 2010. P. 1–25.
4. *Bablitz L.* Actors and Audience in the Roman Courtroom. N.Y., 2007.
5. *Bablitz L.* The Platform in Roman Art, 30 B.C. — A.D. 180: Forms and Functions / Studies in Latin literature and Roman history XIV. Ed. C. Deroux. Bruxelles, 2008. P. 235–282.
6. *Bérenger A.* Formation at compétences des gouverneurs de province dans l'Empire romain // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 30. 2004. P. 35–56.
7. *Bérenger A.* Le métier de gouverneur dans l'empire romain de César a Dioclétien. De l'archéologie à l'histoire, 62. P., 2014.
8. *Bonini R. I* «Libri de cognitionibus» di Callistrato. Ricerche sull'alaborazione giurisprudenziale della «cognitio extra ordinem». Milano, 1964.
9. *Braund D.* Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. N.Y., 1984.
10. *Brunt P.A.* The administrators of Roman Egypt // JRS. Vol. 65. 1975. P. 124–147.
11. *Brunt P.A.* Princeps and equites // Ibid. Vol. 73. 1983. P. 42–75.
12. *Bryen A.Z.* Judging Empire: Courts and Culture in Rome's Eastern Provinces // Law and History Review. Vol. 30. 2012. P. 771–811.
13. *Burton G.P.* Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // JRS. Vol. 65. 1975. P. 92–106.
14. *Burton G.P.* The Government and provinces / The Roman world. Ed. by Wachter J. L.; N.Y., 1987. Vol. 1. P. 423–439.
15. *Burton G.P.* Provincial Procurators and the Public Provinces // Chiron. Vol. 23. 1993. P. 13–28.
16. *Cameron A.* Circus factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976.
17. *Campbell J.B.* Who were the «*Viri Militares*»? // JRS. Vol. 65. 1975. P. 11–31.
18. *Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army. 31 B.C. — A.D. 235. Oxford, 1984.

19. *Cascio E.Lo.* The emperor and his administration. General developments / CAH. Second edition. Vol. 12. Cambridge, 2005. P. 131–136.
20. *Clavel-Leveque M., Leveque P.* Villes et structures urbaines dans l'Occident romain. P., 1984.
21. *Colin J.* Les Exigences de la populace paienne dans la littérature greque chrétienne du II-e siècle // REG. Vol. 78. 1965. P. 330–335.
22. *D'Arms J.H.* Control, Companionship and Clientela: Some Social Functions of The Roman Communal Meal // Échos du Monde Classic — Classical Views. Vol. 28.3. 1984. P. 327–348.
23. *D'Arms J.H.* The Roman Convivium and the Idea of Equality // Symptica. A Symposium on the Symposoin / Ed. O. Murray. Oxford, 1990. P. 308–320.
24. *David J.-M.* Le patronat judiciaire au dernier siècle de la Republique romain. Rome, 1992.
25. *Dueck D.* Strabo of Amasia: a Greek man of letters in Augustan Rome. L.; N.Y., 2003.
26. *Duyvendac N.* Restraining Regulations for Roman Officials in the Roman Provinces // Symbolae Van Oven. Leiden, 1946. P. 333–348.
27. *Eck W.* «Augustus» administrative Reformen: Pragmatismus oder systematisches Planen? // Acta classica. Vol. 29. 1986. S. 105–120.
28. *Eck W.* Spezialisierung in der staatlichen Administration des römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit / de Blois L. ed. Administration, Prosopography and Appointment Policies in the Roman Empire [Impact of Empire I]. Amsterdam, 2001. S. 1–23.
29. *Eck W.* Emperor, Senate and magistrates // CAH. Second edition. Vol. 11. Cambridge, 2007. P. 214–237.
30. *Eck W.* The growth of administrative posts // CAH. Second edition. Vol. 11. Cambridge, 2007. P. 238–265.
31. *Galsterer H.* Local and provincial institutions and government // CAH. Second edition. Vol. 11. Cambridge, 2007. P. 344–360.
32. *Garnsey P.* The Lex Julia and the Appeal under the Empire // JRS. Vol. 56. 1966. P. 167–189.
33. *Garnsey P., Saller R.* The Roman empire: economy, society and culture. Second edition. L.; N.Y., 2014.
34. *Hands A.R.* Charities and Social Aid in Greece and Rome. L., 1968.
35. *Harl K.W.* Civic coins and civic politics in the Roman East. A.D. 180–275. Berkeley, 1987.
36. *Honoré A.M.* Gaius. Oxford, 1962.
37. *Horscotte H.* Die Strafrechtspflege in den Provinzen der römischen Kaiserzeit zwischen hegemonialer Ordnungsmacht und lokaler Autonomie // Lokale

- Autonomie und römische Ordnungsmacht in den kaiserzeitlichen Provinzen vom 1. bis 3. Jahrhundert / Hrsg. Von V. Eck. München, 1999. S. 303–318.
38. *Humbert M.* La juridiction du Préfet d’Egypte d’August a Dioclétien / Burdeau F. et al. Aspects de l’Empire romain (Travaux et recherches de la Faculté de Droit et de Sciences économiques de Paris. Série «Sciences historiques». № 1). P., 1964.
 39. *Jacques F.* Le privilege de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l’Occident romain (161–244). Rome, 1984.
 40. *Jacques F., Scheid J.* Rome et l’integration de l’Empire (44 av. J.-C. — 260 ap. J.-C.). T. 1. Les structures de l’Empire romain. P., 1990.
 41. *Jones A.H.M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1983.
 42. *Jones C.P.* The Roman World of Dio Chrysostom. L., 1978.
 43. *Isayeva V.* Ancient Greece in the Mirror of Retic. Isokrates [Antichnaja Grezija v zerkale ritoriki. Isokrat]. M., 1994.
 44. *Kaser M.* Das römische Privatrecht. München, 1955.
 45. *Kelly Chr.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Massachusetts); L., 2004.
 46. *Kennedy G.* The Art of Rhetoric in the Roman World 300 B.C. — A.D. 300. Princeton, 1972.
 47. *Kokkinia Chr.* Ruling, inducing, arguing: how to govern (and survive) a Greek province / Roman Rule and Civic Life: Local and Regional Perspectives / L. De Ligt, et al. (éd.). Amsterdam, 2004. P. 39–58.
 48. *Kondoleon Ch.* Domestic and Divine. Roman Mosaics in the House of Dionysos. Ithaca–L., 1995.
 49. *Langhammer W.* Die rechtliche und soziale Stellung der Magistratus Municipales und Decuriones in der Übergangsphase der Städte von sich selbstverstandenen Gemeinden zu Vollzugsorganen des spätantiken Zwangsstaaten (1.-4. Jahrhundert der Römischen Kaiserzeit). Wiesbaden, 1973.
 50. *Lebedeva G.E.* Social Structure of Early Byzantine Society (According Theodosian and Justinian Codes) [Sozial’naja structura rannevizantyskogo obshestva (po dannym kodeksov Theodosija i Yustiniana)]. L., 1980.
 51. *Lendon J.E.* Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997.
 52. *Lehnen J.* Adventus principis. Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum. Frankfurt–Berlin, 1997.
 53. *Leonhard R.* Hospitium // RE. 1913. Bd. XVII. Sp. 2493–2498.
 54. *Levick B.* Roman colonies in southern Asia Minor. Oxford, 1967.

55. *Levick B.* Domitian and the Provinces // *Latomus*. Vol. 41. 1982. P. 50–73.
56. *Levick B.* The Government of the Roman Empire. A Sourcebook. L., Sydney, 1985.
57. *Liebenam W.* Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig, 1900.
58. *Lintott A.* Imperium Romanum. Politics and Administration. L.; N.Y., 1993.
59. *Lobur J.A.* Consensus, Concordia and the Formation of Roman Imperial Ideology. N.Y., L., 2008.
60. *Luraghi N.* One-Man Government: The Greeks on Monarchy / A Companion to Ancient Greek Government. H. Beck (ed.). Oxford, 2013. P. 131–145.
61. *Mac Cormack S.G.* Change and Continuity in Late Antiquity: The Ceremony of Adventus // *Historia*. Vol. 21. 1972. P. 721–752.
62. *Mac Cormack S.G.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley — Los Angeles — L., 1981.
63. *Mackie N.* Local Administration in Roman Spain AD 14–212. Oxford, 1983.
64. *MacMullen R.* Roman Imperial Building in the Provinces // *HSCP*. Vol. 64. 1959. P. 207–235.
65. *MacMullen R.* Roman Government's Response to Crisis AD 235–337. New Haven–L., 1976.
66. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the end of the Third Century After Christ. Vol. 1. Princeton, 1960.
67. *Mason H.J.* Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974.
68. *Mattingly D.J.* Tripolitania. Ann Arbor, 1994.
69. *Makhlayuk A.V.* Polis-Republican Structures and Traditions in the Age of Principate / Ancient Polis. Cours of Studies / Ed. by V.V. Dement'eva and I.E. Surikov [Polisno-respublikanskije struktury i tradicii v epokhu prinzipata / Antichnyy polis. Kurs lekziy / Otv. red. V.V. Dement'eva i I. E. Surikov]. M., 2010.
70. *Meyer-Zwiffelhoffer E.* Zum Regierungsstil Πολιτικῶς ἀρχεῖν der senatorischen Stathalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen. Stuttgart, 2003.
71. *Mierow H.E.* The Roman Provincial Governor as he appears in the Digest and Code of Justinian. Colorado Springs, 1926.
72. *Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337). L., 1977.
73. *Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998.
74. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 1. Aufl. 4. Tübingen, 1956; Bd. 2. Abt.1. Leipzig, 1874.
75. *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899.
76. *Morabito M.* Les réalités de l'esclavage d'après le Digeste. Besanson. P., 1981.
77. *Peachin M.* Yudex vice Caesaris. Deputy Emperors and the Administration of Justice during the Principate. Stuttgart, 1996.

78. *Pellizer E.* Outlines of a Morphology of Symptotic Entertainment// *Sympotica. A Symposium on the Symposion* / Ed. O. Murray. Oxford, 1990. P. 177–184.
79. *Purcell N.* The Arts of Government / *The Oxford History of the Classical World* / Ed J. Boardman et al. Oxford–N.Y., 1986. P. 560–592.
80. *Quass F.* Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens. Untersuchungen zur politischen und sozialen Entwicklung in hellenistischer und römischer Zeit. Stuttgart, 1993.
81. *Roselaar S.T.* Local Administration / *The Oxford Handbook of Roman Law and Society*. Ed by P.J. du Plessis, C. Ando and K. Tuori. Oxford, 2016. P. 124–136.
82. *Roseman C.H.* Reflections of Philosophy: Strabo and geographical sources / *Strabo's Cultural Geography. The Making of a Colossourgia*. Ed. by Dueck D., Lindsay H. and Potheary S. N.Y., 2005. P. 27–41.
83. *Saller R.P.* Promotion and patronage in Equestrian Career // *JRS*. Vol. 70. 1980. P. 44–63.
84. *Saller R.* Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, 1982.
85. *Seston W.* Le décret de Digne et la fin de l'autonomie municipale en Occident // *REA*. 1962. P. 314–325.
86. *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary. Oxford, 1966.
87. *Shulte C.* Die Grammateis von Ephesos. Schreiberamt und Sozialstruktur in einer Provinzhauptstadt des römischen Kaiserreiches. Stuttgart, 1994.
88. *Slootjes D.* The Governor as Benefactor in Late Antiquity / *Roman Rule and Civic Life: Local and Regional Perspectives* / L. De Ligt, et al. (éd.). Amsterdam, 2004. P. 59–75.
89. A Dictionary of popular expressions. Ed. by Ja.M. Borovskiy. 2nd Ed. [Slovvar' latiskikh krylatykh slov. Pod red. Ja.M. Borovskiy. 2-e izdanie]. M., 1986.
90. *Smyshliaev A.L.* On the Evolution of State Clerical Personnel in the Roman Empire (3rd century A.D.) // *JAH*. Vol. 3. 1979. P. 60–81 [Ob evoljuzii kanceljarskogo personala v Rimskoj Imperii (3 v. n.e.)].
91. *Smyshliaev A.L.* Domitius Ulpianus and his treatise «On the Duties of a proconsul» // *JAH*. Vol. 4. 1985. P. 221–226 [Domiziy Ul'pian i yego traktat «Ob objazannostjah prokonsula»].
92. *Smyshliaev A.L.* Ancient civil community: the absence or special kind of State system // *JAH*. Vol. 3. 1989. P. 99–101 [Antichnaja grazhdanskaja obshchina: otsutstviye ili osobyj tip gosudarstvennosti].
93. *Smyshliaev A.L.* A State without bureaucracy (on the experience of the Early Roman Empire) / *Antiquity and contemporaneity* [Gosudarstvo bez byurokratii (na opyte Ranney Rimskoj imperii)/Antichnost' i sovremennost']. M., 1991. P. 70–74.

94. *Smyshliaev A.L.* Roman imperial power in the age of Principate in contemporary foreign historiography // AJ. State and Law. Vol. 5(serias 4). 1991 [Rimskaja imperatorskaja vlast' epokhi Prinzipata v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii // RZH. Gosudarstvo i pravo]. Vol. 5. (serija 4). 1991. P. 67–78.
95. *Smyshliaev A.L.* The Entry of the Governor in a Provincial City the adventus Ceremony According to Ulpianus // JAH. Vol. 4. 1991. P. 106–117 [Vstuplenie namestnika v provinzial'nyy gorod: zeremonija adventus po Ul'pianu].
96. *Smyshliaev A.L.* Civilis dominatio: The Roman Governor in a Provincial City // JAH. Vol. 3. 1997. P. 24–35 [Civilis dominatio: rimskiy namestnik v provinzial'nom gorode].
97. *Smyshliaev A.L.* The Roman Governor in a Provincial City: otium post negotium // JAH. Vol. 4. 1999 [Rimskiy namestnik v provinzial'nom gorode: otium post negotium].
98. *Smyshliaev A.L.* Vet-Nurse at the Court of the Roman Governor // JAH. Vol. 3. 2001. P. 36–58 [Njanja kormiliza v sude rimskogo namestnika].
99. *Smyshliaev A.L.* «Good Morals» and «Drastic Laws» in the Roman Court // IUS ANTIQUUM. Ancient Law. Vol. 2(22). 2008. P. 76–96 [«Dobrye nrvy» i «surovye zakony» v rimskom sude]. Vol. 2(22). C. 76–96.
100. *Surikov I.E.* Ancient Greece: Politicians in the Context of the Age: Archaic and Early-Classical Periods [Antichnaja Grezija: politiki v kontekste epokhi: archaika i rannjaja klassika]. M., 2005.
101. *Surikov I.E.* Politicians in the Context of the Age. On the Brink of the New World [Politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira]. M., 2015.
102. *Surikov I.E.* Preconditions of the Formation of Ruler's Cult prior to Hellenistic Greece / «The Gods between the Men»: Ruler's Cult in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman World / Ed. by S.Ju. Saprykin, I.A. Ladynin [Predposylki stanovlenija kulta pravitelja v doellinisticheskoy Grezii / «Bogi sredi ljudey»: kul't praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire / Otv. red. S.Ju. Saprykin, I.A. Ladynin]. M.; SPb. 2016. P. 34–75.
103. *Talbert R.* Pliny the Younger as Governor of Bithynia-Pontus//Studies in Latin Literature and Roman History. V. 2 / Ed. C. Deroux. Bruxelles, 1980. Collection Latomus. V. 100. P. 412–435.
104. *Talbert R.* The Senate of imperial Rome. Princeton, 1984.
105. The Administration of the Roman Empire (241 B.C. — A.D. 193). Ed. by D.C. Braund (Exeter Studies in History n. 18). Exeter, 1988.
106. *Tudor D.* Les contructions publiques de la Dacie romain d'après les inscriptions // Latomus. Revue d'études latines. Vol. 23. Fasc. 2. 1964. P. 271–301.

107. *Vein P.* Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralism politique. P., 1976.
108. *Vliet van der E.Ch.L.* The Romans and Us: Strabo's Geography and the Construction of Ethnicity // *Mnemosyne. Fourth Series. Vol. 3. Fasc. 3.* 2003. P. 257–272.
109. *Wallace-Hadrill A.* Civilis princeps. Between citizen and king // *JRS. Vol. 72.* 1982. P. 32–48.
110. *Weaver P.* Familia Caesaris. Cambridge, 1972.
111. *Wörrle M.* Stadt und Fest im Kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda. München, 1988.
112. *Yavetz Z.* Plebs and Princeps. New Brunswick — Oxford, 1988.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
- D — Digesta Justiniani. Berolini
- HSCP — Harvard Studies in Classical Philology. Harvard
- JAH — Journal of Ancient History. Moscow [Vestnik Drevney Istorii]
- JRS — Journal of Roman Studies. London
- LSJ — *Liddel C., Scott R., Jones H.A.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940
- RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Begonnen von G. Wissowa, hrsg. Von W. Kroll
- REA — Revue des études anciennes. Bordeaux
- REG — Revue des études grecques. Paris
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва
- РЖ — Реферативный журнал. Общественные науки за рубежом. Сер. 4. Государство и право. Москва

Ключевые слова:

Страбон, Аристотель, гражданственная тиранья, Ранняя Римская империя, государственное управление, наместники провинций.

Alexander L. Smishliaev

«DOMINATIO CIVILIS» AS IMAGINED BY GREEK WRITERS AND REALIZED BY ROMAN AUTHORITIES

The article focuses on the nature and specifics of the Roman administrative system during the Principate period: using an example of provincial government. Strabo wrote that the civil rule (πολιτικῶς ἄρχειν) was typical for Romans during that period. Tertullian defined the Roman system of government as «the civil dominance» (civilis dominatio).

These definitions origin comes from the character of the Roman state, specifics of the Early Roman Empire state administration — «a state without bureaucracy». Its nucleus was a city of the Antiquity type (a polis), and the main element of state administration was the local urban self-administration. Roman emperors and province governors were unable to govern the state unless the local city elites voluntarily cooperated with them. Thus they performed a double function: they were both representatives of the supreme power and defenders and proponents of the polises and the polis system of values. This is clearly demonstrated by behaviour models and activity of the province governors at the time of the Early Empire (I–III century AD) who often acted like city magistrates and politicians.

 Смышляев Александр Леонидович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник
Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

Georgy Kantor

QUI IN CONSILIO ESTIS: THE GOVERNOR AND HIS ADVISERS IN THE EARLY EMPIRE

In the middle of the second century AD,¹ Lucius Apuleius, standing trial before the proconsul of Africa Claudius Maximus on the charge of sorcery, began his defense speech by an address to «Claudius Maximus and members of the council».² Who were these members of the council and what was their role in his trial?

It is the conventional view in modern historiography (and one that will not be challenged here) that the Roman governor, as well as the emperor and other persons of authority, including the *paterfamilias* in the domestic matters, pronounced decisions, judicial or otherwise, mainly in the presence of his *con-*

¹ Presumably in AD 158/9 (for the date, see *Syme R. Proconsuls d'Afrique sous Antonin le Pieux // Revue des études anciennes. T. 61. 1959. P. 316 ff.; Thomasson B.E. Laterculi Praesidum. Göteborg, 1984. Vol. 1. P. 384 Africa 88).*

² *Maxime Cl(audi) quiq(ue) in consilio estis* (Apul. *Apol.* 1.1). For parallel places with this common forensic expression in Cicero and in Apuleius himself, cf. *Callebat L. La prose d'Apulée dans le De Magia: Eléments d'interprétation // Wiener Studien. Bd. 97. 1994. P. 150; Hunink V. Apuleius of Madauros: Pro se de magia (Apologia) / Ed. with a commentary. Amsterdam, 1997. Vol. 2. P. 10 ad loc.* I am passing no judgement here on the relation between Apuleius' published speech (obviously a highly literary production) and the speech he delivered, if any: what matters for us here is the courtroom conventions.

silium, after consulting the views of its members.³ In the late third-century constitution of Carus, Carinus and Numerianus there is even a pronouncement that when a governor gives judgement *officio eius non praesente* his decisions have no legal consequences (CJ.7.45.6).⁴

In this paper I shall attempt to discuss in more detail the question of the composition of the governor's advisers in the Early Roman Empire and kinds of expertise available to the Roman governor: what part did the entourage brought by him from Rome play and what was the part played by the local persons of influence and / or local experts? Both literary and documentary sources throw some light on this problem, even though the available material is markedly limited and often disconcertingly imprecise.⁵ As regards literary sources, there are glimpses from Cicero and Horace to Dio Chrysostom and Fronto, including some observations from the provincial perspective, for instance in the political works of Philo of Alexandria, *In Flaccum* and *Legatio ad Gaium*, but no detailed description of the institution is provided. Nor do we get much by way of rules governing it in surviving legal collections, which have been put together after considerable changes to in the Later Empire. Documentary evidence is more plentiful, but it is often difficult to evaluate its direct

³ See *Mommsen T. Römisches Staatsrecht. Bd. 1. Leipzig, 1887. S. 307-319* (a classic account, but now out of date in many particulars); *Liebenam W. Consilium // Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. 4. 1901. Sp. 915-922*; *Schulz F. History of Roman Legal Science. Oxford, 1946. P. 52-53, 117-118* (role of jurists); *Crook J.A. Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambridge, 1955*; *Hammond M. The Antonine Monarchy. Rome, 1959. P. 370-382*; *Garnsey P. The Lex Iulia and Appeal under the Empire // Journal of Roman Studies. Vol. 56. 1966. P. 177-179*; *Kunkel W. Die Funktion des Konsiliums in der magistratischen Strafjustiz und im Kaisergericht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 84. 1967. S. 218-244; Bd. 85. 1968. S. 253-329*; *Millar F. The Emperor in the Roman World. 2nd ed. London, 1992. P. 110-122*; *Eck W. Provincial Administration and Finance // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 11. 2000. P. 195-216*. The general principle is formulated by J.A. Crook: 'The Romans had an immemorial tradition that men in positions of responsibility should not take decisions alone' (*Crook J.A. Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambridge, 1955. P. 4*; cf. also *Schulz F. Principles of Roman Law. Oxford, 1936. P. 179-180, 207*). The governor's council received separate treatment relatively recently in *Weaver P.R.C. Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. P. 43-62*, but some things remain to be said.

⁴ Though, as will be argued below, it is doubtful whether this restriction existed in the Early Empire.

⁵ Stephen Mitchell has remarked on 'the evidence or rather absence of evidence on governors' councils' (*Mitchell S. Anatolia: Land, Men and Gods in Asia Minor. Oxford, 1993. Vol. 1. P. 69 n. 73*).

relevance to the problem.⁶ The splendid collection of information on provincial officials by Rudolf Haensch in his *Capita provinciarum* naturally has some bias towards lower grades of officialdom, and the relation of these officials to the governor's council is for the most part difficult to establish.⁷ Equally, although we have abundant evidence for the organization of the assize system in some provinces, most notably in the province of Asia and in Egypt, it mostly gives us the places where the assizes were held, the composition of the assize districts and the calendar of the governor's circuit, rather than the procedure followed during the assize session.⁸ More direct evidence is provided by the lists of the *consilium* members in some of the official pronouncements, and by the genre of court minutes, newly developing in the Early Empire.⁹

In the first part of this paper I shall do a quick overview of other existing models of the *consilium* — the domestic council of the *paterfamilias*, the coun-

⁶ An annotated list of some of the documentary evidence directly relevant to the governor's *consilium* has been given Weaver's article, but he does not attempt comprehensive coverage: Weaver P.R.C. *Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie*. Leiden, 2002. P. 55–59. On the council of the prefect of Egypt see also Balogh E., Pflaum H.-G. Le "consilium" du préfet d'Égypte. Sa composition // *Revue historique de droit français et étranger*. T. 30. 1952. P. 117–124, now inevitably dated.

⁷ Haensch R. *Capita provinciarum: Statthalterssitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit*. Mainz am Rhein, 1997.

⁸ On assize system generally, above all Burton G.P. *Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // Journal of Roman Studies*. Vol. 65. 1975. P. 92–106; for the Eastern provinces, see now also Guerber É. *Les cités grecques dans l'Empire romain: Les privileges et les titres des cités de l'Orient hellénophone d'Octave Auguste à Dioclétien*. Rennes, 2009. P. 303–323, and Fournier J. *Entre tutelle romaine et autonomie civique: L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C. – 235 apr. J.-C.)*. Athenes, 2010. P. 41–98. For its physical settings, Färber R. *Römische Gerichtsorte: Räumliche Dynamiken von Jurisdiktion im Imperium Romanum*. München, 2015. P. 155–161. On Asia, Robert L. *Le culte de Caligula à Milet et la province d'Asie // Idem. Hellenica*. Vol. 7. Paris, 1949. P. 206–238, and Habicht C. *New Evidence on the Province of Asia // Journal of Roman Studies*. Vol. 65. 1975. P. 65–91, retain their significance among voluminous literature; on Egypt, Foti Talamanca G. *Ricerca sul processo nell'Egitto greco-romano*. Milano, 1974–1984. Vols. 1–2.

⁹ For an overview of papyrological evidence, Palme B. *Roman Litigation – Reports of Court Proceedings // Law and Legal Practice in Egypt from Alexander to the Arab Conquest: A Selection of Papyrological Sources in Translation / Ed. by J.G. Keenan, J.G. Manning, U. Yiftach-Firanko*. Cambridge, 2011. P. 482–511. It is to be hoped that the exhaustive collection of evidence assembled by Bernhard Palme and Anna Dolganov for their project on the Roman Court Proceedings in the Papyri will be made publicly available. For brief observations on epigraphic record from Asia Minor, cf. Robert L., Robert J. *La Carie: Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques*. T. 2: *Le plateau de Tabai et ses environs*. Paris, 1954. P. 104; Pleket H.W. *The Greek Inscriptions of the Rijksmuseum van Oudheden at Leyden*. Leiden, 1958. P. 54–55.

cils of the Roman magistrates and judges in Italy, and, of course, that of the emperor — as comparanda for the governor’s council, bringing out the salient features. In the second part I shall discuss against these models our evidence on the entourage of the governor and other Roman provincial officials sitting on his council, and in the third part turn to the local persons of influence in the capacity of his advisers. I shall limit myself throughout to ‘official’ advice to the governor, not trying to look at the events behind the scene.¹⁰

1. Models of the *Consilium*

a. The *consilium domesticum*. I shall begin with the short overview of the *consilium domesticum*.¹¹ Livy and Valerius Maximus give us a lot of examples of domestic judgement conducted by the *paterfamilias* attended by the council of friends and relatives, beginning from the earliest period of Roman history.¹² Obviously, the historicity of most such stories is dubious at best, but what matters for us here are the standard assumptions of the Late Republican and Augustan age. It is clear from the sources that the presence of this *consilium* was customary, but was not required by law. For instance, when T. Manlius Torquatus tried his son *ne consilio quidem necessariorum indigere* (Val. Max. 5.8.3; cf. also Liv. *epit.* 54; Cic. *De fin.* 1.7.24) in 140 BC, it was considered strange, but his decision was nevertheless valid.¹³ The only exception to this informality may have been the involvement of what seems the same *consilium* in the procedure of *manumissio inter amicos* (Gaius, *Inst.* 1.44), but that was probably only formalised in the Augustan (more likely than Tiberian) *lex Iunia*.¹⁴

The composition of this *consilium* is described by the terms *amici* or *propinqui*, which are of course not very exact. As far as I am aware, a member of

¹⁰ On these less formal interactions, see the seminal article: Смышляев А.А. Римский наместник в провинциальном городе: Otium post negotium // ВДИ. 1999. №4. С. 59–70.

¹¹ See further Greenidge A.H.J. *The Legal Procedure of Cicero’s Time*. Oxford, 1901. P. 368–371; Kunkel W. *Das Konsilium im Hausgericht* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 83. 1966. S. 219–251; Ruggiero A. *Nuove riflessioni in tema di tribunale domestico* // Sodalitas: Scritti in onore di Antonio Guarino. Vol. 4. Napoli, 1984. P. 1593–1600 (with a collection of evidence).

¹² The story of Lucretia (Liv. 1.58.5–6; Val. Max. 6.1.1).

¹³ Cf. Brennan T.C. *The Praetorship in the Roman Republic*. Oxford, 2000. Vol. 1. P. 140.

¹⁴ See on the Gaius passage Buckland W.W. *A Text-Book of Roman Law from Augustus to Justinian*. 3rd ed., rev. by P. Stein. Cambridge, 1966. P. 77; 82; for the institutionalisation of ‘informal manumission’, most recently Mouritsen H. *The Freedman in the Roman World*. Cambridge, 2011. P. 85–86. Extant documents of the *manumissio inter amicos*: FIRA III 11 [= Bruns7, no.164 = *M.Chr.* 362]; *P.Oxy.* IX 1205.

a *consilium domesticum* is mentioned by name only once for the Republican period — Cicero in the *Pro Caecina* tells us that among the *amici* on whose advice Caecina acted in his conflict with Aebutius was C. Aquilius Gallus, the most eminent jurist of the time.¹⁵

This institution continued into the early Empire, at least among the elite. Cases of a husband judging his wife after consulting the *propinqui* are twice mentioned by Tacitus (*Tac. Ann.* 2.50 — the case of Appuleia Varilla; 13.32 — the case of Pomponia Graecina), although both times this is characterized as an ancient custom. Suetonius mentions referring the cases of notorious women to the *propinqui* in accordance with the *mos maiorum* among the good habits of Tiberius (*Suet. Tib.* 35). And Seneca (*Sen. De clem.* 1.15.3-16.1) gives us an important anecdote about Augustus, who took part in the *consilium* of L. Tarius Rufus, *cos. suff.* 16 BC, when the latter decided the case of his own son, who was accused of conspiring to murder him.¹⁶ Augustus came to the house of Tarius on the latter's request (*Tarius aduocauit in consilio Caesarem Augustum*) and 'took part in another man's council' (*pars alieni consilii fuit*), no doubt as one of the *amici* of Tarius. Although this, of course, is an exceptional story, and given as such, it shows us some of the procedure: the composition of this council is clearly not set by any rule, and the *paterfamilias* is seen as free to invite any of his friends, otherwise the situation could never occur. This model, as we shall see, remained important for more public councils, including that of the governor.

b. The *consilia* of Republican magistrates and of *iudices*. I shall treat these two kinds of official *consilia* together here, because it is in my view unnecessary for the purposes of this brief overview to distinguish between the magistrate presiding over judgement himself and the *iudices*, appointed specifically to deal with the second stage of Roman formulary procedure.¹⁷ We have evidence for these *consilia* both in literary sources, primarily in Cicero, and in inscriptions. Like the *consilium domesticum* the magistrate's *consilium* was sup-

¹⁵ Cf. Frier B.W. *The Rise of the Roman Jurists: Studies in Cicero's Pro Caecina*. Princeton, 1985. P. 23.

¹⁶ Cf. Millar F. *The Emperor in the Roman World*. 2nd ed. London, 1992. P. 112; Frier B.W., McGinn T.A.J. *A Casebook on Roman Family Law*. Oxford, 2004. P. 196–198; Braund S.M. *Seneca: De Clementia*. Oxford, 2009. P. 122–128, with a note on the terminology at pp. 322–323.

¹⁷ Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford, 1999. P. 154–155, provides an introduction to the problems. The fullest treatment is given by Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik*. Abschn. 2: Die Magistratur. München, 1995. S. 135–140, whose emphasis is somewhat different from mine. See further Richardson J. *The administration of the empire // Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 9. 1994. P. 580–584; Taylor L.R. *The Voting Districts of the Roman Republic*. Rome, 1960. P. 170–178. For wider context, Jones A.H.M. *The Criminal Courts of the Roman Republic and Principate*. Oxford, 1972.

posed to have been in existence from the earliest times. Tarquinius Superbus was said to be criticized, because he ‘conducted judicial enquiries in capital cases by himself without councillors’ (Liv. 1.49.4: *cognitiones capitalium rerum sine consiliis per se solum exercebant*).¹⁸

Ciceronian corpus contains evidence both about the general principles of inviting men to the *consilium* and about the composition of some concrete *consilia*.¹⁹ In addition to the *locus classicus* in his *Topica* (Cic., *Top.* 65–66), a general statement about the role of the jurists in the *iudicia priuata*, where they ‘are often present and are summoned to council (*et adsunt multum et adhibentur in consilia*)’,²⁰ in his forensic speeches delivered before a single *iudex* Cicero describes and addresses their *consilia*, naming some of the members (Cic., *Rosc. Com.* 3.22 — *consilium* of C. Calpurnius Piso; Cic., *Quinct.* 53–54 — of C. Aquilius Gallus). It would seem that these appeals to the members of the *consilia* show the importance of their opinion for winning the case. It seems clear also that if there were some kinds of *iudicia* when jurists are frequent in the *consilia* and some when they are not, there was no strict rule about the membership of the *consilium*. A similar kind of *consilium* could be consulted by the consuls in political matters, and it would seem that if anything a greater degree of formality was observed there: still, there could be some ambiguity as to whether Cicero as a former praetor would have been grand enough to be included in one in 65 BC.²¹

Even more importantly, members of the *consilia* of Republican magistrates are also listed in several inscriptions containing their decisions. Besides the

¹⁸ An identical charge was used later in the process of Cn. Piso in AD 20, who, it was alleged, in the capacity of the governor of Syria *perspecta etiam | crudelitate unica, qui incognita causa, sine consili sententia, plurimos capitibus supplicio adfecisset* (SCPP, ll. 49–51).

¹⁹ For further discussion of his evidence about *consilia*, see Jones A.H.M. *The Criminal Courts of the Roman Republic and Principate*. Oxford, 1972. P. 83–85 (dealing with the situation in provinces); Frier B.W. *The Rise of the Roman Jurists: Studies in Cicero’s Pro Caecina*. Princeton, 1985. P. 198, 205, 222, 264.

²⁰ On the technical term *adhibere* used for summoning members of the council cf. OLD, s.v. *adhibere* 5 and Weaver P.R.C. *Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. P. 51–52.

²¹ Ascon. *in Or. in Tog. Cand.* 89.9–11C: *L. Volcacius Tullus consul consilium publicum habuit an rationem Catilinae habere si peteret consulatum* (66 BC). Cf. Crook J.A. *Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian*. Cambridge, 1955. P. 4; Lewis R.G. *Asconius: Commentaries on Speeches by Cicero*. Oxford, 2006. P. 297 (a semi-judicial occasion, as it had to decide on the validity of Catiline’s attempt to enter in the consular election after arriving late for canvass: see Ramsey J.T. *Cicero, Pro Sulla* 68 and Catiline’s candidacy in 66 B.C. // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 86. 1982. P. 121–131, and Ryan F.X. *The consular candidacy of Catiline in 66* // *Museum Helveticum*. Bd. 52. 1995. S. 45–48, for two different reconstructions of the events). For Cicero’s claim *consiliis non interfuisse* in 65 BC, see Cic. *Sull.* 11.

famous inscription of Cn. Pompeius Strabo of 89 BC on the grant of citizenship to the turma of Spanish cavalrymen where between the decision itself and the list of enfranchised soldiers the full list of his council of 59 members (including such persons as Pompeius' later famous son, C. Rabirius, and probably Catiline) is inserted, we have two cases in which a decision of a magistrate together with a formally enrolled panel is attached to a senatorial decree.²² The *senatus consultum de agro Pergameno* (of 129 or 101 BC) on the conflict between Roman *publicani* and Pergamum, is followed by the decision of a Roman magistrate (*praetor urbanus* in Sherk's plausible view) where his *consilium* of 55 members is listed, most probably at least partly equestrian.²³ In a somewhat similar way, the *senatus consultum de Oropiis* ratified the decision of consuls M. Terentius Varro Lucullus and C. Cassius Longinus (passed on 14 October 73 BC, and acting on the basis of an earlier senatorial decree) on another conflict with the *publicani*, again listing the advisory board in full. This time round, we are dealing with the council of only fifteen members, all of them senators, including among others Cicero and an eminent late-Republican jurist, Aulus Cascellius.²⁴ On both occasions, the decision was taken based on the council's opinion, ἀπό συνβουλίου γνώμης (translating Latin *de consilii sententia*).²⁵ Similar procedure had, according to Cicero, been followed in a criminal investigation established (again, in accordance with a senatorial decree) by the consuls of 138 BC, P. Cornelius Scipio Nasica and D. Iunius Brutus Callaicus, into high profile murders in the Sila forest in Calabria: 'consuls, having heard the case,

²² ILS 8888 [= CIL 12 709 = CIL VI 37045], ll. 4–14; *Cichorius C.* Das Offizierkorps eines römischen Heeres aus dem Bundesgenossenkriege // *Id.* Römische Studien. Leipzig, 1922. S. 130–185, remains the definitive discussion of this inscription.

²³ G. Lafaye, *IGRR IV 262* (Adramyttium copy); *Passerini A.* Le iscrizioni dell'agorà di Smirna concernanti la lite tra i publicani e i pergameni // *Athenaeum*. Vol. 15. 1937. P. 252–283 (Smyrna copy); R.K. Sherk, *RDGE 12* (composite text); *I.Eph.* III 975 (with G. Petzl, *SEG XXXIII 986*, for its identification); G. Petzl, *I.Smyrna II.1 589*; *Di Stefano G.* Una nuova edizione del *senatus consultum de agro Pergameno* // *Rendiconti dell'Accademia dei Lincei*. Ser. IX. Vol. 9. 1998. P. 707–748 (new composite text, taking Ephesus copy into account, whence *AE 1998*, no. 1304; bibliographic lemma only in *SEG XLVIII 1424*), ll. 23–47. For the date, *Mattingly H.B.* The Date of the *Senatus Consultum de Agro Pergameno* // *American Journal of Philology*. Vol. 93. 1972. P. 412–423, with discussion of prosopographical evidence for the *consilium* members at pp. 419–423; the question is revisited by *Badian E.* *Zöllner und Sünder: Unternehmer im Dienst der römischen Republik*. Darmstadt, 1997. S. 181–183.

²⁴ *IG VII 413*, whence *Bruns*⁷, no. 42; *FIRA I 36*; new edition in *RDGE 23*, ll. 6–16. Cf. on it *Mommsen T.* Der Rechtsstreit zwischen Oropos und den römischen Steuerpächtern // *Hermes*. Bd. 20. 1885. S. 268–287; *Kallet-Marx R.M.* Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 BC. Berkeley, 1995. P. 147–148.

²⁵ *RDGE 12*, ll. 47/48; *RDGE 23*, l. 29.

decided to refer the matter to a second trial, in accordance with the opinion of the council' (Cic. *Brut.* 85–86: *consules re audita AMPLIVS de consili sententia pronuntiauisent*).²⁶

Without getting here into the debate about the exact force of the *consilium's* recommendation, we can see its significance in the procedure reinforced by the documentary habit of fully listing the members of the board and accepted by the advocates: a formal role begins to crystallise. It seems, however, that there were no hard and fast rules on its composition. Its size could be vastly different (fifteen against fifty-five in two very similar legal cases) and the status of its members was different in 73 BC from what it had been in 89 or 101 BC. While a formal change under Sulla is not entirely out of question, it remains unattested in our sources on the Sullan legislation, and an informal shift of practice (or even fluctuating practice) remains a more likely possibility. It may also be safely assumed that in the *consilia* of such a size at least not all of the members were invited for expertise. After all, there was no need for the expertise of 59 men for a grant of citizenship, and least of all of the expertise of young men with no great experience, as the future Pompey the Great or Catiline would have been at that point. The composition of one's *consilium* must have depended on family connexions, patronage and striving for prestige at least as much if not more than on the perceived need for advice.

These *consilia* continue into the Imperial period. Aulus Gellius tells how he as a *iudex* consulted his *consilium* in a questionable case (Gell., *N.A.* 14.2) and in several inscriptions an official appears *cum consilio conlocutus* (Bruns⁷, nos. 186–188).²⁷ By the end of the period we are dealing with in this paper, the *consilia* develop into a more regulated institution and their members (*ad-sessores*) become paid and professional. While evidence comes from the work of the late Severan jurists on the duties of Roman officials, the developments themselves (which must have affected the provinces too) are more difficult to date: as we shall see, the provincial material does not suggest that any such system was in place even in the Antonine period, however.²⁸

²⁶ See on this case most recently *Gaughan J.E.* *When Murder Was Not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic*. Austin, 2010. P. 70–72. For other examples of the expression, see *Kunkel W., Wittmann R.* *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik*. Abschn. 2: Die Magistratur. München, 1995. S. 138 Anm. 146–147.

²⁷ For the usual abbreviation 'c.c.c.' see *Notae Lindenbrogianae* (Keil, *GL IV*, 289). For a parody of this terminology in a letter of Augustus to Livia, see *Suetonius, Claud. 4: collocutus sum cum Tiberio, ut mandasti, mea Livia*. The ironic bureaucratise has not been observed in the standard commentary: *Hurley D.W.* *Suetonius: Divus Claudius*. Cambridge, 2001.

²⁸ *D. 1.22 (de officio adsectorum)*; cf. e.g. *Kaser M.* *Das Römische Zivilprozessrecht*. München, 1966. S. 366–367, 440–441, for a summary.

Some movement towards formalisation, is, however, traceable. The Augustan *lex Aelia Sentia* introduced the rules about a kind of the *consilium* of the magistrate, which must have approved the grant of Roman citizenship to certain categories of freedmen (Gai. *Inst.* 1.18-20; Ulp. *Reg.* 1.12-13a; Gai. *Epit.* 1.1.2; D.1.10.1 pr-2).²⁹ It is in fact this *consilium* and also the *consilium* that approved guardians (D.1.21.2 pr-1) that are mentioned most often in the legal sources under this term. I shall return to the regulations concerning the provincial governor a bit later, but it would be important to note at this stage that it was not identical to the board assisting a magistrate in court cases, or at least not necessarily so.

c. The *consilium principis*. The so-called *consilium principis*, is, of course, the best-attested form of official council in our sources.³⁰ We have descriptions of its proceedings in three letters of Pliny the Younger, who was a member himself, at least on occasion (Plin. *Ep.* 4.22; 6.22; 6.31), and a parody in the well-known passage in the Fourth Satire of Juvenal where he describes the council of Domitian (Juv. *Sat.* 4.72-149, usually assumed to be based on the description of the military council of Domitian in the non-extant poem of Statius, *De bello Germanico*).³¹ We have also a number of official inscriptions where emperor's council is mentioned or listed, the most famous of them (and the most important for our purposes), being the so-called *tabula Banasitana*, a grant of citizenship issued by Marcus Aurelius.³² Without entering into a full-scale discussion of this huge amount of evidence or discussing the role of the *consilium principis* in major political decisions, which would distract our attention too far, I shall try to outline the main tendencies in the development of its composition and role where it

²⁹ See on it above all *Giménez-Candela T.* Bemerkungen über Freilassungen in consilio // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 113. 1996. S. 64–87. Cf. also *Talbert R.J.A.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 74.

³⁰ For the most important discussions, see *Crook J.A.* Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambridge, 1955; *Amarelli F.* Consilia principum. Napoli, 1983; *Millar F.* The Emperor in the Roman World. 2nd ed. London, 1992. P. 110–122; *Eck W.* Provincial Administration and Finance // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 11. 2000. P. 195–216. For the judicial functions, see now *Liebs D.* Hofjuristen der römischen Kaiser bis Justinian. München, 2010. S. 161–164. Most recent brief assessment in *Harris W.V.* Roman Power: A Thousand Years of Empire. Cambridge, 2016. P. 168–169. For a wider discussion of the emergence of the imperial *aula* as an institution, *Paterson* 2007.

³¹ See, e.g., *Braund S.M.* Juvenal: Satires, Book 1. Cambridge, 1996. P. 272–273; *Courtney E.* A Commentary on the Satires of Juvenal. London, 1980. P. 195.

³² Text by *Seston W.* *Euzennat M.* Un dossier de la chancellerie romaine, la Tabula Banasitana, étude de diplomatique // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1971. P. 468–490 [=AE 1971, no. 534]. For its historical implications see, above all, *Sherwin-White A.N.* The Tabula of Banasa and the Constitutio Antoniniana // Journal of Roman Studies. Vol. 63. 1973. P. 86–98.

assisted the emperor in judicial decisions and formal decision-making, following mainly J.A. Crook's still fundamental account.

First, the terminology used for the emperor's council is essentially the same as that used for the *consilium domesticum* and for the magistrate's council. Indeed, J.A. Crook and other scholars stress the continuity between the informal councils of the Late Republic and grades of *amici* introduced in Rome on the Hellenistic pattern in that period (allegedly, by Gaius Gracchus) and the emperor's council.³³

Second, at least until the time of Hadrian (and Crook tends to date this transformation to an even later period³⁴), we have, as in the case of the magistrate's council, a very flexible structure (except for the precedent set by the senatorial probuleutic committee of Augustus, which, as shown already by Mommsen, was not the same as the emperor's *consilium*, and was abolished after AD 14). It could be convened to discuss very different kinds of questions (though maybe not giant fishes, as in Juvenal) and its membership could differ. Even if A.N. Sherwin-White's suggestion in his classic commentary that Pliny reports his every appearance in the *consilium* of Trajan, and so was a very infrequent attendee, is not correct, it is clear that Pliny was not always invited to the meetings.³⁵ It is noteworthy that, as demonstrated by Fergus Millar,³⁶ the term *amicus* is not used in inscriptions as a formal designation (only *comes*, which means the companion of the emperor in a specific journey) and rarely appears outside the imperial letters. A letter of Domitian stating that he decided the case between the Falerienses and the Firmani (AD 82) 'having summoned distinguished men of both orders (*adhibitis utriusque ordinis splendidis uiris*)', i.e. of the senatorial and the equestrian, shows explicitly the intended social effect of the council membership, and at the same time lack of focus on or terminology for permanent membership in this period.³⁷

³³ Crook J.A. *Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian*. Cambridge, 1955. P. 7 ff.; Amarelli F. *Consilia principum*. Napoli, 1983. P. 41–45.

³⁴ Crook J.A. *Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian*. Cambridge, 1955. P. 56–65, 135–141. For the much more rigidly defined late imperial *consistorium*, first attested in CJ. 9.47.12 (Diocletianic), see Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602: A social, economic and administrative survey*. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 333–341; Liebs D. *Hofjuristen der römischen Kaiser bis Justinian*. München, 2010. S. 164–168.

³⁵ Sherwin-White A.N. *The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary*. Oxford, 1966. P. 298.

³⁶ Millar F. *The Emperor in the Roman World*. 2nd ed. London, 1992. P. 116–117.

³⁷ CIL IX 5420 (whence Bruns⁷, no. 82; FIRA I 75; MW, no. 462), ll. 13–14. Notably, however, this remains part of the longer formula in a decision of Caracalla, by that time listing some standard categories of members (CJ. 9.51.1: *cum salutatus ab Oclatinio Aduento et Opellio Macrino pppp. clariss. viris, item amicis et principal. officiorum et utr. ordinis uiris*). For the social significance of the formula, Duncan-Jones R. *Power and Privilege in Roman Society*. Cambridge, 2016. P. 101. Compare also HA *Hadr.* 8.9 on Hadrian's practice (with Liebs D.

Third, it can be shown that despite the remaining degree of flexibility, the *consilium* was an expected and important part of the imperial procedure. Only in such a way can its frequent appearance in documents be explained: giving, in the fashion of late Republican texts, the full list of advisers present in a routine grant of citizenship in the *tabula Banasitana* is particularly telling.

To summarise thus far, in the early Empire, as in the late Republic, membership of the *consilia* at Rome remained for the most part (apart from clearly defined exceptions such as the *consilium* established by the *lex Aelia Sentia*) not legally defined and dependent primarily on the will of the person they gave advice to; nevertheless, it was a socially important and expected part of the decision-making process, particularly in legal contexts, and, at least normally, the advice rendered by the *consilium* would form the basis of decision. The provincial situation, as we shall see, largely conforms to this pattern, but not without some significant nuances, driven both by the different powers of a provincial governor in comparison to a magistrate in Rome and by the differences in social situation in provinces: in a province of Cyrenaica, where only 215 Roman citizens with property valued above 10,000 HS could be found in 7/6 BC (SEG IX 8, ll. 4–6), we would not be dealing with senators and equestrians as governor's advisers.

2. The Governor's Entourage and provincial officials in the *consilium*

I shall start with a brief overview of the evidence for the Republican period.³⁸ Due to the fact that there were no *quaestiones* in the provinces before the

Hofjuristen der römischen Kaiser bis Justinian. München, 2010. S. 162 Anm. 745): *Erat enim tunc mos, ut, cum princeps causas agnosceret, et senatores et equites Romanos in consilium uocaret et sententiam ex omnium deliberatione proferret.*

³⁸ The key observations made already by Greenidge: Greenidge A.H.J. *The Legal Procedure of Cicero's Time*. Oxford, 1901. P. 410. See further Jones A.H.M. *The Criminal Courts of the Roman Republic and Principate* / With pref. by J.A. Crook. Oxford, 1972. P. 83–85, and especially Braund D. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // ВДИ. 1999. №1. С. 73–85. The earliest mention of the governor's *consilium* (Greek συμβούλιον) comes in a letter of the proconsul Q. Fabius Maximus to the city of Dyme, ca.144 BC (RDGE 43, l. 11), just two years after the provincialisation of Achaia, as noted already by Mommsen: Mommsen T. Der Rechtsstreit zwischen Oropos und den römischen Steuerpächtern // Hermes. Bd. 20. 1885. S. 287 Anm. 1; *Idem*. *Römisches Staatsrecht*. Bd. 1. Leipzig, 1887. S. 307 Anm. 1; for the date, see above all Kallet-Marx R.M. Quintus Fabius Maximus and the Dyme Affair (Syll. 684) // *Classical Quarterly*. Vol. 45. 1995. P. 129–153. Another early example is RDGE 48 [= SIG3 741], l. 4 (a letter of C. Cassius, governor of Asia, written to the Nysaeans on the eve of the First Mithridatic war in 88 BC). For συμβούλιον in the sense of a 'jury court' see the fourth Cyrene edict (SEG IX 8 = EJ2 311, l. 66), with Laffi U. In greco per i Greci: Ricerche sul lessico greco del processo civile e criminale romano nelle attestazioni di fonti documentarie romane. Pavia, 2013. P. 42 — a point that will be important for us below.

principate of Augustus, all Roman jurisdiction in the provinces was, as far as we know, conducted by the governor, normally assisted by his *consilium*, thus expanding the remit of the institution considerably compared to Rome itself.³⁹ The main evidence that we have for its composition in that period comes from the *Verrines* of Cicero. It appears that the convention was that the governor would invite his official staff, the quaestor and the legates, and also the prominent members of the local Roman community to his *consilium*, but was not bound to do so — Cicero criticizes Verres for failing to follow this custom but he is not suggesting that the decisions of Verres were therefore illegal (Cic. *Verr.* II.2.34; 5.23; 5.54; 5.114).⁴⁰ Similarly, although some categories of the governor's entourage could be seen as socially inappropriate, it seems to have been within the governor's powers to enroll them: Verres condemned Sopater from the free city of Halicyae 'based on the sentence of a scribe, a doctor and a haruspex' (Cic. *Verr.* II.2.75: *de sententia scribae medici haruspicique condemnat*). The procedure followed by Verres is certainly presented by Cicero as highly irregular, not only in respect of the composition of the advisory board, but on this particular point his condemnation seems to be more social than strictly legal.

A crucial bit of information is provided by Cicero's account of the notorious case of the trial of Philodamus of Lampsacus, who fell foul of Verres during the latter's stay in the city on his way to Cilicia in 80 BC where he was to serve as a legate of the proconsul. Philodamus was condemned by the governor of Asia C. Claudius Nero in a trial which Cicero tried to present as a rigged one.⁴¹ Philodamus and his son were summoned to the assizes at Laodicea, at the other end of the province, and there tried by a *consilium*, to which Nero invited the proconsul of the neighbouring Cilicia, Cn. Dolabella, who was the superior of Verres and thus had his own interest in the case, together with all his staff (Cic., *Verr.* II.1.73–74). Dolabella, as one with the highest standing among the assessors, could cast his vote, for the condemnation, first,⁴² and was followed in

³⁹ Jones A.H.M. *The Criminal Courts of the Roman Republic and Principate* / With pref. by J.A. Crook. Oxford, 1972. P. 83.

⁴⁰ Cf. also n. 18 above on Piso *pater* in Syria under Tiberius.

⁴¹ Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the End of Third Century after Christ*. Princeton, 1950. Vol. 1. P. 247–250, is a classic account. On the events at Lampsacus themselves, see now Steel 2004, who does not discuss the trial.

⁴² Compare how in the inscriptions of the imperial period members of the *consilia* were listed in order of their official seniority, sometimes even putting children before fathers: Mommsen T. *Decret des Proconsuls von Sardinien L. Helvius Agrippa vom J. 68 n. Chr.* // *Hermes*. Bd. 2. 1867. S. 115. Interestingly, Philodamus was condemned *perpaucis sententiis*, meaning, presumably, 'by a small majority'.

that by his *praefecti*. This indicates certain powers or at least *auctoritas* vested in the council when the governor was acting *conlocutus cum consilio*.

Similar impression is created by an anecdote in Aulus Gellius about P. Dolabella (proconsul of Asia in 68 BC) presiding over a trial of a woman of Smyrna, who confessed to killing her husband and son (guilty, in their turn, of killing her son by previous marriage). Prior to transferring the case to the Ar-eopagus as the great repository of legal wisdom, Dolabella is shown asking his *consilium*, which is unable to reach a recommendation: ‘Dolabella referred the case to his advisory board. No one on the board dared to cast their vote in such a doubtful case’ (Gell. NA XII.7: *Dolabella retulit ad consilium. Nemo quisquam ex consilio sententiam ferre in causa tam ancipiti audebat*).⁴³

Another glimpse at the governor’s *consilium* is provided in one of the rare eyewitness (if, in this particular case, fictionalised) accounts of judicial proceedings, namely Horace’s satirical account in *Sat. I.7* of an exchange between a certain Rupilius Rex and a businessman Persius of Clazomenae⁴⁴ in the court of Brutus the tyrannicide, ‘when Brutus was ruling rich Asia as a praetor’ (Hor, *Sat. I.7.18–19: Bruto praetore tenente / ditem Asiam*).⁴⁵ In his speech, Persius ‘praised Brutus and praised his entourage’ (*Sat. I.7.23: laudat Brutum laudatque cohortem*), the latter also characterised as *comites* later in the text (*Sat. I.7.25*). It is clear that his praise should have been addressed to the people who could take the decision and, indeed, the ancient commentator notes at this place: ‘he means Brutus’ entourage, who were on his advisory board’ (Porph. *ad Hor., Sat. I.7.23*, p. 270 Holder: *cohortem comites dicit Bruti, qui in consilio eius erant*).

⁴³ The details are doubtful, as Gellius took his story from Valerius Maximus (VIII.1.amb.2), who does not relate them, but they are interesting as a piece of evidence on how Gellius, who had, after all, served as a *iudex* himself, expected legal proceedings in the governor’s court to be conducted.

⁴⁴ An enfranchised Greek, if we are to believe a suspect gloss in Porphyrio, p. 269 Holder: *qui quam Graecus fuit ciuitatem Romanam sumpserat; unde hybridam appellat* (bracketed by both Meyer and Holder, cf. now Kalinina A. *Der Horazkommentar des Pomponius Porphyrio: Untersuchungen zu seiner Terminologie und Textgeschichte*. Stuttgart, 2007. P. 32, for the reasons). *Hybrida* may have simply been his *cognomen*.

⁴⁵ Horace seems to have accompanied Brutus in his march through Asia Minor, and thus could be present at the trial, see e.g. *Della Corte F. Bruto e Orazio in Asia Minore // Scritti sul mondo antico in memoria di Fulvio Grosso*. Roma, 1981. P. 133–143. For literary discussion and the date of writing, which need not concern us here, see Fraenkel E. *Horace*. Oxford, 1957. P. 118–121; Rudd N. *The Satires of Horace*. Cambridge, 1966. P. 64–67. There is, incidentally, no evidence for the standard view of modern commentators (e.g. Palmer A. *The Satires of Horace*. London, 1883. P. 209; Brown P.M. *Horace: Satires I*. Warminster, 1993. P. 166) that Brutus was holding court at Clazomenae. Horace only says that Persius was from there and explicitly locates his sketch at the *conuentus* (*Sat. I.7.23*), while Clazomenae were never an assize centre.

Another piece of evidence from the time of the Civil War, a full list of the members of the *consilium* of the consul L. Lentulus Crus in 49 B.C. when deciding on the petitions of the Jews of Asia, preserved for us by Josephus (A.J. XIV. 229; 238–39), may also provide an instructive comparison.⁴⁶ Even though this *consilium* was obviously not proconsular, it exhibits the same features as the councils of Nero and Brutus. Significantly though, alongside the proprætorian legate T. Ampius Balbus and the *cohors* of the consul, we encounter two Roman businessmen known from Cicero's letters to be active in the province, P. Servilius Strabo and T. Ampius Menander, the second of them only a freedman.⁴⁷ A similarity with the judges selected in Sicily *ex conuentu ciuium Romanorum* seems obvious (Cic. *Verr.* II.2.32 on the provisions of the *lex Rupilia* — dealing with the appointment of judges, rather than of the members of governor's *consilium*).

Though it would undoubtedly be impossible under the Early Empire to invite another proconsul to the *consilium*, due to the stricter enforcement of the prohibition of leaving one's province, nothing suggests that any set composition of the *consilium* was established early in the imperial age, any more than for magistrates at Rome itself. The republican examples discussed above may be more illustrative of the governor's powers to form his *consilium* even in the mid-second century AD than the later regulations *de officio adsectorum* (D. 1.22). In the Julio-Claudian period, at any rate, Philo of Alexandria still says that one of the duties of a judge was 'to sit with advisers selected on their merits' (Philo, *Leg.* 350: καθίσαι μετὰ συνέδρων ἀριστίνδην ἐπιλεγμένων), thus emphasizing both the duty to consult and the discretion. While he is talking of the emperor Gaius at that point, his expectations should have been formed by provincial legal practice and his statement has general force. Nevertheless, certain significant developments undeniably took place and restricted governor's freedom of action in some aspects.

For governor's entourage in the High Empire, the evidence of M. Cornelius Fronto is illustrative. In a letter to Antoninus Pius, informing the emperor of his inability to take the proconsulship of Asia, Fronto describes his preparations, and, in particular, how he has gathered his *amici* to accompany him to the province:

⁴⁶ For the full discussion of that list, see *Suolahti J.* The Council of L. Cornelius P.f. Crus in the Year 49 B.C. // *Arctos*. Vol. 2. 1958. P. 152–163. I have discussed the evidence of Josephus in *Кантор Г.М.* «Разбирать свои тяжбы»: суды иудейских общин в провинции Азия // *ВДИ*. 2012. №3. С. 138–149.

⁴⁷ *Suolahti J.* The Council of L. Cornelius P.f. Crus in the Year 49 B.C. // *Arctos*. Vol. 2. 1958. P. 159–160, with full references.

‘Then I took active steps to enlist the help of my numerous friends in all that concerned the ordering of the province. Relations and friends of mine (*propinquos et amicos meos*), of whose loyalty and integrity I was assured, I called from home to assist me. I wrote to my intimates (*familiares meos*) at Alexandria to repair with all speed to Athens and await me there, and I deputed the management of my Greek correspondence to those most learned men. From Cilicia too I called upon eminent citizens (*splendidos uiros*) to join me, for, owing to my always having advocated the public and private interests of Cilicia before you, I had hosts of friends (*amicorum copia*) in that province. From Mauretania also I summoned to my side Iulius Senex, a man whose love for me was no less than mine for him, that I might avail myself not only of his loyalty and diligence, but also of his military activity in the hunting down and suppressing of brigands’ (Front., *ad Pium* 8.1, p. 167.2–13 van den Hout, Loeb transl. with minor corrections).

Let us look into categories of people he was going to bring with him: first, people ‘from home’, of whose fidelity and honesty he was sure; second, some learned Greek friends of his from Alexandria to manage Greek correspondence; then some people from Cilicia with connexions in his province, and, finally, a military man of experience to help him in suppressing brigands.⁴⁸ It is significant that, of all the possible sorts of expert advice, Fronto, on the face of it, would have been able to rely on his own entourage only for advice on Greek correspondence and on military matters, and for the first of these he was employing his clients from the eastern part of the Empire, rather than people from Italy.⁴⁹ Similar example of the role of personal relations in picking the governor’s entourage is provided in Pliny the Younger’s description of a case brought by Lustricius Brutianus, a former governor of an unknown province, against his *comes*, Monta-

⁴⁸ Though military men may at first sight seem not very common members of governor’s entourage in public provinces by that date, Pliny the Younger also had with him a certain Nymphidius Lupus because of the military experience of the latter (Plin., *epist.* X.87.1–2), Bithynia being only just converted into an imperial province and relatively ungarrisoned.

⁴⁹ On the vexed question of professional expertise in Roman administration in general, see above all overviews of the discussion in *Eck W. Spezialisierung in der staatlichen Administration des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit // Administration, Prosopography and Appointment Policies in the Roman Empire / Ed. by L. de Blois. Amsterdam, 2001. P. 1–23; and Eck W. Imperial Administration and Epigraphy: In Defence of Prosopography // Representations of Empire: Rome and the Mediterranean World / Ed. by A.K. Bowman, H.M. Cotton, M. Goodman, S. Price. Oxford, 2002. P. 136 ff.*

nus Atticinus, who had deceived him (Plin., *Ep.* 6.22).⁵⁰ At the trial Bruttianus was able to produce his testament, written in the hand of Atticinus, to show that Atticinus had betrayed a close friend.

Another glimpse is provided by an inscription from the sanctuary at Samothrace, made during the visit of Antius (or Anteius) Orestes, proconsul of Macedonia, to the island in AD 165, which gives the list of his entourage, opening with his *amici*.⁵¹ Its reading is disputed: W.V. Harris after re-examining of original has almost completely changed the structure of this document in comparison with Oliver's original edition, removing from it categories of *lictiores* and *viatores*, with names in them now joined to the *amici* section, and soldiers, who now appear to be slaves, but in either version of the text we have a list of governor's *amici*, although of a different length. All of them were apparently Roman citizens and some probably came from influential families, as *Marcus Felix Vi...*, who could have been among the relatives of Q. Marcus Victor Felix Maximianus (*PIR*² M 253: '*legatus Augustorum duorum, probabiliter Severi et Caracallae*'), even if we cannot say more about their exact position in the province.⁵² While it would be difficult to be certain about their role, if any, on the governor's *consilium* on any given occasion, this does at least supply us with the information about the group of people available for the governor's call.

More directly, we have several pieces of documentary evidence showing the governor's council at work and giving a list of those present.⁵³ Let us start with a papyrus from Egypt, recording the hearing given by the prefect C. Caecina Tuscus to a delegation of military veterans in the principate of Nero (4 Sept. 63).⁵⁴ On the occasion he is accompanied by the *iuridicus* and *idiologos* Norba-

⁵⁰ Unknown otherwise: cf. *Sherwin-White A.N. The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary.* Oxford, 1966. P. 382 *ad loc.*; *PIR*² L 446.

⁵¹ *Oliver J.H. A Roman Governor visits Samothrace // American Journal of Philology.* Vol. 87. 1966. P. 75–80, with corrections in *Weaver P.R.C. A New Latin Word? // American Journal of Philology.* Vol. 87. 1966. P. 457–458 [= *AE* 1967, no.444; cf. J. and L. Robert, *BE* 1967, no. 451], New edition in *Harris W.V. An inscription recording a proconsul's visit to Samothrace in 165 A.D. // American Journal of Philology.* Vol. 113. 1992. P. 71–79 (= *SEG* XLII 780). Cf. also *Haensch R. Capita provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit.* Mainz am Rhein, 1997. S. 710.

⁵² *Harris W.V. An inscription recording a proconsul's visit to Samothrace in 165 A.D. // American Journal of Philology.* Vol. 113. 1992. P. 75.

⁵³ See selections in *Balogh E., Pflaum H.-G. Le "consilium" du préfet d'Égypte. Sa composition // Revue historique de droit français et étranger.* T. 30. 1952. P. 117–124; *Weaver P.R.C. Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie.* Leiden, 2002. P. 55–59.

⁵⁴ Ed.pr. J. Scherer, *Fouad I* 21, with extensive commentary (whence *FIRA* III 171a), with another version in *P.Yale* inv. 1528. On the *consilium* see pp. 46–47, note to ll. 4–9. See fur-

nus Ptolemaius, essentially the second in command in the province, two other Roman citizens united by *kai* in one category, three military tribunes, and five other men, all with names appropriate for Roman citizenship, one of whom (Claudius Heraclides) is identified as a *dioiketes*, imperial financial official.

Two things may be noted. First, that at least the prefect of Egypt had in his council advisers appointed from Rome, but appointed apparently not by himself, and there is nothing to suggest that in other provinces, particularly in the imperial, the situation was any different. In the correspondence of Pliny the Younger with Trajan we have numerous mentions of imperial officials appointed to Pontus-Bithynia independently of the governor,⁵⁵ including his assistant legate, Servilius Pudens (Plin. *epist.* X.25), with whom he was in touch. At least some of them could, on occasion, be members of his *consilium* (as imperial procurators Virdus Gemellinus and Epimachus were in the hearing of a case arising at Nicaea over the rights of the city to intestate properties).⁵⁶ Notably, the invitation to imperial procurators to sit on Pliny's *consilium* was extended, on emperor's orders, when financial expertise was required for the decision. For a subtly different situation, but also involving imperial interference, we may also compare an inscription from the mainland Greece which shows a governor of Macedonia inviting, on the orders of the emperor Hadrian, Roman *mentores* to his *consilium* when settling a boundary controversy between Lamia and Hypata in Thessaly.⁵⁷

Secondly, returning to Tuscus' meeting with the veterans, we can see that apart from the military tribunes all the members of the *consilium* have *cognomina* suggesting an origin in the Eastern provinces or even specifically Egypt,

ther Westermann W.L. Tuscus the Prefect and the Veterans in Egypt (P.Yale inv. 1528 and P. Fouad I 21) // *Classical Philology*. Vol. 36. 1941. P. 21–29.

⁵⁵ Such as the *praefectus orae Ponticae* (Plin., *epist.* 10.21–22, 86a), procurators (10.27, 10.84), a certain Sempronius Caelianus sent for the purpose of recruiting soldiers (10.29–30).

⁵⁶ Plin. *epist.* 10.83–84. For the view that the *fiscus* did not have a claim to the *bona uacantia* in Pontus-Bithynia and the conflict was between relatives of the deceased and the city, cf. Sherwin-White A.N. *The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary*. Oxford, 1966. P. 680–681. Arguments for the opposite view best presented by Millar F. *The Emperor in the Roman World*. 2nd ed. London, 1992. P. 159–160, 397. AE 1994, no. 1538a (Gorgippia), a letter of the Bosporean king Aspurgos, suggests that the right of the city to the *bona uacantia* could go back to the inheritance law (ἀγχιστικός νόμος) of Mithridates VI, if it was similar in the Pontic and the Bosporean kingdoms.

⁵⁷ CIL III 586 + III 12306 [= ILS 5947a = NTH 447]: *Cum optimus maximusque | princeps Traianus Hadrianus Aug. scripserit mihi uti adhibitis mento|ribus de controuersis finium inter Lamienses et Hypataeos cognita causa | terminarem* (ll. 2–5); *adhibito a me Iulio Victore euocato Augusti mentore* (l. 7). Not mentioned in Weaver P.R.C. *Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie*. Leiden, 2002. P. 43–62.

as in the case of Norbanus Ptolemaius.⁵⁸ It might be, therefore, that the division between ‘Roman officials’ and ‘local expertise’ could be less than clear-cut (we may recall in this context the *amici* of Fronto from Cilicia and Alexandria); they may even have belonged to that elusive category of ‘resident Roman *negotiatores*’ rather than to that of imperial officials. However, one must not overestimate this as evidence, since Norbanus Ptolemaius was evidently acting in his official position of *iuridicus*, and other members of Tuscus’ *consilium* with Greek cognomina could, of course, also be Roman officials even if that is not mentioned explicitly in the minutes. Roman officials could also provide a kind of ‘semi-local’ expertise themselves, if they served in the province for longer than (or, at least, not concurrently with) the governor: this would, of course, particularly apply to imperial procurators and other financial officials, such as the *idiologus* and the *dioecetes* in this text.

For comparison we may turn to another document from Egypt, fragmentarily preserved edict of the prefect L. Valerius Proclus (AD 144–147),⁵⁹ and an inscription from Sardinia which gives a list of eight men present in the council of the proconsul L. Helvius Agrippa in AD 68 for the decision on the boundary dispute between the communities of the Patulcenses and the Galilenses.⁶⁰ In both we have lists of Roman names, and, interestingly, there are fewer names of Hellenistic origin in the second document from Egypt, even though the council was in this case discussing not a military matter, but a plea of a certain native called Thaisarios. If Mommsen (followed on this point by Balogh and Pflaum)⁶¹ is right to argue that the order in which members of the *consilium* were named depends on their official positions (they indeed make a strong point in discussing the apparently strange order in the Sardinian inscription, where M. Stertinius Rufus *filius* goes before M. Stertinius Rufus father — Mommsen supposes that this is because father was a simple *eques* and son had held the *vigintivirate*; the inscription also begins with the *legatus* and

⁵⁸ Unfortunately, he appears only in the above-mentioned papyrus (Pflaum H.-G. *Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain*. Vol. 3. Paris, 1961. P. 1085).

⁵⁹ Ed.pr. Fr. Krebs, *BGU* 288. Cf. on it Balogh E., Pflaum H.-G. Le “consilium” du préfet d’Égypte. Sa composition // *Revue historique de droit français et étranger*. T. 30. 1952. P. 122; Weaver P.R.C. *Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. P. 43–62. P. 59.

⁶⁰ *CIL* X 7852 [= *ILS* 5947 = Bruns⁷, no. 71a = *FIRA* I 59 = MW, no. 455]. The detailed discussion in the ed.pr. is still indispensable: Mommsen T. *Decret des Proconsuls von Sardinien* L. Helvius Agrippa vom J. 68 n. Chr. // *Hermes*. Bd. 2. 1867. S. 102–127.

⁶¹ Mommsen T. *Decret des Proconsuls von Sardinien* L. Helvius Agrippa vom J. 68 n. Chr. // *Hermes*. Bd. 2. 1867. S. 115; Balogh E., Pflaum H.-G. Le “consilium” du préfet d’Égypte. Sa composition // *Revue historique de droit français et étranger*. T. 30. 1952. P. 117–124.

the *quaestor*⁶²) and the rules of precedence were more or less set, we have in both of them a rather large proportion of members serving *ex officio*. If that is true, the formalisation process in the provinces was developing ahead of Rome itself.

Other examples of the same arrangement come from the provinces of Africa Proconsularis, Achaia, Macedonia, and Hispania Tarraconensis. In an inscription from Africa (AE 1921, nos. 38/39) the proconsul Marcellus, deciding a case between one Iulius Regillus and the community of the Aunobaritani *collocutus cum consilio*, is attended by his legate Cornutus and ten other men including, interestingly, some persons of relatively low social status: the three *scribae* and the *haruspex*. It is worth asking if the coincidence in size with Domitian's council in Juvenal and Marcus Aurelius's council in the *tabula Banasitana* is entirely accidental or the size of the usual *consilium* was beginning to settle around this number. At any rate, councils of the Imperial period are much smaller in size than those of the Republican period, which arguably reflects the changing nature of politics: it would have been imprudent and under some emperors outright dangerous for a governor under the Empire to establish networks of political patronage or ostentatiously advertise their connexions through increasing the size of their council.

A further parallel comes from a group of bilingual inscriptions from Delphi recording a set of decisions of C. Avidius Nigrinus, an imperial legate in Achaia, operating alongside the proconsular governor sometime in the period AD 111–117,⁶³ on boundary disputes between Delphi and the neighbouring *poleis*. Two of these record those who were present in Nigrinus's *consilium* without their official titles.⁶⁴ However, they are likely to have been Roman

⁶² Note that in the above-mentioned case of Dolabella he gave his opinion in the council of the proconsul of Asia first (Cic., *II in Verr.* 1.73). One may compare this also with the procedure in the Roman Senate, where opinions were given in strict order of seniority: Taylor L.R., Scott R.T. Seating Space in the Roman Senate and the Senatores Pedarii // Transactions of the American Philological Association. Vol. 100. 1969. P. 548–557, is one exhaustive discussion among many.

⁶³ On the date and nature of his mission see A. Plassard, in *FdD* III.4, pp. 38–42 (arguing not entirely convincingly for the autumn of AD 114); Bosworth A.B. Arrian's Literary Development // Classical Quarterly. Vol. 22. 1972. P. 184; Weaver P.R.C. Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. P. 57 n. 44; Rousset D. Le territoire de Delphes et la terre d'Apollon. Paris, 2002. P. 144–147; Stadter P.A. Plutarch and His Roman Readers. Oxford, 2014. P. 77–81.

⁶⁴ SIG3 827 A = *FdD* III.4 290, ll. 8–9; *FdD* III.4 294, fr. 4961 (the documents have now been re-edited with commentary by Rousset D. Le territoire de Delphes et la terre d'Apollon. Paris, 2002. P. 91–108). The reference in Weaver P.R.C. Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. P. 57 contains errors.

provincial officials or *amici* of Nigrinus, since all of them have proper Italian names and the only man with Greek *cognomen* in this list is known to us and believed to be already on course of his senatorial career at that time — that is Flavius Arrianus, the historian Arrian. He is listed first or second in the first fragment and second or third in the second one, depending on one's reading of his nomenclature.⁶⁵ Sadly, neither list is complete, and we do not know the size of Nigrinus' *consilium*, but one may compare Arrian's place on it with the position of senatorial officials in African and Sardinian evidence.

Similarly, in the province of Hispania Tarraconensis we have *tabellae defixionum* from the reign of Vespasian, in which T. Aurelius Fulvus, *leg. Aug. pro pr.*, together with Rufus, *leg. Aug.* in some lower position,⁶⁶ the procurator Maturus and an unnamed *consilium* are cursed for judging the dispute between the Olossitani and the Indictani.⁶⁷ (H.G. Pflaum suggested to the *AE* editors an interesting parallel with another inscription of the Flavian period, where the *legatus Augusti pro praetore*, *legatus Augusti* and *procurator Augusti* are honoured by the subject communities in exactly the same order as in inscription in question⁶⁸).

To summarise, a convention that the main officials of the province must be invited appears to have acquired a more formal force in the Imperial period — and should have proved a considerable restraint on the governor's freedom of action.⁶⁹ It is also notable that the size of the *consilium* settles around a rela-

⁶⁵ W. Dittenberger and H. Dessau, *SIG3* 827 A, note 3c, and A. Stein, *PIR2* F 219, were of the opinion that his full name was Q. Eppius Fl. Arrianus, but Plassard in his edition takes a view that these are two distinct persons, since on the second fragment, unknown to Dittenberger, their names are separated by a punctuation mark. This is further corroborated by an inscription from Athens, giving Arrian a *praenomen* Lucius (*AE* 1971, no.437 with corrections in *Oliver J.H. Arrian and the Gellii of Corinth // Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 11. 1970. P. 338 [= *SEG XXXI* 174]); for a reading Λύ(κιον) Φλαοῦιον Ἀρριανόν in *SEG I* 446 (= *TAM IV.1* 41a), l. 2 from Nicomedia in Bithynia see *Kapetanopoulos E. Arrian's Praenomen Again // Athens Annals of Archaeology*. 6. 1973. P. 301–304; a convenient summary in *Ameling W. L. Flavius Arrianus Neos Xenophon // Epigraphica Anatolica*. Bd. 4. 1984. S. 119–122.

⁶⁶ Most probably that of *iuridicus* (cf. *Syme R. Consulates in Absence // Id. Roman Papers*. Vol.1. Oxford, 1979. P. 389).

⁶⁷ *AE* 1952, no.122. *Weaver P.R.C. Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday / Ed. by P. McKechnie*. Leiden, 2002. P. 57–58 n. 46 is less sure about the nature of their activities.

⁶⁸ *CIL II* 2477 (AD 79/80), ll. 7–10: C. *Calpetano Rantio Quirinali* | Val. *Festo leg. Aug. pr. pr.* | D. *Cornelio Maeciano leg. Aug.* | L. *Arruntio Maximo proc. Aug.*

⁶⁹ Cf. also a judicial decision given by Severus and Caracalla during their sojourn in Alexandria and preserved on a papyrus (*SB IV* 7366 = *Oliver J.H. Greek Constitutions of Early Roman emperors from Inscriptions and Papyri*. Philadelphia, 1989. P. 467–469 no. 243; cf. on it *Oli-*

tively small number: while the governor retains the ability to pick his friends for his entourage and advisory board, large scale political networking of the Late Republic is gone, particularly when we take the growing need to take local expertise into consideration.

3. Representatives of the Local Elite

The members of the *consilium* coming from the local elite (or from the resident Roman *negotiatores* for that matter) are the least well attested category and the one for which it is least permissible to extrapolate from the practices of one province to another: it is not *a priori* clear that the practices of, say, Achaia and Asia would be the same as those of Egypt, or, at the other end, Britain. It also needs stressing that a clear division line with the members of the governor's *cohors* is not always easy, or indeed necessary, to draw. For instance, already in the principate of Augustus, a certain Claudius Chionis, who held important municipal offices at Miletus and was an officer of the Roman army before being entrusted with the charge of the Greek correspondence of a proconsul of Asia, probably of the infamous Volesus Messalla, clearly the majority of his intra-provincial official correspondence (*I. Didyma* 272). Should we classify somebody like him as a member of the governor's entourage or as a representative of the local elite? The example provided by Philostratus in his biography of the sophist Polemo is similar to a degree. He reports a witticism of Polemo on the occasion of his being present in the governor's council during an interrogation under torture of a certain robber (Philostr. *VS* I.25.541). Polemo, however, was a Roman citizen (M. Antonius Polemo), as many of the influential provincials were by his time, and a companion of the emperor Hadrian in his journeys through Greece and Asia Minor.⁷⁰ Was he summoned as an adviser by virtue of coming from within the province or by virtue of his imperial connections? It should be observed in this context that while Polemo's suggestion of a suitable punishment for the convict, 'order him to learn by heart some antiquated stuff', hardly looks appropriate in court by the usual Roman standards, it still was clearly to be tolerated from a person of his influence.

ver J.H. A Parallel for the Tabula Banasitana // *American Journal of Philology*. Vol. 97. 1976. P. 370–372), where imperial response is testified by five Roman citizens, one of whom (M. Aurelius Felix, *PIR2* A 1503 = *PME* A 226) was a procurator in Egypt and at least one of the other four a Roman knight in some official position there (T. Aelius Achilles, *PIR2* A 127).

⁷⁰ See on him now Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. Oxford, 2015. P. 302–304 no. 860, with further references.

Our earliest example of a local dignitary on the governor's judicial *consilium* is also ambiguous in that respect. It comes from an inscription of Tabae in Caria, the honorand of which in the turbulent 43 BC joined the council of Dolabella when the latter, after murdering the proconsul Trebonius, usurped power in the province of Asia, and was marching east to meet his death at the hand of Cassius.⁷¹ The same man had earlier served as a δικαιοδότης, perhaps a Roman *praefectus iure dicundo*, rather than a local official. But few definite conclusions can be drawn from these facts. The appointment was no doubt highly irregular and may have been due more to the honorand's services as a commander of a cavalry unit (l. 9) than to anything else.

But some people selected more certainly for their local knowledge and influence are also on record and it is clear that on some occasions at least local dignitaries served on the governor's *consilium*. For instance, in the Acts of the Apostles (Acts 25.23), Festus, the procurator of Judaea, conducts the case of St. Paul 'with ... principal men of the city (σύν ... ἀνδράσι τοῖς κατ' ἐξοχὴν τῆς πόλεως)', alongside his military officers. Similarly, in Egypt in the same period, Philo of Alexandria's description the allegedly commendable behaviour of the prefect Avillius Flaccus before the death of Tiberius claims that he 'judged important cases with the help of those in authority' (Phil. *Flacc.* 1.4, Loeb transl.): it is of course a moot point in what way this is supposed to be different from Flaccus' alleged later reliance on the advice of the local party leaders, Dionysius, Lampo and Isidorus. By the Severan period consultation with local elite in judicial matters gets institutionalised, although we cannot quite date that development, which does not seem to be in place at the beginning of the period we are dealing with here.

In a fragment from the treatise of the Severan jurist Herennius Modestinus on punishments preserved in the Digest, it is stated that the governor 'when hearing the cases of imprisonment should summon for advice the men of senatorial rank and the advocates, if all of them live in the city of the province where he governs' (D. 48.1.12: *custodias auditurus tam clarissimos uiros quam patronos causarum, si omnes in ciuitate prouinciae quam regit agunt, adhibere*). The terminology – if not interpolated – suggests a relatively late date for the rule, as senators residing in provinces other than on official duties would even in the Severan period, let alone earlier, be a rarity.⁷² This might need to be put

⁷¹ L. and J. Robert, *La Carie* II 6, ll. 5–7: καὶ αὐτὸν | Δολοβέ[λ]λου τοῦ αὐτοκράτορος σύνοδρον γενόμενον | ἀ[πο]εταγμένον.

⁷² See further Смышляев А.А. Римский наместник как магистрат (К вопросу об особенностях римской государственности в эпоху Ранней империи) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 1998. С. 282–295.

in the context of the universal grant of citizenship in AD 212, but any such causal link is, of course, tentative.⁷³

A separate category for which we have several attestations is that of local legal experts (*iuris periti*, νομικοί) included in the governor's *consilium* for their specialist knowledge. An inscription of Temenothyrai—Flaviopolis in the province of Asia attests a certain Marcus Aristonicus Timocrates, who was a head of the Museum at Smyrna in the High Imperial period, an expert in law and acted as an assessor in the court of the proconsul of Asia.⁷⁴ Even more interesting in this respect is the epitaph of a certain Cleombrotus from Amasia, a young lawyer who died just after he first took his place in the *consilium* of the governor of Bithynia.⁷⁵ As no Roman names figure in his inscription, it seems that Cleombrotus was not a Roman citizen (note, however, that his father's name was Rufus).

I have argued elsewhere it was precisely from such local lawyers that the governors of the imperial period primarily got expertise on local laws and Roman regulations specific to their province.⁷⁶ (In some cases, naturally, they brought other legal experts with them from elsewhere: note P. Pinnius Iustus, a city councillor at Amastris in Bithynia and legal expert on the council of M. Ulpius Arabianus, proconsul of Africa in ca. AD 200 and his compatriot.⁷⁷) Several pieces of evidence from Egypt show the *praefectus Aegypti* (or a judge appointed by him) consulting local *nomikoi*

⁷³ For Roman citizenship remaining relatively rare on the eve of the *Constitutio Antoniniana*, see now, from two different angles, Lavan M. The Spread of Roman Citizenship, 14–212 CE: Quantification in the Face of High Uncertainty // Past and Present. 230. 2016. P. 3–46; Blanco Pérez A. Nomenclature and Dating in Roman Asia Minor: M. Aurelius/a and the 3rd century AD // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 199. 2016. P. 271–293.

⁷⁴ IGRR IV 618 (see for a better text Drew-Bear T. The city of Temenouthyrai in Phrygia // Chiron. Bd. 9. 1979. P. 295 no. 6), ll. 10–14. Cf. Kantor G. Knowledge of law in Roman Asia Minor // Selbstdarstellung und Kommunikation: Die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der Römischen Welt / Hrsg. von R. Haensch. München, 2009. P. 263–264. For the possibility that he was a juror of a *quaestio*, see below.

⁷⁵ IGRR III 103, ll. 3–4: ἐν νομικῇ προὔχοντα Κλεόμβροτον ἤρπασε Μοῖρα | πρῶτα συνεζόμενον βήματι Β[ε]ιθυνικῶ.

⁷⁶ Kantor G. Knowledge of law in Roman Asia Minor // Selbstdarstellung und Kommunikation: Die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der Römischen Welt / Hrsg. von R. Haensch. München, 2009. P. 249–265. For a prosopography of legal experts in the eastern provinces, Jones C.P. Juristes romains dans l'Orient grec // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 2007. P. 1331–1359, to whose list add Iulius Dionysios, *I.Eph.* VI 2026, and Apollonios, *I.Eph.* VII 3123, at Ephesus; Lucius Vitellius Bassus, a member of a prominent Milesian family, *I.Milet.* II 887; and perhaps Nestor from Laranda in Lycaonia, *SEG* XLII 1265.

⁷⁷ CIL VIII 15876, ll. 5–9, with Crook J.A. Legal Advocacy in the Roman World. Ithaca, NY, 1995. P. 155. See Kantor G. Knowledge of law in Roman Asia Minor // Selbstdarstellung und Kommunikation: Die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der Römischen Welt / Hrsg. von R. Haensch. München, 2009. P. 264 n. 65, for further references.

on the matters of local law.⁷⁸ In extracts from the proceedings of the prefect's court for the year 72/73, the prefect Julius Lupus gives judgement after consulting 'Areios the *nomikos*'.⁷⁹ It seems clear that this Areios cannot be a Roman jurist brought by the prefect with him: the terminology does not, however, make it entirely clear whether he was, in fact, a member of the *consilium* or an outside expert. The situation is clearer in the extracts from the prefectural records of the reign of Trajan where the prefect Sulpicius Similis gives decision according to local laws on testamentary disposition 'having consulted Artemidorus the interpreter of the laws on the matter and talked with the members of the council'.⁸⁰ Artemidorus is clearly a local expert, but the use of different terminology for him and members of the council may suggest that he was not a member himself. Peter Parsons in his edition plausibly suggests that the same Artemidoros appears in the slightly later record of proceedings before the judge Blaesus Marianus, appointed by the prefect Haterius Nepos (AD 124), who gave judgement 'having talked with Artemidorus the *nomikos*'.⁸¹ In the latter case, Artemidorus might have served on the *consilium* himself (the verb is the same as used for members in the Oxyrhynchus document): perhaps his status was sufficient for the advisory board of a judge, but not of the prefect himself.

It may well be significant, then, that there does not seem to be any evidence for local notables (rather than Roman *publicani* and *negotiatores* domiciled in the provinces) joining governor's judicial *consilium* under the Republic. Developments driven by the expansion of Roman citizenship, which would bring more local cases to governor's court, are not improbable, even though neither M. Aristonicus Teimocrates nor Cleombrotus can be safely viewed as Roman citizens themselves. It is also significant that legal profession seems to have developed in the provinces (even in the Greek East) under the Roman influence and in the context of the *conuentus* system. Early in the reign of Tiberius, Strabo (12.2.9.539C) could still view it as a Roman phenomenon, while at Rome itself, transition from the Republic to the Principate was the time for professionalisation of legal expertise.⁸²

⁷⁸ Not discussed in Weaver P.R.C. *Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. P. 43–62.

⁷⁹ J.R. Rea, *P.Oxy.* XXXVI 2757, col. II, ll. 4/5: [πυθόμενος] | Ἀρείου τοῦ νομικοῦ.

⁸⁰ P.J. Parsons, *P.Oxy.* XLII 3015, ll. 9–11: πυθόμενος Ἀρτεμιδώρου τοῦ ἐξη|γουμένου το[ῦς] νόμου περι τοῦ πράγματος | καὶ συναλήσας τοῖς συμ[β]ούλοις.

⁸¹ CPRI 18 (= *M.Chr.* 84), ll. 24/25: συναλήσας | Ἀρτε[μ]ιδ[ώ]ρω τ[ῷ] νομ[ι]κῷ. See on it Crook J.A. *Legal Advocacy in the Roman World*. Ithaca, NY, 1995. P. 74–75. Cf. also a reference to the 'opinions of lawyers' on matters of native Egyptian law in the famous petition of Dionysia (*P.Oxy.* II 237.vii, ll. 14/15).

⁸² Cf. Frier B.W. *The Rise of the Roman Jurists: Studies in Cicero's Pro Caecina*. Princeton, 1985, for setting out the problem.

The context of the *conuentus* raises a final important question: of the more formal juries (*quaestiones*) on the Roman model in provincial context, as attested by the first edict of Augustus' edicts from Cyrene (*SEG IX 8*, ll. 1–40). At Cyrene, these included both Greek and Roman judges with property of not less than 2,500 denarii and were distinct from the *consilium* as discussed above.⁸³ It is within the realm of possibility that these two procedural forms were in certain important aspects quite close: some scholars, notably Wolfgang Kunkel, have suggested that decisions of the *consilium* might have been binding on the governor no less than decisions of a *quaestio* of the Cyrene edicts type.⁸⁴ Nonetheless, even if this highly controversial theory is correct, there would have been a whole world of difference for a provincial litigant, particularly not a very influential one, between being judged by governor's appointees, over the selection of which they had no control whatsoever, and standing before a court selected from a known *album* and exercising the right of *reiectio iudicum*, available to the parties in the province of Cyrenaica.

Evidence from other eastern provinces remains scanty and there is no reason to assume that such a system was ever established universally: one would expect a difference between e.g. the proconsular Asia and the frontier procuratorial province of Cappadocia. Burton was likely right in rejecting Wlassak's theory that the definition of *iudicia* during the assize as *δικαστήρια ordinaria* in the second excursus of two into the history of *conuentus* in Theophilus' Greek paraphrase of Justinian's *Institutes* (Theoph. *Inst.* 3.12 pr) refers to standing courts.⁸⁵ Burton's own attractive interpretation has been to connect this mention to the evident stress put by Theophilus in the same passage on the fact

⁸³ For detailed commentary, *De Visscher F. Les Édits d'Auguste découverts à Cyrene*. Louvain, 1940. P. 55–77, is still indispensable. Note, however, that the fourth edict uses the term *συμβούλιον κριτῶν* for the *quaestio*, a term normally reserved for the *consilium*: *SEG IX 8*, l. 66, with *Laffi U. In greco per i Greci: Ricerche sul lessico greco del processo civile e criminale romano nelle attestazioni di fonti documentarie romane*. Pavia, 2013. P. 42. For another formal council of the governor acting within the *conuentus* setting, note the *consilium* for the purposes of manumission instituted in the *lex Aelia Sentia*. Here it comprised of twenty Roman citizens and gathered on the last day of the *conuentus* and that probably implies that these Roman citizens were mainly local inhabitants (Gaius, *Inst.* 1.20; *Ulp. Reg.* 1.13a).

⁸⁴ *Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vor-sullanischer Zeit*. München, 1962. S. 79–90, developed in *Kunkel W. Die Funktion des Konsiliums in der magistratischen Strafjustiz und im Kaisergericht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. Bd. 84. 1967. S. 218–244; Bd. 85. 1968. S. 253–329; see *contra Garnsey P. The Lex Iulia and Appeal under the Empire // Journal of Roman Studies*. Vol. 56. 1966. P. 167–189; *Id. The criminal jurisdiction of governors // Journal of Roman Studies*. Vol. 58. 1968. P. 51–59.

⁸⁵ *Wlassak M. Römische Prozessgesetze: Ein Beitrag zur Geschichte des Formularverfahrens*. Leipzig, 1919. Bd. 1. S. 35 Anm. 54.

that previously court was held «only at the time of the *conuentus*» (ἐν μόνῳ τῷ καιρῷ τοῦ *conuentu*), the situation that changed by Theophilus' own time.⁸⁶

Some suggestive evidence, however, comes from the provinces of Asia, Pontus-Bithynia and Achaia. Dio Chrysostom boasted that after he had secured the *conuentus* status for his home city, Prusa, citizens of Prusa had the right «to judge themselves» (Dio Chrys. *Or.* 40.10: δικάζειν αὐτοί); a strong statement, unless this was a rhetorical exaggeration – even the Severan rules mentioned by Modestinus did not oblige the governor to put locals on his *consilium* on every occasion. What exactly Dio meant by that is perhaps explained by the statement of Pliny the Younger, who in his letter to Trajan concerning the case of Flavius Archippus says that when he came to Prusa he was «summoning jurors and preparing to hold assizes».⁸⁷ A.N. Sherwin-White has plausibly suggested that these *iudices* were members of a jury-court of the *quaestio* type, rather than *iudices priuati*, since, as he rightly stresses, there was not necessarily any need for the governor to form an *album* of private judges for the *conuentus*.⁸⁸

In support of his view he adduced two early imperial honorific inscriptions. In the first of them among the offices of a certain Quintus Decius Saturninus is listed a post (under Tiberius or in the late years of Augustus) of *praef(ectus) fabr(um) i(ure) d(icundo) et sortiend(is) | iudicibus in Asia*, with responsibility for selecting judges by lot in the province.⁸⁹ In the second it is said of one Gaius Calpurnius Asclepiades from Prusa, who lived in A.D. 87–147, that he ‘served as an assessor to the magistrates of the Roman People in Asia and in other provinces and was entrusted with care of [tablets?] in the judicial urn’.⁹⁰ Sherwin-White’s attractive hypothesis is that here too the existence of juries is implied, contrary to the view of Mommsen that a list of *iudices priuati* was

⁸⁶ Burton G.P. *Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // Journal of Roman Studies*. Vol. 65. 1975. P. 99.

⁸⁷ Plin. *epist.* X.58.1: ‘*cum citarem iudices, domine, conuentum incohaturus*’, tr. B. Radice (LCL).

⁸⁸ Sherwin-White A.N. *The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary*. Oxford, 1966. P. 639–640. There is no need to follow him in assuming that *iudices* in private cases would be found only (or even mainly) among governor’s *comites*. Locals could as easily be appointed, and granting one’s *comites* as judges would not always be convenient: there were too few of them for the task and they had to accompany their governor further in his circuit. This does not affect Sherwin-White’s main argument, however. See also, for a terminological parallel with Cic., *Verr.* II.1.19 (doubtless referring to a *quaestio*), Hardy E.G. C. *Plinii Caecilii Secundi Epistulae ad Traianum imperatorem cum eiusdem responsis*. London, 1889. P. 161. For judges in private law cases not from the *album*, cf. Mazeaud J. *La nomination du *judex unus* sous la procédure formulaire à Rome*. Paris, 1933. P. 86–103.

⁸⁹ CIL X 5393 [= ILS 6286], ll. 7–8.

⁹⁰ CIL XI 3943 [= ILS 7789], ll. 6–8: *adsedit magis|tratibus populi Romani ita ut in aliis et in prouincia Asia, custodiar. | [tabellar.?] in urna iudicum*.

meant in these texts,⁹¹ and that *sortiendis iudicibus* should refer to the selection procedures of the same type as in Roman *quaestiones* or in Cyrenaica. It does not seem impossible to me that the second inscription refers not to selection of judges but to counting their votes and in that case a jury of some sort is implied (this cannot be a panel of *recuperatores*, for the proconsul is presiding over this court, and secret ballot appears more appropriate for a *quaestio* than for an advisory board). But this meaning cannot be established with complete certainty.

Independently of Sherwin-White and without discussion of the two Latin texts, Louis Robert has pointed out that the mention of an assistant of the proconsul κλήρου in the aforementioned inscription of Claudius Chionis (*I. Didyma* 272, l. 19) should also be connected to the terminology of the first Cyrene Edict.⁹² This evidence is particularly significant as contemporary with the inscription of Decius Saturninus.

The spread of the Roman system in that period has also been strikingly confirmed by an inscription from Chersonesus Taurica, recently published by Igor Makarov (*SEG* LV 838).⁹³ As noted by its first editor, this decree of the late first or early second century AD concerned with the reform of civic jury-courts introduced (apparently without any intervention from Rome) the Roman institution of *reiectio iudicum*, so far unknown in the Greek legal procedure elsewhere, using exactly the same verb ἀπολέγειν for the Latin *reicere* as used in the first Cyrene Edict and in the Cnidus copy of the *lex repetundarum*, official Roman translations in both cases.⁹⁴ Roman influence is undeniable and it is a much more economical hypothesis that this procedure was adopted by the Chersonesites from the province of Pontus-Bithynia, to which they were closely connected both by the foundation tie to Heraclea Pontica and by active trade links, than that the source of influence was the city of Rome itself.

For the time of Pliny, Dio and Calpurnius Asclepiades, somewhat clearer information is provided by the passage in Philostratus' biography of the soph-

⁹¹ Mommsen T. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. Leipzig, 1888. S. 231 Anm. 3.

⁹² Robert L. *Les inscriptions de Didyme // Gnomon*. Bd. 31. 1959. P. 665–666 [= *Idem*. *Opera Minora Selecta*. Vol. III. Paris, 1969. P. 1630–1631].

⁹³ For what follows, cf. in more detail Kantor G. *Local Courts of Chersonesus Taurica in the Roman Age // Epigraphical Approaches to the Post-Classical Polis: Fourth Century BC to Second Century AD* / Ed. by P. Martzavou and N. Papazarkadas. Oxford, 2012. P. 69–86, esp. pp. 80–86 (summary in *SEG* LXI 607); accepted by A. Avram, *BE* (2013), no. 312. For another imitation of Roman *sortitio* procedure outside the area of direct Roman rule note the introduction of διαλάξεις, seeming to mean 'selection by lot', in the courts of the Lycian League (*TAM* II 508, ll. 26/27); for this *hapax legomenon*, Larsen J.A.O. *Tituli Asiae Minoris*, II, 508 // *Classical Philology*. Vol. 38. 1943. P. 190.

⁹⁴ Laffi U. *In greco per i Greci: Ricerche sul lessico greco del processo civile e criminale romano nelle attestazioni di fonti documentarie romane*. Pavia, 2013. P. 40 and 48.

ist Dionysius of Miletus. Philostratus describes a meeting between Dionysius and Polemo, then a rising star of the Asian sophistic. The latter came to Sardis ‘to plead a case before the one hundred men who had jurisdiction over Lydia (ἀγορεύσων δίκην ἐν τοῖς ἑκατὸν ἀνδράσιν, ὅφ’ ὧν ἐδικαιοῦτο ἡ Λυδία)’ (Phil., V.S. I.22.524, Loeb tr., slightly corrected). As we learn several lines below, this case was over some substantial property (Polemo was offered a fee of two talents by his client, a rich Lydian), and this has attracted comparisons with the competence of the centumviral court in the city of Rome over inheritance law. Indeed, in the Loeb translation of W.C. Wright the name of the court is rendered just as ‘the Centumviri’. It seems more prudent to avoid such a direct translation (the only correction I have made in the quotation above). It is not certain (however probable) that this was an inheritance case. Nonetheless, the court here is certainly provincial, and not civic: it had competence over Lydia and not just Sardis, Polemo was invited from Smyrna (or Laodicea) as an advocate, and Dionysius came from Miletus on some business (nothing to do with Polemo) exactly on the same day. The most plausible context, suggested already by Isidore Lévy in the nineteenth century, would be an assize session at Sardis, the *conuentus* capital of Lydia.⁹⁵ Philostratus hailed from the Greek East himself and shows remarkable grasp of Asia Minor matters throughout his writings: his evidence has now been strikingly paralleled by a recently discovered imperial letter from Troezen in province of Achaia, probably of AD 211/2, which speaks of a court of 100 selected on the basis of a property qualification (*SEG LVIII 330*, l. 5: ἑκατὸν ἀπὸ τεμῆματος). It is improbable that the inscription is dealing with a civic court from Troezen: the size of the court would be too large for a polis of that size, and besides it is unlikely that the constitution of a local court attracted direct imperial attention. Unfortunately, the fragmentary state of the inscription does not allow further interpretation, but it is tempting to see this as a provincial court established on the same model as the one at Sardis.

It might be significant that the term *πρόκριτος*, used in the inscription of M. Aristonicus Teimocrates for his membership of the governor’s council (*IGRR IV 618*, l. 14), may have been employed in the province of Achaia for the jurors nominated to a provincial court (the nature of which is not entirely certain) by provincial communities and confirmed by the proconsul or the *corrector*, if the procedure described in a third-century Spartan inscription was

⁹⁵ Lévy I. *Études sur la vie municipale de l’Asie Mineure sous les Antonins*. 2de série: Les offices publics // *Revue des études grecques*. Vol. 12. 1899. P. 278 n. 3; 279 n. 1, followed by *Chapot V. L a province romaine proconsulaire d’Asie*. Paris, 1904. P. 352–353 n. 2. Lévy’s additional observation that the jurors were ‘sans doute répartis en dix décuries’ (p. 278 n. 3) is not compelling.

standard.⁹⁶ It is conceivable, though unprovable, that in the case of Timocrates it also meant something of a similar kind, and not simply an assessor on the governor's *consilium*.

In short, although the argument for the existence of *quaestiones* in Asia, Pontus-Bithynia and Achaia in the early imperial period remains what K. Hopkins has called a 'wigwam argument',⁹⁷ it seems to me that the burden of proof lies on those who would wish to deny it. We may be reasonably certain, though, that nothing of the kind existed in the age of Cicero, who makes no mention of any such arrangements in his otherwise extensive descriptions of the organization of the provinces of Asia and Cilicia. The reforms, if they took place, should be attributed to Augustus and put in the context of his changes in provincial government. How close in detail it was in any other province to the system introduced by him in Cyrene will, in the absence of new evidence, remain unknown. The system of the nomination of jurors by provincial communities, which may have existed in Achaia, is markedly different, however.⁹⁸ It is clear from Pliny's practice, though, that one general principle remained the same in Pontus-Bithynia as in the fourth edict of Cyrene: the governor could decide for himself whether to give judgement personally or to sit with a *quaestio* (*SEG IX 8*, l. 66: αὐτὸς διαγινώσκειν κ[αί] ἰστάται ἢ συμβούλιον κριτῶν παρέχειν). The right δικάζειν αὐτοί still depended to a certain extent on his goodwill. Whatever else the Augustan reform was, it was no Magna Carta.

The structure and composition of the governor's *consilium* in the Early Empire were still flexible and not strictly set, just as remained the case with the emperor's council and the advisory boards of the magistrates at Rome. The final formalisation had to wait until the tetrarchic period, even though some bits of regulation were introduced for specific situations earlier, from Augustus to the age of the Severans. In any particular case it could have been changed on the governor's decision or on the emperor's orders. For some time it was

⁹⁶ *IG V.i 541* (Sparta), with *Veyne P. ΠΡΟΚΡΙΤΟΣ: Jurés provinciaux dans des inscriptions de Sparte // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. T. 59. 1985. P. 21–25 (*SEG XXXV 336*) for a new reading of ll. 17–19, and suggesting a similar restoration in *IG V.i 542*, l. 12; *Fournier J. Entre tutelle romaine et autonomie civique: L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C. – 235 apr. J.-C.)*. Athenes, 2010. P. 37–38. The date may be as late as AD 221, cf. *Spawforth A.J.S. Notes on the Third Century AD in Spartan Epigraphy // Annual of the British School at Athens*. Vol. 79. 1984. P. 270–273.

⁹⁷ *Hopkins K. Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History*. Cambridge, 1978. P. 20.

⁹⁸ Cf. *Veyne P. ΠΡΟΚΡΙΤΟΣ: Jurés provinciaux dans des inscriptions de Sparte // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. T. 59. 1985. P. 22 n. 4, who suggests that the first Cyrene Edict was a stop-gap measure, later abandoned.

not even in a strict sense obligatory for the governor to consult his *consilium* (one hesitates to put the change as late as the great work on administrative law undertaken by the Severan jurists, but there is no firm attestation in the earlier period). In some circumstances, however, at least in key public provinces in the East, the governor was supposed to operate in the context of a *quaestio* on the Roman model, which would have considerably restricted his freedom of action. The system is described in detail at Cyrene, but we appear to have some glimpses of it both in Asia Minor and in mainland Greece and it could be imitated by semi-independent communities on the fringes of Roman power.

Even so, some common conventions and patterns certainly applied. Councils tended to be much smaller than in the Republican period (councils of twelve members and smaller appear in our sources), presumably due to the much more precarious political situation of provincial governors. Other Roman officials in the province were generally invited, presumably when they were present on the spot and especially (in the case of imperial procurators) when their sphere of responsibility was concerned. That further restricted the governor's supposed freedom of choice: in a small council and with the growing recognition of the need to involve local dignitaries and experts as his advisers, he would struggle to reward his own entourage with positions on the *consilium*. The general trajectory from the uncontrollable warlords of the Late Republic to the severely circumscribed post-tetrarchic civilian governors can be observed in this aspect of their powers too, even if key moves in that direction come only in the Severan period or later. It goes in parallel with the general tendency to regulate official advice more strictly and remunerate it more formally which by the end of our period affected the imperial council and the councils of Roman magistrates as well: by that point Roman state was ceasing to be, in Peter Garnsey's and Richard Saller's celebrated phrase, an 'empire without bureaucracy'. In our period, however, these tendencies remain restricted in scope and traditional social considerations continue to play their role, just as they would in a senator's *consilium domesticum*.

REFERENCES

1. *Amarelli F.* Consilia principum. Napoli, 1983.
2. *Ameling W. L.* Flavius Arrianus Neos Xenophon // Epigraphica Anatolica. Bd. 4. 1984. S. 119–122.
3. *Badian E.* Zöllner und Sünder: Unternehmer im Dienst der römischen Republik. Darmstadt, 1997.
4. *Balogh E., Pflaum H.-G.* Le “consilium” du préfet d’Egypte. Sa composition // Revue historique de droit français et étranger. T. 30. 1952. P. 117–124.
5. *Blanco Pérez A.* Nomenclature and Dating in Roman Asia Minor: *M. Aurelius/a* and the 3rd century AD // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 199. 2016. P. 271–293.
6. *Bosworth A.B.* Arrian’s Literary Development // Classical Quarterly. Vol. 22. 1972. P. 163–185.
7. *Braund D.* Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // ВДИ. 1999. №1. С. 73–85.
8. *Braund S.M.* Juvenal: Satires, Book 1. Cambridge, 1996. (Cambridge Greek and Latin Classics.)
9. *Braund S.M.* Seneca: De Clementia. Oxford, 2009.
10. *Brennan T.C.* The Praetorship in the Roman Republic. Oxford, 2000. Vols. 1–2.
11. *Brown P.M.* Horace: Satires I. Warminster, 1993.
12. *Buckland W.W.* A Text-Book of Roman Law from Augustus to Justinian. 3rd ed., rev. by P. Stein. Cambridge, 1966.
13. *Burton G.P.* Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // Journal of Roman Studies. Vol. 65. 1975. P. 92–106.
14. *Callebat L.* La prose d’Apulée dans le De Magia: Eléments d’interprétation // Wiener Studien. Bd. 97. 1994. P. 143–167.
15. *Chapot V.* L a province romaine proconsulaire d’Asie. Paris, 1904.
16. *Cichorius C.* Das Offizierkorps eines römischen Heeres aus dem Bundesgenossenkriege // Id. Römische Studien. Leipzig, 1922. S. 130–185.
17. *Courtney E.* A Commentary on the Satires of Juvenal. London, 1980.
18. *Crook J.A.* Consilium principis: Imperial councils and counsellors from Augustus to Diocletian. Cambridge, 1955.
19. *Crook J.A.* Legal Advocacy in the Roman World. Ithaca, NY, 1995.

20. *De Visscher F.* Les Édits d'Auguste découverts à Cyrene. Louvain, 1940.
21. *Della Corte F.* Bruto e Orazio in Asia Minore // Scritti sul mondo antico in memoria di Fulvio Grosso. Roma, 1981. P. 133–143.
22. *Di Stefano G.* Una nuova edizione del senatus consultum de agro Pergameno // Rendiconti dell'Accademia dei Lincei. Ser. IX. Vol. 9. 1998. P. 707–748.
23. *Drew-Bear T.* The city of Temenouthyrai in Phrygia // Chiron. Bd. 9. 1979. P. 275–302.
24. *Duncan-Jones R.* Power and Privilege in Roman Society. Cambridge, 2016.
25. *Eck W.* Provincial Administration and Finance // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. 11. 2000. P. 266–292.
26. *Eck W.* Spezialisierung in der staatlichen Administration des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit // Administration, Prosopography and Appointment Policies in the Roman Empire / Ed. by L. de Blois. Amsterdam, 2001. P. 1–23.
27. *Eck W.* Imperial Administration and Epigraphy: In Defence of Prosopography // Representations of Empire: Rome and the Mediterranean World / Ed. by A.K. Bowman, H.M. Cotton, M. Goodman, S. Price. Oxford, 2002. (Proceedings of the British Academy; 114). P. 131–152.
28. *Färber R.* Römische Gerichtsorte: Räumliche Dynamiken von Juridiktion im Imperium Romanum. München, 2015.
29. *Foti Talamanca G.* Recherche sul processo nell'Egitto greco-romano. Milano, 1974–1984. Vols. 1–2.
30. *Fournier J.* Entre tutelle romaine et autonomie civique: L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C. — 235 apr. J.-C.). Athenes, 2010.
31. *Fraenkel E.* Horace. Oxford, 1957.
32. *Frier B.W.* The Rise of the Roman Jurists: Studies in Cicero's *Pro Caecina*. Princeton, 1985.
33. *Frier B.W., McGinn T.A.J.* A Casebook on Roman Family Law. Oxford, 2004.
34. *Garnsey P.* The Lex Iulia and Appeal under the Empire // Journal of Roman Studies. Vol. 56. 1966. P. 167–189.
35. *Garnsey P.* The criminal jurisdiction of governors // Journal of Roman Studies. Vol. 58. 1968. P. 51–59.
36. *Gaughan J.E.* When Murder Was Not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin, 2010.
37. *Giménez-Candela T.* Bemerkungen über Freilassungen in consilio // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 113. 1996. S. 64–87.
38. *Greenidge A.H.J.* The Legal Procedure of Cicero's Time. Oxford, 1901.

39. *Guerber É.* Les cités grecques dans l'Empire romain: Les privileges et les titres des cités de l'Orient hellénophone d'Octave Auguste à Dioclétien. Rennes, 2009.
40. *Habicht C.* New Evidence on the Province of Asia // *Journal of Roman Studies*. Vol. 65. 1975. P. 65-91.
41. *Haensch R.* *Capita provinciarum: Statthaltersitze und Provinzialverwaltung in der römischen Kaiserzeit.* Mainz am Rhein, 1997.
42. *Hammond M.* *The Antonine Monarchy.* Rome, 1959. (Papers and Monographs of the American Academy in Rome; 20).
43. *Hardy E.G. C.* *Plinii Caecilii Secundi Epistulae ad Traianum imperatorem cum eiusdem responsis.* London, 1889.
44. *Harris W.V.* An inscription recording a proconsul's visit to Samothrace in 165 A.D. // *American Journal of Philology*. Vol. 113. 1992. P. 71–79.
45. *Harris W.V.* *Roman Power: A Thousand Years of Empire.* Cambridge, 2016.
46. *Hopkins K.* *Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History.* Cambridge, 1978.
47. *Hunink V.* *Apuleius of Madauros: Pro se de magia (Apologia) / Ed. with a commentary.* Amsterdam, 1997. Vol. 1–2.
48. *Hurley D.W.* *Suetonius: Divus Claudius.* Cambridge, 2001.
49. *Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E.* *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire.* Oxford, 2015.
50. *Jones A.H.M.* *The Later Roman Empire, 284–602: A social, economic and administrative survey.* Oxford, 1964. Vol. 1–3.
51. *Jones A.H.M.* *The Criminal Courts of the Roman Republic and Principate / With pref. by J.A. Crook.* Oxford, 1972.
52. *Jones C.P.* *Juristes romains dans l'Orient grec // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres.* 2007. P. 1331–1359.
53. *Kalinina A.* *Der Horazkommentar des Pomponius Porphyrio: Untersuchungen zu seiner Terminologie und Textgeschichte.* Stuttgart, 2007.
54. *Kallet-Marx R.M.* *Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 BC.* Berkeley, 1995.
55. *Kallet-Marx R.M.* *Quintus Fabius Maximus and the Dyme Affair (Syll. 684) // Classical Quarterly.* Vol. 45. 1995. P. 129–153.
56. *Kantor G.* *Knowledge of law in Roman Asia Minor // Selbstdarstellung und Kommunikation: Die Veröffentlichung staatlicher Urkunden auf Stein und Bronze in der Römischen Welt / Hrsg. von R. Haensch.* München, 2009. P. 249–265.
57. *Kantor G.* *Local Courts of Chersonesus Taurica in the Roman Age // Epigraphical Approaches to the Post-Classical Polis: Fourth Century BC to*

- Second Century AD / Ed. by P. Martzavou and N. Papazarkadas. Oxford, 2012. P. 69–86.
58. *Kantor G.* ‘Decide their controversies with one another’: Jewish Courts in the Province of Asia [“Razbirat’ svoi tiazhby mezhdu soboj”]: Sudy iudejskikh obschin v provintsii Asija] // VDI. 2012. №3. P. 138–149.
 59. *Kapetanopoulos E.* Arrian’s Praenomen Again // Athens Annals of Archaeology. 6. 1973. P. 301–304.
 60. *Kaser M.* Das Römische Zivilprozessrecht. München, 1966. (Rechtsgechichte des Altertums im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft; III.4.)
 61. *Kunkel W.* Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962.
 62. *Kunkel W.* Das Konsilium im Hausgericht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 83. 1966. S. 219–251.
 63. *Kunkel W.* Die Funktion des Konsiliums in der magistratischen Strafjustiz und im Kaisergericht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 84. 1967. S. 218–244; Bd. 85. 1968. S. 253–329.
 64. *Kunkel W., Wittmann R.* Staatsordnung and Staatspraxis der römischen Republik. Abschn. 2: Die Magistratur. München, 1995.
 65. *Laffi U.* In greco per i Greci: Ricerche sul lessico greco del processo civile e criminale romano nelle attestazioni di fonti documentarie romane. Pavia, 2013.
 66. *Larsen J.A.O.* Tituli Asiae Minoris, II, 508 // Classical Philology. Vol. 38. 1943. P. 177–190; 246–255.
 67. *Lavan M.* The Spread of Roman Citizenship, 14–212 CE: Quantification in the Face of High Uncertainty // Past and Present. 230. 2016. P. 3–46.
 68. *Lévy I.* Études sur la vie municipale de l’Asie Mineure sous les Antonins. 2de série: Les offices publics // Revue des études grecques. Vol. 12. 1899. P. 255–289.
 69. *Lewis R.G.* Asconius: Commentaries on Speeches by Cicero. Oxford, 2006.
 70. *Liebenam W.* Consilium // Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. 4. 1901. Sp. 915–922.
 71. *Liebs D.* Hofjuristen der römischen Kaiser bis Justinian. München, 2010.
 72. *Lintott A.* The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 1999.
 73. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of Third Century after Christ. Princeton, 1950. Vol. 1–2.
 74. *Mattingly H.B.* The Date of the Senatus Consultum de Agro Pergameno // American Journal of Philology. Vol. 93. 1972. P. 412–423.
 75. *Mazeaud J.* La nomination du *judex unus* sous la procédure formulaire à Rome. Paris, 1933.

76. *Millar F.* The Emperor in the Roman World. 2nd ed. London, 1992.
77. *Mitchell S.* Anatolia: Land, Men and Gods in Asia Minor. Oxford, 1993. Vol. 1–2.
78. *Mommsen T.* Decret des Proconsuls von Sardinien L. Helvius Agrippa vom J. 68 n. Chr. // *Hermes*. Bd. 2. 1867. S. 102–127.
79. *Mommsen T.* Der Rechtsstreit zwischen Oropos und den römischen Steuerpächtern // *Hermes*. Bd. 20. 1885. S. 268–287.
80. *Mommsen T.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Leipzig, 1887–8.
81. *Mouritsen H.* The Freedman in the Roman World. Cambridge, 2011.
82. *Oliver J.H.* A Roman Governor visits Samothrace // *American Journal of Philology*. Vol. 87. 1966. P. 75–80.
83. *Oliver J.H.* Arrian and the Gellii of Corinth // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 11. 1970. P. 335–338.
84. *Oliver J.H.* A Parallel for the Tabula Banasitana // *American Journal of Philology*. Vol. 97. 1976. P. 370–372.
85. *Oliver J.H.* Greek Constitutions of Early Roman emperors from Inscriptions and Papyri. Philadelphia, 1989.
86. *Palme B.* Roman Litigation – Reports of Court Proceedings // *Law and Legal Practice in Egypt from Alexander to the Arab Conquest: A Selection of Papyrological Sources in Translation / Ed. by J.G. Keenan, J.G. Manning, U. Yiftach-Firanko*. Cambridge, 2011. P. 482–511.
87. *Palmer A.* The Satires of Horace. London, 1883.
88. *Passerini A.* Le iscrizioni dell'agorà di Smirna concernanti la lite tra i publicani e i pergameni // *Athenaeum*. Vol. 15. 1937. P. 252–283.
89. *Pflaum H.-G.* Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain. Paris, 1960–61. Vol. 1–3.
90. *Pleket H.W.* The Greek Inscriptions of the Rijksmuseum van Oudheden at Leyden. Leiden, 1958.
91. *Ramsey J.T.* Cicero, Pro Sulla 68 and Catiline's candidacy in 66 B.C. // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 86. 1982. P. 121–131.
92. *Richardson J.* The administration of the empire // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 9. 1994. P. 564–598.
93. *Robert L.* Le culte de Caligula à Milet et la province d'Asie // *Id. Hellenica*. Vol. 7. Paris, 1949. P. 206–238.
94. *Robert L.* Les inscriptions de Didyme // *Gnomon*. Bd. 31. 1959. P. 657–674.
95. *Robert L.* Opera minora selecta. Vol. 3. Paris, 1969.
96. *Robert L., Robert J.* La Carie: Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques. T. 2: Le plateau de Tabai et ses environs. Paris, 1954.
97. *Rousset D.* Le territoire de Delphes et la terre d'Apollon. Paris, 2002.

98. *Rudd N.* The Satires of Horace. Cambridge, 1966.
99. *Ruggiero A.* Nuove riflessioni in tema di tribunale domestico // Sodalitas: Scritti in onore di Antonio Guarino. Vol. 4. Napoli, 1984. P. 1593–1600.
100. *Ryan F.X.* The consular candidacy of Catiline in 66 // *Museum Helveticum*. Bd. 52. 1995. S. 45–48.
101. *Schulz F.* Principles of Roman Law. Oxford, 1936.
102. *Schulz F.* History of Roman Legal Science. Oxford, 1946.
103. *Seston W. Euzennat M.* Un dossier de la chancellerie romaine, la Tabula Banasitana, étude de diplomatique // *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. 1971. P. 468–490.
104. *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary. Oxford, 1966.
105. *Sherwin-White A.N.* The Tabula of Banasa and the Constitutio Antoniniana // *Journal of Roman Studies*. Vol. 63. 1973. P. 86–98.
106. *Smyshliaev A.L.* Roman governor as a magistrate (Towards the problem of specificity of the Roman state in the early imperial period) [Rimskij namestnik kak magistrat (K voprosu ob osobennostiakh rimskoj gosudarstvennosti v epokhu Rannej imperii)] // *Gosudarstvo v istorii obschestva (k probleme kriteriev gosudarstvennosti)*. Moscow, 1998. P. 282–295.
107. *Smyshliaev A.L.* Roman governor in a provincial city: *Otium post negotium* [Rimskij namestnik v provintsial'nom gorode: *Otium post negotium*] // *VDI*. 1999. №4. C. 59–70.
108. *Spawforth A.J.S.* Notes on the Third Century AD in Spartan Epigraphy // *Annual of the British School at Athens*. Vol. 79. 1984. P. 263–288.
109. *Stadter P.A.* Plutarch and His Roman Readers. Oxford, 2014.
110. *Suolahti J.* The Council of L. Cornelius P.f. Crus in the Year 49 B.C. // *Arctos*. Vol. 2. 1958. P. 152–163.
111. *Syme R.* Consulates in Absence // *Id. Roman Papers*. Vol.1. Oxford, 1979. P. 378–392.
112. *Syme R.* Proconsuls d'Afrique sous Antonin le Pieux // *Revue des études anciennes*. T. 61. 1959. P. 310–319.
113. *Talbert R.J.A.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984.
114. *Taylor L.R.* The Voting Districts of the Roman Republic. Rome, 1960.
115. *Taylor L.R., Scott R.T.* Seating Space in the Roman Senate and the Senatores Pedarii // *Transactions of the American Philological Association*. Vol. 100. 1969. P. 529–582.
116. *Thomasson B.E.* Laterculi Praesidum. Göteborg, 1984. Vol. 1–2.
117. *Veyne P.* ΠΡΟΚΡΙΤΟΣ: Jurés provinciaux dans des inscriptions de Sparte // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. T. 59. 1985. P. 21–25.

118. *Weaver P.R.C.* A New Latin Word? // *American Journal of Philology*. Vol. 87. 1966. P. 457–458.
119. *Weaver P.R.C.* *Consilium praesidis: Advising Governors // Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. by P. McKechnie. Leiden, 2002. (*Mnemosyne Suppl.* 231). P. 43–62.
120. *Westermann W.L.* Tuscus the Prefect and the Veterans in Egypt (P.Yale inv. 1528 and P. Fouad I 21) // *Classical Philology*. Vol. 36. 1941. P. 21–29.
121. *Wlassak M.* *Römische Prozessgesetze: Ein Beitrag zur Geschichte des Formularverfahrens*. Leipzig, 1919. Bd. 1–2.

Key Words:

the Late Roman Empire, the Early Roman Empire, provincial governors, governor's advisers, Augustus' edicts from Cyrene

Г.М. Кантор

QUI IN CONSILIO ESTIS: СУДЕБНЫЕ СОВЕТНИКИ НАМЕСТНИКОВ В ЭПОХУ РАННЕЙ ИМПЕРИИ

данной статье дается обзор литературных, юридических и документальных свидетельств периода Поздней Республики и Принципата о составе и полномочиях судебных советников римских наместников провинции, до институционализации и «бюрократизации» их роли в III в. н. э. Как и должностные лица в самом Риме, наместники сохраняют в этот период значительную свободу в выборе своих советников. Эта свобода, однако, была ограничена конвенцией, требовавшей приглашать в совет других представителей римской власти в провинции и представителей местной элиты, а также сокращением обычной численности совета в сравнении с республиканским периодом, до примерно 12 членов. Это ограничивало возможности наместника использовать назначения в свой совет в политических целях. Совет давал возможность привлекать местную юридическую экспертизу, в т. ч. в вопросах местного права, однако не во всех случаях юридические консультанты наместников были его полноправными членами. Хотя наши источники не дают оснований считать, что приговор наместника был во всех случаях связан рекомендацией совета, ряд свидетельств говорит в пользу предположения, что в ряде провинций (Ахайя, Азия, Вифиния) в период между принципатами Августа и Траяна совет мог заменяться в уголовном судопроизводстве постоянными судебными комиссиями (quaestiones) по римскому образцу, прямо засвидетельствованными в эдиктах Августа из Киренаики.

 Кантор Георгий Максимович

доктор философии Оксфордского университета,
Сент-Джонс колледж

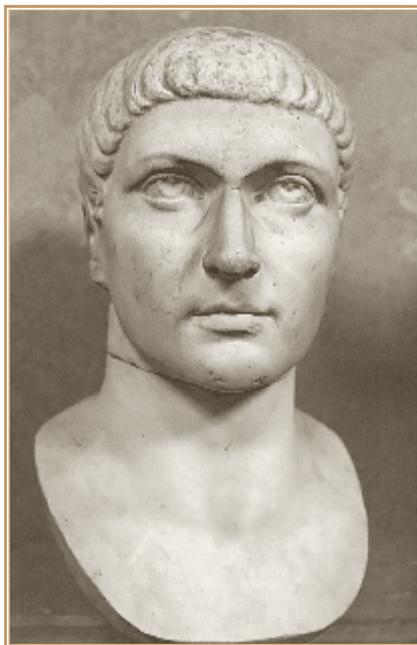
Д.В. Обрезкова

ИМПЕРАТОРСКИЙ КОНСИСТОРИЙ В IV — НАЧАЛЕ V В. (ПО ДАННЫМ ПОЗДНЕРИМСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

консistorии император Феодосий Август сказал: “От епископа не требуют явиться в суд для дачи свидетельских показаний ни по статусу, ни по закону”¹. Процитированное судебное постановление — фрагмент конституции императора Феодосия I (379–395) — одно из многих, вынесенных в императорском консistorии, совете, собиравшемся при императоре в эпоху Поздней Империи. Принято считать, что в процессе централизации системы управления Империей, ставшей следствием реформ императоров Диоклетиана (284–305) и Константина I (306–337), полномочия этого учреждения, ставшего преемником созданного еще Августом *consilium principis*, и статус принимаемых им решений подверглись существенным изменениям. Однако подобный результат далеко не очевиден, тем более что эволюция властных структур была лишь начата Диоклетианом и Константином; их преемники на императорском престоле внесли не менее значимый вклад в совершенствование властных механизмов и их приспособление к меняющимся социально-политическим и экономическим условиям.

¹ «In consistorio imp[erator] Theodosius a[ugustus] dixit: episcopus nec honore nec legibus ad testimonium flagitatur» (CTh.11.39.8 (a. 381, Grat./Valent./Theod.)).

Константин I Великий

Именно поэтому история императорского консistorия в эпоху Поздней Империи (как, впрочем, и история любого властного института этого времени) не может рассматриваться лишь в общем контексте реформ периода домината; эта история должна стать объектом более специального исследования, предполагающего известное абстрагирование от общего при определяющем внимании к частному. Изменения, которые несли эти реформы, не носили взрывного, революционного характера, а накапливались постепенно, меняя облик, структуру и функции соответствующих учреждений, а вместе с ними — и системы власти в целом. Ниже я постараюсь показать, что эта тенденция в полной мере проявилась в случае позднеримского императорского совета-консistorия.

Несмотря на то, что количество работ, посвященных различным аспектам, связанным с изучением истории этого института, достаточно велико², при ближайшем рассмотрении выясняется, что до сих пор вопросов

² Seeck O. Comes consistorianus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 4. Hlfb. 7. 1900; Seeck O. Consistorium // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 4. Hlfb. 7. 1900; Cicogna G. Consilium principis. Consistorium. Ricerche di diritto romano pubblico e di diritto privato. Torino, 1902; Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey / 3 vols. Oxford, 1964; Weiss P.B. Consistorium und comites consistoriani: Untersuchungen zur Hofbeamtenschaft des 4. Jahrhunderts n. Chr. auf prosopographischer Grundlage. Würzburg, 1975; Delmaire R. Les institutions du Bas-Empire Romain, de Constantin à Justinien. Vol. 1: Les institutions civiles palatines. Paris, 1995; менее подробно: Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.1.: 395–518 годы. СПб., 2003;

остается гораздо больше, чем ответов. Так, вплоть до настоящего времени дискуссионными остаются вопросы о времени возникновения института, о терминологии, употребляющейся для его обозначения, а также о составе консистория. Их я и постараюсь прояснить в данной статье.

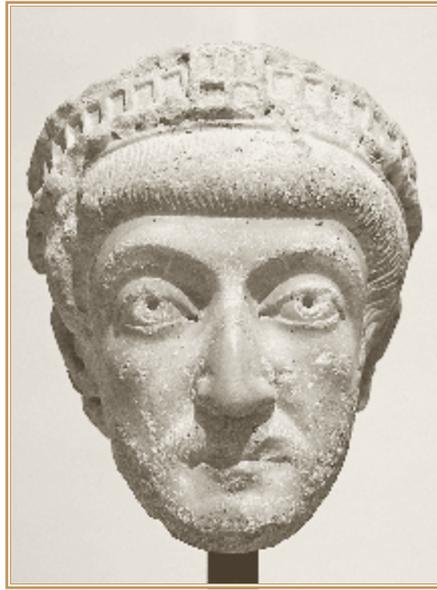
Хронологические рамки настоящего исследования (IV — начало V в.) определяются, прежде всего, тем, что на этот период приходится фаза становления новой системы власти, основы которой были заложены реформами Диоклетиана и Константина и которая определила облик всей позднеримской системы управления, в целом, и императорского совета, как ее части, в частности. Кроме того, эти хронологические рамки в основном совпадают с датировкой издания императорских конституций, вошедших в состав кодекса Феодосия (312–437 гг.), составленного по указанию восточного императора Феодосия II Младшего (408–450) комиссией квестора священного дворца Антиоха к 438 г. Этот источник, несмотря на все его известные недостатки (в частности, на тот факт, что полный текст памятника не сохранился и приходится пользоваться реконструкцией Т. Моммзена, П. Крюгера и Э. Мейера), содержит наиболее системную информацию о позднеримской системе власти и (что наиболее важно) позволяет проследить эволюцию этой системы на протяжении всего указанного периода³.

Императорские конституции, в которых фигурирует либо сам термин *consistorium*, либо производное от него прилагательное *consistorianus*, не составляют единого титула⁴, но рассредоточены по разным книгам; чаще всего они встречаются в шестой и одиннадцатой книгах. В первой из них (Lib.VI) объектом правового регулирования является статус сенаторов и лиц, достигающих сенаторских привилегий по службе. Большая же часть книги (CTh.VI.8–38) посвящена статусу должностных лиц дворцового ведомства, напрямую подчиненных императору (от препозитов священной

De Martino F. Storia della costituzione romana. Vol. 5. Napoli, 1967; *De Bonfils G.* Il comes et quaestor nell'età della dinastia Costantiniana, Napoli, 1981; *Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. S. I., 1998; *Smith R.* The imperial court of the Late Roman Empire A.D. 300 — A.D. 400 // The court society in ancient monarchies / Ed. Spawforth A.J.S. Cambridge, 2007. P. 157–232.

³ Общие сведения о кодексе Феодосия см., напр.: *Концев А.В.* Кодификация Феодосия и ее предпосылки // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1996. № 1. С. 247–261; *The Theodosian Code* / Ed. by J. Harries, I. Wood. London, 1993. В настоящей работе использовано издание: *Mommsen T., Meyer E., Krüger P.* Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmodianis. Berlin, 1901. Bd. 2. S. 27–906 (при ссылках — CTh). В CTh. вошли не все конституции 312–437 гг., ряд из них отразился в кодексе Юстиниана. См.: *Corpus Iuris Civilis* / Rec. P. Krueger. Vol. 2: Codex Iustianianus. Berolini, 1906 (при ссылках — CJ).

⁴ Исключением может служить титул CTh.6.12 *De comitibus consistorianis* [О комитетах консистория], однако в него входит всего лишь одна конституция.

Феодосий II

опочивальни до конюших и т. п.). Что же касается одиннадцатой книги, то ее содержание связано главным образом с регулированием фискальной сферы. Всего консисторий в той или иной форме упоминается более чем в 20 конституциях, самая ранняя из которых издана в 362 г., а самая поздняя — в 435 г.⁵ Таким образом, кодекс Феодосия содержит достаточно информации для исследования консистория в указанный период.

Помимо него, в исследовании учтены конституции IV — начала V в., по разным причинам не вошедшие в кодекс Феодосия, но включенные в кодекс Юстиниана, поздняя версия которого, как известно, была составлена комиссией под руководством юриста Трибониана к 529 г. Речь идет о конституциях императора Диоклетиана (С.9.47.12) (без даты), Константина (С.7.1.4 (319–323 гг.) и С.6.7.2 (326 г.)), а также Валентиниана II, Феодосия I и Аркадия (С.2.12.25) 392 г. Важна также конституция Гонория и Феодосия II, датированная 415 г. (С.12.16.1), которая хотя и вошла в состав

⁵ Consistorium: CTh.11.39.5 (a.362, Iulian.), CTh.6.35.7 (a.367, Valent./Valens), CTh.6.30.1 (a.379, Grat./Valent./Theod.), CTh.6.10.2 (a.381, Grat./Valent./Theod.), CTh.11.39.8 (a.381, Grat./Valent./Theod.), CTh.11.22.4 (a.383, Grat./Valent./Theod.), CTh.12.12.10 (a.385, Valent./Theod./Arc.), CTh.6.26.5 (a.389, Valent./Theod./Arc.), CTh.6.4.28 (a.396, Arc./Hon.), CTh.9.14.3 (a.397, Arc./Hon.), CTh.6.12.1 (a.399, Arc./Hon.), С.12.16.1 (a.415, Hon./Theod.), CTh.6.22.8 (a.425, Theod./Valent.), CTh.6.2.26 (a.428, Theod./Valent.); consistorianus: CTh.6.30.4 (a.379, Grat./Valent./Theod.), CTh.11.16.15 (a.382, Grat./Valent./Theod.), CTh.7.8.3 (a.384, Grat./Valent./Theod.), CTh.11.16.18 (a.390, Valent./Theod./Arc.), С.2.12.25 (a.392, Valent./Theod./Arc.), CTh.10.5.1 (a.398, Arc./Hon.), CTh.11.18.1 (a.409 [412], Hon./Theod.), CTh.6.22.8 (a.425, Theod./Valent.), CTh.1.1.6.2 (a.435, Theod./Valent.).

кодекса Феодосия (C.Th.6.23.1), но лишь в виде небольшого отрывка, тогда как кодекс Юстиниана сохранил гораздо более полную версию, в которой, среди прочего, фигурирует понятие *consistorium*. Наконец, для учета более широкого историко-правового контекста была привлечена информация ряда конституций Юстиниана, в которых фигурирует консисторий, датированный 529 г. (C.1.2.22; C.1.14.12; C.4.34.11; C.5.12.30).

В настоящей статье не ставилась задача привлечения всего круга источников, содержащих информацию, связанную с историей института позднеимператорского императорского совета. Такого рода исследование совершенно необходимо, однако по своему объему оно выходит за ограниченные рамки статьи; я планирую осуществить его в будущем. Пока же я буду опираться лишь на информацию правовых текстов, об источниковедческих особенностях которых уже сказано выше.

Терминология

Проблемы, связанные с изучением позднеимператорского императорского совета, начинаются уже на уровне терминологии, поскольку в среде исследователей не существует единого мнения о том, какие термины, применявшиеся для обозначения всякого рода собраний, происходивших с участием (или хотя бы в присутствии) императора, использовались (а какие — не использовались) для обозначения интересующего меня учреждения. Поэтому, прежде чем говорить о функциях и составе консистория, следует прояснить вопрос с терминологией.

Начну с замечания о том, что под термином *consistorium*, как правило, понимался императорский совет, который во времена Поздней Римской империи заменил *consilium principis* эпохи Принципата. Однако исследователи не дают четкого ответа на вопрос о том, когда именно изменилось название означенного совета, а следовательно — с какого момента можно говорить об императорском консистории *stricto sensu*. Кроме того, следует уточнить конкретное содержание понятия *consistorium* в законодательстве IV — начала V в. и выяснить, является ли этот термин единственным, применявшимся для обозначения императорского совета в рассматриваемый период.

Первым известным нам автором, использовавшим слово *consistorium*, является, по-видимому, знаменитый христианский апологет Тертуллиан, живший в начале III в. В его сочинениях это слово встречается три раза, причем его значения не связаны ни с императором, ни с его советом: Тертуллиан употребляет это слово для обозначения местопребывания чего-либо. Так, например,

Император Юстиниан I. Мозаика церкви Сан-Витале в Равенне

театр он именуется *consistorium impudicitiae* — местопробытием (притоном, средоточием) бесстыдства, и это кажется вполне логичным, если учесть, что основное значение латинского глагола *consistere* — «пробыть, находиться»⁶.

Первое же употребление слова *consistorium* непосредственно в связи с императором встречается несколько позднее, в правление Диоклетиана, а именно — в инскрипции конституции С.9.47.12, сохранившейся в составе кодекса Юстиниана⁷. На этой конституции основывается распространенное мнение о том, что императорский совет стал называться консисторием уже при Диоклетиане⁸, и эта смена названия отражает распространенное представление о том, что отныне советники уже не сидели, а стояли (*consistere*) в присутствии императора, восходящее к работам знаменитого немецкого антиковеда конца XIX — начала XX в. Отто фон Зеэка

⁶ Tert. De spect. 17.1, Ux. 2.6.1, Res. carn. 26.3; об употреблении слова *consistorium* в аналогичном значении другими авторами см. «Consistorium» // TLL. Vol. 4. P. 472.

⁷ С.9.47.12 (s.a., Diocl./Maxim.): «Impp. Diocletianus et Maximianus AA. in consistorio dixerunt: Decurionum filii non debent bestiis subici. Cumque a populo exclamatum est, iterum dixerunt: Vanae voces populi non sunt audiendae: nec enim vocibus eorum credi oportet, quando aut obnoxium crimine absolvi aut innocentem condemnari desideraverint. Sine die et consule» [Императоры Диоклетиан и Максимиан Августы сказали в консистории: «Сыновей декурионов нельзя бросать зверям». И когда народ стал кричать, [выражая свое неодобрение], они снова сказали: «Не следует слушать пустые голоса народа и не стоит верить их голосам, когда они желают оправдать виновного в преступлении и осудить невиновного». Без дня и консула.]

⁸ См. напр.: Seeck O. Consistorium. Col. 930; Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 79–80; Jones A.H.M. Op. cit. P. 50; Demandt A. Op. cit. S. 199–200.

(1850–1921)⁹. Однако такая точка зрения является, скорее всего, ошибочной. Во-первых, как резонно заметил Джованни Де Бонфис, упоминание консистория в этой конституции, возможно, объясняется тем, что переписчик более позднего времени расшифровал таким привычным ему образом сокращенное *in cons.*, что вполне могло значить и *in consilio*. Если учесть, что следующее упоминание консистория относится только к правлению Констанция, такое объяснение кажется вполне правдоподобным.

Но даже если согласиться с тем, что изначально речь шла именно о консистории, все равно трактовка фигурирующего в этом месте слова *consistorium* в значении «совет императора» кажется весьма затруднительной: возгласы народа и ответ на них императоров (*cumque a populo exclamatum est, iterum dixerunt*), упоминаемые в тексте, говорят скорее о том, что дело происходило в каком-то общественном месте, а не на заседании совета¹⁰. Столь же сомнительной кажется и упомянутая выше этимология, предложенная О. фон Зееком: она была убедительно опровергнута немецким исследователем Петером Вайсом, который указал на то, что глагол *consistere* употреблялся в значении «стоять, находиться» (отсюда и отмеченный выше вариант «местопребывание» у Тертуллиана), но вовсе не «стоять на ногах». Поэтому, по мнению П. Вайса, изначально императорский консисторий — это *место* собрания совета императора, и лишь позднее это название было распространено и на сам совет¹¹.

Сохранившаяся в Кодексе Юстиниана конституция С.9.47.12 является единственным (и при этом достаточно сомнительным) упоминанием императорского консистория в правление Диоклетиана. Этот факт можно было бы объяснить нехваткой источников, однако ситуация не меняется и во времена Константина, когда количество известных нам текстов резко возрастает. Примечательно также и то, что в двух конституциях Константина, где речь явно идет об императорском совете, он назван *consilium*, а не *consistorium*¹². Впервые после издания С.9.47.12 слово *consistorium* встре-

⁹ См., напр.: Seeck O. Consistorium. Col. 930.

¹⁰ De Bonfils G. Op. cit. P. 26–27.

¹¹ Weiss P. Op. cit. S. 6–12. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи (см., напр.: Delmaire R. Op. cit. P. 30; Demandt A. Op. cit. S. 199–200). После критики Вайса версия Зеека стала гораздо менее популярной, однако ее до сих пор можно встретить в некоторых современных работах (см.: Smith R. Op. cit. P. 198).

¹² С.7.1.4 (а. 319–323, Constantin.): «<...> Apud consilium nostrum vel apud consules praetores praesides magistratusve earum civitatum, quibus huiusmodi ius est, adipisci potest patronorum iudicio sedula servitus libertatem» [Усердные рабы могут по решению патрона получить свободу в Нашем совете или перед консулами, преторами, наместниками или магистратами тех городов, у которых есть подобное право.] С.6.7.2.1.

чается лишь в середине столетия. Речь идет о надписи, датируемой серединой IV в. и посвященной Вулкацию Руфину, который среди прочего назван «комитом первого ранга в консистории» (*comes ordinis primi intra consistorium*)¹³.

С этого момента слово *consistorium* фигурирует в источниках достаточно часто. В кодексе Феодосия этот термин впервые встречается в конституции CTh.11.39.5, изданной в 362 г.¹⁴ Речь идет о постановлениях, принятых *in consistorio*; таким образом, *consistorium* в данном случае можно понимать и как сам совет, и как место его заседания. Следующим законом, в котором фигурирует императорский консисторий, является конституция CTh.6.35.7, в которой упоминается служба в консистории секретарей-нотариев¹⁵; опять же, *consistorium* здесь можно трактовать и как совет, и как место заседания, хотя значение «совет» все же кажется более вероятным. Всего в рассматриваемый период (т. е. до 438 г.) консисторий упоминается в 14 конституциях¹⁶, и, как правило, во всех этих случаях сложно выделить какое-то одно значение (совет или место заседания); попытки разделить эти смыслы обычно оказываются безуспешными, и поэтому, на мой взгляд, не вполне корректными — оба значения слишком сильно связаны между собой¹⁷. Еще в 9 конституциях фигури-

(a.326, Constantin.): «<..> Sane si is, qui in nostro consilio vindicta liberatus est <..>» [А если тот, кто был освобожден в Нашем совете с помощью виндикты <..>]. В обоих случаях речь идет о манумиссиях, производимых в императорском совете. Определение *nostrum* указывает на то, что речь идет именно об императорском совете, а не о совете, необходимом по *lex Aelia Sentia* для одобрения манумиссии в случае, если либо господин моложе 20, либо раб моложе 30 лет.

¹³ CIL. 6.32051. В данной надписи при перечислении должностей Вулкация Руфина упоминаются консулат (347 г.) и первая префектура претория (в дальнейшем их будет четыре). Вторая префектура претория Вулкация Руфина, датируемая 347–352 гг., в надписи не отражена, соответственно, наиболее вероятной датировкой надписи является 347 г. См. *De Bonfils* G. Op. cit. P. 28–29.

¹⁴ CTh.11.39.5 (a.362, Iulian.): «Pars actorum habitorum apud imperatorem Iulianum Augustum Mamertino et Nevitta cons. X kal. april. Constantinopoli in consistorio <..>» [Часть постановлений, принятых императором Юлианом Августом в консульство Мамертина и Невитты, в десятый день до апрельских календ в Константинополе в консистории].

¹⁵ CTh.6.35.7 (a.367, Valent./Valens): «<..>. Omnes, qui intra consistorii secreta veneranda notariorum funguntur officio <..>» [Все, кто занимают должность нотариюв в священных тайнах консистория <..>].

¹⁶ См. сноску 5.

¹⁷ В нескольких конституциях Юстиниана, изданных в 529 г., *consistorium* точно обозначает зал, а не сам совет (см., напр.: C.1.2.22, C.1.14.12, C.4.34.11, C.5.12.30 и т. д.) однако в законодательстве IV — начала V в. таких примеров, на мой взгляд, нет (возможно, за исключением CTh.6.26.5, изданной в 389 г. и содержащей выражение *consistorium*

рует прилагательное *consistorianus*, всегда в сочетании с существительным *comes* или *comitiva*¹⁸.

Таким образом, с середины (а точнее, с 60-х гг.) IV в. *consistorium* регулярно обозначает императорский совет; термин *consilium*, напротив, после Константина выходит из употребления, по крайней мере, в законодательстве¹⁹. Однако, несмотря на то, что *consistorium*, без сомнения, стал употребляться как основной термин для обозначения императорского совета, теоретически, для этой же цели могли использоваться и другие латинские слова. По этому поводу у исследователей нет единого мнения; тем не менее вопрос является принципиально важным, а потому следует остановиться на нем подробнее.

Прежде всего отмечу, что с высокой долей вероятности в конституции CTh.9.6.1 (372 г.) под выражением *sacrarium nostrum* имеется в виду именно императорский совет-консistorий, поскольку точно известно, что должностные лица, о которых идет речь в тексте, были регулярными участниками заседаний императорского совета²⁰. С меньшей долей вероятности *sacrarium* является синонимом консистория в конституциях CTh.12.12.16 (388 г.) и

nostrum ingredients [входящие в Наш консисторий], однако и тут невозможно полностью исключить значение «совет»). Поэтому версия, что сначала слово *consistorium* стало обозначать место заседания совета и только потом сам совет, хоть и кажется логичной, но в данный момент не подтверждается источниками. Скорее возникает ощущение, что оба значения появляются одновременно.

¹⁸ См. сноску 5.

¹⁹ Единственным возможным исключением является конституция CTh.9.14.3.pr. (a.397, Arc./Hon.): «<...> Quisquis cum militibus vel privatis, barbaris etiam scelestam inierit factionem aut factionis ipsius susceperit sacramenta vel dederit, de nece etiam virorum illustrium, qui consilii et consistorio nostro intersunt ... cogitarit <...>» [Любой, кто вступает в нечестивый заговор с военными, либо с частными лицами, или также с варварами, либо примет или даст клятву вступить в подобный заговор, либо также задумается об убийстве кого-либо из сиятельных мужей, участвующих в Наших совещаниях и в [заседаниях] консистория <...>]. Примечательно употребление в одном ряду слов *consilia* (во множественном числе) и *consistorium*. Р. Дельмер предполагает, что в данном случае *consilia* обозначает менее формальные и протокольные собрания совета, например, во время военных походов и других отъездов императора (см.: *Delmaire R. Op. cit. P. 30–31*). Мне кажется, что здесь речь идет скорее не о каких-то конкретных собраниях, а об абстрактных обсуждениях и совещаниях (на это указывает множественное число). Таким образом, имеется в виду, что данные лица могут давать советы императору и участвовать в заседаниях консистория.

²⁰ CTh.6.9.1 (a.372, Valent./Valens/Grat.): «<...> Eorum honores, qui sacrario nostro explorata sedulitate oboediunt, hac volumus observatione distingui, ut quaestor atque officiorum magister nec non duo largitionum comites proconsularium honoribus praeferantur. <...>» [Должности тех, кто занят усердной службой в Нашем консистории, Мы желаем отличить таким положением, чтобы квестор, а также магистр оффиций, как и два комита щедрот были предпочитаемы перед должностями проконсуларов].

СTh.16.5.16 (426 г.), хотя в данном случае нельзя полностью исключать более широкую трактовку «дворец» или «двор»²¹. Далее, по мнению итальянского исследователя Джованни Чиконьи (1877–1948), в значении «императорский совет» следует трактовать слово *consessus*, встречающееся в конституциях СTh.6.7.1 (372 г.) и СTh.6.8.1 (422 г.)²²; на основании подобной интерпретации он, среди прочего, приходит к выводу, что препозит священной опочивальни являлся членом консистория. Однако такая трактовка не кажется мне обоснованной: в СTh.6.7.1 речь, скорее всего, идет о сенате, в СTh.6.8.1 — о каких-то абстрактных заседаниях или собраниях (сложно понять, что именно имеется в виду, но я не вижу причин для трактовки в значении «императорский совет» — иначе напрашивалось бы какое-нибудь определение, указывающее на императора, например *noster* или *sacer*).

Еще более сомнительной кажется позиция известного современного французского антиковеда Ролана Дельмера, утверждающего, что синонимом консистория в его судебной функции являлось понятие *auditorium*²³. Последнее (а в особенности — выражение *auditorium sacrum*) обозначает в изучен-

²¹ СTh.12.12.16 (a.426, Theod./Valent.): «<..> Civitatum postulata, decreta urbium, desideria populorum liquido tua sublimitas recognoscit ad imperialis officium pertinuisse responsi admissosque sacrariis nostris semper sui imperatoris aspectu decoratos esse legatos <..>» [Твое Высочество хорошо знает, что в обязанности императора входит давать ответы на прошения гражданских общин, постановления городов и просьбы народов и что отправленные в Наш консисторий (к Нашему двору) послы всегда имеют честь лицезреть своего императора], СTh.16.5.16 (a.388, Grat./Valent./Theod.): «<..> sciant nullam huiusmodi iussionem e nostro sacrario profluxisse. <..>» [пусть они знают, что ни одного подобного предписания не исходило из Нашего консистория (дворца)].

²² *Cicogna G.* Op. cit. P. 234–235; СTh.6.7.1 (a.372, Valent./Valens/Grat.): «<..> Ceterum in amplissimo curiae nostrae legitimoque consessu digestae ordinationibus priscis obtineant dignitates. <..>» [В остальном же, в именитейшем и законном собрании Нашей курии пусть получают должности согласно сборникам древних постановлений], СTh.6.8.1 (a.422, Honor./Theod.): «<..> Qui sacri cubiculi nostri fuere praepositi ... ea dignitate fungantur, qua sunt praediti, qui eminentissimam praetorianam vel urbanam meruerint praefecturam aut certe militarom magisteriam potestatem, ita ut sit inter eos post depositas administrationes nulla discretio, sive nostrae serenitatis adoraturi admittuntur imperium sive pro suo arbitrio sollemnes festivitates et coetus vel salutationes vel quaelibet alia officia frequentent, ut in sedibus et consessu is eis ordo servetur, quem ordo provectionis ostenderit <..>» [Те, кто были препозитами священной опочивальни <..>, вводятся в такое же достоинство, каковым наделены те, кто удостоиваются высочайшей префектуры претория или города или же власти магистра армии, так что пусть после оставления ими их должностей между ними не будет никакого различия как тогда, когда они лично явятся дабы получить дар от Нашего Спокойствия, так и в том, чем принято воздавать за их положение во время празднеств, и в публичных собраниях, и на торжественных чествованиях, и во всех других подобных церемониях. Чтобы относительно занимаемых ими скамей и их [места] в заседаниях исполнялся тот порядок, который соответствует порядку получения ими должностей <..>].

²³ *Delmaire R.* Op. cit. P. 30–31, 38–39.

ных мной источниках, как правило, суд чиновника, действующего от имени императора²⁴. Особенно отчетливо это видно в конституции СTh.12.12.10, где суд префекта претория (*in auditorio celsitudinis tuae*) противопоставляется разбору дела в консистории (*in consistorio mansuetudinis nostrae*)²⁵. Термины *conventus* и *silentium*, употребляемые для обозначения консистория в более поздний период, в законодательстве IV — начала V в. не встречаются.

С учетом высказанных замечаний, обратимся к исследованию места данного института в системе власти и спектра конкретных связанных с ним властных функций.

Функции консистория и его роль в системе власти

Вопрос о функциях консистория на данный момент не вызывает существенных разногласий в литературе. Достаточно часто консисторий определяют как государственный совет, однако при этом делается оговорка, что император был не обязан прислушиваться к мнению советников, к тому же

²⁴ См., напр.: СTh.1.5.4 (а.342, Constantius), СTh.11.30.3 (а.315, Constantinus), СTh.11.30.13 (а. 326 [329?], Constantinus) и т. д. В принципе, Дельмер не отрицает, что *auditorium* чаще всего обозначает суд не самого императора, а лица, действующего от его имени, но это не мешает ему приравнивать эти суды к заседаниям консистория. Это выводит нас на вопрос о том, возможно ли говорить в IV — начале V в. о заседаниях консистория без императора: в законодательстве этого периода на такую возможность нет никаких намеков, однако для решения вопроса требуется привлечение других источников. Однако в любом случае мне кажется по крайней мере странным приравнивать к консисторию суд, осуществляющий свою деятельность в отсутствие императора и не при дворе (ведь в IV в. местонахождение префекта города и большинства префектов претория могло очень часто не совпадать с местонахождением императора и его двора).

²⁵ СTh.12.12.10 (а.385, Valent./Theod./Arc.): «<...>. Quotienscumque ex diversis provinciis ad sacrum mansuetudinis nostrae comitatum legationes, quas instruxere decreta, necesse erit commeari, in auditorio quidem celsitudinis tuae universa tractentur, sed ita, ut nullum finem capiat ordo gestorum illibataque rerum decisio singularum nostro auditui sententiaeque servetur, ita ut deinceps excellentia tua, cum in consistorio mansuetudinis nostrae secundum consuetudinem ex decretis petitiones legatorum de nostris scriiniis recitantur, motum proprii arbitrii ratione decursa sententiis, quas pandimus, referat <...>» [Когда из различных провинций ко двору Нашей Милости необходимо будет прибыть посольству, снабженному декретами, то пусть все эти декреты сначала будут заслушаны в суде Твоего Высочества, но так, чтобы разбор дела не заканчивался на этом, а решение каждого из дел, не подвергнувшись никаким изменениям, пусть будет предоставлено для Нашей аудиенции и для Нашего приговора, только пусть Твое Превосходительство после того, как в консистории Нашей Милости согласно обычаю прошения послов будут зачитаны служащими Нашей канцелярии по письменным декретам, доложит Нам основания, приведшие тебя к твоему собственному решению как основу для приговора, который Мы обнародуем].

только от него зависела повестка дня. Соответственно, в консистории могли обсуждаться практически любые вопросы: военные, административные, религиозные; также там могли проводиться назначения должностных лиц и прием посольств. Отдельно принято выделять судебную функцию консистория (О. фон Зеек, А.Х.М. Джонс, Р. Дельмер, П. Вайс и др.)²⁶. Кроме того, в классической работе выдающегося английского антиковеда Арнольда Х.М. Джонса (1904–1970) отмечается, что роль и функции консистория в период Поздней империи претерпели значительную эволюцию: если изначально в этом совете происходило обсуждение конкретных вопросов государственной жизни, то к началу VI в. он превратился в исключительно церемониальный орган, что сблизило его статус и функции с сенатом²⁷.

Отмечу, что в конституциях IV — начала V в. отражена в основном судебная функция консистория, которую достаточно сложно отделить от законодательной. Сохранилось как минимум три принятых там рескрипта, вошедших впоследствии в кодекс Феодосия и получивших силу закона: в одном из них речь идет о том, как должны оцениваться доказательства²⁸, в другом запрещается вызывать епископа в суд (эта конституция была включена также в кодекс Юстиниана)²⁹, в третьем судьям предписывается самим содержать свой преторий³⁰. В текстах рассматриваемых конституций нет четких указаний на то, участвовали ли члены консистория в принятии этих решений; в конституции CTh.11.39.5 говорится, что решение было принято в присутствии квестора священного дворца, магистра оффиций и комита священных щедрот, однако, остается непонятным, участвовали ли все эти должностные лица в обсуждении вопроса (и имело ли место обсуждение как таковое). Кроме того, в кодексе Феодосия отражена еще одна функция консистория — прием посольств из провинций. В конституции CTh.12.12.10 говорится, что сначала подобные делегации следует заслушивать в суде (*auditorium*) префекта претория, который выносит предварительное решение, и только потом их прошения зачитываются в консистории императору, который обнародует окончательный приговор (при этом не ясно, присутствует ли при этом сама делегация)³¹.

²⁶ См.: *Delmaire R. Op. cit. P. 35–39; Jones A.H.M. Op. cit. P. 334–337; Weiss P. Op. cit. P. 34–37; Seeck O. Consistorium. Col. 931–933; менее подробно — Smith R. Op. cit. P. 198; Demandt A. Op. cit. S. 199–200; Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 79–80; Cicogna G. Op. cit. P. 259.*

²⁷ *Jones A.H.M. Op. cit. P. 337–338.*

²⁸ CTh.11.39.5 (a.362, Iulian.).

²⁹ CTh.11.39.8 (a.381, Grat./Valent./Theod.) = C.1.3.7.

³⁰ CTh.1.22.4 (a.383, Grat./Valent./Theod.).

³¹ CTh.12.12.10 (a.385, Valent./Theod./Arc.), полный текст см. в сноске 25.

Для окончательного решения вопроса о том, являлся ли консисторий IV — начала V в. реальным государственным советом или стал уже преимущественно церемониальным органом, и насколько его функции изменились впоследствии, требуется привлечение данных нарративных источников и позднейшего законодательства. Тем не менее, на мой взгляд, в кодексе Феодосия есть некоторые косвенные указания на то, что в рассматриваемый период в консистории действительно решались некоторые важнейшие вопросы, и его роль не была исключительно формальной. Во-первых, нередко можно встретить выражение «тайны консистория» (*secreta consistorii, arcanum/arcana consistorii*)³², что предполагает, что там могли обсуждаться (а не просто оглашаться) важные решения. Далее, в конституции CTh.7.8.3, изданной в 384 г., экс-комиты консистория описываются как «участвовавшие в заботах Августейшего сердца»³³; еще более яркий пример представляет собой конституция CTh.6.22.8, изданная в 425 г.: про комитов консистория говорится, что они участвовали в официальных актах и запрашивали ответы императора³⁴. Наконец, примечательным является то, что в законодательстве данного периода консисторий ни разу не называется *silentium*, что нередко встречается в более поздних конституциях.

Роль и функции консистория определили состав связанных с ним должностных лиц, речь о которых пойдет далее.

Должностные лица консистория

Если относительно функций консистория у исследователей нет принципиальных разногласий, то вопрос о составе связанных с ним должностных лиц является гораздо более спорным. В свою очередь, эта проблема напрямую связана с вопросом о комитах консистория. Дело в том, что в литературе не

³² CTh.6.35.7 (a.367, Valent./Valens), CTh.6.4.28 (a.396, Arc./Hon.), CTh.6.22.8 (a.425, Theod./Valent.)

³³ CTh.7.8.3 (a.384, Grat./Valent./Theod.): «<...> praeter eos, qui... ex comitibus consistorianis, qui participant augusti pectoris curas agendo claruerunt <...>» [кроме тех, которые ... будучи комитами консистория, обрели ранг светлейшего на службе, участвуя в заботах Августейшего сердца].

³⁴ CTh.6.22.8 (a. 425, Theod./Valent.): «<...> Quin et de consistoriani comitibus ... praecedant qui admitti intra consistorii arcanum meruerunt et actibus interesse et nostra adire responsa <...>» [Что же касается комитов консистория <...> пусть имеют преимущество те, кто удостоились того, что были допущены к тайнам консистория, участвовали в [принятии] постановлений и запрашивали Наши ответы]; достаточно сложно понять, что именно подразумевается под данным выражением, однако речь явно идет о какой-либо активной деятельности внутри консистория.

сложилось единого мнения о том, являются ли понятия «комит консистория» и «участник заседания консистория» синонимичными, хотя прямой дискуссии по этому поводу не ведется. Так, Дж. Чиконья и А. Демандт считают само собой разумеющимся, что участники заседания консистория являлись комитетами консистория³⁵, Р. Дельмер не склонен отождествлять эти понятия³⁶, А. Джонс вообще не высказывается по этому поводу. Поэтому неудивительно, что разные исследователи определяют состав должностных лиц консистория по-разному; самая активная дискуссия ведется по поводу того, входил ли в состав консистория префект претория³⁷.

В принципе, вопрос о том, какие чиновники были связаны с консисторием, разбивается на три вопроса более частного характера: (1) кто такие комиты консистория; (2) все ли комиты консистория являлись участниками заседаний императорского совета; (3) все ли участники заседаний консистория являлись комитетами консистория.

Начнем с первого вопроса и попытаемся выяснить, какие лица назывались комитетами консистория. Выражение «комит консистория» встречается в кодексе Феодосия в двух вариантах: *comes consistorii* (встречается всего два раза) и *comes consistorianus* (гораздо более распространенный вариант)³⁸, причем в законодательстве обе версии появляются практически одновременно — в 379 г.³⁹ П. Вайс полагал, что эти понятия не являются полностью синонимичными: *comes consistorii* является титулом, в то время как выражение *comes consistorianus* обозначает функцию должностного лица⁴⁰. С этим утверждением сложно согласиться: титул CTh.6.12 называется *de comitibus consistorianis*, тем не менее в единственной вошедшей в него

³⁵ *Cicogna G.* Op. cit. P. 248 (правда, делается оговорка, что это является только одной из трактовок термина); *Demandt A.* Op. cit. S. 199–208.

³⁶ *Delmaire R.* Op. cit. P. 31–35.

³⁷ О членстве префекта претория в консистории писали Дж. Чиконья, А. Джонс, А. Демандт, Ю.А. Кулаковский; иную точку зрения выражали Ф. Де Мартино и Р. Дельмер.

³⁸ *Comes consistorii* — CTh.6.30.1 (a. 379, Grat./Valent./Theod.), CTh.6.12.1 (a.399, Arc./Hon); *comes consistorianus* — CTh.6.30.4 (a. 379, Grat./Valent./Theod.), CTh.11.16.15 (a.382, Grat./Valent./Theod.), CTh.7.8.3 (a.384, Grat./Valent./Theod.), CTh.11.16.18 (a.390, Valent./Theod./Arc.), CTh.10.5.1 (a.398, Arc./Hon.), CTh.11.18.1 (a.409[412], Hon./Theod.), CTh.6.22.8 (a. 425, Theod./Valent.), CTh.1.1.6.2 (a.435, Theod./Valent.); кроме того, в не вошедшей в кодекс Феодосия конституции C.2.12.25 (a.392, Valent./Theod./Arc.) употребляется выражение *comitiva consistoriana*. Про эволюцию термина в первой половине IV в., прослеживающуюся в эпиграфике, см.: *Seeck O.* Comes consistorianus. Col 644–645, *Weiss P.* Op. cit. S. 18–19.

³⁹ CTh.6.30.1 (a.379, Grat./Valent./Theod.) — *comites consistorii*, CTh.6.30.4 (a.379, Grat./Valent./Theod.) — *comites consistoriani*.

⁴⁰ *Weiss P.* Op. cit. S. 18.

конституции CTh.6.12.1 употребляется выражение *comites consistorii*, и это приводит к мысли о том, что оба понятия являются взаимозаменяемыми.

Если исходить из того, что понятия «комит консистория» и «участник заседания консистория» тождественны, то к первым придется отнести всех (или почти всех) высших должностных лиц империи⁴¹. Однако, если отбросить эту предпосылку (которая является чисто теоретической и не подтверждается источниками), то значение термина «комит консистория» существенно сужается.

На основании данных законодательства можно предположить, что комитетами консистория могли называться две группы лиц. Первая — это четыре так называемых придворных министра, получивших к концу IV в. ранг *illustres* — квестор священного дворца, магистр оффиций, комит священнных щедрот и комит частных имуществ императора. Все исследователи единодушно относят их к комитам консистория⁴²; тем не менее, это подтверждается только косвенными данными; нет ни одного текста, где все эти должностные лица были бы объединены под этим титулом. Конституция CTh.11.39.5 содержит указание на то, что в консистории присутствовали квестор священного дворца, магистр оффиций и комит священнных щедрот, однако они не названы комитетами консистория⁴³. Впервые все четверо фигурируют вместе и в связи с консисторией в CTh.6.9.1, изданной в 372 г.⁴⁴, однако и там они не называются *comites consistorii/consistoriani*. Более того, слово *consistorium* вообще не упоминается в этой конституции, вместо него используется *sacrarium*, поэтому, строго говоря, мы даже не можем быть абсолютно уверены в том, что речь идет именно о консистории (а не о дворце или дворе вообще). Кроме того, примечательно, что титул CTh.6.9, посвященный регламентации статуса «придворных министров», называется «О квесторах, магистрах оффиций, комитетах священнных щедрот и личных имуществ императора» (*De quaestoribus, magistris officiorum, comite sacrarum largitionum et rerum privatarum*), т. е., в данном случае, эти четыре должности не были объединены законодателем каким-либо общим названием.

⁴¹ См., напр.: Demandt A. Op. cit. S. 199–208; Cicogna G. Op. cit. P. 222–255.

⁴² Delmaire R. Op. cit. P. 31; Jones A.H.M. Op. cit. P. 333; Weiss P. Op. cit. S. 38–40; Seck O. Comes consistorianus. Col. 644–646; Cicogna G. Op. cit. P. 236–237.

⁴³ CTh.11.39.5 (a.362, Iulian.): «Pars actorum habitorum aput imperatorem Iulianum Augustum Mamertino et Nevitta cons. X kal. april. Constantinopoli in consistorio: adstante Iovio viro clarissimo quaestore, Anatolio magistro officiorum, Felice comite sacrarum largitionum. <...>» [Часть постановлений, принятых императором Юлианом Августом в консульство Мамертина и Невитты, в десятый день до апрельских календ в Константинополе в консистории в присутствии светлейшего мужа квестора Иовия, магистра оффиций Анатолия, комита священнных щедрот Феликса].

⁴⁴ CTh.6.9.1 (a.372, Valent./Valens/Grat.), полный текст см. в сноске 20.

Впервые титул *comes consistorii/consistorianus* был употреблен по отношению к этим должностным лицам в конце 370-х гг., в конституциях СTh.6.30.1 и СTh.6.30.4 (обе — 379 г.)⁴⁵; однако в нем фигурируют лишь два «финансовых» комита (священных щедрот и личных имуществ императора), а не вся группа в целом. В итоге, обнаруживаются лишь две конституции (СTh.7.8.3 и С.2.12.25), содержание которых позволяет предположить, что все четверо министров могли называться комитами консистория⁴⁶. Предположение, что речь в них идет именно об этой группе лиц, основывается на порядке перечисления должностей. Согласно *Notitia Dignitatum*, после префектов претория, префекта города и магистров армии должен идти препозит священной опочивальни, далее — четыре министра, однако препозит священной опочивальни получил ранг *illustres* только в V в. Соответственно, кажется логичным, что дальше должны идти квестор, магистр оффиций и оба финансовых комита. Такая трактовка термина выглядит очень правдоподобной, хотя полноценным доказательством все же не является.

Вторая группа лиц, подразумеваемая под понятием «комиты консистория», включает так называемых *comites consistoriani spectabiles* (в отличие от придворных министров, обладающих рангом *illustres*). Если

⁴⁵ СTh.6.30.1 (a.379, Grat./Valent./Theod.): «<..> Palatini omnes, quos consistorii nostri comites propter diversas necessitates ad provincias dirigendos putaverint, sine ullo metu iudiciariae commotionis propter quae diriguntur impleant; conveniendis iudicibus more sollemni.<..>» [Все палатины, которых комиты Нашего консистория считают нужным по разным надобностям посылать в провинции, пусть исполняют порученное без всякого страха судебного преследования, и вызываются в суд в установленном порядке.], СTh.6.30.4 (a.379, Grat./Valent./Theod.): «<..> Nihil omnino ullis iudicibus cum palatinis nostrae clementiae, quicumque a consistorianis comitibus diriguntur, commune atque coniunctum sit <..>» [Относительно судей и палатинов Нашего Милосердия, которые направляются комитами консистория [на места], пусть между [их функциями] не будет совершенно ничего общего].

⁴⁶ СTh.7.8.3 (a.384, Grat./Valent./Theod.): «<..> ab hospitalitatis munere domum privatorum nullus excuset praeter eos, qui ex praefectis summum sibi fastigium dignitatis agendo pepererunt, et ex magistris equitum ac peditum, quos decursi actus illustrat auctoritas, adque ex comitibus consistorianis, qui participantes augusti pectoris curas agendo claruerunt <..>» [Пусть никто не освобождает дома частных лиц от обязанности постоя, за исключением тех, кто службой достиг высокого достоинства экс-префекта, либо экс-магистра конницы или пехоты, которых действительная служба возвела до положения сиятельного, а также экс-комитов консистория, которые обрели ранг светлейшего на службе, участвуя в заботах Августейшего сердца]; С.2.12.25 (a.392, Valent./Theod./Arc.): «<..> Quicumque praetorianae vel urbanae praefecturae sublimissimae fastigium vel magisterium militare vel consistorianae comitivae insignia meruerit dignitatis vel proconsulare ius dixerit aut vicarii fuerit administratione subfultus. <..>» [Всякий, кто заслужил высшее звание префекта претория или города или магистра армии, или знаки отличия комитов консистория, или имел юрисдикцию проконсула, или занимал должность викария <..>].

версия о том, что квестор, магистр оффиций и два «финансовых» комита являлись комитетами консистория, не имеет точного подтверждения, то существование комитов консистория в ранге *spectabiles* не вызывает сомнения⁴⁷ и является, очевидно, основным значением термина *comes consistorii/consistorianus*. Регламентации их статуса посвящен титул СTh.6.12 «О комитетах консистория» (*De comitibus consistorianis*) (состоящий, правда, всего из одной конституции)⁴⁸, где говорится, что означенные должностные лица приравниваются к проконсулярам (в версии конституции, вошедшей в кодекс Юстиниана — к проконсулам⁴⁹).

Возникает вопрос: как понять, о каких именно комитетах консистория идет речь в тех случаях, когда их ранг не указан? В некоторых случаях это ясно из контекста: так, в конституции СTh.11.18.1, изданной в 409 или 412 г., понятно, что речь идет о *spectabiles*, так как квестор, магистр оффиций и два финансовых комита перечислены в ней отдельно⁵⁰. Однако во многих случаях понять, о каких именно комитетах консистория идет речь, практически невозможно⁵¹.

⁴⁷ См. СTh.6.12.1 (a.399, Arc./Hon.): «<...>Comasii nos et Clearchi virorum spectabilium dignitas admonuit, ut eos, qui tranquillitatis nostrae consistorii dici comites meruerunt, proconsularibus aequari generaliter iuberemus <...>» [Достоинство великолепных мужей Комазия и Клеарха побудило нас распорядиться, чтобы те, кто удостоились права называться комитетами консистория Нашей Ясности, были во всем приравнены по статусу к великолепным мужам-проконсулярам], СTh.1.1.6.2 (a.435, Theod./Valent.): «<...>Sperantius, Martyrius, Alypius, Sebastianus, Apollodorus, Theodorus, Eron spectabiles comites consistoriani <...>» [Сперанций, Мартирий, Алипий, Себастьян, Аполлодор, Феодор, Эрон, великолепные комиты консистория].

⁴⁸ СTh.6.12.1 (a.399, Arc./Hon.), полный текст см. в сноске 47.

⁴⁹ С.12.10.1 (a.399, Arc./Hon.).

⁵⁰ СTh.11.18.1 (a.409[412], Hon./Theod.): «<...> non praepositum vel primicerium sacri cubiculi, non castrensem, non comitem sacrae vestis, non ceteros cubicularios, non magistrum officiorum, quaestorem vel comites sacri ac privati aerarii illustres, non virum spectabilem primicerium notariorum, non consistorianos comites ac scriniorum magistros vel tribunos et notarios eadem damni multa percellat <...>» [И препозита и примикерия священной опочивальни, а также интенданта дворца, а также комита императорских облачений, а также прочих постельничих, а также магистра оффиций, квестора и сиятельных комитов священной и частной казны, а также великолепного мужа примикерия нотариюв, а также комитов консистория и магистров скриниев или трибунов и нотариюв это бремя никоим образом не должно тяготить].

⁵¹ СTh.11.16.15 (a.382, Grat./Valent./Theod.): «<...>Maximarum culmina dignitatum, consistoriani quoque comites, notarii etiam nostri et cubicularii omnes atque ex cubiculariis ab omnibus sordidis muneribus vindicentur <...>» [Носители самого высокого ранга, а также комиты консистория, и кроме того, нотариюв и все постельничие и бывшие постельничие освобождаются от всех «грязных» повинностей.], СTh.11.16.18 (a.390, Valent./Theod./Arc.): «<...>Neque sane deest, ubi vel meritorum privilegia vel dignitatum a communionem vindicemus, si quidem ea munera, quae sordida nuncupantur, exceptas lege prohibeamus obire personas, scilicet ne ad eorum obsequia amplissimarum etiam militari fastigio nomina dignitatum vel consistoriani comites devocentur. <...>» [Конечно, нет не-

Учитывая, что последняя конституция, где под комитами консистория с большой вероятностью подразумеваются четверо министров, датируется 392 г. (C.2.12.25)⁵², можно предположить, что с конца IV в. титул *comes consistorii/consistorianus* применялся только по отношению к комитам в ранге *spectabiles*. Это более-менее решает проблему для конституций, изданных в конце 390-х гг. и позже, однако для более раннего периода вопрос остается открытым.

Перейдем к следующему вопросу: все ли комиты консистория являлись участниками заседаний императорского совета? Нам не известно наверняка, были ли комитами консистория четверо министров (скорее всего, да, но точных свидетельств нет), однако можно с уверенностью сказать, что они являлись участниками заседаний. Все эти чиновники занимали очень высокие должности в центральной администрации, перемещались вместе с двором и, таким образом, всегда были при императоре, поэтому их участие в императорском совете кажется естественным. Кроме того, как было отмечено выше, присутствие в консистории квестора, магистра оффиций и комита священных щедрот отмечено в конституции CTh.11.39.5.

Вопрос о том, как обстояло дело с *comites consistoriani spectabiles*, помогает решить конституция CTh.6.22.8, изданная в 425 г. (датировка предполагает, что здесь речь идет о *spectabiles*, а не о министрах)⁵³. В ней комиты консистория подразделяются на два вида: те, кто реально принимал участие в деятельности консистория, противопоставляются тем, кто получил

достатка в случаях, когда мы даруем привилегии за заслуги или за занимаемый пост и вопреки закону оберегаем людей от исполнения повинностей, которые именуются грязными, это значит, что, лица занимающие высшие посты на императорской службе и комиты консистория, не должны быть призваны к их исполнению], CTh.10.5.1 (a.398, Arc./Hon.): «quidquid divi parentis nostri valentiniani senioris iussio de fundis privatae rei continebat, nostra etiam auctoritate firmamus. ut igitur ille praeeperat, ne consistoriani comites fideiussores in suscipiendis possessionibus darent, quod etiam divus Gratianus secutus est, custodiri oportet. <..>» [Мы подтверждаем нашей властью все приказания Божественного Нашего родителя Валентиниана Старшего о землях частных имуществ. Следовательно, по его предписанию, необходимо сохранить так, чтобы комиты консистория не давали поручителей при получении владений. Этому же [установлению] следовал Божественный Грациан].

⁵² См. текст в сноске 46.

⁵³ CTh.6.22.8 (a.425, Theod./Valent.): «<..> Quin et de consistorianis comitibus hoc nobis universi placere cognoscant, ut his, qui vel absentes sunt facti vel testimonialibus tantum adepti sunt dignitatem, praecedant qui admitti intra consistorii arcanum meruerunt et actibus interesse et nostra adire responsa <..>» [Что же касается комитов консистория, то Нам угодно, чтобы было признано всеми: перед теми, кто получают свою должность либо в их отсутствие, либо письменным свидетельством, пусть имеют преимущество те, кто удостоились того, что были допущены к тайнам консистория, участвовали в [принятии] постановлений и запрашивали Наши ответы].

эту должность в отсутствие или с помощью письменного свидетельства (т. н. *honorarii*)⁵⁴. Этот фрагмент можно интерпретировать двумя способами: либо *honorarii* вообще не присутствовали на заседаниях консистория (такую трактовку предлагает Р. Дельмер⁵⁵), либо присутствовали, но в обсуждениях не участвовали (версия Дж. Чиконьи⁵⁶). Версия Р. Дельмера кажется гораздо более убедительной: про «действительных» комитов говорится, что они были допущены к тайнам консистория (*qui admitti intra consistorii arcanum meruerunt*), соответственно, те, кто обладал только почетным титулом, допущены туда не были.

Вопрос о том, кто же были те «действительные» комиты в ранге *spectabiles*, которые реально участвовали в заседаниях, остается на данный момент открытым. Очевидно, однако, что это были не все обладатели ранга *spectabiles*, хотя неясно, по какому принципу из них выбирались комиты консистория.

Остается ответить на последний вопрос: все ли участники заседаний консистория являлись его комитами? Стоит сразу оговорить, что под участниками заседаний я подразумеваю тех, кто мог реально участвовать в обсуждениях, а не технический персонал консистория. Поскольку консисторий являлся советом при императоре, а не самостоятельным органом, логично предположить, что император в зависимости от повестки дня (которая определялась им самим) мог позвать на заседание кого угодно. Очевидно, например, что в заседаниях консистория мог участвовать префект претория, хотя комитом консистория он не назван ни разу. Так что, разумеется, звание комита консистория не было обязательным условием для участия в совете.

Более интересным представляется вопрос о том, можно ли говорить о том, что комиты консистория являлись постоянными участниками заседаний совета, тогда как другие должностные лица — нет. На этот вопрос сложно дать окончательный ответ. Вероятно, четверо придворных министров участвовали в заседаниях на регулярной основе (это следует из характера занимаемых ими должностей), но мы не можем сказать, было ли их участие обязательно при каждом заседании; более того, нет полной уверенности, что они вообще назывались комитами консистория. Что касается

⁵⁴ В Поздней Римской империи была широко распространена практика присвоения определенной должности без ее реального отправления, исключительно в качестве почетного ранга. Обладатели таких должностей назывались *honorarii*, и именно им посвящен титул CTh.6.22 *De honorariis codicillis*. Ранг *honorarii* всегда несколько ниже, чем ранг тех, кто реально занимал эту должность.

⁵⁵ Delmaire R. Op. cit. P. 32.

⁵⁶ Cicogna G. Op. cit. P. 259.

«действительных» *comites consistoriani spectabiles*, то тут у нас нет никаких сведений о том, входило ли в их обязанности присутствие на *всех* собраниях, или они участвовали там от случая к случаю.

С другой стороны, достаточно проблематично подсчитать, насколько часто и в каком количестве в консисторий вызывали должностных лиц, комитетами консистория не являющихся (например, префектов претория, префектов города, магистров армий, викариев, проконсулов и т. д.). Мы не знаем, сколько комитов консистория обычно участвовало в заседаниях (и менялись ли их количество и состав от одного заседания к другому); равным образом, нам неизвестно количество приглашенных участников, поэтому говорить о том, каково было соотношение комитов и не-комитов консистория среди участников, на данный момент не представляется возможным. Кроме того, необоснованными кажутся попытки выделить определенный круг лиц (комитов или нет), являющихся членами консистория⁵⁷. Вероятно, одни должностные лица участвовали в заседаниях чаще, а другие — реже, но попытки разделить их на членов и не-членов консистория также не являются корректными: ведь если постоянного состава консистория не было, так как он формировался по желанию императора, то бесполезно пытаться выделить определенный круг участников совета, так как, по желанию императора или исходя из сути рассматриваемого вопроса, потенциально им мог стать любой сановник.

* * *

Подведу общие итоги исследования. Как было показано выше, впервые императорский консисторий упоминается в правление Диоклетиана, однако это упоминание являлось единичным и весьма нечетким по своему значению. При Константине императорский совет продолжал называться *consilium*, и о замене этого термина на *consistorium*, видимо, можно говорить только с середины IV в. Начиная с 360-х гг. понятие *consistorium* регулярно встречается в кодексе Феодосия; в императорских конституциях это слово обозначало одновременно и зал, где собирался императорский совет, и сам этот орган как таковой. Вероятно, в значении «императорского совета» могло также употребляться и понятие *sacrarium*, хотя таких примеров значительно меньше.

⁵⁷ См. об этом: Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 79–80; Cicogna G. Op. cit. P. 222–255; Jones A.H.M. Op. cit. P. 333–334; Demandt. A. S. 199–208.

Консistorий являлся коллегиальным органом власти, полностью зависящим от императора, который сам решал, прислушиваться к его мнению или нет. Однако в IV — начале V в. его функции не сводились исключительно к церемониальным — это было место реального обсуждения различных вопросов. В позднеримском законодательстве отражена, прежде всего, судебная функция консistorия; кроме того, упоминается прием *in consistorio* делегаций, направленных из провинций.

С 379 г. в законодательстве начали регулярно фигурировать комиты консistorия. Чаще всего под этим названием подразумевались комиты в ранге *spectabiles*, однако это значение не являлось единственным: вероятно, до конца IV в. «комитами консistorия» могли также именоваться квестор священного дворца, магистр оффиций, комит священников палат и комит частных имуществ императора. Звание комита консistorия не связано напрямую с членством в императорском совете. Во-первых, в консistorий могло быть вызвано любое должностное лицо, вне зависимости от того, обладало оно этим званием или нет. Например, было бы очень странным, если бы в императорский совет не могли позвать префекта претория только на том основании, что он не являлся комитом консistorия. Во-вторых, не все лица, обладавшие рангом «комит консistorия», принимали реальное участие в заседаниях: для *comites consistoriani honorarii* этот титул являлся исключительно почетным.

Что касается «действительных» комитов консistorия, то они, без сомнения, участвовали в заседаниях, но вопрос о том, было ли это их должностной обязанностью или почетным правом, остается спорным. Иными словами, мы не можем точно сказать, была ли *comitiva consistoriana* должностью в прямом смысле слова, с определенным кругом должностных обязанностей и платой за ее исполнение. С одной стороны, само появление термина *comes consistorianus* наводит на мысль о том, что это было реальной должностью. В таком случае можно было бы говорить о фиксированном штате комитов консistorия, получавших плату за исполнение своих обязанностей, и это было бы принципиальным отличием консistorия от *consilium principis* эпохи Принципата. В пользу трактовки *comitiva consistoriana* как реальной должности высказывается Дж. Чиконья⁵⁸ (который является на данный момент единственным исследователем, поднимающим данный вопрос). Его главным аргументом является то, что титул *De comitibus consistorianis* и в кодексе Феодосия, и в кодексе Юстиниана помещен среди титулов, посвященных конкретным должностям. Это, без-

⁵⁸ Cicogna G. Op. cit. P. 249–251.

условно, весомый аргумент в пользу понимания *comitiva consistoriana* как самостоятельной должности, однако существуют не менее значимые аргументы против: главным из них является отсутствие комитов консистория в *Notitia Dignitatum*. Также примечательно, что в конституции CTh.6.12.1 комиты консистория приравниваются к проконсулярам, т. е. не к реальным, а к бывшим должностным лицам (правда, в версии этой конституции, вошедшей в кодекс Юстиниана⁵⁹, они уже приравниваются к реальным сановникам — проконсулам). Так что вопрос о том, является ли *comitiva consistoriana* самостоятельной должностью и, соответственно, можем ли мы говорить о фиксированном штате комитов — консистория, остается на данный момент открытым.

В заключение отмечу, что представленные выводы носят предварительный характер. Они будут существенно уточнены в процессе дальнейшего исследования и, прежде всего, вследствие расширения круга привлекаемых источников.

Принятые сокращения

C. — Codex Iustinianus // Corpus Iuris Civilis /Rec. P. Krueger. Vol. 2. Berolini: Apud Weidemannos, 1906.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum // http://cil.bbaw.de/cil_en/index_en.html (дата обращения: 10.10.2016).

CTh. — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmodianis. / T. Mommsen, E. Meyer, P. Krüger (eds.). Berlin, 1901. Bd. 2. S. 27–906.

Tert. De spect. — Tertulliani De spectaculis // http://www.tertullian.org/latin/de_spectaculis.htm (дата обращения: 10.10.2016).

Tert. Res. carn. — Q. Septimi Florentis Tertulliani De resurrectione carnis liber // http://www.tertullian.org/articles/evans_res/evans_res_03latin.htm (дата обращения: 10.10.2016).

Tert. Ux. — Ad uxorem libri duo // http://www.tertullian.org/latin/ad_uxorem_1.htm (дата обращения: 10.10.2016).

TLL — Thesaurus Linguae Latinae. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1900- ; issued in parts.

⁵⁹ C.12.10.1 (a.399. Arc./Hon.).

REFERENCES

1. *Koptev A.V.* The codification of Theodosius and its preconditions [Kodifikacija Feodosija i ee predposylki] // IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo. 1996. № 1. P. 247–261.
2. *Kulakovskij Ju.A.* A history of the Byzantine Empire. Vol.1: years 395–518. [Istorija Vizantii. T.1: 395–518 gody]. SPb., 2003.
3. *Cicogna G.* Consilium principis. Consistorium. Ricerche di diritto romano pubblico e di diritto privato. Torino, 1902.
4. Consistorium // TLL. Vol. 4. P. 472.
5. *De Bonfils G.* Il comes et quaestor nell'età della dinastia Costantiniana. Napoli, 1981.
6. *De Martino F.* Storia della costituzione romana. Vol. 5. Napoli, 1967.
7. *Delmaire R.* Les institutions du Bas-Empire Romain, de Constantin à Justinien. Vol. 1: Les institutions civiles palatines. Paris, 1995.
8. *Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. S. 1., 1998.
9. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey / 3 vols. Oxford, 1964.
10. *Seeck O.* Comes consistorianus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 4. Hlfb. 7. 1900.
11. *Seeck O.* Consistorium // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 4. Hlfb. 7. 1900.
12. *Smith R.* The imperial court of the Late Roman Empire AD. 300 — AD. 400 // The court society in ancient monarchies / Ed. Spawforth A.J.S. Cambridge, 2007. P. 157–232.
13. *Weiss P.B.* Consistorium und comites consistoriani: Untersuchungen zur Hofbeamtenschaft des 4. Jahrhunderts n. Chr. auf prosopographischer Grundlage. Würzburg, 1975.

Ключевые слова:

Поздняя Римская Империя, императорская власть, императорский совет, consistorium, комиты консistorия, кодекс Феодосия, кодекс Юстиниана

Daria V. Obrezkova

IMPERIAL CONSISTORY IN THE IV — EARLY V CENTURY (BASED ON LATE ROMAN LEGISLATURE)

The article is a study of the Late Roman institution of Imperial Council (Concistory) that is a direct successor of the Consilium Principis, active during the Principate period. On the basis of legal documents (mainly the constitutional codexes of Theodosius and Justinian) the evolution of the role of this institution in the legislative system at the time of the Late Empire (IV — early V century) is described. The author focuses on the structure and functions of Consistory, main categories of its members as well as the terms used to describe the Imperial council at different periods of time. Results of this study are essential for understanding the character and evolution of the administrative system in the Late Roman Empire as a whole.

 Обрезкова Дарья Викторовна

старший преподаватель кафедры истории Отечества, государства и права
Московского государственного университета геодезии и картографии
(МИИГАиК)

К.В. Марков

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ РИМСКИХ НАМЕСТНИКОВ В СУЖДЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ ВТОРОЙ СОФИСТИКИ

Римская империя включала обширные и разнородные по этническому составу и социальной структуре территории, управляя которыми в течение сравнительно долгого времени, римляне обходились без значительного бюрократического аппарата, а количество представителей центральной власти на местах исчислялось единицами. Положение наместников провинций некоторые исследователи характеризуют как «парадоксальное»¹, в связи с тем, что, с одной стороны, они обладали обширными полномочиями, включая, например, возможность вынесения смертных приговоров (*ius gladii*), но вместе с тем были всецело подотчетны императору или сенату. Кроме того, римские наместники являлись, как правило, людьми пришлыми, в известной степени дилетантами, ибо специальной подготовки они не проходили; могли иметь слабое представление об исторической и культурной специфике данного им в управление региона².

¹ *Fuhrmann C. Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order. Oxford, 2012. P. 172.*

² *Ibid.; Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // IVS ANTIQVVM. Вып. 17. Ярославль, 2006. С. 65.*

За последние полвека появилось немало работ, посвященных как административным и правовым, так и неформальным аспектам их управления провинциями³. Отмечается, что эффективность их деятельности в связи с отсутствием на местах сложно структурированного чиновничьего аппарата во многом зависела от характера взаимодействия с местным населением, в том числе от налаживания сотрудничества с местной элитой и органами местного самоуправления. В работах последних десятилетий активно разрабатывается проблематика «стиля» или «образа» деятельности наместников⁴. Установлено, что представители римской власти демонстрировали свою гражданственность (*civilitas*) уважительным отношением к местным традициям и местному населению. Они участвовали в празднествах и зрелищах. По случаю их приезда и отъезда устраивались торжественные церемонии⁵.

Современные исследования по этой теме основаны, как правило, на изучении широкого спектра источников, включая юридические тексты, данные эпиграфики, а также материалы нарративных источников. Последняя категория представлена, в том числе, совокупностью многочисленных литературных произведений, созданных греческими авторами I–III вв. Специфика этих источников состоит в том, что информация о наместниках подается в них под определенным углом, зависящим от риторической тра-

³ *Burton G.P.* Government and the Provinces // *The Roman World*. V. 1. L., N.Y. 1986. P. 423–439; *Eck W.* Die staatliche Administration des roemischen Reiches in der Hohen Keiserzeit. Ihre structuellen Komponenten // *Eck W.* Die Verwaltung des Römischen Reiches: ausgewaelte und erweiterte Beitrage. Bd. 1. Basel, 1995. S. 1–28; *Bérenger A.* Le métier de gouverneur dans l'Empire romain: de César à Dioclétien. De l'archéologie à l'histoire, 62. Paris, 2014.

⁴ Наиболее подробно данная проблематика рассматривается в серии работ А.А. Смышляева: *Смышляев А.А.* Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24–35; *Он же.* Римский наместник в провинциальном городе: otium post negotium // ВДИ. 1999. № 4. С. 59–70; *Он же.* Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // *IVS ANTIQVVM*. Вып. 17. Ярославль, 2006. С. 65–72; см. также: *Meyer-Zwiffelhoff E.* Politikos archein. Zum Regierungsstil der senatorischen Statthalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen. Stuttgart, 2002; *Kokkinia K.* The god-emperor. Fragments of a discourse between Greek Cities and provincial governors // *Feyel Chr., Fournier J., Graslin-Thomé L., Kirchbiler Fr.* (eds). Communautés locales et pouvoir central dans l'Orient hellénistique et romain. Bordeaux, 2012. P. 499–516; *Kokkinia K.* Ruling, Inducing, Arguing: How to Govern (and Survive) a Greek Province // *L. De Ligt et al.* (edd.), *Roman Rule and Civic Life: Local and Regional Perspectives*. Proceedings of the Fourth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C.–A.D. 476), Leiden, June 25–28, 2003. Amsterdam, 2004. P. 39–58.

⁵ *Смышляев А.А.* Вступление римского наместника в провинциальный город (церемония adventus по Ульпиану) // ВДИ. 1991. № 4. С. 106–116; *Bérenger A.* Le métier... P. 15–62.

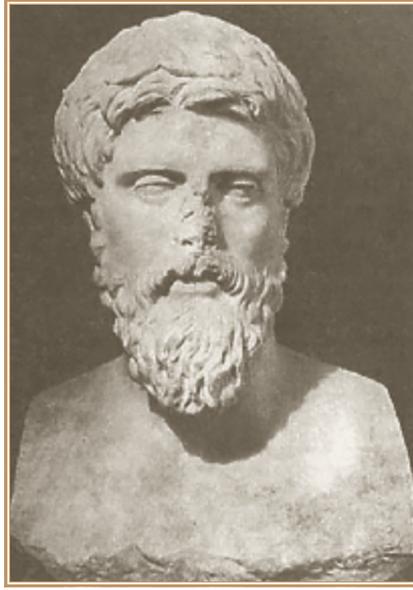
диции, литературных веяний Второй софистики, а также от индивидуальной авторской специфики. Например, в одной из работ мы можем встретить вывод о том, что греческие авторы переоценивали роль наместников в жизни провинций, стремясь акцентировать внимание читательской аудитории на необходимости отстаивать греческие общественно-политические институты и традиции⁶.

Целью данной статьи является изучение широкого спектра суждений о римских наместниках, содержащихся в произведениях греческих авторов конца I — первой половины III в., прежде всего в трудах Диона Хризостома, Плутарха, Павсания, Элия Аристида, Флавия Филострата, Диона Кассия. В качестве основных задач работы можно определить исследование содержащихся в источниках упоминаний о должностных полномочиях наместников, различных формах их деятельности в греческих землях, включая оценки общего характера, а также отзывы о конкретных должностных лицах; выявление неформальных аспектов влияния римских должностных лиц на политическую жизнь греческих городов, характер взаимоотношений наместников с общественными деятелями, софистами; определение специфики восприятия их положения и деятельности местным населением, по крайней мере на уровне интеллектуальной элиты.

Обобщенные оценки власти римских наместников, так же как и римского господства в целом, оказываются противоречивыми. В их основе прослеживается укоренившееся в античной политической мысли противопоставление традиционных для греческих полисов гражданских свобод «тирании» как власти эти свободы ограничивающей (Arist. Polit. Athen. 14.3=16.2)⁷. Согласно Страбону, римляне смогли овладеть лучшей частью ойкумены благодаря как военным успехам, так и управлению подвластными территориями «на гражданский лад». При этом к покоренным землям они отнеслись дифференцированно. Одними территориями правили цари, другие стали провинциями, контролировавшимися римскими должностными лицами, а иные получили свободу в знак уважения к их дружбе с римлянами (Strab. Geogr. 17. 3. 24). Дион Хризостом и Элий Аристид отмечают, что римляне управляют свободными людьми, а не рабами (Dio

⁶ Kokkinia K. The governor's boot and the city's politicians. Greek communities and Rome's representatives under the empire //d A. Kolb (ed.), Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis: Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich. Berlin, 2006. P. 181–182.

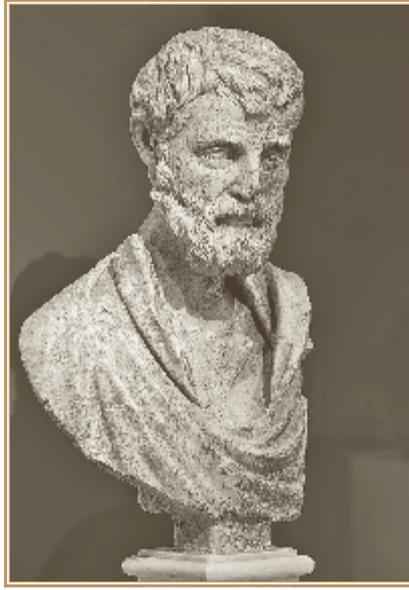
⁷ Данный вопрос подробно рассматривается в следующей работе: Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // IVS ANTIQVVM. Вып. 17. Ярославль, 2006. С. 67–68.

Плутарх
(предположительно)

Chrys. 31. 111; Ael. Arist. 26. 36), [Тертуллиан] же называет римское государство «гражданским», противопоставляя тираническому правлению (Tert. Apol. 2. 14). Как показывают приведенные свидетельства, античные авторы пишут о совместимости римского владычества, гражданских свобод и традиций самоуправления, но в некоторых случаях мы встречаем иные суждения, выдержанные в критическом тоне. Например, Дион Хризостом, обращаясь к жителям Тарса, утверждает, что они в отличие от афинян и спартанцев, сражавшихся за реальную власть и привилегии, являются соревнующимися за почести «товарищами по рабству» (Dio Chrys. 34. 51). Плутарх в «Наставлениях о государственных делах» прямо противопоставляет власть римского проконсула былой греческой свободе (Plut. Mor. 813E). Характеризуя римское владычество в целом как оковы на ногах, он называет слишком частое обращение к наместнику по административным вопросам унижением и попыткой надеть на шею цепь вследствие жадности первейших лиц города и соперничества между ними (Ibid. 814F— 815A)⁸. Обращение за помощью к наместнику в ходе борьбы за политическое преобладание упоминается и в сочинениях других греческих авторов. Напри-

⁸ Сходным образом рассуждает и Дион Хризостом. Критикуя Никомедию за противоборство с Никеей, он отмечает, что внутренние распри между греками дают наместникам тираническую власть, поскольку каждая из противоборствующих сторон стремится заручиться поддержкой должностного лица (38. 34–36). Об отношении Плутарха и Диона Хризостома к Риму см.: Jones C.P. *Plutarch and Rome*. Oxford, 1971. P. 28–38; *Idem*. *The Roman World of Dio Chrysostom*. Cambridge, Mass., 1978. P. 115–123.

Герод Аттик

мер, Флавий Филострат упоминает о том, как противники Герода Аттика призывали в афинское народное собрание братьев Квинтилиев, управлявших Грецией в 171 г.⁹, обвинили знаменитого ратора в тирании и попросили довести сказанное до императора. Герод же выступил со встречным обвинением, заявив, что его враги настраивают против него римский народ (VS II. 559–561). Еще один пример обращения к наместнику за решением дискуссионного вопроса мы находим в речах Диона Хризостома, адресованных жителям города Пруса. В некоторых из них, составленных в самом начале II в., звучит тема благоустройства города. Дион выступил с амбициозным проектом строительства общественных сооружений (45. 12–14), но на деле его активность ограничилась строительством одного портика. Финансирование предполагалось найти из разных источников. В частности, начинание Диона было поддержано проконсулами, и городское собрание также приветствовало это мероприятие (40. 5–6). У проекта нашлись оппоненты, обвинившие Диона в разорении и опустошении города (40. 8). Примечательно, что о проконсуле Дион упоминает именно в контексте полемики с этими людьми, которая прослеживается в нескольких речах (Or. 40, 45, 47, 48). С одной стороны, оратор отмечает, сколь важно произвести хорошее впечатление на наместника красотой общественных сооружений (Or. 40. 9–10), с другой стороны, словно прибегая к угрозе, задает риторический вопрос, не встретиться ли ему с проконсулом Вареном и не попросить ли, чтобы тот, проявляя мягкость и учитывая платежеспособ-

⁹ Bowersock G.W. Greek sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969. P. 100.

ность, взыскал взносы на строительство с поручившихся (47. 19). Призывая жителей Прусы проявить сдержанность и продемонстрировать единодушие в случае прибытия наместника, Дион обращается, прежде всего, к своим оппонентам, указывая им на то, что наместник самостоятельно разберется в городских делах, даже если ему захотят помешать (От. 48. 2). Некоторые современные исследователи полагают, что у жителей Прусы были основания для того, чтобы обвинить Диона Хризостома в злоупотреблении выделяемыми на строительство средствами (48. 9), и, таким образом, призыв к землякам продемонстрировать единство и воздержаться от разногласий в присутствии наместника оказывается самозащитой, так же как и неоднократные упоминания Диона о его знакомстве с высокопоставленными римлянами (От. 40. 5–6; 45. 8; 45. 15; 47. 19; 44. 12 и 45.2)¹⁰.

Тем не менее сложности со сбором средств в греческом городе действительно могли быть такими, какими их показывает в речах Дион Хризостом. Похожий случай описан в одной из надписей II в. из Македонской Верии (SEG 48-742). Надпись представляет собой публикацию решений наместника Луция Меммия Руфа относительно местного гимнасия, который подлежал закрытию в связи с нехваткой средств и отсутствием того, кто бы согласился нести расходы, связанные с исполнением обязанностей гимнасиарха. Проконсул выражает заинтересованность в том, чтобы повышать престиж городов своей провинции, и негодует по поводу того, что гимнасий будет закрыт из-за отсутствия финансовой поддержки от граждан. Его план состоял в том, чтобы собрать запас средств, достаточный для того, чтобы и в будущем преодолевать подобные ситуации, даже если наиболее влиятельные граждане отказываются нести издержки. Этот план реализовывался, и, возможно, разрабатывался при участии одного из первых лиц города — Флавия Парамона¹¹.

Еще одна тема, вызывавшая живой интерес авторов Второй софистики, — распределение почетных должностей и повинностей. Затрагивая данный вопрос, Плутарх в «Наставлениях о [государственных делах] пишет, что полномочия могут быть отменены или переданы распоряжением наместника (Plut. Mor. 824E). Формально, процедура была несколько иной, ибо, согласно Ульпиану, наместник присылал письменную рекомендацию своему кандидату (D. 49. 4. 1. 4). Пример Элия Аристида наглядно иллюстрирует возможности наместника влиять на кадровые решения. Родной город Аристида Адрианы направил проконсулу Азии Северу список из десяти

¹⁰ Fuhrmann C. Policing... P. 175–176.

¹¹ Kokkinia K. Ruling... P. 41.

Элий Аристид
(предположительно)

знатных граждан, среди которых наместнику предстояло выбрать того, кто будет назначен блюстителем порядка. Север пренебрег всеми представленными ему кандидатурами, выбрал Аристида и написал об этом в письме, которое, как пишет ритор, предназначалось городским властям, но было в нарушение обычной процедуры передано ему лично (Ael. Arist. 50. 73). Аристид же намеревался добиться освобождения от навязанной ему должности на том основании, что, во-первых, он был гражданином Смирны, а не города Адрианы, от которого был подан список; во-вторых, по закону профессиональные риторы, преподающие красноречие, имели право на освобождение от повинностей (50. 75). Описание дальнейшего хода событий выглядит несколько запутанным. Сначала наместник, находясь в Эфесе, в ходе судебного заседания публично подтвердил перед адвокатами Аристида и записал в протоколе, что признает справедливым освобождение их подзащитного от повинностей (50. 78)¹². Одновременно он якобы призвал Аристида разделить с ним управление провинцией (Ibid). Ниже следует описание встречи наместника и Аристида в Эфесе, в ходе которой Север высказал сомнение относительно наличия у Аристида учеников и предложил ему самостоятельно доказать в городском совете (судя по контексту в Смирне), что он имеет право на освобождение от государственной служ-

¹² Предложением ниже Аристид пишет, что Север «утвердил» (ἐκύρω) освобождение Аристида от службы «на все оставшееся время» (50. 79).

бы (50. 87). Выясняется также, что Совет, вне зависимости от того, какие решения ранее принимались наместником, выдвигает кандидатуру ритора на должность притана (50.88). Именно этот орган власти ставит точку в деле Аристида. Наместник присутствует на заседании и демонстрирует уважительное отношение к Совету (50. 92), постановление которого становится законным основанием для освобождения Аристида от службы¹³. Возможно, автор «Священных речей» в данном случае искажает реальный ход дела, стремясь преподнести его в более выгодном для себя свете, тогда как на самом деле наместник не был благосклонен к ритору и отказывался признавать его право на освобождение от службы вплоть до принятия решения городским советом Смирны¹⁴.

Аристид в целом ряде пассажей затрагивает тему значимости неофициальных аспектов взаимодействия представителей муниципальной знати с римскими властями. Вспомним слова Плутарха о том, что дружеская поддержка со стороны знатного римлянина может принести пользу в общении с властью (Plut. Mor. 814C). Аристид приводит целый ряд наглядных примеров. Добиваясь освобождения от повинностей, он исхлопотал письма к Северу от наместника Египта Гелиодора (50. 75) и от консула 142 г. Куспия Пактумея Руфина (50. 84). Помощь Руфина потребовалась Аристиду и для того, чтобы обратиться к наместнику по поводу поместья, которое у него пытались отнять (50. 105–108). Еще один неофициальный канал коммуникации между софистом и проконсулом — обращение к секретарю наместника. Именно он, явившись ритору во сне, просит у него пятьсот драхм за помощь в решении проблемы. Этот сон показался Аристиду странным не потому, что такая ситуация в принципе невозможна, а потому что неправдоподобной представлялась озвученная сумма (50. 81–82). Аристид подчеркивает значимость приятельских отношений с наместником (50. 99). Для него верный способ решить «некоторые с давних пор неулаженные дела» — неофициальное обращение к оратору Квадрату, который получил в управление провинцию Азию (50. 63).

Авторы Второй софистики довольно часто упоминают о судебных функциях наместника. Судебные заседания проходили не в одном ка-

¹³ В другом случае, когда Аристида пытались назначить на должность сборщика налогов, решение первоначально принималось в Совете, затем поступало на утверждение легату наместника, и изданное им постановление зачитывалось в Совете. После того как Аристид опротестовал принятое решение, наместник Поллион издает новое постановление для рассмотрения в Совете, который и освобождает Аристида от службы (50. 96–99).

¹⁴ *Kokkinia K. The governor's boot...* P. 187.

ком-то административном центре, а в разных городах провинции, в связи с чем в современной литературе даже появился термин «странствующая система правосудия»¹⁵. Так, в четвертой «Священной речи» Элия Аристиды наместники провинции Азия вершат суд в Верхней Фригии и Эфесе (50. 78), в Смирне (50. 85) и Пергаме (50. 106). Согласно Диону Хризостому, превращение города Прусы в центр судебного округа, т.е. в город, где наместник вершит суд, — повод для гордости местных жителей и предмет зависти со стороны тех городов, которые таким статусом не обладают (40. 33; 44. 11), ибо теперь сограждане судят сами себя (Or. 40. 10). Такая формулировка, скорее всего, связана с тем, что в судебной сфере наместник активно сотрудничал с представителями местной знати (и населением в целом)¹⁶, которые могли оказывать влияние на ход судебного процесса. Яркое свидетельство — упомянутый в речи Аполлония Тианского анекдот о наместнике, не понимающем по-гречески. Пользуясь этим обстоятельством, «заседатели и помощники в принятии судебных решений торговали правосудием, обращаясь с наместником, словно с человеконогом» (Philostr. VA. 5. 36). Активное сотрудничество наместника с помощниками из числа местного населения в сфере судопроизводства могло объясняться отчасти чисто техническим аспектом, а именно многочисленностью одновременно поступающих обращений от граждан¹⁷. Спектр дел, которые рассматривал наместник, был довольно широк. В наших источниках мы встречаем упоминания и об имущественных тяжбах (Ael. Arist. 50. 107–108), и о преступлениях мелкоуголовного характера. Показателен в этом отношении выдержанный в сатирическом тоне эпизод из сочинения Лукиана «Демонакс». Когда главный герой получил удар камнем по голове и у него потекла кровь, толпа стала призывать его обратиться к проконсулу. На что Демонакс заметил, что не проконсул ему нужен, а врач (Luc. Dem. 16).

Еще один важный аспект отправляемого наместником правосудия — это возможность опротестовать его решения перед вышестоящей властью. В «Похвале Риму» Элий Аристид сравнивает Римскую империю со «всеобщей демократией прошлых времен», поскольку существует возможность подачи апелляции на решения наместников «высшему судье», т.е. императору (Or. 26. 36–39). В некоторых других пассажах речи отмечаются подконтрольность, подотчетность наместников императорской власти и их страх перед этой властью (31–33). Внимание автора к данной теме кор-

¹⁵ Meyer-Zwiffelhofer E. *Politikos archein...* S. 227–237.

¹⁶ Smyshliaev A.L. *Rhimskiy namestnik...* P. 69.

¹⁷ Fuhrmann C. *Policing...* P. 174.

релирует с его личным опытом, ибо он, добиваясь освобождения от службы в органах самоуправления, неоднократно обращался за помощью в Рим (Or. 50. 75, 96). Роль императора как арбитра в улаживании конфликтных ситуаций между наместниками и софистами демонстрируется также Флавием Филостратом (VS II. 512, 534–535).

Рассмотренный материал показывает относительное сходство проблематики суждений о римских провинциальных наместниках в сочинениях таких авторов, как Дион Хризостом, Плутарх, Элий Аристид и Флавий Филострат. Будучи представителями муниципальной знати, они сосредотачивают внимание преимущественно на принципах формального и неофициального взаимодействия с наместниками в вопросах административного управления и в судебной сфере, подчеркивая взаимную заинтересованность представителей местных элит и наместников в решении актуальных вопросов. Вместе с тем некоторые авторы, в частности Элий Аристид, демонстрируют значимость непосредственного обращения к императору как важнейшего механизма влияния на представителей римской власти на местах. Суждения Аристида резко контрастируют с воззрениями еще одного греческого автора, Диона Кассия, который, будучи римским сенатором, сам занимал пост наместника, причем несколько раз. В известной речи Мецената (LII. 14–40), которая рассматривается исследователями как политическая программа самого Диона¹⁸, он предлагает оригинальный взгляд на построение вертикали власти, связывающей Рим и провинции. Сфера самоуправления греческих городов резко ограничивается. Им запрещается иметь народные собрания, тратить средства на общественное строительство, устраивать празднества и зрелища, обеспечивать пожизненное содержание победителей соревнований (кроме победителей Олимпийских и Пифийских игр, а также игр, проводимых в Риме), иметь собственную чеканку и свою систему мер и весов (LII. 30. 2–9). Все свои просьбы к императору они должны передавать не напрямую, т. е. отправляя посольства, но через наместника, который сам решает, какие просьбы одобрить, а какие отклонить (LII. 30. 9–10). Таким образом устраняется возможность прямого диалога между императором и провинциальной элитой, именно наместники из числа сенатской знати должны стать посредниками между населением провинций и императорами. Думается, что реализация данного плана не только существенно уменьшила бы роль провинциальной знати как потенциальной опоры императора, укрепила и расширила бы полити-

¹⁸ См. Шильяев А.А. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // ВДИ. 1990. № 1. С. 54.

ческое влияние сенаторов, но могла бы поставить под вопрос «гражданский образ правления» римских наместников, который, как показывает рассмотренный выше материал, соответствовал ожиданиям большинства авторов Второй софистики, даже если некоторые из них (как, например, Плутарх) могли иной раз сгустить краски, создавая риторический образ Эллады, покоровшейся римскому владычеству.

REFERENCES

1. *Bérenger A.* Le métier de gouverneur dans l'Empire romain: de César à Dioclétien. De l'archéologie à l'histoire, 62. Paris, 2014.
2. *Bowersock G. W.* Greek sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969.
3. *Burton G.P.* Government and the Provinces // *The Roman World*. V. 1. L., N.Y. 1986. P. 423–439.
4. *Eck W.* Die staatliche Administration des roemischen Reiches in der Hohen Keiserzeit. Ihre structuellen Komponenten // *Eck W.* Die Verwaltung des Römischen Reiches: ausgewaelte und erweiterte Beitrage. Bd. 1. Basel, 1995. S. 1–28.
5. *Fuhrmann C.* Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order. Oxford, 2012.
6. *Jones C.P.* Plutarch and Rome. Oxford, 1971.
7. *Jones C. P.* The Roman World of Dio Chrysostom. Cambridge, Mass., 1978.
8. *Meyer-Zwiffelhofer E.* Politikos archein. Zum Regierungsstil der senatorischen Statthalter in den kaiserzeitlichen griechischen Provinzen. Stuttgart, 2002.
9. *Kokkinia K.* Ruling, Inducing, Arguing: How to Govern (and Survive) a Greek Province // L. De Ligt et al. (edd.), *Roman Rule and Civic Life: Local and Regional Perspectives*. Proceedings of the Fourth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C.–A.D. 476), Leiden, June 25–28, 2003. Amsterdam, 2004. P. 39–58.
10. *Kokkinia K.* The god-emperor. Fragments of a discourse between Greek Cities and provincial governors // Feyel Chr., Fournier J., Graslin-Thomé L., Kirchbiler Fr. (eds). *Communautés locales et pouvoir central dans l'Orient hellénistique et romain*. Bordeaux, 2012. P. 499–516.
11. *Kokkinia K.* The governor's boot and the city's politicians. Greek communities and Rome's representatives under the empire //d A. Kolb (ed.), *Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis: Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich*. Berlin, 2006. P. 181–189.
12. *Smyshlyaev A.L.* Civilis dominatio: the Roman governor in a provincial city [Civilis dominatio: rimskij namestnik v provincial'nom gorode] // *VDI*. № 3. 1997. P. 24–35.

13. *Smyshliaev A.L.* The entry of a Roman governor into a provincial city (Ulpi-an on the *adventus* ceremony) [Vstupleniye rimskogo namestnika v provincial'nyj gorod (tseremoniya *adventus* po Ulpianu)] // VDI. 1991. № 4. P. 106–116.
14. *Smyshliaev A.L.* The Roman governor in a provincial city: otium post negotium [Rimskij namestnik v provincial'nom gorode: otium post negotium] // VDI. 1999. № 4. P. 59–70.
15. *Smyshliaev A.L.* «The speech of Maecenas» (Dio Cass. LII, 14–40): problems of interpretation [«Rech' Metsenata» (Dio Cass. LII, 14–40): problemy interpretatsii] // VDI. 1990. № 1. P. 54–66.
16. *Smyshliaev A.L.* The Roman governor in a provincial city: the management style in the epoch of Principate [Rimskij namestnik v provincial'nom gorode: stil upravleniya v epokhu printsipata] // IVS ANTIQVVM. Vol. 17. Yaroslavl, 2006. P. 65–72.
17. *Swain S.C.R.* Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250. Oxford, 1996.

Ключевые слова:

Древний Рим, Римская империя, римский наместник, Вторая софистика.

Konstantin V. Markov

THE OFFICIAL DUTIES AND INFORMAL ASPECTS OF POWER OF ROMAN PROVINCIAL GOVERNORS IN JUDGMENTS AND ESTIMATES OF THE SECOND SOPHISTIC AUTHORS

The article is devoted to the study of a wide range of opinions about the Roman governor, contained in the works of Greek authors of 1–3 c. AD. The study concerns characteristics of the different forms of governors activities in the Greek lands, including a general assessment, as well as reviews of specific duties. The material not only reveals some aspects of the informal influence of the Roman officials in the political life of the Greek cities, the nature of relations between the governors and public figures, sophists, but also shows the specificity of the perception of their position, at least in the intellectual elite level. Analysis of political discourse reveals a number of topical issues in relations between the provincials and representatives of the Roman government, affecting the judicial sphere, forms and principles of communication between the center and the periphery. It has been concluded that the opinions and evaluations of the authors were determined by a set of objective and subjective factors, among which the important role played peculiarities of their social status.

 Марков Константин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского

С. Э. Таривердиева

АВГУСТ И АГРИППА: РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОПРАВЛЕНИЯ С 29 ПО 18 Г. ДО Н. Э.

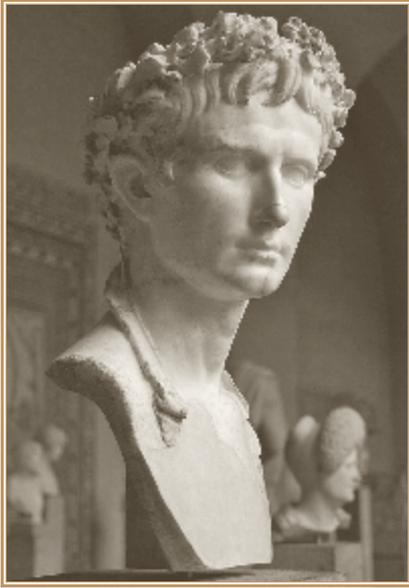
Система правления, созданная императором Августом, уже давно привлекает внимание исследователей. При этом, как справедливо отметил Ж.-М. Роддаз¹, достаточно долго историки писали о полномочиях и положении в новом государстве самого принцепса, слишком мало внимания уделяя положению его ближайшего соратника — Марка Агриппы. Это упущение было исправлено не только биографией Агриппы, которую написал сам Ж.-М. Роддаз, но и относительно недавней монографией Ф. Юрле «Коллеги принцепса при Августе и Тиберии»², исследованием испанского историка С. Кастана «Марк Агриппа и Август. Власть, высший империй и проблема наследования в контексте потрясений Республики-Принципата», который полагает, что, несмотря на исключительное положение в государстве Марка Агриппы, ни о каком соправлении или так называемой «диархии» не может идти и речи³, и многочисленными статьями⁴.

¹ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa*. Rome, 1984. P. 337. «Все даты в настоящей статье — до нашей эры, если не указано иное».

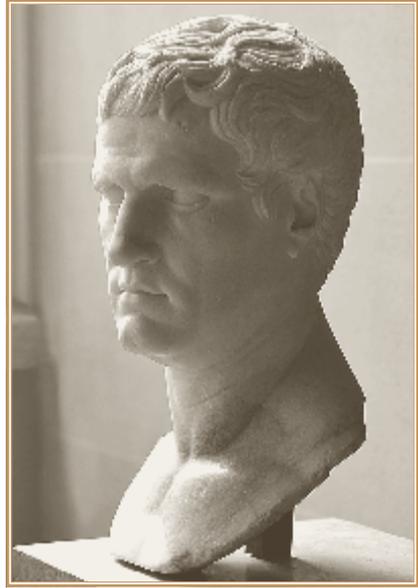
² Hurlet F. *Les collègues du prince sous Auguste et Tibère*. Rome, 1997. Passim.

³ Castán S. *Marco Agripa y Augusto. Poder, imperium maius y problema sucesorio en el contexto de las tensiones República-Principado*. Madrid, 2013. P. 286.

⁴ Badian E. «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // *Romanitas-Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit* Johannes Straub

Октавиан Август

Марк Випсаний Агриппа

Если говорить не только об Агриппе, но о соправителях принцепса в эпоху Ранней империи вообще, то в историографии выдвигалось немало гипотез о их положении, задачах и функциях. Некоторые из них просто не затрагивают время жизни и деятельности Агриппы, другие вызывают обоснованные возражения излишней схематичностью или неучетом важных факторов. Так, Г. Кастрициус видел в соправлении восстановление традиционной республиканской коллегиальности⁵. Правда, при этом он пишет, что соправители Августа, перечень которых следует начинать с Марка Агриппы, были не равны Августу, а их власть была подчиненной, меньшей по сравнению с трибунской властью принцепса⁶. Однако в 18 г. Агриппа получил

zum 70. Geburtstag gewidmet. G. Wirth (ed.), Berlin/New York, 1982; Frascchetti A. Augusto e la «laudatio» di Agrippa // Il bimillenario di Agrippa. Genova, 1990; Roddaz J.-M. Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // Cahiers Glotz. 3, 1992; Arnaud P. Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographique la nature des pouvoirs en Orient des 'co-régents' sous les règnes d'Auguste e Tibère // Cahiers Glotz. 5, 1994; Hurlet F. Recherches sur la durée de l'imperium des «co-régents» sous les principats d'Auguste et de Tibère // Cahiers Glotz. 5, 1994; Girardet K.M. Imperium «maius»: politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // La revolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives. Ed. Giovanni A. Vandoeuvres-Geneve, 2000; Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers Glotz. 12. 2001; Simpson C.J. Rome's «Official Imperial Seal»? The Rings of Augustus and His First Century Successors // Historia. Bd. 54. H. 2. 2005. См. также ссылки на другие статьи по этой теме ниже в тексте настоящей статьи.

⁵ Castritius H. Der Römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982. S. 9, 30–31.

⁶ [Ibid.] S. 31.

трибунскую власть. Стал ли он тогда равным соправителем Августу или нет? И насколько корректно вообще считать государство Августа восстановленной республикой? Э. Корнеман усматривал в Ранней империи «сдвоенный принципат», т.е. государство, которым руководят два соправителя при наличии пары наследников и «лестничного» порядка их продвижения — однако можно ли расценивать эту систему как прочный и постоянный, твердо сформировавшийся институт? Кроме того, «соправление» Августа и Агриппы он датирует лишь с 18 г.⁷ П. Гренад считает, что полноценного соправителя у Августа не было, а в Агриппе, Тиберии и других он видит помощников императора, которые, помимо государственных дел, занимаются воспитанием и подготовкой молодых наследников к получению власти. Однако нет никаких свидетельств, что Агриппа учил и воспитывал Марцелла, а Гай и Луций Цезари, приходившиеся ему родными сыновьями, в раннем детстве были усыновлены Августом⁸. А. Пиганьоль⁹ считает, что говорить о некоей системе, планировавшейся Августом, вообще не стоит: в 23 г. император, по его мнению, попытался установить нечто вроде диархии принцепса и сената (отказавшись от всей гражданской власти¹⁰) и лишь с 18 г. создает систему двойного правления — «государя мира» и «государя войны»: соправитель вел войны, тогда как сам принцепс брал на себя мирные задачи. Однако нам известно, что Агриппа в 17–14 гг. гораздо больше занимался управленческо-административными делами, чем военными¹¹, а гипотеза А. Пиганьоля о так называемой «диархии» в 23 г. между принцепсом и сенатом совершенно не учитывает положения Агриппы на Востоке в это время.

Как в вышеупомянутых крупных работах, так и в отдельных статьях соправление исследуется в статике. Подробно освещается положение соправителей в тот или иной период, исследователи отмечают важные вехи в изменении принципата — особенно 23 г., но при этом не анализируется динамика становления этой системы с точки зрения положения соправи-

⁷ Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium romanum. Leipzig-Berlin, 1930. S. 9, 12, 15–17, 179.

⁸ Grenade P. Essai sur les origines du principat. Paris, 1961. Напр., p. 440–441, 468–469, 476–478 и т. д. См. также критическую рецензию на книгу П. Гренада: Brunt P.A. Rev. Essai sur les origines du principat by P. Grenade // JRS. Vol. 51. 1961. P. 236–238.

⁹ Piganiol A. Les pouvoirs constitutionnels et le principat d'Auguste // JS. 1937. Passim, особ. p. 164–165. О событиях 27 и 23 гг. см. подробный анализ ниже в тексте настоящей работы.

¹⁰ Op. cit. «de tout le pouvoir civil», но, учитывая, что Август сохранил за собой трибунские полномочия, нельзя говорить об отказе от всей гражданской власти.

¹¹ Подробное изложение различных версий и их критику см.: Hurlet F. Les collegues... P. 365–389.

теля. С какого года Август начал осознанно создавать ее?¹² Менялся ли его изначальный план на протяжении жизни?

Помимо этого, остается проблема определения места соправителя в этой системе. Агриппа был не только личным другом Августа, но сначала его родственником через брак с Марцеллой, племянницей императора, а затем и зятем — мужем его единственной дочери Юлии и отцом Гая и Луция, внуков и приемных сыновей Августа. Какова же была роль Агриппы в государстве? Предыдущие гипотезы уже, на мой взгляд, достаточно убедительно оспорены, но Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаз считают, что Агриппа как соправитель в первую очередь должен был обеспечить бесперебойный переход власти от принцепса к его наследникам — т.е. своим родным сыновьям Гаю и Луцию, когда те достаточно повзрослеют, а до того — выполнять роль регента¹³. Но при этом возникают вопросы, на которые они не дают ответов. Каково было бы место в государстве Агриппы после того, как Гай и Луций получили бы власть? Какими полномочиями оформляется регентство и в чем его отличия от положения принцепса?

Также Ф. Юрле верно ставит вопрос о том, как соотносились соправление и наследование. Исследователь соглашается с гипотезой о том, что задачей соправителя было обеспечение спокойного перехода власти к кровным наследникам принцепса¹⁴. Но Агриппа занимал рядом с Августом второе место уже тогда, когда не встал еще даже вопрос о наследовании Марцелла, не говоря о Гае и Луции. И если, как считает французский исследователь, Агриппа с 21 г. (после женитьбы на Юлии) стал «до некоторой степени инструментом на службе режима, который позволил Августу рассчитывать на кровных наследников», то кем Агриппа был до этого?

Представляется, что на эти вопросы можно найти ответы, если, опираясь на достигнутые результаты в изучении этой системы, рассмотреть ее в

¹² Ж.-М. Роддаз, например, пишет, что почти все историки согласны: никакого изначального плана не было, а принципат Августа был создан опытным путем, как результат множества пробных шагов. И что именно вопрос с полномочиями Агриппы — яркое тому подтверждение. См. подробнее: *Roddaz J.-M. Op. cit. P. 374.* И если относительно опытного пути с французским исследователем согласиться можно, то тезис о том, что никакого изначального плана у Августа вообще не было, на мой взгляд, более спорен.

¹³ *Hurlet F. Op. cit. P. 544* и сл. Ж.-М. Роддаз, говоря о браке Юлии, дочери Августа, с Агриппой, называет последнего потенциальным сооснователем новой династии, которому в случае преждевременной смерти принцепса предстояло стать регентом, см.: *Roddaz J.-M. Op. cit. P. 376.* Этой же версии придерживается П. Савиньски, причем отдельно оговаривает, что он не считает, будто Гай и Луций могли прийти к власти только после смерти Агриппы: *Sawiński P. Marcus Agrippa: Collega Imperii or successor to Augustus? The Succession Issue Between 23 and 12 BC // Palamedes. №8. 2013. P. 153–154.*

¹⁴ Он пишет это конкретно об Агриппе: *Hurlet F. Op. cit. P. 544.*

динамике, проследить путь ее развития и поворотные моменты, когда изначальная идея явно претерпевала изменения.

Прежде чем рассматривать развитие системы соправления с 29 г. (когда Август, победивший в гражданских войнах, вернулся в Рим), кратко остановимся на любопытном эпизоде в конце 31 г. Дион Кассий (II. 3.5) рассказывает, что через некоторое время после битвы при Акции в Италии заволновались ветераны, желавшие получить награды за свою службу. Октавиан опасался, что Меценату, как всаднику, не достанет влияния для разрешения ситуации, и поэтому отправил в Италию Агриппу, консуляра и победителя при Навлохе. Греческий историк пишет, что младший Цезарь дал Агриппе и Меценату неограниченные полномочия — они могли вскрывать, читать и по своему усмотрению изменять его письма сенату и другим корреспондентам, и для этого отдал им дубликат своего перстня-печатки¹⁵. Для настоящего исследования этот эпизод представляется достаточно интересным по двум причинам. Во-первых, Октавиан явно считал, что более высокий социальный статус поможет Агриппе справиться с ситуацией успешнее, чем Меценату. При этом никаких дополнительных формальных полномочий он Агриппе не предоставил, в этом смысле полководец и покровитель поэтов находились в равном положении¹⁶. Различия лежали в иной плоскости — *auctoritas*. Разумеется, у Агриппы — блестящего полководца, получившего уникальный золотой веноч в 36 г.¹⁷, консуляра и сенатора, — *auctoritas* была выше, чем у всадника Мецената. Во-вторых, если сведения о их полномочиях дошли до Диона Кассия, вряд ли в 31–30 гг. они были тайной. То есть младший Цезарь, не имея возможности самостоятельно прибыть в Италию для решения проблемы, рассчитывает на *auctoritas* Агриппы и усиливает ее при помощи дополнительного неофициального поручения¹⁸.

Теперь обратимся к 29 г. Младший Цезарь вместе с Агриппой в этом году провели пересмотр списков сенаторов (Suet. Aug. 35; Dio Cass. II. 42. 1; RGDA VIII). В этом же году Август занимает консульство в пятый раз, а Агриппа становится избранным консулом (во второй раз) на 28 г. Оба они получили цензорские полномочия, не занимая при этом должностей цензо-

¹⁵ Hurler F. Op. cit. P. 184; *Instinsky H.U.* Die Siegel des Kaisers Augustus. Baden-Baden, 1961. S. 25–26.

¹⁶ Т.Р.С. Броутон пишет, что сначала Агриппа был легатом Октавиана в Актийской войне, а потом в полной мере разделил с Меценатом полномочия «представителя» молодого Цезаря: *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1952. Vol. II. P. 422.

¹⁷ Более подробно об этом венке см. в статье: *Bergmann B.* Die *corona navalis* — Eine Sonderehrung für Agrippa // *JdI* 126. 2011. Passim.

¹⁸ Однако Агриппе все же пришлось настоятельно вызывать в Италию Октавиана, поскольку справиться с ветеранами не удавалось: *Plut. Ant.* 73.

Аудиенция у Агриппы. Худ. Л. Альма-Тадема, 1875 г.

ров (CIL IX. 422): «Император Цезарь, консул в шестой раз, Марк Агриппа, консул во второй раз на основании цензорской власти провели люстр»¹⁹. Надпись относится к 28 г., т.е. они начали свою цензорскую работу в 29 г. и продолжили в 28 г. Список сената был пересмотрен в 29 г., перепись и люстр проведены в 28 г. (RGDA. 8).

В эпоху Республики цензура венчала senatorскую карьеру, должности выше в *cursus honorum* не было, а полномочия цензоров продолжались 18 месяцев (полтора года). Вопрос о том, на основании каких полномочий Август проводил последующие пересмотры списка сената и люстры (в 8 г. до н. э. и в 14 г. н. э.) — пользуясь консульской властью или же вновь на основании *ensoria potestas*, остается спорным²⁰.

Но для настоящей работы важен сам тот факт, что первый пересмотр списка сената, перепись и люстр будущий Август провел именно вместе с Агриппой и почти сразу по возвращении в Рим из Египта. Возникает зако-

¹⁹ Imp(erator) Caesar VI M(arcus) Agrippa II / idem censoria potest(ate) lustrum fecer(unt).

²⁰ См. библиографию вопроса у Дж. Шайда: *Scheid J. Res Gestae Divi Auguste*. Paris. 2007. P. 36–37. Однако в любом случае ценз 29–28 гг. вместе с Агриппой Август проводил, обладая специальными цензорскими полномочиями. См. по этому вопросу также: *Ferrary J.-L. À propos des pouvoirs d'Auguste // Cahiers Glotz*. 12. 2001. P. 125–127, особ. n. 98; *Jones A.H.M. Censorial Powers of Augustus // Studies in Roman Government and Law*. N.Y., 1968. P. 19–26; *Astin A.E. Augustus and «censoria potestas» // Latomus*. T. 22. F. 2. P. 231–232. Также см. библиографию: *Castán S. Op. cit.* P. 213, n. 58.

номерный вопрос — почему? Мне представляется, дело здесь в том, что это были первые «гражданские» мероприятия после победы над Антонием и Клеопатрой, которые символизировали окончание эпохи смут, к тому же люстр означал еще и очищение римского народа и государства, имел важное религиозное значение²¹. Поэтому младший Цезарь и старался провести их как можно скорее. В этом случае понятно, почему в качестве коллеги его устраивал только Агриппа, а не кто-то другой. Если проведенные мероприятия отчасти символизировали наступление мира, то осуществляя их вместе с Агриппой, будущий Август показывал, что новый порядок в государстве будет прочно связан с ним самим и его ближайшим соратником²².

Перейдем к 28–27 гг. Оба года Агриппа и младший Цезарь были коллегами по консульству. На это время приходится значительный пласт реорганизационных мероприятий²³, но сосредоточимся лишь на тех эпизодах, которые имеют отношение к теме исследования, к формированию и развитию системы соправления.

Начнем с их совместных консульств в 28 и 27 гг. Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаз согласны в том, что в эти годы Агриппа формально обладал равными с Августом полномочиями, причем в обеих составляющих консульского империя — *militiae* и *domi*²⁴. Что же касается смысла и подоплеки этого двойного консульства, то оба исследователя считают, что таким способом Август старался поддержать фикцию коллегиальности, продемонстрировать, что эпоха чрезвычайных полномочий окончилась, и все вернулось к республиканским порядкам²⁵. Однако примечательны слова Диона Кассия, который пишет, что сам не знает, делил ли Август фации с другими коллегами, по-

²¹ О значении люстра см., напр.: *Wiseman T.P. The Census in the First Century B.C. // JRS. Vol. 59. 1969. P. 64.* Также религиозное значение люстра подтверждает и пассаж «Дейний» Августа, где он упомянут между перечислением его жреческих должностей и рассказе об обетах и молитвах за его здоровье (RGDA. VII–IX).

²² Т.П. Уайзмен в более общем виде указывает, что этот люстр был необходим для последующего «восстановления Республики»: *Wiseman T.P. Op. cit. P. 71.*

²³ При рассмотрении событий этих лет я придерживаюсь хронологии, изложенной в статье: *Rich J.W., Williams J.H.C. Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C. // The Numismatic Chronicle. Vol. 159. 1999. Passim,* поскольку новый обнаруженный аурей, который анализируют авторы, указывает на ошибочность хронологии Диона Кассия.

²⁴ *Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 203–204; Roddaz J.-M. Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // Cahiers du Centre Gustave Glotz, 3, 1992. P. 202–203; Hurlet F. Les collegues... P. 30–32.*

²⁵ Такого же мнения придерживается и Ф. Верват, который указывает, что хотя это была совершенно явная фикция, она значила много в глазах старого республиканского нобилитета: *Vervae F.J. The Secret History. The official Position of Imperator Caesar Divi filius from 31 to 27 BCE // Ancient Society. 40. 2010. P. 92.*

скольку (LIII. 1.1-2): «Агриппе он всегда исключительно благоволил» (здесь и далее в переводе А. В. Махлаюка, если не указано иное). Конечно, нельзя исключать, что будущий Август демонстрировал и возвращение коллегиальности и равенства полномочий консулов в управлении государством, но вряд ли это было его главной целью, учитывая, кого именно он взял коллегой²⁶. Сомнительно, что такая фикция могла обмануть их современников, которые видели, что на протяжении пятнадцати лет Агриппа нерушимо сохранял лояльность Октавиану и одерживал для него важные победы. Эпоха гражданских войн и триумвирата закончилась, но во главе государства все так же оставался младший Цезарь, а ближайшим его помощником все так же оставался Агриппа. В этом отношении двойное консульство 28—27 гг. ничего не изменило. Представляется, что если бы именно демонстрация возвращения к республиканским порядкам являлась главной целью Октавиана, второе консульское место было целесообразнее отдать какому-нибудь представителю республиканского нобилитета, как было сделано, например, в 23 г., когда коллегой Августа был Пизон, а не Агриппе, незначительному и неизменно верному стороннику Октавиана и его личному другу.

Ж.-М. Роддаз пишет, что, взяв своим коллегой Агриппу, Август показывал: консульская власть вновь становится высшей²⁷. Представляется, что это мнение верно в ограниченных хронологических рамках — с 28 по 26 г. включительно, когда высшую власть с Августом делили его верные сторонники — Агриппа (28 и 27 гг.) и пусть не равный Агриппе по значимости, но второй после него — Статилий Тавр (26 г.)²⁸. Но уже в 25 и 24 гг. консульство занимали Марк Силан и Норбан Флакк соответственно — люди далеко не столь влиятельные.

Ф. Юрле толкует смысл этого двойного консульства так, что Август и Агриппа опробовали экспериментальную модель, которая предвещала будущее сотрудничество между этими двоими при осуществлении императорской власти²⁹. Мнение Ф. Юрле выглядит более обоснованным, чем гипотеза Ж.-М. Роддаза, однако судя по тому, что окончательное становление этого «принципа будущего сотрудничества» он датирует 23 г., французский

²⁶ Следует отметить, что Ф. Юрле в другой работе пишет, что, вероятно, в эти годы военный империй Агриппы был символическим и ограничивался предместьями Рима, но не предполагал, что Агриппа станет выезжать вслед за Августом из Италии: *Hurlet F. L'aristocratie augustéenne et la respublica restituta* // Ed. F. Hurlet, B. Mineo. *Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta. Actes du colloque de l'Université de Nantes, 1er-2 juin 2007*. P. 79—80.

²⁷ См. прим. 24.

²⁸ *Syme R. The Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 237.

²⁹ *Hurlet F. Les collegues...* P. 32.

историк подразумевает под ним наличие у Агриппы и Августа формальных полномочий. Однако в 26–24 гг. Марк Агриппа остался без формальной должности, и причину этого источники не проясняют. Но тогда почему же именно Агриппа становится коллегой будущего Августа по консульству в 28 г. и почему на два года подряд? Какую именно систему правления планировал в это время младший Цезарь?

Представляется, что ответить на эти вопросы возможно, если рассмотреть их совместное консульство несколько шире, в контексте проводившихся государственных реформ, изменившихся обстоятельств личной жизни Марка Агриппы, а также последовавших четырех лет, когда он не имел никаких формальных полномочий.

Сначала попробуем ответить на первые два вопроса — почему в 28–27 гг. коллегой Августа по консульству становится именно Агриппа и почему на два года подряд? Для Республики ситуация, когда два человека два года подряд являются консулами, была не слишком характерна, а пример Цинны и Карбона в 85–84 гг. едва ли являлся хорошим образцом. Если, как уже было показано выше, демонстрация возвращения к республиканским порядкам не была главной целью, тогда что ею являлось? 28–27 гг. считаются неким рубежом, переходом от эпохи гражданских смут к мирному времени, и пограничными их описывает даже сам Август (RGDA 34). Дж. Рич и Дж. Уильямс на основании относительно недавно обнаруженного аурея убедительно показали, что значительная часть реформ пришлась на 28 г., а в сумме весь процесс реорганизации занял как раз эти два года³⁰. Соответственно, эти годы были крайне важны для Октавиана — он должен был одновременно отказаться от чрезвычайных полномочий (чтобы демонстративно покончить с эпохой триумвирата) и провести все необходимые реформы, причем в нужный срок и в нужной форме. Представляется, что в этом кроется причина его совместного консульства именно с Агриппой на протяжении двух лет. Младший Цезарь, по-видимому, был уверен, что такой коллега не только не станет ему мешать, но и поможет³¹.

Однако Агриппа был не единственным постоянным соратником Октавиана, существовал еще, по меньшей мере, Статилий Тавр, который был

³⁰ См. прим. 23.

³¹ Сходного мнения придерживается и Ф. Верват, который считает, что выбор именно Агриппы в качестве коллеги показывает, как заботился Август о том, чтобы никто в это время не помешал его проектам: *Vervae F.J. Op. cit. P. 141*. Также см. статью А. Джованини, который подробно анализирует надпись из Ким и приходит к выводу, что Агриппа и Август в эти годы имели формальное право и возможность давать указания наместникам провинций: *Giovanini A. Les pouvoirs d'Auguste de 27 à 23 av. J.-C. Une relecture de l'ordonnance de Kymè de l'an 27 (IK 5, № 17) // ZPE. 124. 1999. Passim*.

Денарий Косса Корнелия Лентула, 12 г. до н. э. На аверсе — Август, на реверсе — Агриппа консулом-суффектом в 37 г. (Агриппа в том же году был ординарным). Почему младший Цезарь не выбрал его?³² Здесь мы подходим ко второму вопросу: какую именно систему правления планировал в это время Октавиан? Подсказать ответ может серьезное изменение в личной жизни Агриппы, случившееся примерно в это же время³³ — он женился на Марцелле, племяннице Октавиана³⁴, стал не просто другом младшего Цезаря, но его родственником³⁵. И это еще больше должно было повысить *auctoritas* Агриппы, который уже к этому времени дважды был консулом, имел уникальные военные награды (см. выше) и обладал наравне с младшим Цезарем особыми цензорскими полномочиями. Но зачем младшему Цезарю потребовалось в этот период повышать *auctoritas* Агриппы? Ответ на этот вопрос может подсказать ситуация, сложившаяся в 26–24 гг., когда Агриппа остался в Риме без формальных полномочий.

Летом 27 г. Август уехал в Галлию, а в начале 26 г. в Тарраконе принял восьмое консульство (Dio Cass. LIII. 22. 5; Suet. Aug. 26. 3). Агриппа в это

³² Возможно, конечно, что здесь сыграли роль личная привязанность Октавиана к другу детства и более высокая степень доверия к нему, но судить об этом с уверенностью нельзя.

³³ Скорее всего, в 28 г. См.: Cass. Dio. LIII. 1. 2.

³⁴ Неизвестно, что случилось с первой женой Агриппы — Цецилией: развод или смерть. Мне более вероятным представляется последний вариант, поскольку в рассказе Непота о смерти ее отца Аттика в 32 г. упоминается его зять Агриппа и не упоминается сама Цецилия, однако возможным остается и первый вариант. Nep. Att. 21–22.

³⁵ Я полагаю, что Юлия, дочь Августа, предназначалась в жены более молодому человеку, который после смерти Августа сможет встать во главе государства. Рассчитывать в этом смысле на Агриппу вряд ли приходилось, поскольку Агриппа был ровесником Августа, и не было особых оснований считать, что он намного переживет своего друга. Подробнее об этом я писала в статье: *Таривердиева С.Э. Марцелл и династическая политика Августа в 29–23 гг. до н. э. // Studia Historica. Вып. 13. 2013. Passim, особ. с. 176.*

же время находился в Риме и не имел никаких официальных полномочий. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что в эти годы Агриппа вновь неформально выполнял роль представителя Августа, как в 31–29 гг.³⁶ Данное предположение представляется спорным, так как если про 31–29 гг. у нас имеются ясные свидетельства источников о том, что Меценат и Агриппа выступали представителями младшего Цезаря, имели копию его перстня-печатки и могли от его имени писать письма сенату, то ничего подобного про 26–24 гг. не известно. Кроме того, такая практика вновь напомнила бы всем о временах триумvirата и гражданских войн, что для Августа было нежелательно. Представляется, что мероприятия 28–27 гг. отчасти были нацелены как раз на то, чтобы избежать повторения подобной ситуации.

Но если положение Агриппы в 26–24 гг. не было таким же, как в 31–29 гг., то каким оно было? Почему после двойного консульства ближайший соратник Августа остался без полномочий? Период 26–24 гг. крайне важен для понимания того, какое место в системе правления Август планировал для своего друга. Чтобы найти ответ на этот вопрос, рассмотрим внимательнее политическую ситуацию, сложившуюся в это время, строительные мероприятия Агриппы за этот же период и попытаемся определить — имелись ли в его распоряжении какие-то неформальные механизмы, при помощи которых он мог влиять на политические процессы в Риме или же его руки были полностью связаны отсутствием официальной должности.

Начнем с должности префекта города. Первым префектом города был Мессала Корвин (Tac. Ann. VI. 11, Hieron. Chron. 188.3), назначенный как раз в этот период отсутствия Августа. Точная дата назначения Корвина является спорной — лето 27 г. или 26 г.³⁷ В дальнейшем я буду исходить из последней датировки — лето 26 г., поскольку Иероним ясно указывает на этот год³⁸, а все сомнения в этом основаны на том, что в его «Хронике» содержится множество ошибок, а Августу логичнее было создать эту должность именно в 27 г., когда он уезжал из Рима. Такие основания не представляются достаточными для опровержения сведений источника.

Спорным является и вопрос о том, имел ли префект города в своем распоряжении какие-то реальные силы. О создании городских когорт сообщает Светоний (Aug. 49. 1): «Остальные отряды он отобрал отчасти для

³⁶ Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 231; Hurlet F. Op. cit. P. 32.

³⁷ Библиографию см.: Ruciński S. Praefectus urbi. Le Gardien de l'ordre public à Rome sous le Haut-Empire Romain. Poznań, 2009. P. 49–50.

³⁸ Исходя из расчета годов Олимпиады (по которым ведет повествование Иероним), значение относится к июлю 26 г. до н. э. (третий год 188 Олимпиады).

охраны города, отчасти — для своей собственной» (перевод М.А. Гаспарова)³⁹. Д. Кинаст, например, считает, что уже у Мессалы могли быть под командованием городские когорты, но более вероятным ему кажется, что их получил только следующий префект, Статилий Тавр в 16 г. до н. э.⁴⁰ С. Руцинский считает вполне вероятным, что когорты были созданы уже во время префектуры Мессалы Корвина, а потом, когда он оставил пост, вернулись в подчинение к своим командирам и императору⁴¹. То есть ясности в датировке создания городских когорт нет до сих пор. Если их еще не существовало, то должность префекта города была просто почетной без каких-либо реальных полномочий и не имела бы для Агриппы никакого смысла. Но если городские когорты уже были созданы и находились в распоряжении городского префекта, почему Август не дал эту должность своему самому надежному стороннику, что укрепило бы положение последнего и одновременно дало ему возможность в случае кризиса действовать самостоятельно?

Важным представляется обратить внимание на следующее: во время отсутствия Августа в Риме его коллегами по консульствам были следующие люди:

в 27 г.: Марк Агриппа, давний соратник, чья верность не вызывала никаких сомнений;

в 26 г.: Статилий Тавр, тоже относительно давний сторонник младшего Цезаря, не дававший повода заподозрить себя в нелояльности;

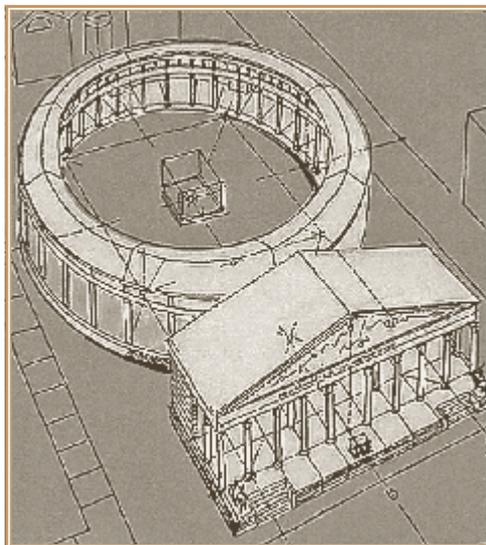
в 25 г.: Марк Юний Силан, который сначала находился у Секста Помпея, а после Мизенского мира присоединился к Марку Антонию и лишь в 31 г. из-за разногласий с окружением Клеопатры перешел на сторону Октавиана (Plut. Ant. 59).

В таком контексте назначение Мессалы Корвина префектом летом 26 г. выглядит крайне любопытным. Корвин был более давним соратником Октавиана, чем Силан, но он был известен, как близкий друг Кассия, убийцы Цезаря, участвовал в битве при Филиппах на стороне Брута и Кассия (Plut. Brut. 40–41), а после разгрома республиканцы даже избирали его своим лидером (Vell. II. 71), но он отказался и убедил многих присоединиться к Антонию. Причиной его перехода к Октавиану, судя по всему, тоже стало недовольство влиянием Клеопатры.

³⁹ ...ceterum numerum partim in urbis partim in sui custodiam adlegit...

⁴⁰ Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009. S. 330.

⁴¹ Ruciński S. Op. cit. P. 162. См. у него же подробное изложение дискуссии о датировке создания городских когорт: P. 158–163.

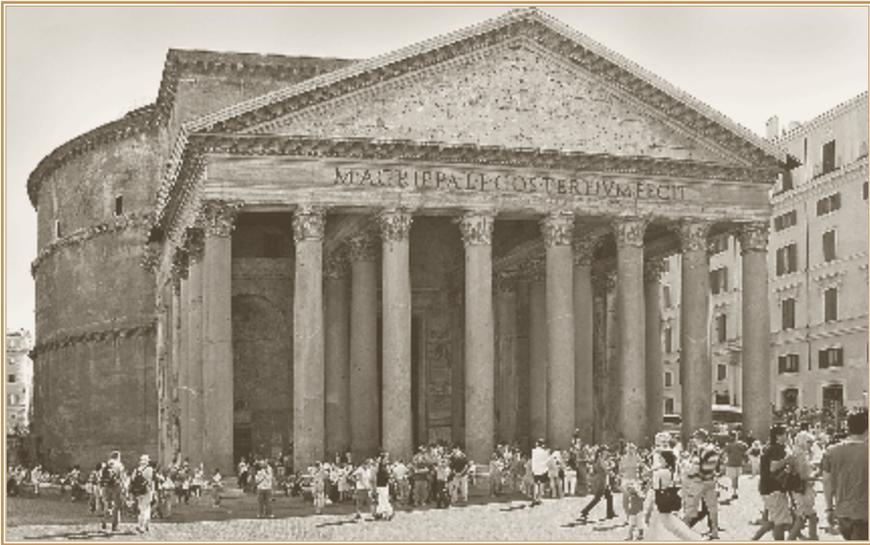
Пантеон Агриппы. Реконструкция

Заглянем на несколько лет вперед и вспомним, что одним из мероприятий Августа в 23 г. был отказ от ежегодного занятия одного консульского места, который расценивается в историографии как уступка нобилитету⁴². Весьма вероятно, что зачатки этого недовольства начали проявляться несколько раньше — двухгодичное совместное консульство Августа и Агриппы, а затем консульство Августа и Статилия Тавра явно показывали, что эта высшая должность в государстве отныне безраздельно принадлежит только младшему Цезарю и его верным и давним сторонникам. Вряд ли нобили могли приветствовать такое положение дел. И назначение в 26 г.⁴³ на должности консула и префекта города сразу двух политиков, имевших в прошлом весьма тесные связи с врагами Октавиана, могло быть своеобразной уступкой принцепса, демонстрацией того, что он не пытается лишить сенаторов карьеры.

Таким образом, в 26 г. сложилась ситуация, когда дать консульскую должность Агриппе возможным не представлялось. Городскую префектуру, полученную Корвином, Агриппе нельзя было дать по той же причине, что и консульство. Какие оставались варианты? Другие доступные маги-

⁴² Э. Грюен, однако, расценивает этот поступок Августа не как уступку, а как возможность оказывать более широкий патронат в сословии сенаторов, но и он признает, что это было сделано именно для того, чтобы облегчить нобилиям доступ к консульству: Gruen E. Augustus and the Making of the Principate // Ed. K. Galinsky. The Cambridge Companion to the Age of Augustus. Melbourne, 2005. P. 36.

⁴³ Оба назначения, видимо, состоялись в 26 г., но префект вступил в должность сразу, а консул — только с 25 г.

Пантеон в Риме. Современный вид

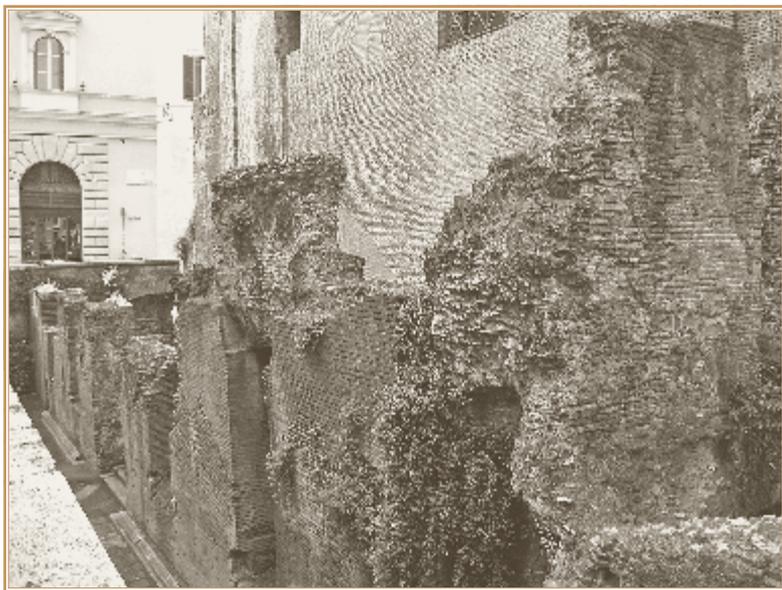
стратуры не только не усилили бы его положение, но еще и уронили бы его *auctoritas* (тем более Агриппа уже в 33 г. совершил подобный «спуск» по карьерной лестнице, когда после консульства в 37 г. стал в 33 г. эдилом). Оставался единственный выход, который и был реализован: Агриппа должен был опираться на собственную *auctoritas*, поддерживавшуюся авторитетом и влиянием Августа. Г. Роу в статье, посвященной анализу фразы из «*Res Gestae*», верно задается вопросом о механизме реализации *auctoritas* применительно к Августу⁴⁴. Справедливо задаться аналогичным вопросом и в случае Агриппы.

В первую очередь *auctoritas* Агриппы должна была проявляться в том, что в отсутствие Августа в сенате он, вероятно, высказывал свое мнение первым — он уже был три раза консулом, вместе с Августом проводил люстр и пересмотр списков сенаторов (что, вероятно, соответствовало рангу цензория, тем более что иных цензоров на тот момент в сенате не было), имел уникальные военные награды⁴⁵. Это право высказываться первым было достаточно важным, поскольку Август позаботился о том, чтобы получить его для себя (RGDA. 8).

Кроме того, как представляется, об особом упоре на *auctoritas* Агриппы свидетельствует его строительная деятельность, в первую очередь постройка Пантеона. В другой статье я анализировала различия в строитель-

⁴⁴ Rowe G. Reconsidering the *Auctoritas* of Augustus // JRS. 2013. Passim.

⁴⁵ Отметим, что, согласно Светонию (Aug. 66. 3), друзья Августа, в частности, Агриппа и Меценат, почитались первыми в своих сословиях (*ordinis principes floruerunt*). Меценат оставался всадником, но Агриппа входил в сословие сенаторов.

Рим. Остатки портика Аргонавтов. Фото автора

ной политике Августа и Агриппы⁴⁶, поэтому здесь лишь кратко повторю собственный вывод: в строительных проектах место Агриппы было вторым, но важно, что оно было вторым из двух — третьего не существовало⁴⁷. В рамках рассматриваемого периода особенно примечательно помещение двух колоссальных статуй Августа и Агриппы в пронаосе Пантеона в 25 г. Еще более примечательно, что решение принималось ими совместно, и сам Агриппа изначально собирался ставить статую принцепса внутрь (Cass. Dio, LIII. 27. 3). Сам Пантеон при этом явно связывался с родом Юлиев. Представляется, что намек был достаточно ясен — Август занимал главенствующее положение, но вторым человеком был Агриппа. К тому же обширное строительство помогало Агриппе завоевывать популярность у плебса, поддержка которого была очень важна для режима Августа⁴⁸. В 33 г., в свой эдилитет, Марк Випсаний уже начал благоустраивать Рим — серьезно улучшил систему водоснабжения, отремонтировал улицы и общественные здания, очистил Большую клоаку. Тогда его работы служили интересам плебса, но

⁴⁶ Таривердиева С.Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 1. 2014. Passim.

⁴⁷ Конечно, в правление Августа строения возводили и другие, например, Бальб-младший (театр), Статилий Тавр (амфитеатр) и др.: Suet. Aug. 29, но нет никого, кто вел бы строительную деятельность в Риме даже не равного, а хотя бы сопоставимого с Августом и Агриппой масштаба (даже если считать только Рим, без провинций).

⁴⁸ О значении плебса см.: Yavetz Z. Plebs and Princeps. Oxford, 1969. P. 91–101.

Рим. Остатки базилики Нептуна

не слишком бросались в глаза, теперь же положение изменилось и Агриппа начинает строить большие, впечатляющие сооружения: Септа, Дирибиторий, портик Аргонавтов, базилика Нептуна. Эти здания не просто украшали город, приносили пользу плебсу и давали дополнительные рабочие места, но и напоминали о победах Агриппы (портик Аргонавтов и базилика Нептуна) или указывали на преемственность с Цезарем, который пользовался исключительной любовью римского плебса (Септа)⁴⁹.

Еще одной демонстрацией того, что Агриппа по уровню влияния и месту в государстве приближается к Августу, стало переселение прославленного полководца в дом Августа. В 25 г. сгорел дом на Палатине, который Агриппа делил с Мессалой Корвином, и Август пригласил друга жить к себе, тогда как Мессале выплатил денежную компенсацию (Dio Cass. LIII. 27. 5). Разумеется, едва ли этот пожар был запланированным, но принцепс явно воспользовался подвернувшейся возможностью, как и в следующий раз, когда болезнь задержала его в Тарраконе и брачной церемонией Марцелла и Юлии вместо него руководил именно Агриппа (Dio Cass. LIII. 27. 5).

На основании всего вышесказанного можно прийти к следующим выводам относительно положения Агриппы в государстве в 26–24 гг. Поскольку сразу после урегулирования 27 г. Август отправился в западные

⁴⁹ Подробнее об идеологическом смысле построек Агриппы в это время см.: *Таривердиева С.Э. Строительная деятельность Марка Агриппы...* С. 12–17.

провинции, Агриппе требовалось оставаться в Риме и контролировать там обстановку. Однако Август не нашел возможности дать ему в Риме официальную должность и войска, не вызывая при этом недовольства у аристократии (а возможно, и у других своих сторонников, которые тоже могли рассчитывать на магистратуры), поэтому вынужден был сделать упор на его *auctoritas*. Таким образом, Август был консулом и имел в своем распоряжении легионы, но отсутствовал в Риме, зато там оставался Агриппа, с преобладающей *auctoritas*, но без магистратуры и без войск. Для мирного и спокойного времени эта конструкция должна была казаться достаточно надежной: в случае каких-то трудностей или беспорядков в Риме или провинциях сенат, оглядываясь на консула Августа во главе легионов, вероятнее всего, предоставил бы Агриппе любые необходимые полномочия. При этом она была и удобной: Агриппа, свободный от магистратуры, в любой момент мог занять именно ту должность, которая наиболее подходила бы для решения возникшей проблемы. В таких обстоятельствах говорить о полноценном соправлении, разумеется, не приходится, но, на мой взгляд, в этот период продолжают развиваться тенденции к своеобразному асимметричному соправлению и расстановка сил в области строительства отражает общую картину: Агриппа всё более явно выступает как второй из двух⁵⁰. Разумеется, я не могу утверждать, что в 26–23 гг. система соправления существовала хоть в сколько-нибудь законченном виде или что Агриппу можно считать на этом этапе соправителем Августа, хотя бы и не равным ему. Но, на мой взгляд, тенденции к асимметричному соправлению существовали и положение Агриппы пусть и было ниже полноценного соправителя (каковым он стал позднее), но оно было куда выше, чем место одного из друзей Августа, одного из членов его совета, даже самого авторитетного.

Следует также отметить, что в 26–24 гг. вырисовывается вторая «пара» наследников, люди, которые после смерти Августа и Агриппы должны будут занять их место — Марцелл и Тиберий, соответственно. Поскольку подробную аргументацию своей точки зрения я приводила в других статьях, здесь я ограничусь лишь кратким пересказом выводов⁵¹. Формирование

⁵⁰ Веллей Патеркул (Vell. II. 79) утверждает, что Агриппа умел повиноваться, «но только одному» (пер. А.И. Немировского).

⁵¹ О системе «парных» наследников написано достаточно много. Первым, насколько мне известно, эту идею высказал Э. Корнеман в работе о двойном принцепате: Kornemann E. Op. cit. Но его концепция, в некоторых отношениях слишком схематичная и противоречащая фактам (например, в том, что он считает Ливию соправительницей Тиберия), не была принята. См. подробный разбор его идей с приведением библиографии: Hurlet F. Les collègues... P. 374–380. Как представляется, Ф. Юрле прав в

этой системы началось в 29 г., когда оба юноши приняли участие в триумфе Августа, заняв место родных сыновей, Марцелл ехал на более почетном месте — справа от колесницы триумфатора, Тиберий — слева. Следующим событием для Тиберия и Марцелла стало участие в кантабрийской войне в 26 г. Оба они служили военными трибунами и вместе руководили играми в честь основания колонии Эмериты. То есть перед войсками они выступали в равных позициях. В 25–24 гг. карьерные пути юношей начинают расходиться: Марцелл женится на единственной дочери Августа Юлии, избирается курульным эдилом на следующий год, получает сан понтифика, ранг претория в сенате и право занять консульскую должность на десять лет раньше законного срока, а Тиберий, уже давно, еще до 32 г. обрученный с Випсанией, дочерью Агриппы, получил от Августа квестуру на следующий год и право избираться на должности претора и консула на пять лет раньше законного срока (Plin. NH. XIX. 6. 24; Tac. Ann. I. 3. 1; Dio Cass. LIII. 28. 3). Таким образом, к 23 г. Тиберий и Марцелл были зятями Агриппы и Августа, соответственно, и получали различные привилегии, с одной стороны, возвышавшие их над всеми остальными аристократами, а с другой — отличавшие их и друг от друга: привилегии Марцелла явно были почетнее тех, что получил Тиберий.

Кардинально положение изменилось в 23 г., когда грянул кризис и конструкция предыдущих лет во всей полноте проявила свою ненадежность. Этот год считается переломным сразу по нескольким причинам: принцепс взял своим коллегой убежденного республиканца, затем отказался от ежегодного консульства, приняв взамен проконсульские полномочия, получил в полной и окончательной форме трибунскую власть, ставшую одной из главных опор его правления. Кроме того, умер предполагаемый его преемник — Марцелл, а сам Август, полагая, что умирает, передал государственные документы коллеге-консулу, а кольцо-печатку Агриппе (Suet. Aug. 28. 1; Dio Cass. LIII. 30. 1–2). Положение последнего с этого года резко меняется, и Марк Випсаний до самой своей смерти больше никогда не остается без

том, что в изначальном виде теорию Корнемана принять нельзя, однако по сути идея о существовании «пар» наследников, во всяком случае в обсуждаемый период, верна, если гипотезу Корнемана немного скорректировать. Отчасти это сделала Б. Левик, но она считает, что такая идея у Августа сформировалась только к 18 г.: *Levick B. Tiberius the Politician. L.—N.Y., 1999. P. 16; Levick B. Drusus Caesar and the Adoptions of 4 A. D. // Latomus. T. 25. 1999. P. 229, n. 2.* Отдельно о положении Марцелла и Тиберия я писала в предыдущих статьях: *Таривердиева С.Э. Марцелл и династическая политика Августа в 29–23 гг. до н. э. // Studia historica. Вып. 13. 2013. С. 158–177; Место Тиберия в династической политике Августа до 23 г. до н. э. // Вестник древней истории. № 3. 2015. С. 79–90.*

формальных полномочий, причем в подавляющем большинстве случаев⁵² они дают право командования армией.

Сосредоточимся на двух ключевых проблемах: на эпизоде с передачей кольца и изменении положения Агриппы. Сперва кратко остановимся на личности коллеги Августа в этом году, которому он, находясь при смерти, передал книгу с перечнем войск и государственных доходов. Гн. Кальпурний Пизон в прошлом воевал в гражданских войнах на стороне Гн. Помпея и помпеянцев, затем Брута и Кассия; он демонстративно воздерживался от участия в политической жизни, пока Август не предложил ему консульство, и даже эту должность принял неохотно (Тас. *Ann.* II. 43. 2). Вероятно, выбор такого коллеги свидетельствует о том, что принцепс стремился расположить к себе республикански настроенные круги в сенате⁵³.

Теперь обратимся непосредственно к передаче перстня-печатки. Источники сообщают следующее.

Dio Cass. LIII. 30. 1–2: «Тем временем Август, заняв должность консула в одиннадцатый раз вместе с Кальпурнием Пизоном [23 г. до н. э.], снова заболел, причем так, что не было надежды на выздоровление: во всяком случае, он отдал все распоряжения, как будто готовясь умереть, пригласил к себе должностных лиц и других наиболее видных сенаторов и всадников, но никого не назначил своим преемником, хотя все прочили на эту роль Марцелла, и, обсудив с собравшимися кое-какие государственные дела, передал Пизону книгу со списками военных сил и государственных доходов, а Агриппе вручил свой перстень» (пер. А.В. Махлаюка). Видимо, об этом же эпизоде пишет и Светоний, правда, не упоминая передачи кольца (*Suet. Aug.* 28.1): «Два раза он помышлял о восстановлении республики... Второй раз причиной явилось невыносимое душевное состояние, вызванное долгой болезнью; в этот раз он даже призвал к себе на дом магистратов и сенат и передал им полный реестр состояния государства» (пер. Д.П. Кончаловского).

Большинство историков сейчас считают этот рассказ достоверным, однако в 2005 г. вышла статья К. Симпсона, который считает, что эпизод является выдумкой Диона Кассия и никакой передачи кольца на самом деле не было⁵⁴. Мнение Симпсона не представляется убедительным, однако к более тщательному анализу его гипотезы вернемся чуть позднее, рассмотрев сна-

⁵² Неясно, имел ли Агриппа полномочия командовать войсками в то время, когда находился в Риме — в 21 и 18–17 гг.

⁵³ *Bleicken J.* Augustus. Eine Biographie. Hamburg, 2010. S. 348–349.

⁵⁴ *Simpson C.J.* Rome's «Official Imperial Seal»? The Rings of Augustus and His First Century Successors // *Historia*. Bd. 54. H. 2. 2005. Passim, особ. p. 187–188.

чала интерпретации исследователей, которые не сомневаются в историчности эпизода.

Некоторые из них считают, что передачей кольца Август назначил Агриппу своим политическим преемником и что такой его жест был вдохновлен эпизодом с передачей кольца Александром Македонским Пердикке⁵⁵. Отдельно следует отметить мнение Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаза, которые тоже расценивают передачу кольца как передачу политической власти, однако рассматривают Агриппу как **временного** политического наследника, своеобразного «хранителя власти» до того момента, когда Марцелл повзрослеет достаточно, чтобы принять ее, а не полноценного преемника Августа⁵⁶.

Вторая интерпретация эпизода была предложена Г. Инстински и поддержана Х. Брандтом. Она состоит в том, что передача кольца-печатки указывала на Агриппу как на личного наследника Августа, а политическое наследие вытекало из этого, так как к личному наследнику перешли бы огромные владения Августа, его многочисленная клиентела и обширные связи⁵⁷.

Автором третьей интерпретации выступила М. Деттенхофер⁵⁸. С ее точки зрения, Агриппа, скорее всего, не являлся ни политическим, ни личным наследником, а кольцо указывало на него просто как на душеприказчика Августа (М. Деттенхофер, возможно, под этим имеет в виду «*familiae emptor*» (см. напр. Gaius. Inst. II. 103), но сама она латинского термина не приводит, ограничиваясь немецким словом: «Testamentsvollstrecker»). Однако она подробно не аргументирует свою точку зрения, в связи с чем спорить с ее гипотезой несколько затруднительно. Исследовательница пишет, что главной наследницей Августа была его дочь Юлия, но политический потенциал наследства был доступен только мужчине; Марцелл рассматривался в об-

⁵⁵ Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography. Geneve, 1933. P. 78; Bleicken J. Op. cit. S. 347; Rich J.M. Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9). Warminster, 1990. P. 165–166.

⁵⁶ Hurlet F. Les collèguès... P. 34–36; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 312–313 (о том, что передача кольца символизировала передачу политической власти) и P. 318 (о том, что эта власть у Агриппы могла быть только временной, поскольку он не являлся потомком Цезаря).

⁵⁷ Instinsky H.U. Die Siegel des Kaisers Augustus. Baden-Baden, 1962. S. 37–38; Brandt H. Marcellus «successio praeparatus»? Augustus, Marcellus und die Jahre 29–23 v. Chr. // Chiron. 25. 1995. S. 12–13. По сути, авторы этой гипотезы тоже предполагают политическое наследование, только, в отличие от сторонников первой концепции, не прямое, а как бы вытекающее из личного наследования, которое и являлось непосредственной целью Августа.

⁵⁸ Dettenhofer M. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat. Stuttgart, 2000. S. 100–102.

пшестве как наследник Августа, но чтобы стать полноценным преемником, ему потребовалось бы усыновление, и подозрения о том, что завещание Августа содержало такое распоряжение, в то время были весьма сильны. П. Савиньски в статье 2013 г. соглашается с интерпретацией, предложенной М. Деттенхофер, аргументируя ее более подробно, и пишет, что передача кольца указывала на Агриппу, как на душеприказчика Августа, исполнителя его воли в его частных делах, но не как на наследника — политического или личного⁵⁹. Первый вариант он отвергает, ссылаясь на Диона Кассия, который ясно пишет, что в тот момент Август не выбрал преемника (Dio Cass. LIII. 30. 1)⁶⁰. Дополнительно он пишет, что, по его мнению, для того чтобы кольцо указывало на политического преемника, присутствовавшие магистраты и сенаторы должны были воспринимать его как атрибут власти принцепса или символ магистратуры — но, конечно, это не так⁶¹. С гипотезой об Агриппе как личном наследнике П. Савиньски также не согласен, поскольку таковым Агриппа мог стать либо в случае его усыновления принцепсом, либо в силу особого условия в завещании императора, а намеков на это в источниках не имеется. Далее, П. Савиньски также указывает, что сенатская элита вряд ли могла принять в качестве нового принцепса человека столь низкого происхождения, как Агриппа⁶². Поэтому он полагает, что передача кольца символизировала всего лишь назначение Агриппы душеприказчиком⁶³. Такой скептицизм исследователя представляется необоснованным. Прежде всего, следует отметить не менее ясное свидетельство Диона Кассия, предполагающее совсем иной вывод: «Все, однако, весьма удивлялись его (Августа. — С.Т.) решению. Любя Марцелла и как зятя, и как племянника... он тем не менее не доверил ему единоличную власть (μοναρχία), но предпочел ему Агриппу». Таким образом, сам греческий историк воспринял передачу кольца именно как передачу монархической власти. Во-вторых, можно согласиться с тем, что в 23 г. до н. э. кольцо действительно не расценивалось ни как зримый символ власти, ни тем более как атрибут магистратуры. Однако никто из оппонентов П. Савиньски этого и не утверждает; более того, Ф. Юрле и Ж.-М. Роддаз специально оговаривают, что передача кольца символизировала *неофициальную* передачу

⁵⁹ Sawiński P. Marcus Agrippa... P. 142–147.

⁶⁰ Sawiński P. Marcus Agrippa... P. 144; Sawiński P. Agryppa, Marcellus i pierścień Augusta. Kilka uwag na temat fragmentu *Historii Rzymskiej* Kasjusza Diona (53, 30, 1–2) // *Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae Et Latinae*. XXIII/1. 2013. P. 35–43.

⁶¹ Подробнее см. об этом: *Simpson C.J.* Op. cit. P. 182–186.

⁶² Sawiński P. Marcus Agrippa... P. 145.

⁶³ Ibid. P. 142–147.

Денарий Сульпиция Платорина, 13 г. до н. э. На реверсе Август и Агриппа

политической власти. Наконец, для назначения Агриппы личным наследником Августа его усыновление вовсе не требовалось, а содержание завещания Августа по состоянию на 23 г. нам и не может быть известно, так как оно не обнародовалось; однако нет очевидных препятствий для предположения, что наследником в нем был объявлен Агриппа. Напротив, гипотезу о «душеприказчике» убедительно оспорил Симпсон, который указывает, что в Риме неизвестны примеры, когда передача кольца свидетельствовала бы о наделении получателя полномочиями душеприказчика⁶⁴.

Рассмотрев имеющиеся на сегодняшний день интерпретации передачи кольца Агриппе, вернемся к гипотезе Симпсона, который считает, что эпизод неисторичен и выдуман Дионом Кассием. Исследователь пишет, что к эпохе Светония и Диона Кассия кольцо императора стало «символом власти», пытается определить, как и когда именно это произошло, и приходит к выводу, что такое значение кольцо императора приобрело уже позже, в эпоху Флавиев⁶⁵. Рассматривая эпизод 23 г. до н. э., Симпсон указывает на отмеченный еще Э. Бэдианом факт, что в то время у Августа не было такой личной власти, которую он мог бы передать наследнику⁶⁶, и на основании этого ставит под сомнение историчность этого эпизода вообще. Оба посыла исследователя — о времени превращения импера-

⁶⁴ Simpson C.J. Op. cit. P. 181–182.

⁶⁵ Ibid. Passim.

⁶⁶ Ibid. P. 181, cp.: Badian E. «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // Romanitas-Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit Johannes Straub zum 70. Geburtstag gewidmet. G. Wirth (ed.), Berlin–New York, 1982. P. 34–35.

торского кольца в символ власти и о характере власти Августа в 23 г. — представляются справедливыми. Однако непонятно, как из них следует недостоверность рассказа Диона Кассия о передаче кольца в 23 г. Если у Августа не было персональной власти, которую он мог передать, а его кольцо не считалось официальным символом императорской власти, это никак не значит, что он на смертном одре не мог отдать своему родственнику, другу и соратнику Марку Агриппе свое личное кольцо-печатку. Это не первый случай в Риме, когда умирающий отдавал другому кольцо (Val. Max. VII. 8. 5; 8.8–9), и наличие официальной личной наследуемой власти здесь совершенно не требовалось.

Итак, поскольку доводы против историчности эпизода с кольцом представляются несостоятельными, а гипотеза о том, что весь эпизод означал просто назначение Агриппы душеприказчиком, не подтверждается источниками, сосредоточимся на первых двух версиях, которые, как представляется, можно совместить — передачей кольца Август обозначал Агриппу как личного наследника, но этот жест имел и политический подтекст. Поскольку в итоге Август выздоровел и его завещание не было вскрыто, узнать, действительно ли он в 23 г. назначал Агриппу личным наследником, невозможно. Достаточно того, что мог назначить⁶⁷, и передача кольца могла служить подтверждением этого.

Обратимся к вероятному политическому подтексту этого события. Начнем с простого вопроса: если Август, умирая, желал указать на Агриппу, как на своего политического преемника, то как он мог это продемонстрировать? Передать символы своей консульской власти (курульное кресло или ликторов) он не имел права. Объявить вслух Агриппу в качестве своего политического наследника тоже — непонятно, как именно это должно было прозвучать, если Август сам настаивал, что восстановил республику и законы? Кем он мог бы назвать Агриппу? Преемником по консульству? Новым принципсом? Будущим главой дома Юлиев? Умиравшему императору оставались лишь намеки. При исследовании политического подтекста этого эпизода исследователи часто вспоминают рассказ о том, как Александр передавал кольцо Пердикке (см. прим. 55). Но представляется, что на памяти сенаторов, собравшихся в доме Августа, был более близкий и памятный

⁶⁷ Поскольку текст завещания нам неизвестен, предполагать можно самые разные варианты. Август мог поступить так, как в свое время Цезарь: назначить Агриппу главным наследником, а остальных — второстепенными; он мог сделать Агриппу и Марцелла наследниками в равных долях, а при помощи кольца указать того, кому следует отдать предпочтение; наконец, Август в завещании мог усыновить Агриппу и оставить ему практически все.

случай: в 29 г. в отсутствие Октавиана в Риме его кольцом при переписке с сенатом пользовались Меценат и Агриппа — тот самый Агриппа, который и получил на их глазах кольцо в 23 г.

Заметим при этом, что государственные бумаги Август отдал своему коллеге-консулу — Пизону. Принцепс явно старался не нарушить нравы, обычаи и законы. Не имевшему должности Агриппе он отдал то единственное, что мог, — свое личное кольцо-печатку. Мне представляется, что таким способом Август указывал всем собравшимся у его ложа, кого он хотел бы видеть на своем месте. Но чтобы стать во главе государства законно, Агриппа должен был получить власть так же, как четыремя годами ранее получил ее сам младший Цезарь, а десятилетия спустя Тиберий — из рук сенаторов. И, передавая кольцо Агриппе, Август указывал на того человека, которому, по его мнению, сенаторам следовало передать власть⁶⁸. Разумеется, Август не мог надежно обеспечить исполнение своей воли, он мог лишь предполагать, что сделают сенаторы, как поведет себя консул Пизон и как поступит Марцелл; со смертного ложа принцепс не мог гарантировать, что не разразится новая гражданская война. В итоге Август выздоровел и опасности удалось избежать. Но, как мне представляется, именно по этой причине в 23 г. радикально меняется положение Агриппы в государстве — с этих пор блестящий полководец не оставался без формальных полномочий и, большую часть времени, без командования армией, которая в случае непредвиденной смерти младшего Цезаря могла усилить его положение и сохранить в его руках власть.

Прежде чем рассматривать новое положение Агриппы, кратко остановимся на замечании Ж.-М. Роддаза и Ф. Юрле о том, что Марк Випсаний в любом случае мог стать лишь временной заменой Августу, «хранить власть» до тех пор, пока не повзрослел бы Марцелл, поскольку Агриппа имел плохое происхождение и не был кровным родственником Цезаря. Если бы Агриппа занял место Августа, он был бы вынужден идти по его же пути, т.е. концентрировать в своих руках полномочия и магистратуры, повышать свою *auctoritas*, оборачивать идеологию себе на пользу. В этой схеме Марцеллу уже нет места, он мог бы выступать лишь как наследник Агриппы, преемник после его смерти, но живой Агриппа, хотя бы несколько лет возглавлявший государство, не мог в какой-то момент просто уйти на покой, передав власть Марцеллу. Вероятнее всего, была бы реализована та же модель, что позднее с Августом и Тиберием — сначала Марцелл стал

⁶⁸ Без подробных объяснений, того же мнения придерживается Дж. Рич: *Rich J.M. Cassius Dio... P. 167.*

бы помощником, потом соправителем и лишь после смерти Агриппы — полноправным принцепсом⁶⁹.

Что же касается соображений о том, что сенаторы бы не приняли в качестве принцепса незнатного Агриппу, то эта опасность была бы многократно сильнее в самом начале предполагаемого правления Агриппы, сразу после смерти Августа, а не в то время, когда Марцелл бы «повзрослел». Если бы Агриппе (мирно или при помощи оружия) удалось закрепить за собой позицию принцепса на первые несколько лет, то дальше прочность его положения гораздо больше зависела бы от его собственных решений и мероприятий, чем от происхождения и степени родства с Цезарем.

Как мне представляется, вышеизложенная гипотеза о событиях 23 г. более всего соответствует свидетельствам Диона Кассия, который, с одной стороны, утверждает, что Август не назначил наследника (LIII. 30. 1), а с другой — что он, несмотря на любовь к Марцеллу, не доверил ему единоличную власть, предпочел ему Агриппу и, вероятно, желал, чтобы тот получил эту власть из рук граждан (LIII. 31. 3–4, см. также прим. 68).

Теперь подробнее рассмотрим изменившееся после этого кризиса положение Агриппы, а конкретнее — его отъезд на Восток в 23 г. и его причины. Вот что сообщают нам источники.

Веллей Патеркул пишет (II. 93. 2), что Агриппа: «отправился в Азию под предлогом государственных дел, но, как гласит молва, на время скрылся из-за тайной вражды с Марцеллом» (пер. А.И. Немировского). Из данного пассажа ясно, что официальную причину отъезда Агриппы (государственные дела) современники Августа сочли неубедительной, и это породило слух о вражде полководца с юным племянником императора. Однако примечательно, что в данном сообщении прямо назван источник версии о том, что Агриппа покинул Рим из-за вражды с Марцеллом, — молва (*fama*).

Плиний Старший (HN. VII. 149), перечисляя различные несчастья Августа, упоминает «*rudenda Agrippae ablegatio*», т.е. «постыдное изгнание Агриппы». Иосиф Флавий, однако, пишет (Ant. Jud. XV. 10. 2): «Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа» (пер. Г. Генкеля).

⁶⁹ Аналогичной точки зрения придерживается, напр., Corbett J.H. The Succession Policy of Augustus // *Latomus*. Т. 33. Fasc. 1. 1974. P. 88. Э. Грюэн просто указывает, что неверно предполагать некий формальный статус Агриппы (в том числе «регента») и что Август просто обратился к единственному человеку, у которого хватило бы *auctoritas* и опыта удержать государство от волнений, а судьба будущих более молодых преемников в дальнейшем зависела бы уже только от Агриппы: Gruen E. Op. cit. P. 42–44. Подробнее на теории соправителя-регента я останавливаюсь ниже, в связи с браком Агриппы и Юлии.

Следующим упоминает об этом эпизоде Тацит, который излагает разговор Сенеки с Нероном (Ann. XIV. 53). Сенека просит у Нерона отставки и упоминает о том, что «...Август дозволил Марку Агриппе уединиться в Митиленах...», а Нерон отвечает (Ann. XIV. 55): «Мой прапрадед Август, действительно, дозволил Агриппе и Меценату уйти на покой после понесенных ими трудов, но это было сделано им в таком возрасте, уважение к которому защищало все, что бы он им ни предоставил» (пер. А.С. Бобовича). Здесь отъезд Агриппы изображен в качестве отпуска с позволения императора. Поскольку пример использован (Сенекой или самим Тацитом) для придания большей убедительности просьбе самого Сенеки об отставке, никаких негативных объяснений отъезда Агриппы в этом сообщении не содержится.

Светоний тоже не обошел этот эпизод вниманием (Aug. 66): «Остальные же его друзья наслаждались богатством и влиянием до конца жизни, почитаясь первыми в своих сословиях, хотя и ими подчас он бывал недоволен. Так, не говоря об остальных, он не раз жаловался, что даже Агриппе недостает терпимости, а Меценату — умения молчать, когда Агриппа из пустого подозрения, будто к нему охладели и предпочитают ему Марцелла, бросил все и уехал в Митилены» (пер. М.Л. Гаспарова). Однако в жизнеописании Тиберия, среди нескольких возможных объяснений его удаления на Родос в 6 г. до н. э., Светоний приводит и следующее (Tib. 10): «...следуя в этом примеру Марка Агриппы, который после привлечения к государственным делам Марка Марцелла удалился в Митилену, чтобы не подумали, будто своим присутствием он преграждает ему дорогу или умаляет его значение. Именно этот мотив приводил и он (Тиберий. — С.Т.) сам, правда уже позже» (пер. Д.П. Кончаловского). Интересно, что в двух жизнеописаниях античный автор называет две противоположные причины отъезда Агриппы. В первом случае полководец обиделся, что ему предпочитают Марцелла, поэтому всех бросил и уехал в Митилены, во втором же — удалился, чтобы не умалять значения Марцелла и не мешать его делам. Такое противоречие в двух жизнеописаниях у одного и того же автора вызывает определенные сомнения в достоверности этих сведений.

И наконец, у нас имеется свидетельство Диона Кассия (LIII. 32): «Итак, когда Август, оправившись от болезни, узнал, что из-за этого его решения Марцелл стал скверно относиться к Агриппе, он незамедлительно отправил последнего в Сирию, дабы между ними, пока они находятся в одном и том же месте, не случилось какой-нибудь перебранки и ссоры. И Агриппа тотчас покинул Город, однако до Сирии не добрался, но, выказав изрядную скромность, направил туда своих легатов, а сам остался на Лесбосе». Учитывая вы-

шеизложенное, по-видимому, версия об обиде Марцелла впервые четко излагается именно у Диона Кассия, хотя намек на нее содержится и у Светония в жизнеописании Тиберия. В обоих источниках поведение Агриппы излагается без осуждения, его пребывание в Митиленах Дион Кассий объясняет скромностью, а сам отъезд — решением Августа. Светоний, видимо, намекает тоже на скромность, если Агриппа уехал добровольно, чтобы не мешать Марцеллу, но античный автор прямо пишет, что такой мотив приводил Тиберий, объясняя свое собственное удаление на Родос. Сложно сказать, излагал ли Тиберий истинные мотивы Агриппы, о которых каким-либо образом узнал, или же просто использовал отъезд Марка Випсания в качестве удобного прецедента, чтобы объяснить собственный отъезд, который вызывал у Августа крайне негативную реакцию (Suet. Tib. 11. 5): «он (Тиберий. — С.Т.) просит, наконец, позволения повидать своих родственников, по которым стосковался. Но он получил отказ: мало того, ему было объявлено, чтобы он оставил всякую заботу о родственниках, которых сам с такой охотой покинул» (пер. М.Л. Гаспарова). Что примечательно, реакция принцепса на отъезд Агриппы и его возвращение была совершенно иной.

Разумеется, столь запутанные и противоречивые рассказы источников приковали внимание исследователей к этому эпизоду. Историографическая традиция достаточно богатая и разнообразная, и в целом на сегодняшний день имеются следующие теории.

Агриппа был отправлен на Восток для того, чтобы провести тайные переговоры с парфянским царем Фраатом и сообщить ему, что римляне готовы отдать ему сына при условии возвращения захваченных знамен. Автором этой версии является Д. Мэйджи⁷⁰. Однако она не получила признания и, действительно, представляется неубедительной, поскольку фактически не имеет никаких подтверждений в источниках.

Отъезд Агриппы был вызван династическим конфликтом с Марцеллом или продвигавшим его Августом⁷¹. Эта теория также представляется несо-

⁷⁰ *Magie D. Jr. The Mission of Agrippa to the Orient in 23 B. C. // Classical Philology. Vol. 3. No. 2 (Apr. 1908). P. 145–152.*

⁷¹ *Fitzler K., Seek O. Julius (132) // RE. Hbd. 19. 1918. Sp. 347; Reinhold M. Op. cit. P. 80–83; Hanslik R. Vipsanius (2) // RE. R. 2. Hbd. 17. Sp. 1250–1253.* Версия Р. Ханслика имеет двойственный характер: он признаёт наличие конфликта, но одновременно пишет, что отъезд Агриппы на Восток в 23 г. гарантировал стабильность государства на тот случай, если с принцепсом в Риме что-то случится, поскольку останется жив второй носитель империя (Р. Ханслик полагает, что империй Агриппы уже с 23 г. был высшим (*maius*), подробнее об этом см. ниже); *Kienast D. Op. cit. S. 91–92; Castán S. Op. cit. P. 234.* Кастан, правда, указывает также на необходимость присутствия на Востоке кого-то из представителей власти, не объясняя, чем была вызвана эта необходимость.

стоятельной, поскольку, как уже не раз отмечалось другими исследователями⁷², в версию с конфликтом никак не вписывается то, что Агриппа уехал во главе армии и облеченный империем. Если Август отправил его на Восток для успокоения Марцелла, то вряд ли Марцелл, недовольный тем, что Агриппе досталось кольцо Августа, перестал бы обижаться, когда Август дал Агриппе армию с обширным империем. А если Агриппу задели какие-то решения Августа, будь то чрезмерное возвышение Марцелла или, как считает М. Рейнхольд, «бестактные действия» самого Августа после выздоровления (т.е. предложение зачитать свое завещание в сенате, чтобы доказать, что он не указал преемника) — тем более странно, что Август рискнул дать обиженному на него человеку такую власть.

Так называемая «теория кризиса», предполагающая, что заговор Мурены состоялся в 23, а не в 22 г., и присутствие Агриппы на Востоке понадобилось для того, чтобы предотвратить возможную гражданскую войну. Эту гипотезу выдвинул Р. Сайм⁷³ и у нее появилось несколько сторонников; в 60-х гг. XX в. в журнале *Historia* развернулась большая дискуссия относительно этой версии. Однако, как представляется, ее полностью опроверг Э. Бэдиан в 1982 г.⁷⁴, справедливо отметив, что Дион Кассий относит заговор Мурены к 22 г., и в источниках нет никаких оснований для его передатировки, а значит, «кризисная» теория несостоятельна.

Наконец, по мнению ряда исследователей, отъезд Агриппы был вызван изменениями в структуре власти и государственной необходи-

⁷² Напр., см. *Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... Rome, 1984. P. 319–329.* Как очень удачно выразился по этому поводу Р. Сайм: «a political suspect is not placed in charge of provinces and armies» (*Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 342.*)

⁷³ *Syme R. The Roman Revolution. P. 337–338.*

⁷⁴ *Vadian E. «Crisis Theories»... P. 18–41.* Там же см. библиографию и ссылки на дискуссию. Правда, в недавней работе Б. Левик вновь вернулась к этой проблеме и сочла наиболее «правдоподобным и экономным» вариантом объединить между собой несостоявшегося консула 23 г. и заговорщика Мурену и перенести и сам заговор, и дело Прима на конец 24 г. — начало 23 г.: *Levick B.M. Augustus: Image and Substance. London, 2010. P. 100–103.* Но трудно признать «правдоподобной и экономной» гипотезу, которая требует передатировать 24 г. заговор, датированный в источнике 22 г., и идентифицировать между собой двух лиц, одного из которых звали Авл Теренций Варрон Мурена, а второго Луций Лициний Варрон Мурена; маловероятно также, что участие избранного консула в заговоре могло остаться неотмеченным в источниках, что признает и сама Б. Левик. Следует также отметить новую публикацию фаст из Альбы Фуцинской, в которых Авл Теренций указан как коллега Августа по консульству на 23 г.: *Letta C. Primi osservazioni sui Fasti Albenses // Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Vol. 85. 2012–2013. P. 330–331.* Соображения, высказанные М. Своном применительно к Капитолийским фастам в статье: *Swan M. The Consular Fasti of 23 B. C. and the Conspiracy of Varro Murena // HSCPh. Vol. 71. 1967. P. 235–247,* представляются полностью справедливыми и для фаст из Альбы Фуцинской.

мостью и не был связан ни с каким конфликтом. Х. Джонс считал, что прав Иосиф Флавий и Агриппа поехал на Восток в качестве «вице-принцепса»⁷⁵. Ж.-М. Роддаз полагает, что отъезд Агриппы на Восток был вызван необходимостью присутствия самого принцепса или его представителя в той части империи, где до сих пор не был наведен порядок, в силе оставались распоряжения Марка Антония, отданные еще в годы гражданских войн, сильна была память о Помпее и нуждались в каком-то урегулировании отношения с Парфией⁷⁶. Дж. Крук считает, что отъезд Агриппы на Восток был экспериментальной моделью «пары правителей»: один на Востоке, другой — на Западе⁷⁷. П. Арно пишет, что империй такого рода, как тот, что получил Агриппа, давался в тех случаях, когда от обладателя такого империя требовалась деятельность, затрагивающая судьбы целых регионов: дипломатические задачи, территориальная и административная организация провинции и т. д.⁷⁸ Гипотеза Ф. Юрле состоит в том, что, каковы бы ни были конкретные задачи Агриппы, о которых нам ничего не известно, его приезд был первым после Акция визитом представителя власти на Восток, в гражданские войны традиционно находившийся на стороне врагов правителей (Помпея, Брута и Кассия, Марка Антония) и там требовалось присутствие если не самого Августа, то хотя бы Агриппы⁷⁹.

Представляется, что на сегодняшний день данный подход к объяснению отъезда Марка Агриппы на Восток наиболее убедителен, однако остается важный вопрос, на который никто из исследователей не дает ответа. Если этой поездки требовали дела и некие структурные изменения во власти, то почему Агриппа обосновался в Митиленах, отправил своих легатов в Сирию и, согласно источникам, тем и ограничился (исключая мелкий эпизод с приемом посольства гадарцев)? Представляется, что ответ на этот вопрос кроется как раз в эпизоде с передачей кольца. Как выше уже отмечалось,

⁷⁵ Jones H.S. *The Princeps* // *The Cambridge Ancient History*. Ed. Cook S.A., Adcock F.E., Charlesworth M.P. Vol. X. Cambridge, 1934. P. 142.

⁷⁶ Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa... Rome*, 1984. P. 319–329.

⁷⁷ Crook J.A. *Political history, 30 BC to AD 14* // *The Cambridge Ancient History*. Ed. Bowman A.K., Champlin E., Lintott A. Vol. X. Cambridge, 1996. P. 85; Arnaud P. *Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographiques la nature des pouvoirs en Orient des 'co-régents' sous les règnes d'Auguste e Tibère* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 5, 1994. P. 221–253, особ. p. 247–251.

⁷⁸ Arnaud P. *Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographiques la nature des pouvoirs en Orient des 'co-régents' sous les règnes d'Auguste e Tibère* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 5, 1994. P. 221–253, особ. p. 247–251.

⁷⁹ Hurllet F. *Les collègues du prince sous Auguste et Tibère*. Rome, 1997. P. 36–37.

умиравший Август не мог со смертного ложа наделить Агриппу империей, не мог дать ему войска, никак не мог гарантировать переход власти к нему, даже если бы очень этого хотел. Передача личного кольца была единственным законным и приемлемым для общества решением. Но именно этот кризис 23 г. мог показать Августу слабость той «условной конструкции» 26–24 гг., о которой я писала выше и которая вполне подходила для мирного и спокойного времени. События 23 г. показали, что неформальное влияние Агриппы достаточно надежно при условии, что необходимыми полномочиями обладает Август. Но в случае непредвиденного кризиса Агриппа окажется в неприятном положении и, не имея никакой должности, не сможет законно предпринять ничего. Мне представляется вероятным, что отъезд Агриппы в 23 г. на Восток был вызван необходимостью решить именно эту проблему и избежать еще одной «передачи кольца» в будущем. Агриппа должен был получить формальный статус, империй и армию, чтобы в случае внезапной смерти Августа сразу же иметь возможность действовать законно и самостоятельно, не полагаясь на других полководцев и наместников. В рамках этой гипотезы понятно, почему Агриппа почти ничего не предпринимал на Востоке — это и не требовалось. У него не было конкретного задания, конкретной проблемы, требующей решения, а размытая формулировка Веллея о «*sub specie ministeriorum principaliū*», никого, видимо, не убедившая, нужна была для того, чтобы оправдать империй и войско в руках Агриппы. Как представляется, в пользу высказанной гипотезы говорит и тот факт, что после 23 г. Агриппа больше не остается без полномочий никогда, а без армии — только во время пребывания в самом Риме. Именно эту цель назначения Агриппы мог подразумевать Иосиф Флавий, сообщая, что в 23 г. он был направлен на Восток как «*διάδοχος Καίσαρι*» (Ant. Jud. XV. 10. 2): это греческое слово означает не представителя (как в переводе Г. Генкеля), а наследника, преемника⁸⁰.

В историографии уже достаточно давно ведутся споры о том, каков был империй Агриппы и каков он был в 23 г., в частности⁸¹. Предлагается два

⁸⁰ См.: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958. С. 367; Liddell H. G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 393.

⁸¹ См., напр., библиографию по этой проблеме: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 360, n. 113, и более подробный обзор библиографии: Hurlet F. Les collegues... P. 38–50. Основные публикации по теме: Koenen L. Die «*Laudatio funebris*» des Augustus für Agrippa auf einem neuen Papyrus (P. Colon. inv. nr. 4701) // ZPE. Bd. 5, 1970. S. 217–283; Gronewald M. Ein neues Fragment der *Laudatio Funebris* des Augustus auf Agrippa // ZPE. 52. 1983. S. 61–62; Badian E. Notes on the *Laudatio* of Agrippa // CJ. Vol. 76. 1980–1981. P. 97–109; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 357–361; Roddaz J.-M. Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // Cahiers du Centre Gustave Glotz,

решения этой задачи — империй Агриппы был аналогичен империи Августа и превосходил империй наместников провинций — *imperium maius*, либо же его империй был равен империи других наместников — *imperium aequum*. Решение этой проблемы в значительной степени связано с фрагментом сохранившегося на папирусе греческого перевода речи, которую на латинском языке произнес Август на его похоронах в 12 г.⁸² Однако ответ на вопрос «*maius* или *aequum*» не влияет существенно на мою гипотезу, ведь в любом случае ясно, что формальное положение Агриппы в 23 г. резко упрочилось. Для целей настоящего исследования корректным представляется принять концепцию, согласно которой Агриппа обладал наименьшими полномочиями — т.е. теорию «равного империя» (*imperii aequi*), поскольку если его империй был высшим, это лишь укрепляет мою гипотезу; впрочем, версия о равном империи действительно представляется мне более обоснованной⁸³.

Таким образом, видимо, кризис 23 г., показавший слабость предыдущей структуры, заставил Августа пересмотреть ее, и с 23 г. конструкция выглядит уже иначе: положение Агриппы теперь строится на тех же основах, что и положение самого Августа — не только *auctoritas*, но и должность, армия, империй.

Кратко следует остановиться на особом мнении Ж.-М. Роддаза, которое, насколько известно мне, не получило широкого признания в историо-

3, 1992. P. 189–211; *Arnaud P.* Op. cit. P. 221–253; *Hurlet F.* Recherches sur la durée de l'imperium des «co-régents» sous les principats d'Auguste et de Tibère // Cahiers du Centre Gustave Glotz, 5, 1994. P. 255–289; *Ferrary J.-L.* Op. cit. P. 101–154; *Hurlet F.* Les collegues... P. 38–50; *Hurlet F.* Le proconsul... P. 185–195.

⁸² P. Köln. Inv. No. 4701 с учетом данных папируса: P. Köln I 10 Inv. 4722, окончательную версию текста с учетом различных замечаний и комментариев других исследователей: *Hurlet F.* Les collegues... P. 42, n. 99.

⁸³ Самые убедительные аргументы в пользу этой версии, на мой взгляд, содержатся в следующих работах: *Badian E.* Notes on the Laudatio of Agrippa... P. 97–109; *Hurlet F.* Les collegues... P. 42–52; *Hurlet F.* Le proconsul et le prince d'Auguste a Diocletien. Bordeaux, 2006. P. 186–187; *Ferrary J.-L.* Op. cit. P. 130–140. Я специально не касаюсь таких вопросов, как правовая природа этого империя, предполагаемые формулировки закона, теория, согласно которой империй Агриппы в 23 г. строился по аналогии с империем Августа и давал ему полномочия вмешиваться в дела только тех провинций, где он лично находился в тот момент (ее высказал Ж.-Л. Феррари, см. выше ссылку на его статью), гипотезы повсеместного империя Агриппы (*Михайловский Ф.А.* Власть Октавиана Августа. М., 2000. С. 100) или версии Ф. Юрле о том, что империи Августа и Агриппы в 23 г. были сходны по сути с чрезвычайными командованиями конца Республики — для понимания политического аспекта системы развития соправления, на исследовании которой сосредоточиваюсь я, это все не имеет большого значения. Главное здесь в том, что в 23 г. Агриппа приобретает в системе формальное положение и сохраняет его уже до самой смерти в 12 г.

графии⁸⁴. Французский исследователь не соглашается с хронологией Диона Кассия (болезнь и выздоровление Августа — отъезд Агриппы — отказ Августа от консульства и получение им новых полномочий) и меняет последние два события местами (отказ Августа от консульства и отъезд Агриппы) на том основании, что, по его мнению, полномочия Агриппы в 23 г. являлись отражением новых полномочий Августа и, разумеется, в этом случае он не мог получить их раньше принцепса⁸⁵. Ж.-М. Роддаз опирается на два сообщения источников — слова Веллея Патеркула о том, что Агриппа уехал «sub specie ministeriorum principalium» (II. 93), и не слишком конкретное именование его «διάδοχος Καίσαρι» у Иосифа Флавия (Ant. Jud. XV. 10. 2). Однако, как представляется, данные сообщения вовсе не обязательно противоречат хронологии Диона Кассия, не говоря уже о том, что на сегодняшний день нет такой общепризнанной и столь надежно доказанной гипотезы о природе империя Агриппы, чтобы на ее основании можно было отвергать сведения источника. Слова Веллея «ministeriorum principalium» Ж.-М. Роддаз толкует как свидетельство о связи должности Агриппы с принцепсом и его полномочиями. Но здесь не содержится указания на то, что полномочия Агриппы являются отражением тех полномочий, которые Август получил в 23 г.⁸⁶ Этого нет и у Иосифа Флавия, употребленное им слово «διάδοχος» означает, как говорилось выше, не представителя, а наследника, преемника, а в этом случае полномочия Агриппы не обязательно должны повторять таковые у Августа. Ж.-М. Роддаз задается вопросом: на каком основании Агриппа мог вмешиваться в дела провинций римского народа, если получил свои полномочия раньше Августа? Прежде всего, за исключением самого лишь факта, что Агриппа поселился в Митиленах, у нас нет прямых свидетельств того, что в 23—18 гг. он вмешивался в дела провинции римского народа. Даже если он это и делал, нам неизвестно, какими правовыми средствами были оформлены полномочия Агриппы, но ничто не мешает предположить, что это позволяли ему соответствующий закон и (или) постановление сената; аналогичные решения для консула Августа в этом случае не требовались⁸⁷. Ж.-М. Роддаз признает, что болезнь поразила

⁸⁴ Хронологию Диона Кассия без изменений принимают, напр.: *Hurlet F. Les collegues...* P. 33, 39—40; *Ferrary J.-L. Op. cit.* P. 138 и п. 152.

⁸⁵ *Roddaz J.-M. Marcus Agrippa...* P. 325—326, 347—351; *Roddaz J.-M. Imperium...* P. 207—210.

⁸⁶ Ф. Юрле, например, переводит Веллея в том смысле, что Агриппа отправился выполнять задание (mission), полученное от принцепса (*Hurlet F. Les collegues...* P. 38.) У. Амелинг тоже не согласен с точкой зрения Ж.-М. Роддаза: *Ameling W. Augustus und Agrippa. Bemerkungen zu PKöln VI 249 // Chiron. 24. 1994. S. 6.*

⁸⁷ Ср. *Giovanini A. Op. cit.*

Августа неожиданно и существенно повлияла на планы принцепса. В этом случае неудивительно, если Август не создал стройную и логичную систему полномочий, чтобы должным образом облечь ими Агриппу. До болезни этого не требовалось, а после выздоровления действовать пришлось быстро. На мой взгляд, именно по этой причине отъезд Агриппы на Восток в 23 г. вызывает столько разногласий даже в источниках, не говоря уже об историографии. Поскольку служба Агриппы на Востоке, по сути, была наспех изобретенной уловкой, чтобы обеспечить его особыми формальными полномочиями, войсками, империем, это никого ни в чем и не убедило, а сам Агриппа тоже не слишком старался создавать видимость бурной деятельности, что только подстегнуло слухи о «позорной ссылке» и конфликте в императорской семье.

До 21 г. положение Агриппы оставалось неизменным, несмотря на то, что в конце 23 г. умер юный Марцелл (это, на мой взгляд, еще одно подтверждение того, что отъезд Агриппы с Марцеллом никак связан не был) — он все так же оставался в Митиленах с войсками и империем. Однако в 21 г. в очередной раз все изменилось. В начале года Август находился на Сицилии, собираясь оттуда отправиться в поездку по восточным провинциям. В Риме в это время из-за консульских выборов произошли серьезные беспорядки. Август был очень недоволен случившимся, поэтому вызвал Агриппу с Лесбоса и поручил ему управление Римом⁸⁸. И, как пишет Дион Кассий, в это же время принцепс заставил Агриппу развестись с Марцеллой Старшей и жениться на Юлии.

Представляется, что на этом браке следует остановиться подробнее. Дион Кассий ясно называет его причину (LIV. 6. 5): «Желая сделать его положение более высоким, чтобы ему было легче управлять жителями Рима, он вызвал его к себе и, заставив его развестись с женой, хотя она была его собственной племянницей, и жениться на Юлии, тотчас отправил его в Рим, чтобы сразу вступить и в [новый] брак, и в управление Городом. Говорят, что этот шаг был отчасти предпринят Августом по совету Мецената, который, обсуждая с ним эти самые дела, сказал: “Ты возвысил его настолько, что либо его следует сделать твоим зятем, либо убить”⁸⁹. То есть Дион Кассий считает, что брак Агриппы с Юлией был вызван текущей обстановкой в Риме и необходимостью укрепить авторитет и положение Агриппы. В историогра-

⁸⁸ Dio Cass. LIV. 6. 1–3.

⁸⁹ Ср. со сведениями Плутарха, который считает, что брак Юлии с Агриппой организовала Октавия, сестра принцепса: Plut. Ant. 87. На мой взгляд, версия Диона Кассия правдоподобнее, поскольку мотивация Октавии в данном случае не совсем понятна, но в любом случае Август брак одобрил, и важно понять, по какой причине.

фии, однако, сложилось иное мнение — исследователи связывают этот брак с желанием Августа получить кровных наследников⁹⁰. И отсюда вытекает еще одна достаточно крупная, на мой взгляд, историографическая проблема, связанная с положением Агриппы как в 21 г., так и до самой его смерти в 12 г., — регентство.

Гипотеза о том, что брак с Юлией сделал Агриппу «инструментом для бесперебойного перехода власти», «регентом при малолетних наследниках» и т. п., сейчас достаточно распространена. Ее сторонники опираются на следующие соображения: Агриппа не мог стать полноценным принцепсом, так как не состоял в родстве с Цезарем, уступал Августу по уровню *auctoritas*, вызывал неприязнь у нобилитета⁹¹, имел плохое происхождение, которое не позволило бы ему стать новым принцепсом⁹². Однако эта гипотеза все же представляется неубедительной по следующим причинам.

Никто из древних авторов ни словом не намекает ни на регентство, ни на то, что Агриппа служил лишь орудием передачи власти, не являясь наследником сам.

Сторонники этой гипотезы не дают ответов на вопросы: кто такой «регент» в римской системе государственного управления? Чем его полномочия отличаются от полномочий действующего принцепса? Куда исчезает регент, когда наследник повзрослеет достаточно, чтобы получить власть? В каком возрасте регент должен ему эту власть передать? По какой процедуре предполагается это сделать? Как представляется, без ответов на эти вопросы гипотеза о регенте не может быть признана состоятельной.

Институт регентства по самой своей сути является атрибутом легитимной монархии, в системе принципата, созданной Августом, он был невозможен. Власть принцепса строилась на сложной и продуманной системе сочетания нужных должностей и полномочий, отделенных от должности (проконсульские, трибунские и цензорские). В это время все еще требовалось постоянно создавать «республиканский фасад», и Август даже в «Делениях» настаивает, что превосходил всех коллег по каждой магистратуре исключительно своим авторитетом (*auctoritas*), но не властью (*potestas*) (RDGA. 34).

В системе, созданной Августом, институт регентства был возможен только в одной форме: «регент» принимает на себя все полномочия прин-

⁹⁰ *Sawiński P. Marcus Agrippa... 148; Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 378; Hurlet F. Les collegues... P. 35, 429.*

⁹¹ *Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 378.*

⁹² *Hurlet F. Les collegues... P. 35. Так же считает и С. Кастан: Castán S. Op. cit. P. 237–238.*

цезаря, усыновляет преемника, а по достижении им нужного возраста — умирает. Той фигуре принцепса, которую создал Август, больше исчезнуть было некуда. Принцепс концентрировал в своих руках должности и почести, полученные от сената и народа, он приобретал огромную клиентелу в самом Риме и провинциях, фигура правителя обожествлялась на Востоке и широко прославлялась на Западе, вся мощь идеологии работала на то, чтобы повысить авторитет принцепса⁹³. Всю эту машину невозможно было немедленно остановить по достижении наследником нужного возраста или одномоментно перевести ему на службу. Можно было лишь постепенно приближать наследника к принцепсу, уравнивать их — но не более того. Когда Август умер, Тиберий, к тому времени уже долгое время занимавший второе место, принял власть относительно плавно (хотя и не обошлось совсем без проблем). Но пока Август был жив — принцепсом был именно он, не Тиберий.

Таким образом, представляется, что прав Дион Кассий — целью брака Агриппы с Юлией было укрепление положения Агриппы, а не получение от него кровных наследников Августа. Разумеется, нельзя исключать, что Август руководствовался и другими дополнительными соображениями, но представляется неверным мнение, что в 21 г. Агриппа превратился в «инструмент» передачи власти кровным наследникам принцепса.

Проблема в том, что нам мало известно о правовой природе полномочий Агриппы в 23–19 гг. Ф. Юрле верно отмечает, что при нынешнем состоянии имеющейся у нас информации равновероятны как минимум две гипотезы, а то и три⁹⁴. Однако для целей настоящей статьи определение

⁹³ О том, как работало изобразительное искусство на пользу имиджа принцепса: *Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Michigan, 1988. Passim.* И именно этот механизм, как представляется, позволил бы устранить многие препятствия для правления Агриппы. Что же касается уровня *auctoritas*, то и Тиберий уступал в этом вопросе Августу, что не помешало ему впоследствии стать принцепсом.

⁹⁴ *Hurler F. Le proconsul... P. 186–189.* См. прим. 83, где я кратко излагала суть обеих гипотез (высказанных Ф. Юрле и Ж.-Л. Феррари). Автором третьей является К.М. Жирарде. Он предполагает, что Агриппа в 27 г., как и Август, получил после консульства некую *provincia*, и выражалась она в том, что Агриппа мог вмешиваться в провинции других проконсулов, а последние либо в силу *auctoritas* Агриппы, либо прямого указания в соответствующем *lex de provincia* в 27 г. должны были не противодействовать его распоряжениям или поддерживать их: *Girardet K.M. Imperium «maius»: politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // La revolution romaine apres Ronald Syme: bilans et perspectives. Ed. Giovanni A. Vandoeuvres-Geneve, 2000. P. 203–220.* К. Жирарде также считает любопытной точку зрения, высказанную Лэси о том, что уже с января 27 г. Агриппа имел обширный империй в качестве *praefectus classis et orae maritimae*, однако, как представляется, возражение Кинаста о том, что для подобного предположения нет оснований в источниках, справедливо: *Kienast D. Op. cit. S. 108, Anm. 98.*

точной правовой природы полномочий Агриппы не столь значимо, намного важнее другое: вернувшись из Митилен, Марк Випсаний мог наводить порядок в Риме⁹⁵, а затем подавлять волнения в Бельгике и (или) Лугдунской Галлии⁹⁶ и вести военные действия против кантабров в Испании. Поскольку в источниках нет ни единого намека на недовольство, возмущение или упреки в адрес Агриппы, вызванные незаконностью его действий, остается признать, что на все эти мероприятия у него были необходимые полномочия, а там, где не хватало формальностей (ввиду неясности его правового положения в эти годы такую возможность исключать нельзя) — помогала *auctoritas*.

Примечательно, что вновь изменение его положения вызвано кризисами — беспорядками на консульских выборах в Риме и вспыхнувшим восстанием в Галлии. Нельзя, конечно, исключать, что Август предвидел сложности с консульскими выборами в свое отсутствие, но едва ли он мог намеренно спровоцировать их для расширения полномочий Агриппы. Итак, к концу 19 г. Агриппа уже является ближайшим родственником принцепса и делает почти все то же, что и Август — самостоятельно действует в Риме и командует войсками в западных провинциях Цезаря. Между ними остается два серьезных различия формального характера — у Агриппы нет трибунской власти, а также он не действует самостоятельно в провинциях римского народа (см. прим. 96). Они были устранены в 18 г.

Во время консульских выборов в 19 г. в Городе снова начались беспорядки, на этот раз дело дошло даже до гибели людей (Dio Cass. LIV. 10. 1–2). Что примечательно, в это время в Риме снова не было ни Августа, ни Агриппы. Далее, как рассказывает Дион Кассий (LIV. 12. 3–5), Август, понимая, что государственные дела требуют постоянного внимания и, опасаясь пасть жертвой заговора, решил предоставить Агриппе полномочия, почти равные его собственным, а именно — трибунскую власть и, как показывает второе восточное наместничество Агриппы, возможность свободно действовать в

⁹⁵ Дион Кассий сообщает крайне мало конкретики (LIV. 6. 6).

⁹⁶ Речь должна идти об этих провинциях Цезаря, так как Агриппа, среди прочего, боролся там с набегами германцев (Cass. Dio. LIV. 11. 1–2). О деятельности Агриппы в Нарбоннской Галлии, которая стала провинцией римского народа в 22 г. (Dio Cass. LIV. 4. 1), надежно известно лишь то, что он продолжил там строительство Нимфея. Существует вероятность, что в 20–19 гг. Агриппа в Ниме (Нарбоннская Галлия) чеканил монеты и построил несколько еще зданий, но большинство объектов невозможно точно датировать, и Дж. Моттершед пишет, что часть этих построек стояла в Ниме еще до Августа, а некоторые могли быть возведены, когда Август в 27 г. находился на Западе и т. д., см.: *Mottershead G. The Constructions of Marcus Agrippa in the West. Thesis. Melbourne, 2005. P. 84–98.*

провинциях римского народа⁹⁷, а не только в провинциях Цезаря. И вот с этого момента, как признают большинство исследователей, Агриппа превращается в формального и фактического соправителя Августа⁹⁸. Видимо, так же восприняли ситуацию и их современники, поскольку именно с этого времени отмечаются заговоры против не только Августа, но и Агриппы (Dio Cass. LIV. 15. 1). Однако М. Рейнхольд, признавая это, совершенно справедливо отмечает, что несмотря на это соправление, принцепс в государстве по-прежнему оставался один и своей *auctoritas* Август превосходил Агриппу.

Подробно останавливаясь на пересмотре списка сената (18 г.) или Вековых играх, которые Август и Агриппа проводили вместе (17 г.), здесь нет особой необходимости, поскольку они лишь подтверждают, что формальное положение дел пришло в относительное соответствие с фактическим⁹⁹. После этого положение Агриппы до самой его смерти не менялось, его полномочия в 13 г. были просто продлены еще на пять лет¹⁰⁰, а в начале 12 г. Марк Випсаний скоропостижно скончался в Кампании (Dio Cass. LIV. 28. 1–3).

Таким образом, в 18 г. Агриппа обладал всеми необходимыми формальными полномочиями, почти равными Августовым, но уступал ему в уровне *auctoritas*, о чем, собственно, сам же принцепс и пишет в своих «Деяниях» (RGDA. 34. 3)¹⁰¹.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, развитие системы соправления с 29 по 12 г. представляется мне следующим образом. В 29–28 гг. пользуясь совместно с Агриппой цензорскими полномочиями, а затем в 28–27 гг. занимая с ним два года подряд консульскую должность, Август демон-

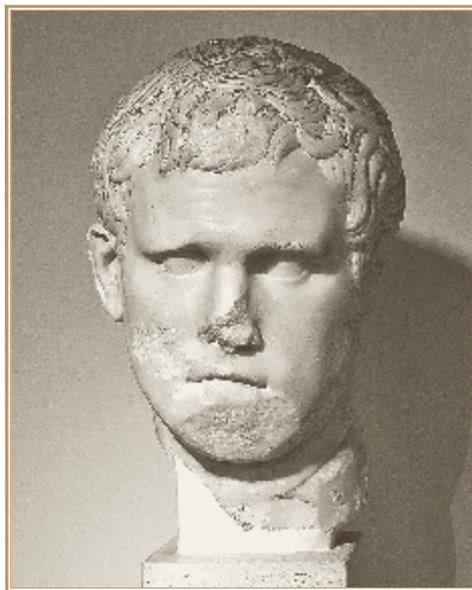
⁹⁷ Напр., см. свидетельство о его письмах Эфесу и Кирене: Joseph. AJ. VI. 4–5 и проконсулу Азии Силану: Joseph. AJ. VI. 4. Подробнее см.: Hurler F. *Les collegues...* P. 288–289.

⁹⁸ См., напр.: Reinhold M. *Marcus Agrippa...* P. 98; Roddaz J.-M. *Marcus Agrippa...* P. 357–358; Fraschetti A. *Augusto e la «laudatio» di Agrippa // Il bimillenario di Agrippa.* Genova, 1990. P. 83; Hurler F. *Les collegues...* P. 61–65.

⁹⁹ Подробнее о Вековых играх, их идеологическом значении и о том, что Агриппа и Август выступали на них на равных ролях, см.: Schwegg-Köhler B. *Die augusteischen Säkularspiele // Archiv für Religionsgeschichte.* Bd. IV. 2002. Passim, особ. s. 132, 140–141, 253–254. Судя по всему, это положение наблюдалось также в чеканке, надписях и изобразительном искусстве. Об этом кратко см.: Reinhold M. *Op. cit.* P. 100–104; немного подробнее: Hurler F. *Les collegues...* P. 406–407; 429–432.

¹⁰⁰ Hurler F. *Les collegues...* P. 74.

¹⁰¹ Ср. исследование Г. Роу, который, как представляется, справедливо указывает, что нельзя интерпретировать этот фрагмент, как указание, что вся власть Августа основывалась только на *auctoritas*, тем более что до сих пор не совсем ясен механизм ее (*auctoritas*) реализации: Rowe G. *Op. cit.* P. 1–15.

Молодой Агриппа

стрировал, кто будет создателем нового порядка и кто будет стоять во главе государства — он сам и, несколько уступая ему в статусе, Марк Агриппа. На этот же период приходится значительный пласт важных реформ, направленных на восстановление закона и порядка в государстве. Повысив таким образом *auctoritas* Агриппы, Август, по всей видимости, приступил к следующему этапу: себе он оставил консульство и важнейшие провинции, в которых размещались легионы, после чего отправился на войну в Испанию, а Агриппа остался в Риме без официальной должности. Сложно сказать, были ли такой этап запланирован с самого начала, или же Август вынужден был «забрать» у Агриппы консульскую должность из-за недовольства нобилей: консульских мест было всего два, и если бы Август и Агриппа занимали их на постоянной основе, то нобили лишились бы всякого доступа к высшей магистратуре в государстве. Но как бы то ни было, в 26 г. Агриппа остался без полномочий, зато развернул обширную строительную программу, прославлявшую и его самого, и род Юлиев. Таким образом, в этот период Август сам управлял государством, опираясь на формальные полномочия и должности, а Агриппа мог рассчитывать только на свою *auctoritas* и «тыловую» поддержку Августа, как фактическую, так и репутационную. В смысле должностных полномочий Агриппа уходит в тень, зато вперед выдвигаются неформальные рычаги: он переезжает в дом Августа, состоит в браке с его племянницей, в Риме ведет строительную деятельность такого масштаба, которая не позволялась никому, кроме лишь самого Августа, его колоссальная статуя наравне с такой же статуей Августа помещается в пронаосе Пан-

теона, храма, прославлявшего род Юлиев. Удобно было и то, что Агриппа, свободный от магистратуры, в любой момент мог занять именно ту должность, которая наиболее подходила бы для решения возникшей проблемы, или получить требующееся поручение, а обеспечить ему такое назначение должны были *potestas* и *auctoritas* Августа.

Гибкая и не слишком раздражающая нобилитет конструкция, весьма удобная и безопасная в условиях стабильности, в 23 г. во время кризиса, вызванного болезнью Августа, показала всю свою слабость и ненадежность. Стало ясно — в случае смерти Августа значение *auctoritas* и почестей Агриппы существенно снизится, а в отсутствие формальных полномочий он не сможет немедленно взять под контроль войска, не становясь при этом преступником. И поэтому с 23 г. Август начинает постепенно выравнять возникший дисбаланс между формальным и неформальным положением Агриппы в государстве. Агриппа получает империй и армию, становится не просто одним из рядовых наместников, но особым, единственным в своем роде¹⁰². При этом он не обладает всей полнотой должностных полномочий Августа: не имеет трибунской власти и, вероятнее всего, не может свободно действовать в провинциях римского народа. В 21 г. случился кризис, потребовавший срочного присутствия и самостоятельных действий Агриппы в Риме, и, кроме того, он женился на Юлии, единственной дочери Августа, что еще сильнее увеличило его влияние. Так продолжается еще 3 года, а в 18 г. вновь наблюдается крупное изменение: Агриппа получает трибунскую власть и право свободно действовать в провинциях римского народа. Теперь формальное положение Агриппы приходит в равновесие с его *auctoritas* и даже более того: если в 26–24 гг. *auctoritas*, в сущности, является единственной опорой Агриппы, то к 18 г. был найден способ предоставить Агриппе полномочия, формально равные полномочиям Августа, — хотя последний по-прежнему превосходит его своей *auctoritas*.

¹⁰² В период жизни Агриппы не известно иных случаев (разумеется, кроме самого Августа, что лишь подчеркивает исключительность положения Агриппы), чтобы другие наместники перепоручали свои полномочия собственным легатам и, оставаясь в одной провинции, отправляли их в другую, как поступил Агриппа: сам остался в Митиленах, а легатов своих послал в Сирию: Dio Cass. III. 32. 1. См. подробнее об этом: Roddaz J.-M. Marcus Agrippa... P. 341–342.

REFERENCES

1. *Ameling W.* Augustus und Agrippa. Bemerkungen zu PKöln VI 249 // *Chiron*. 24. 1994. S. 1–28.
2. *Arnaud P.* Transmarinae provinciae: réflexions sur les limites géographiques et la nature des pouvoirs en Orient des ‘co-régents’ sous les régnes d’Auguste et Tibère // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 5, 1994. P. 221–253.
3. *Astin A.E.* Augustus and «censoria potestas» // *Latomus*. T. 22. F. 2. 1963. P. 226–235.
4. *Badian E.* «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // *Romanitas-Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit* Johannes Straub zum 70. Geburtstag gewidmet. G. Wirth (ed.). Berlin–New York, 1982. P. 18–41.
5. *Badian E.* Notes on the Laudatio of Agrippa // *CJ*. Vol. 76. 1980–1981. P. 97–109.
6. *Bergmann B.* Die *corona navalis* — Eine Sonderehrung für Agrippa // *JdI* 126. 2011. P. 78–106.
7. *Bleicken J.* Augustus. Eine Biographie. Hamburg, 2010.
8. *Brandt H.* Marcellus «successio praeparatorus»? Augustus, Marcellus und die Jahre 29–23 v. Chr. // *Chiron*. 25. 1995. P. 1–17.
9. *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1952. Vol. II.
10. *Brunt P. A.* Rev. Essai sur les origines du principat by P. Grenade // *JRS*. Vol. 51. 1961. P. 236–238.
11. *Castán S.* Marco Agripa y Augusto. Poder, imperium maius y problema sucesorio en el contexto de las tensiones República-Principado. Madrid, 2013.
12. *Castritius H.* Der Römische Prinzipat als Republik. Husum, 1982.
13. *Corbett J.H.* The Succession Policy of Augustus // *Latomus*. T. 33. Fasc. 1. 1974. P. 87–97.
14. *Crook J.A.* Political history, 30 BC to AD 14 // *The Cambridge Ancient History*. Ed. Bowman A.K., Champlin E., Lintott A. Vol. X. Cambridge, 1996.
15. *Dettenhofer M.* Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat. Stuttgart, 2000.
16. *Ferrary J.-L.* À propos des pouvoirs d’Auguste // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 12. 2001.
17. *Fitzler K., Seek O.* Julius (132) // *RE*. HBd. 19. 1918.

18. *Fraschetti A.* Augusto e la «laudatio» di Agrippa // Il bimillenario di Agrippa. Genova, 1990. P. 83–99.
19. *Giovanini A.* Les pouvoirs d'Auguste de 27 à 23 av. J.-C. Une relecture de l'ordonnance de Kymè de l'an 27 (IK 5, N° 17) // ZPE. 124. 1999. P. 95–106.
20. *Girardet K.M.* Imperium «maius»: politische und verfassungsrechtliche Aspekte. Versuch einer Klärung // La revolution romaine apres Ronald Syme: bilans et perspectives. Ed. Giovanni A. Vandoeuvres-Geneve, 2000. S. 167–236.
21. *Grenade P.* Essai sur les origines du principat. Paris, 1961.
22. *Gronewald M.* Ein neues Fragment der Laudatio Funebris des Augustus auf Agrippa // ZPE. 52. 1983. S. 61–62.
23. *Gruen E.* Augustus and the Making of the Principate // Ed. K. Galinsky. The Cambridge Companion to the Age of Augustus. Melbourne, 2005.
24. *Hanslik R.* Vipsanius (2) // RE. R. 2. Hbd. 17.
25. *Haslam M.W.* Augustus' Funeral Oration for Agrippa // The Classical Journal. Vol. 75. № 3. P. 193–199.
26. *Hurlet F., Dalla Rosa A.* Un quindicennio di ricerche su Augusto un bilancio storiografico // Studi Classici E Orientali. 2009.
27. *Hurlet F.* Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. Rome, 1997.
28. *Hurlet F.* Le proconsul et le prince d'Auguste a Diocletien. Bordeaux, 2006.
29. *Hurlet F.* Recherches sur la durée de l'imperium des «co-régents» sous les principats d'Auguste et de Tibère // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 5, 1994. P. 255–289.
30. *Hurlet F., Mineo B.* Ed. Le principat d'Auguste: réalités et représentations du pouvoir autour de la Res publica restituta. Actes du colloque de l'Université de Nantes, 1er-2 juin 2007.
31. *Instinsky H.U.* Die siegel des Kaisers Augustus. Baden-Baden, 1961.
32. *Jones A.H.M.* Censorial Powers of Augustus // Studies in Roman Government and Law. N.Y., 1968.
33. *Jones H.S.* The Princeps // The Cambridge Ancient History. Ed. Cook S.A., Adcock F.E., Charlesworth M.P. Vol. X. Cambridge, 1934.
34. *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Aufl. 4. Darmstadt, 2009.
35. *Koenen L.* Die «Laudatio funebris» des Augustus für Agrippa auf einem neuen Papyrus (P. Colon. inv. nr. 4701) // ZPE. Bd. 5. 1970. S. 217–283.
36. *Letta C.* Primi osservazioni sui Fasti Albenses // Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Vol. 85. 2012–2013. P. 315–335.
37. *Levick B.* Drusus Caesar and the Adoptions of 4 A. D. // Latomus. T. 25. 1999. P. 227–244.
38. *Levick B.* Tiberius the Politician. L.–N.Y., 1999.

39. *Levick B.M.* Augustus: Image and Substance. London, 2010.
40. *Magie D.Jr.* The Mission of Agrippa to the Orient in 23 B. C. // *Classical Philology*. Vol. 3. No. 2. 1908. P. 145–152.
41. *Mahlajuk A.V.* Commentaries // *Cassius Dio Cocceian. The Roman History. Books LI–LXIII [Kommentarii // Kassij Dion Kokkejjan. Rimskaja istorija. Knigi LI–LXIII]*. Saint Petersburg, 2014.
42. *Mihajlovskij F.A.* The power of Octavian August [Vlast' Oktaviana Avgusta]. Moscow, 2000.
43. *Piganiol A.* Les pouvoirs constitutionnels et le principat d'Auguste // *JS*. 1937. P. 150–166.
44. *Reinhold M.* Marcus Agrippa. A Biography. Geneve, 1933.
45. *Rich J.W.* Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9). Warminster, 1990.
46. *Rich J.W., Williams J.H.C.* Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C. // *The Numismatic Chronicle*. Vol. 159. 1999. P. 169–213.
47. *Roddaz J.-M.* Imperium: nature et compétences à la fin de la République et au début de l'Empire // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 3, 1992. P. 189–211.
48. *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984.
49. *Rowe G.* Reconsidering the *Auctoritas* of Augustus // *JRS*. 2013. P. 1–15.
50. *Ruciński S.* Praefectus urbi. Le Gardien de l'ordre public à Rome sous le Haut-Empire Romain, 2009.
51. *Sawiński P.* Marcus Agrippa... P. 144. Ровно то же самое о ситуации 23 г. он пишет и в другой своей работе: *Sawiński P.* Agryppa, Marcellus i pierścień Augusta. Kilka uwag na temat fragmentu Historii Rzymskiej Kasjusza Diona (53, 30, 1–2) // *Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae Et Latinae*. XXIII/1. 2013. P. 35–43.
52. *Sawiński P.* Marcus Agrippa: Collega Imperii or successor to Augustus? The Succession Issue Between 23 and 12 BC // *Palamedes*. № 8. 2013. P. 141–154.
53. *Scheid J.* *Res Gestae Divi Auguste*. Paris, 2007.
54. *Schnegg-Köhler B.* Die augusteischen Säkularspiele // *Archiv für Religionsgeschichte*. Bd. IV. 2002.
55. *Simpson C.J.* Rome's «Official Imperial Seal»? The Rings of Augustus and His First Century Successors // *Historia*. Bd. 54. H. 2. 2005. P. 180–188.
56. *Swan M.* The Consular Fasti of 23 B. C. and the Conspiracy of Varro Murena // *HSCPh*. Vol. 71. 1967. P. 235–247.
57. *Syme R.* The Augustan Aristocracy. Oxford, 1986.
58. *Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939.

59. *Tariverdieva S.* Marcellus in the Succession Policy of Augustus (29–23 B.C.) [Marcell i dinasticheskaia politika Avgusta v 29–23 gg. do n.je.] // *Studia historica*. 13. 2013. P. 158–177.
60. *Tariverdieva S.* Marcus Agrippa's Building Activities in Rome [Stroitel'naja dejatel'nost' Marka Agrippy v Drevnem Rime] // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2014. P. 6–25.
61. *Tariverdieva S.* The Place of Tiberius in Augustus' Dynastic Policy before 23 B.C.E. [Mesto Tiberija v dinasticheskoj politike Avgusta do 23 g. do n. je.] // *Vestnik drevnej istorii*. № 3. 2015. P. 79–90.
62. *Tarwacka A.* «*Censoria potestas*» Oktawiana Augusta // *Zeszyty prawnicze* 11. 1. Warszawa, 2011.
63. *Vervaeet F.J.* The Secret History. The official Position of Emperor Caesar Divi filius from 31 to 27 BCE // *Ancient Society*. 40. 2010.
64. *Wiseman T.P.* The Census in the First Century B.C. // *JRS*. Vol. 59. 1969. P. 59–75.
65. *Yavetz Z.* Plebs and Princeps. Oxford, 1969.
66. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Michigan, 1988.

Ключевые слова:

соправление, принципат, Марк Агриппа, Август, Октавиан, принцепс, кризис 23 г. до н. э., Рим, Римская империя.

Sabina E. Tariverdieva

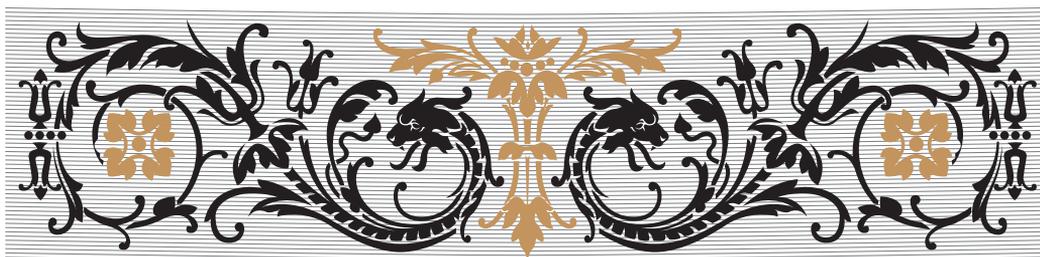
AUGUSTUS AND AGRIPPA: DEVELOPMENT OF THE COREGENCY FROM 29 TO 18 BC

The article deals with the development of the co-regency system of Augustus and Agrippa from 29 to 18 BC: from formal and actual disparity of the co-regents to their formal equality with the dominance of the princeps' auctoritas. Particular attention is paid to the earlier stages of this development and to the crisis of 23 BC. The co-regency system created by Augustus is often regarded by modern historians as means of ensuring uninterrupted succession of power. Agrippa as his co-regent often is thought to have assumed the role of the regent who temporally replaces the princeps, just as it was in formal monarchies, or that of the tutor of the future rulers. However, the Roman system of state administration did not allow such type of regency. The princeps' co-regent, who was his equal in formal credentials but his inferior in terms of auctoritas, in case of the princeps' death had to become the next princeps as his immediate successor. It is unlikely that later he was expected to voluntarily give up his power in favour of younger heir and to vanish from the political life altogether. The inheritance system under Augustus was like a ladder with the princeps at the top, the co-regent who was also the immediate successor one step below, heirs of the next degree further down. In case of death of one of them, successors shifted one step up. The co-regency had one more function: geographically it allowed Augustus and Agrippa to rule jointly the empire while staying in different parts of it.

 Таривердиева Сабина Эльмар кызы

Уральский федеральный университет, соискатель

А.В. Махлаюк

«ЧТО СКАЖЕТ О НАС ИСТОРИЯ?..» О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ И МОТИВАХ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ОКТАВИАНА АВГУСТА

ВВЕДЕНИЕ

Историческая политика и политика памяти, как ее составная часть, с недавнего времени стали предметом пристального внимания историков, культурологов и политологов (в связи, прежде всего, с мощным продвижением так называемых *memory studies* в современных гуманитарных дисциплинах¹); и хотя о точном содержании и соотношении данных категорий и описываемых ими реалий продолжают споры², они небезосновательно

¹ Об истоках, основных направлениях и проблемах в изучении памяти в исторической науке см., например: *Hutton P. The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing. How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History.* New York, 2016 (автор, правда, рассматривает историческую политику только в плане коммеморации); *Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки).* М., 2003. О современных *memory studies* в других дисциплинах: *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / A. Erll, A. Nünning (eds.). Berlin — New York, 2008.

² См., например: *Завершинский К.Ф. Символические структуры политической памяти // Символическая политика: Сб. науч. тр. / О.Ю. Малинова (отв. ред.). Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс.* М., 2012. С. 149–163; *Молодяков В. Историческая политика и политика памяти // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Г. Бордюгов (ред.).* М., 2013. С. 922–942.

Октавиан Август из Прима-Порта

признаются универсальным историческим феноменом³ и весьма интенсивно исследуются специалистами по разным историческим периодам и современной политике.

Антиковеды, в том числе историки, изучающие Древний Рим, не остались в стороне от этого «мэйнстрима». В последние полтора десятилетия появилось немало основательных работ и проектов, посвященных исторической (культурной, коллективной) памяти в ее связи с проблемами поли-

Предложение разграничить понятия «историческая политика» и «политика памяти», считая вторую лишь одной из форм первой (Молодяков В. Историческая политика... С. 923), не кажется нам в полной мере обоснованным, поэтому далее мы будем употреблять их как взаимозаменяемые, используя также для удобства и понятие «мемориальная политика» и понимая под ними разнообразные общественные практики, идеологические установки, правовые и неформальные нормы, связанные с регулированием коллективной исторической памяти.

³ Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. 3–4 (46). С. 7: «Политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, — нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу». Колосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С. 52: «Историческая политика, или политика памяти, — термин сравнительно новый, хотя явление это очень старое. Во все времена и во всех странах разные общественные силы стремились навязать согражданам свое понимание прошлого».

тической культуры и идентичности в римском мире⁴. Эти исследования подтверждают эвристическую ценность категорий «память», «забвение», «историческая политика» и позволяют лучше понять специфику и фундаментальную значимость памяти о прошлом как важнейшего фактора функционирования общественной и политической системы античного Рима⁵. Под соответствующим углом зрения стали рассматриваться и различные аспекты политико-идеологического оформления принципата, политической деятельности Октавиана Августа и его преемников на императорском престоле. Однако в обширной литературе, посвященной Августу, его мемориальная (историческая) политика как таковая все еще очень редко выделяется как особый предмет анализа⁶, хотя в работах, касающихся

⁴ Основную библиографию можно найти в: Galinsky K. 2012: Selected Bibliography. *Memoria Romana*. (URL: www.utexas.edu/research/memoria/bibliography.htm.) Обобщенную характеристику римского понимания памяти и ее роли в жизни общества см.: Galinsky K. 2016: Introduction // *Memory in Ancient Rome and Early Christianity* / K. Galinsky (ed.). Oxford — New York, 2016. С. 17–21.

⁵ В числе важных работ недавнего времени можно назвать: Walter U. *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur der römischen Republik*. Frankfurt, 2004; *Erinnerungsorte der Antike: die römische Welt* / E. Stein-Hölkeskamp, K.-J. Hölkeskamp (eds.). München, 2006; *Hölkeskamp K.-J. History and Collective Memory in the Middle Republic* // *A Companion to the Roman Republic* / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx, K.-J. Hölkeskamp (eds.). Oxford, 2006. P. 478–495; *Baroin C. Se souvenir à Rome: Formes, représentations et pratiques de la mémoire*. Paris, 2010; *Olszewski L. Erinnerungspolitik im alten Rom: anhand von damnatio memoriae und consecratio* // *Studia Lesco Mrozewicz ab amicis et discipulis dedicata* / S. Ruciński (ed.). Poznań, 2011. S. 225–239; *Gallia A.B. Remembering the Roman Republic: Culture, Politics and History under the Principate*. Cambridge — New York, 2012. Тема памяти в Древнем Риме также не раз становилась предметом научных конференций, см., например: *Figures d'empire, fragments de mémoire: pouvoirs et identités dans le monde romain impérial, IIe s. av. n.è.—VIe s. de n.è.* / S. Benoist, A. Daguët-Gagey, Chr. Hoët-Van Cauwenberghe (eds.). Lille, 2011. Существенным вкладом в разработку данной темы стала реализация коллективных исследовательских проектов: о памяти в римском мире под руководством К. Галински (*Memoria Romana. Memory in Rome and Rome in Memory* / K. Galinsky (ed.). Ann Arbor, 2014; *Cultural Memories in the Roman Empire* / K. Galinsky; K. Lapatin (eds). Los Angeles, 2015; *Memory in Ancient Rome and Early Christianity* / K. Galinsky (ed.). Oxford; New York, 2016) и о проклятии памяти (*abolitio memoriae*) и исторической памяти в других обществах под руководством С. Бенуа, А. Даге-Гаже и др. (*Mémoire et Histoire. Les procédures de condamnation dans l'Antiquité romaine* / S. Benoist et A. Daguët-Gagey (éds.). Metz, 2007; *Un discours en image de la condamnation de mémoire* / S. Bénoist, A. Daguët-Gagey (éds.). Metz, 2008; *Mémoires partagées, mémoires disputées: Écriture et réécriture de l'histoire* / S. Benoist, A. Daguët-Gagey et al. (éds.). Metz, 2009).

⁶ Единственная относящаяся к Августу работа, в названии которой присутствует само понятие «политика памяти», принадлежит Ф. Юцци (*Guizzi F. Augusto. La politica della memoria*. Roma, 1999). К сожалению, она осталась мне недоступной, но, насколько я могу судить о ее содержании по аннотации, посвящена в основном «Деяниям божественного Августа».

пропагандистского обеспечения режима, строительных проектов Августа, его преобразований религиозной сферы, отношений власти с литераторами и историками, а также его собственных произведений (прежде всего «Деяний»), так или иначе затрагиваются вопросы, относящиеся к политическому использованию исторической памяти⁷.

В современных исследованиях практически единодушно признается, что именно с Августом связана трансформация всего мемориального пространства (*memoryscape*) Римской державы⁸, а конструирование памяти о прошлом — как о совсем недавнем, так и относящемся к далеким временам — получило особое значение в его правление. Исследователи сходятся во мнении, что из всех деятелей римской истории Август был, пожалуй, в наибольшей степени озабочен формированием своего исторического образа⁹ (и, наверное, больше других в этом преуспел), так что его по праву можно назвать *memory entrepreneur*¹⁰, а его правление — «мемориальной эпохой». «Поле истории» — вопросы о том, что следует помнить и как — стало важнейшей сферой политики, требовавшей со стороны власти самого пристального внимания и существенных ресурсов. Формированием образов прошлого определялся и тот проект настоящего и будущего Рима, который стремился внедрить в общество

⁷ В очерке П. Барсело Августу уделено всего лишь несколько страниц (*Barceló P. Utilización y manipulación de la memoria histórica en el imperio romano // Erinnern und Vergessen in der Geschichte (Memoria y olvido de la historia: IV Colquio del Grupo Europeo de Investigación «Potestas») / C. Kunst, V.M. González (eds.). Castelló de la Plana, 2006. P. 87–89*). Отдельные стороны мемориальной политики затрагивались в ряде недавних и более ранних работ: *Flower H.I. The Art of Forgetting: Disgrace and Oblivion in Roman Political Culture. Chapel Hill, NC, 2006* (роль забвения и опорочения памяти в римской политической культуре); *Weisweiler J. Making Masters, Making Subjects: Imperial Ideology and Memory Policy in the Early Roman Empire and in the Later Roman State // Cultural Memories in the Roman Empire / K. Galinsky, K. Lapatin (eds.). Los Angeles, 2016. P. 66–85* (сравнительный анализ форм репрезентации исторической памяти в ранней и поздней Римской империи); *Gowing A.M. Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005* (память о Республике в литературе эпохи ранней Империи); *Orlin E.M. Augustan Religion and the Reshaping of Roman Memory // Arethusa. 2007. 40. 1. P. 73–92* (связь религиозной политики и памяти); *White P. Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. 1988. 42. 4. P. 334–356* (память о Цезаре в правление Августа).

⁸ *Galinsky K. Introduction // Cultural Memories in the Roman Empire / K. Galinsky, K. Lapatin (eds.). Los Angeles, 2015. P. 1.*

⁹ Ср.: *Davis P.J. «Since my part has been well played»: Conflicting evaluations of Augustus // Ramus. 1999. 28. 1. P. 2.*

¹⁰ *Güven S. Displaying the Res Gestae of Augustus: A Monument of Imperial Image for All // Journal of the Society of Architectural Historians. 1998. 57. P. 130.*

Август¹¹. «Битвы памяти» (или «игры памяти», если использовать выражение Х. Флауер¹²), разворачивавшиеся при жизни первого принцепса и в правление первой императорской династии, несомненно, имели ключевое значение как для обеспечения авторитета и легитимности правителя и правящего дома в целом, так и для определения самой сущности принципата¹³. Как справедливо подчеркивает А. Гоуинг, «в период правления Августа степень внимания Рима к своему прошлому была беспрецедентной. В определенном смысле это неудивительно; периоды обновления после революций часто отмечены интенсивным воспоминанием. Парадокс Августова времени заключался в том, что он стремился утвердить преимущество с Республикой и в то же время провозглашал новое начало»¹⁴. Таким образом, перестройка памяти о Римской республике и становление принципата шли рука об руку¹⁵.

Чтобы предотвратить повторение в будущем гражданских смут, Августу необходимо было не только создать соответствующие политические условия и переформатировать властные институты и элиты, но и закончить *bella civilia* ментально¹⁶, для чего требовалось искусно лавировать между, так сказать, усердной, но избирательной Мнемозиной и вполне сознательной, целенаправленной амнезией. Использование памяти о прошлом было для него важным ресурсом легитимации своего властного положения и реализации династических планов. Многочисленные факты свидетельствуют, что буквально с первых шагов своей исключительно долгой политической карьеры и до самого ее конца Август ревностно, изобретательно, не жалея средств и усилий, заботился и о собственной коммеморации, и о надлежащих, с его точки зрения, образах прошлого, используя для этого разнообразные инструменты, как традиционные для римской аристократии, так и принципиально новые. Все это и составляло ту часть политической деятельности Августа, которую можно рассматривать как политику памяти.

¹¹ Ср. *Levick B. Augustus: Image and Substance*. Harlow — London — New York, 2010. P. 219: «Август присвоил себе как будущее, так и настоящее и прошлое».

¹² *Flower H.I. The Art of Forgetting...* P. 115 ff.

¹³ *Ibid.* P. 280.

¹⁴ *Gowing A.M. Empire and Memory...* P. 18. ср. также p. 2: «Действительно, память находится в самой сердцевине власти в эпоху Принципата».

¹⁵ *Gowing A.M. Empire and Memory...* P. 22.

¹⁶ Ср.: *Osgood J. Ending Civil War at Rome: Rhetoric and Reality, 88 B.C.E.—197 C.E.* // *The American Historical Review*. 2015. 120(5). P. 1689.

Мы уже имели возможность обозначить ряд возможных направлений и подходов к изучению этого феномена¹⁷. В данной работе, в продолжение и развитие высказанных ранее наблюдений, хотелось бы остановиться на нескольких узловых моментах исторической политики Октавиана Августа, связанных в первую очередь с его личностными качествами и персональными мотивами, которыми обуславливались его конкретные мемориально-политические мероприятия и тот исторический образ, в каком он стремился предстать перед будущими поколениями. Не имея возможности в рамках одной статьи охватить все многообразные аспекты исторической политики Августа (в частности, те, что относятся к строительной деятельности, играм и празднествам как средствам коммеморации, творчеству поэтов), мы обратим внимание главным образом на взаимоотношения Августа с историками его времени, а также на саморепрезентацию Августа в его биографии и «*Res gestae*». Такой ракурс рассмотрения позволяет, как представляется, по-новому высветить отдельные грани политико-идеологической системы раннего принципата и лучше понять роль субъективного фактора в формировании нового государственно-политического режима в Риме.

OPTIMA CIUILIS BELLI DEFENSIO OBLIUIO EST¹⁸

В продолжение своей долгой политической карьеры (продолжавшейся в целом без малого 60 лет, с 44 г. до н. э. по 14 г. н. э.), особенно на ее начальном тернистом этапе, Августу, который проделал путь от «хладнокровного террориста» до императора-миротворца¹⁹, пришлось поучаствовать в немалом числе эпизодов, которые предпочтительнее было бы как можно крепче забыть, чтобы не чернить блистательный образ благочестивого миротворца, покровительствуемого Аполлоном, и самоотверженного восставителя Республики, желавшего, чтобы его запомнили как творца лучшего государственного устройства (*optimi status auctor* [Suet. *Aug.* 28. 2]). Это и

¹⁷ Махлаюк А.В. Политики памяти Октавиана Августа (предварительные заметки) // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов / А.Н. Маслов, А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2015. С. 118–134.

¹⁸ «Лучшее средство от гражданской войны — забвение» (*Sen. Contr. X. 3. 5*). Данная сентенция принадлежит Титу Лабиеву, оратору и историку времен Августа (см. о нем ниже).

¹⁹ *Stahl M. Vom «kalten Terroristen» zum Friedenkaiser? Über die Wende im politischen Wirken von Octavian zu Augustus // Potestas. 2011. 4. S. 87–105.*

прямое участие в жестоких проскрипциях, конфискациях и прочих акциях триумвиров²⁰, и разрушение целых городов (Перузия и др.), и бессудные казни противников²¹, и слухи о причастности к гибели консулов Гирция и Пансы²², и многое другое.

Вполне очевидно, что именно травматический опыт гражданских войн был предметом первоочередной заботы утвердившегося у власти принцепса и диктовал особое внимание к политике памяти. Этот опыт нуждался если не в тотальном забвении (что было вряд ли возможно в принципе), то в таком переформатировании памяти о ближайшем прошлом, какое помогло бы достичь некоего общественного согласия и примирения в условиях разрыва с республиканским прошлым, с одной стороны, и утверждения режима личной власти — с другой.

О том, насколько болезненным — и отнюдь не только в политическом смысле, но и в личном плане — могло быть переживание такого опыта и до какой степени близко к сердцу воспринимал его сам Август, может свидетельствовать один эпизод, о котором сообщает Дион Кассий: когда кто-то привел к нему молодого человека, женившегося на женщине, с которой до этого состоял в прелюбодейной связи, и предъявил этому юноше еще множество обвинений подобного рода, Август сначала растерялся, не зная, что делать, и не решаясь ни пренебречь этим делом, ни наложить какое-нибудь взыскание, но потом, не без труда овладев собой, сказал: «Много ужасных плодов принесли с собой смутные времена, давайте же забудем о них и подумаем о будущем, дабы впредь ничего подобного не появлялось» (Dio Cass. LIV. 16. 6).

Конечно, в данном случае Август мог смутиться, усмотрев в предъявленных юноше обвинениях недвусмысленную параллель с историей своего брака с Ливией (с которой, по всей видимости, он еще до женитьбы состоял во внебрачной связи), но в его словах (независимо от степени их аутентичности), очевидно, присутствует и та общая политическая установка, которой он руководствовался в отношении памяти о недавнем прошлом: забвение прошлого необходимо для общественного согласия и благополучного будущего. Несомненно также и то, что Августу важно было смикшировать или устранить память о таких эпизодах личной био-

²⁰ Об участии Октавиана в проскрипциях, учиненных триумвирами, см.: App. BC. IV. 5; 12; Plut. Cic. 46–49; Ant. 19–20; Suet. Aug. 27. 1–4; Tac. I. 10. 2; Dio Cass. XLVI. 48. 3–4; XLVII. 2. 1–8. 1; 13. 1–14. 5; 16. 1–6; Vell. Pat. II. 66–67.

²¹ App. BC. V. 51–203; Plut. Ant. 30; Sen. De clem. I. 11. 1; Suet. Aug. 12; 13. 1–2; 15; Vell. Pat. II. 74. 3; Dio Cass. XLVIII. 14. 3–6.

²² Suet. Aug. 11; Tac. Ann. I. 10. 2.

графии, которые не очень вязались с проповедуемыми идеалами «восстановленной республики».

Кроме того, к личным мотивам, которые не могли не оказывать влияния на политическое поведение Августа, следует отнести его память о своем незнатном происхождении и непрестом детстве, а также соответствующее стремление доказать свое превосходство как государственного деятеля, несмотря на сознание собственных недостатков, таких как отсутствие полководческой харизмы, ораторского дарования и т. п., чем отчасти обуславливалось и его отношение к памяти Юлия Цезаря²³. Это отношение, кстати сказать, было далеко не однозначным (особенно в тот период, когда наследник Цезаря уже утвердился у власти) и может служить показателем тех «подводных камней», с которыми приходилось иметь дело Августу, выстраивая свою политику памяти. Действительно, с одной стороны, Цезарь был популярным и в высшей степени неординарным лидером, многим качествам которого его приемный сын не был способен подражать; с другой стороны, для многих представителей римской знати он представлялся тираном, который, по сути, покончил с Республикой, придя к власти в результате жестокой гражданской войны; в то же время он был удостоен посмертного обожествления, стал *divus*, быть сыном которого значило обладать существенным символическим капиталом. Провозглашая себя наследником Цезаря и мстителем за его убийство, воздавая ему почести как своему божественному родителю, Август, однако, не мог не считаться с настроениями тех аристократических кругов, которые стояли на антимонархических позициях. Очевидно, он понимал также, что масштаб его личности и его собственные достижения так или иначе будут сопоставляться с свершениями и личностью Цезаря. К тому же Августа вряд ли могли привлекать такие моменты, как любовная связь Цезаря с Клеопатрой, его монархические притязания, космополитизм, пренебрежение правовыми установлениями, а это были уже не просто расхождения в личных пристрастиях, но вопросы идеологические и политические²⁴. Целый ряд фактов может указывать на определенное дистанцирование Августа от своего приемного отца (в «Деяниях» он упоминается 6 раз, но только дважды по имени и то при указании на его храм, а о его военных свершениях вообще ничего не говорится; отказ Августа от диктатуры; относительно редкое упоминание Цезаря в сочинениях поэтов Августова времени; отказ от сугубо порочащего взгляда на

²³ Reinhold M. Augustus Conception of Himself // Idem. Studies in Classical History and Society. Oxford, 2002. P. 61.

²⁴ Reinhold M. Augustus Conception of Himself... P. 61.

Помпея и заговорщиков-антицезарианцев, и т. д.). На основе этих и других подобных фактов Р. Сайм и вслед за ним другие исследователи приходят к выводу, что Август, воспользовавшись предлогом божественности Цезаря, сознательно отодвинул его в тень, считая, что ответственность за гражданскую войну и диктатура делают его слишком противоречивой фигурой, чтобы прославлять ее в «восстановленной республике»²⁵. Довольно-таки убедительная критика данного вывода, прозвучавшая в работах П. Уайта и Д. Кинаста²⁶, отнюдь не отменяет того обстоятельства, что Август, храня достойную память о Цезаре и акцентируя его божественность (через культ и празднества, прежде всего), в известной степени противопоставлял себя ему и действительно затушевывал там, где это было в его силах и власти, блестящие свершения Цезаря.

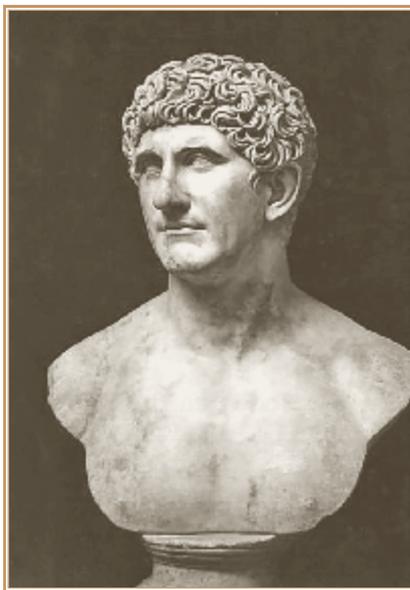
Определенная двойственность обнаруживается и в отношении Октавиана Августа к памяти Марка Антония и Клеопатры. Оно неоднократно в последнее время становилось предметом специальных исследований²⁷, и суммируя сделанные в них наблюдения, можно отметить следующее. С одной стороны, источники сообщают о серии беспрецедентно суровых мер, принятых сенатом после победы Октавиана над Антонием для предания памяти последнего забвению: его изображения подлежали уничтожению, в надписях должно было быть стерто его имя, день его рождения провозглашался зловещим (*vitiosus*), личное имя Марк запрещалось в роду Антониев (*Dio Cass. LI. 19. 3; Plut. Cic. 49. 6; Ant. 86. 9*). Однако, с другой стороны, Октавиан позволил похоронить Антония в Египте с почестями²⁸ и взял на воспитание его детей, как от Октавии, продолжавшей жить в доме Антония, так и от Фульвии и Клеопатры (*Suet. Aug. 17. 5*), причем уделяя

²⁵ См., напр.: *Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 317–318; Syme R. Roman Papers / E. Badian (ed.). Vol. I. Oxford, 1979. P. 214; Ramage E.S. Augustus' Treatment of Julius Caesar // Historia. 1985. 34. 2. P. 223–245; Doniè P. Untersuchungen zum Caesarbild in der römischen Kaiserzeit. Hamburg, 1996. S. 74; Wardle D. «The Sainted Julius». Valerius Maximus and the Dictator // CPh. 1997. 92. 4. P. 323–345.*

²⁶ *White P. Julius Caesar in Augustan Rome...; Kienast D. Augustus und Caesar // Chiron. 2001. 31. S. 1–26.*

²⁷ *Flower H.I. The Art of Forgetting... P. 116–121; Ferriès M.-C. Le sort des partisans d'Antoine: damnatio memoriae ou clementia? // Mémoire et Histoire. Les procédures de condamnation dans l'Antiquité romaine / S. Benoist et A. Daguet-Gagey (éds.). Metz, 2007. P. 41–58; Silva F.P.C., da. Damnatio memoriae? Antônio e Cleópatra na poesia de Horácio // Rónai: Revista de estudos clássicos e tradutórios. 2014. 2. 2. P. 42–62; Hollard V., Raymond E. Se souvenir qu'il faut oublier: Marc Antoine et l'art de l'oubli augustéen // Images Re-vues [En ligne]. 2014, 12. (URL: <http://imagesrevues.revues.org/3843>).*

²⁸ По словам М.-К. Феррье, этими последними почестями Антоний был превращен в египтянина и навсегда отторгнут от римской земли (*Ferriès M.-C. Le sort des partisans d'Antoine... P. 56*).

Марк Антоний

им немало внимания и заботы²⁹. Со временем же наблюдается даже некая реабилитации памяти об Антонии: в Триумфальных фастах 19–18 гг. до н. э. появляется его имя (*Itt.* XIII. 1, 18; ср.: *Tac. Ann.* III. 18. 1); было оно восстановлено и в Капитолийских фастах (возможно, уже в 29 г. до н. э., после возвращения Октавиана в Рим³⁰), что может указывать на контроль Августа над этими текстами³¹. В провинциальных эпиграфических документах имя Антония было уничтожено отнюдь не повсеместно, а в Александрии был открыт пьедестал статуи с посвящением «Антонию Великому, несравненному любовнику»³². При этом образ Марка Антония, разными гранями представленный в произведениях Вергилия, Проперция и Горация, может быть соотнесен с различными аспектами политики Августа в отношении Антония³³. Парадоксальным образом имя Антония подлежало официальному забвению, но память о битве при Акции, в которой он был побежден вместе с Клеопатрой, почиталась самыми разнообразными путями (триумфальными арками и мемориалом около места сражения, Актийскими

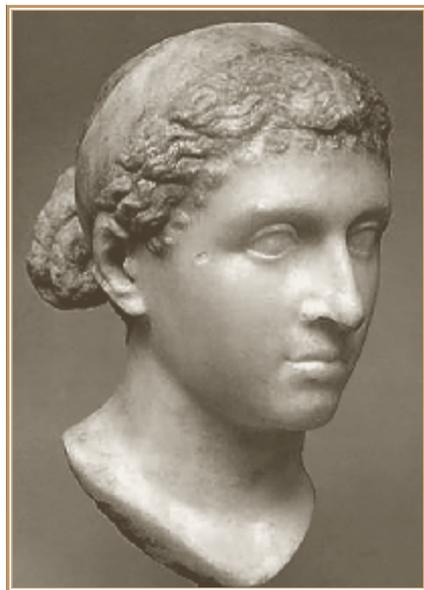
²⁹ См.: *Harders A.-C. An imperial family man: Augustus as surrogate father to Marcus Antonius' children // Growing up Fatherless in Antiquity / S.R. Hübner, D.M. Ratzan (eds.). Cambridge, 2009. P. 217–240.* Понятно, что здесь играли роль семейные мотивы самой Октавии и традиции римской аристократии (ср.: *Flower H.I. The Art of Forgetting... P. 117–118.*)

³⁰ *Babcock C.L. Dio and Plutarch on the Damnatio of Antony // CPh. 1962. 57. P. 30–32.*

³¹ *Flower H.I. The Art of Forgetting... P. 116.*

³² *Flower H.I. The Art of Forgetting... P. 119.*

³³ *Hollard V., Raymond E. Se souvenir qu'il faut oublier...*

Клеопатра

играми, введением Актийской эры в ряде городов³⁴), а это, по сути, означало, что римлянам надлежало помнить, кого именно они должны были забыть³⁵. Что касается Клеопатры, то, несмотря на все пропагандистские усилия по очернению ее образа, приношения, сделанные ею, продолжали храниться в римских храмах, а ее золотая статуя, посвященная еще Юлием Цезарем, оставалась в храме Венеры Прародительницы (Арр. ВС. II. 102; Dio Cass. II. 22. 3).

Говоря же о прямой личной заинтересованности и целенаправленных усилиях Августа по формированию исторической памяти в римском обществе, стоит обратить внимание на некоторые факты, свидетельству-

³⁴ См. прежде всего перечень соответствующих мероприятий у Диона Кассия (II. 1. 2–3, с нашим комментарием к этим пассажам и указанием соответствующей литературы: Махлаюк А. В. Комментарии // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXXX / Пер. с др.-греч. под ред. А. В. Махлаюка. СПб., 2014. С. 14–15). Об Актийской эре в городах восточной части Империи: *Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte. Stuttgart, 1993. S. 225–228.* В целом же именно Актийская победа стала, по выражению Р. Сайма, «для нового порядка легитимизирующим мифом об основании» (*Syme R. The Roman Revolution... P. 335; cp. p. 297,* а также: *Welch K. Alternative Memoirs: Tales from the 'Other Side' of the Civil War // The lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / A. Powell, C. J. Smith (eds.). Swansea, 2009. P. 196: «the cornerstone of the new order»*). Против этого тезиса, однако, возражает Р. Гюрвал, полагающий, что этот миф если и сформировался, то не сразу и скорее благодаря усилиям отдельных поэтов, нежели целенаправленным усилиям и директивам властного и тщеславного правителя (*Gurval R. A. Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War. Ann Arbor, 1995. P. 17*).

³⁵ *Hollard V., Raymond E. Se souvenir qu'il faut oublier...*

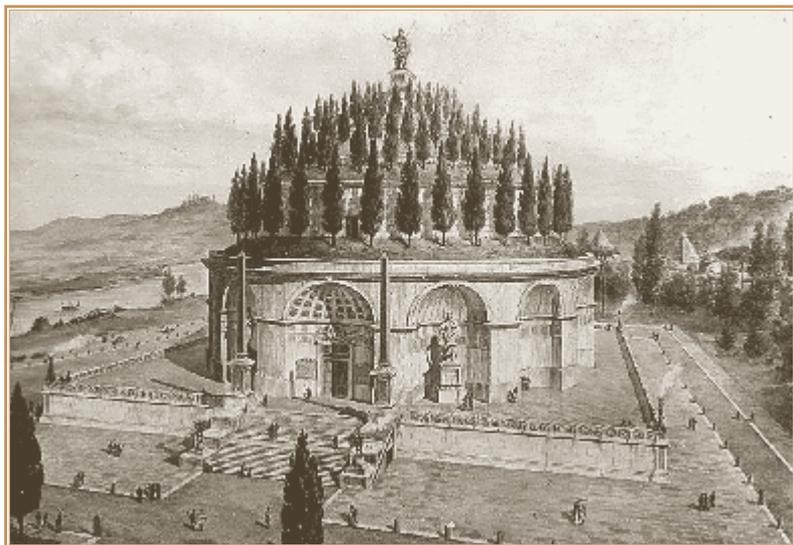
ющие об исключительно ревностном отношении Августа к тем образам и той памяти, которые, по его убеждению, должны были сформироваться среди сограждан и подданных. Стоит прежде всего отметить, что на всех сохранившихся изображениях³⁶ Август предстает молодым человеком примерно тридцати с небольшим лет, несмотря на то что прожил долгую жизнь и, естественно, в преклонные годы выглядел иначе, чем в молодости (хотя, согласно Светонию, он в любом возрасте сохранял привлекательность [Suet. *Aug.* 79. 1]). Судя по всему, это была сознательная установка первого принцепса, который явно не желал, чтобы будущие поколения узнали его постаревшим. Такой идеализированный физический облик Августа, безусловно, должен был воплощать новый политический идеал³⁷. Этот образ, демонстрировавший радикальный разрыв с традициями портретных изображений республиканского времени, очевидно, был выбран самим принцепсом и выражал его представления о самом себе в новом статусе именно как Августа, человека, стоящего выше простых смертных и приближенного к богам³⁸.

Второй факт, красноречиво характеризующий Октавиана как человека, серьезно озабоченного своей посмертной памятью, — это постройка монументальной усыпальницы (Mausoleum, или *Tumulus Augusti*), которая была возведена в северной части Марсова поля, между Фламиниевой дорогой и берегом Тибра уже в 28 г. до н. э. (Suet. *Aug.* 100. 4), вскоре по возвращении из Египта и восточных провинций. Решение же о ее строительстве было принято, скорее всего, еще в 32 г. до н. э., в связи с необходимостью противопоставить себя Антонию, который готов был «укорениться» в Египте, вплоть до того, что распорядился похоронить себя в Александрии рядом с Клеопатрой (Dio Cass. L. 3. 5; Plut. *Ant.* 58. 4). Эта усыпальница превосходила своими размерами все предшествующие в Риме, и ее замысел, по-видимому, вдохновлялся гробницей Мавсола в Галикарнасе и гробницей

³⁶ Сохранилось по меньшей мере 250 скульптурных портретов Августа — больше, чем любого другого римского императора (*Hannestad N. Roman Art and Imperial Policy.* Aarhus, 1988. S. 47). О портретах Августа см. прежде всего: *Boschung D. Die Bildnisse des Augustus. Das römische Herrscherbild.* I 2. Berlin, 1993.

³⁷ *Yavetz Z. The Res Gestae and Augustus' Public Image // Caesar Augustus: Seven Aspects / F. Millar and E. Segal (eds.). Oxford, 1984. P. 7.* О политическом контексте и типах портретных статуй Августа см.: *Межеричукский Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа.* М., 2016. С. 533 сл., особенно с. 541: «Создатели прототипов, а затем и тысяч копий, которые распространялись по огромной Империи, должны были представить Августа таким, каким он сам хотел быть увиденным своими подданными. Или таким, каким хотели видеть своего правителя они».

³⁸ Ср.: *Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus.* Ann Arbor, 1988. P. 19.

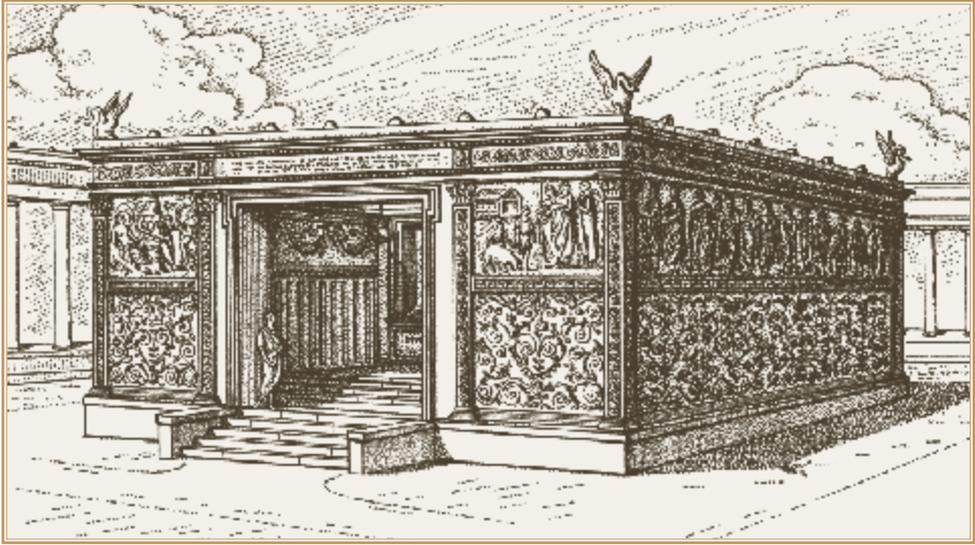

Мавзолей Августа. Реконструкция

Александра в Александрии. Страбон (V. 3. 8) описывает мавзолей Августа как земельный курган, диаметром 87 метров у основания, окруженный стеной из белого мрамора, усаженный вечнозелеными деревьями и увенчанный бронзовой конной статуей Августа. Перед входом были поставлены два обелиска, привезенные из Египта и символизировавшие победу над египетской царицей, а также стелы с бронзовыми таблицами, на которых были записаны «Деяния божественного Августа»³⁹. Даже если первоначальный импульс создания монументальной гробницы и был продиктован конкретной политической и пропагандистской конъюнктурой, следует все же признать, что 30-летний Октавиан в достаточной мере сознавал свою историческую роль и рассчитывал на увековечивание памяти о себе и своих деяниях⁴⁰. Ведь сама суть любого памятника, по мысли Цицерона, заключается в том, что он должен ориентироваться больше на память потомков,

³⁹ Из обширной литературы о Мавзолее Августа см.: *Kraft K.* Der Sinn des Mausoleums des Augustus // *Historia*. 1967. 16. 2. P. 189–206; *Reeder J.C.* Typology and Ideology in the Mausoleum of Augustus: Tumulus and Tholos // *ClAnt*. 1992. 11. 2. P. 265–307; *Davies P.J.E.* Death and the Emperor: Roman Imperial Funerary Monuments, from Augustus to Marcus Aurelius. Austin, 2004. P. 13–19; *Rehak P.* Imperium and Cosmos. Augustus and the Northern Campus Martius. Madison, 2006. P. 35–53; *Hesberg H., von.* Das Mausoleum des Augustus — der Vater des Vaterlandes und sein Grabmal // *Erinnerungsorte der Antike: die römische Welt* / E. Stein-Hölkeskamp, K.-J. Hölkeskamp (eds.). München, 2006. S. 340–361; *Albers J.* Die letzte Ruhestätte des Augustus. Neue Forschungsergebnisse zum Augustusmausoleum // *Antike Welt*. 2014. 4. S. 16–24.

⁴⁰ Правда, ему пришлось прожить с видом на собственную гробницу более 40 лет (*Reinhold M.* Augustus Conception of Himself... P. 61).

Алтарь Мира. Реконструкция

нежели на благорасположение в настоящем⁴¹. В конечном же итоге Мавзолей и весь прилегающий к нему комплекс на Марсовом поле, включавший Алтарь Мира, египетские обелиски и Хорологий (солнечные часы), превратился, благодаря в первую очередь усилиям самого Августа, в исключительно значимое «место памяти», которое наиболее полно и зримо воплощало «мемориальную программу» Августа как творца *Pax Augusta* и основателя правящей династии, акцентируя включенность его образа в космический миропорядок и вечность⁴² и представляя собой, по удачному выражению П. Рехака, «эсхатологический “музей” жизни и свершений Августа»⁴³.

С точки зрения понимания своей исторической миссии весьма показательной может быть та принципиальная установка, которую как цель своей государственной деятельности сформулировал сам Август в одном из своих эдиктов, цитируемых Светонием: «Итак, да будет мне дано установить государство... целым и незыблемым, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом лучшего государственного устройства

⁴¹ Cic. *Epist. ad Caes. frg. 7*: sed ego quae monumenti ratio sit nomine ipso admoneor: ad memoriam magis spectare debet posteritatis quam ad praesentis temporis gratia («но о том, в чем заключается смысл памятника, мне напоминает само это слово: он должен быть обращен скорее к памяти потомства, чем к пользе настоящего времени»).

⁴² См. прежде всего: Zanker P. *Forum Augustum: das Bildprogramm*. Tübingen, 1968; Elsner J. *Inventing imperium: texts and the propaganda of monuments in Augustan Rome // Art and Text in Roman Culture / J. Elsner (ed.)*. Cambridge, 1996. P. 38 ff.; Rehak P. *Imperium and Cosmos...*; Hesberg H., von. *Das Mausoleum des Augustus...*; Albers J. *Die letzte Ruhestätte des Augustus...*

⁴³ Rehak P. *Imperium and Cosmos...* P. 146.

и при кончине (*moriens*) унес бы с собой надежду, что заложенные мною основания останутся непоколебленными»⁴⁴ (*Suet. Aug.* 28. 2. Пер. М.Л. Гаспарова). В этих словах явно присутствует притязание на великие свершения (по сути дела, второе основание Рима) и то стремление к посмертной славе, которое было характерно для римской аристократии вообще, но Августа, судя по всему, отличало в особенности.

Стоит также отметить, что Август, по всей видимости, всегда очень усердно изучал историю и придавал знанию событий и примеров прошлого вполне практическое значение. По свидетельству Светония, он «после бессмертных богов больше всего чтит память вождей, которые вознесли державу римского народа из ничтожества к величию», и поэтому восстановил их памятники с первоначальными надписями и поставил их статуи в обоих портиках при своем форуме, «объявив эдиктом, что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей» (*Aug.* 31. 5). Всего этих статуй выдающихся римлян (*summi viri*) прошлого, от Энея и Ромула до Друза Старшего, было около ста. Каждая статуя сопровождалась кратким элогием, прославляющим славные деяния на благо Римского государства (*Ovid. Fast.* V. 551–568). При этом статуя самого Августа, стоявшая в центре форума, как бы завершала многовековую историю Рима, символизируя ее кульминацию⁴⁵. К ним впоследствии стали добавляться статуи полководцев, удостоенных триумфальных отличий, включая *statua triumphalis*⁴⁶. Показательно, что теперь памятники не могли быть размещены в других местах Рима, и их расположение на форуме Августа указывало на зависимость аристократии от принцепса как патрона и воспроизводило иерархию власти⁴⁷. При этом, допуская установку почетных статуй победо-

⁴⁴ Детальный анализ этого текста см.: *Girardet K.M.* Das Edikt des Imperator Caesar in Suetons Augustusvita 28,2. Politisches Programm und Publikationszeit // *ZPE.* 2000. 131. S. 231–243; *Wardle D.* Suetonius and Augustus' 'Programmatic Edict' // *Rheinisches Museum für Philologie.* Neue Folge. 2005. 148. 2. P. 181–201. Этот так называемый «программный эдикт» датируется исследователями в очень широких пределах — от 29 г. до н. э. и вплоть до 14 г. н. э., но наиболее убедительной датой все же представляется самое начало 20-х гг. I в. до н. э. (*Wardle D.* Suetonius and Augustus?... P. 198–199, nn. 56–65, с литературой вопроса).

⁴⁵ *Shaya J.* The Public Life of Monuments: The *Summi Viri* of the Forum of Augustus // *American Journal of Archaeology.* 2013. 117. 1. P. 87 f.

⁴⁶ См.: *Frisch P.* Zu den Elogien des Augustusforums // *ZPE.* 1980. 39. S. 91–98; *Zanker P.* The Power of Images... P. 210–215; *Chioffi L.* Gli elogia augustei del Foro Romano: aspetti epigrafici e topografici. Roma, 1996; *Geiger J.* The First Hall of Fame: A Study of the Statues in the Forum Augustum. Leiden, 2008; *Shaya J.* The Public Life of Monuments...

⁴⁷ *Eck W.* Emperor and senatorial aristocracy in competition for public space // *The Emperor and Rome: Space, Representation, and Ritual* / B.C. Ewald, C.F. Noreña (eds.). Cambridge, 2010. P. 93–94.

носным военачальникам-аристократам своего времени, он демонстрировал готовность признать, что сенаторы оставались господствующим сословием, подлинными наследниками лидеров республиканской эпохи, чья военная доблесть была возрождена с установлением принципата⁴⁸. Концепция Августова форума явно указывает на понимание истории как фактора, формирующего политическое мировоззрение⁴⁹. Кроме того, он имел привычку собирать и посылать своим друзьям и должностным лицам советы и примеры из прочитанных книг, а иногда зачитывал перед сенатом и оглашал народу в эдиктах целые книги, чтобы показать, что обращается к тем или иным делам, следуя примеру предков (*Aug.* 89. 2). Таким образом, Август следовал традиционному римскому взгляду на память и *exempla*, составлявшие ее ядро, как социально преобразующую силу⁵⁰.

АВГУСТ И ИСТОРИОПИСАНИЕ ЕГО ВРЕМЕНИ

Если архитектурные ансамбли и памятники, создаваемые (или восстанавливаемые) по инициативе (а часто и на средства) самого императора, равно как и учреждение новых празднеств⁵¹ и зрелищ⁵², работали на формирование необходимых и выгодных новому режиму представлений о прошлом, главным образом, в *массах* населения, то для образованной элиты римского общества существенную роль в деле сохранения памяти о прошлом играли исторические сочинения, которые в Риме всегда были самым непосредственным образом сопряжены с политической злободневностью.

Для римлян писанная история была, по известному определению Цицерона (*De or.* II. 36), «истинной свидетельницей времен» и «жизнью па-

⁴⁸ *Weisweiler J. Making Masters, Making Subjects...* P. 73.

⁴⁹ *Межеруцкий Я.Ю. «Восстановленная республика»...* С. 616.

⁵⁰ *Weisweiler J. Making Masters, Making Subjects...* P. 72–73.

⁵¹ В том числе включение в государственный календарь *festa domestica* императорского семейства или значимых лично для Августа событий, таких, как присвоение ему звания Отца Отечества. Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения. Специально о римских празднествах как средстве политики памяти см.: *Behrwald R. Festkalender der fruhen Kaiserzeit als Medien der Erinnerung // Feiern und Erinnern: Geschichtsbilder im Spiegel antiker Feste / H. Beck, H.U. Wiemer (eds.). Berlin, 2009. S. 141–166.* Равным образом отдельным предметом внимания может быть использование религиозно-культурной сферы для «переформатирования» памяти, как показывает, например, недавняя работа Э. Орлина (*Orlin E.M. Augustan Religion...*).

⁵² В этом отношении Август, по словам Светония (*Aug.* 43. 1), превзошел всех предшественников, что не удивительно, ибо для этого у него были и материальные ресурсы, и организационный талант, и чувство драматического (*Syme R. The Roman Revolution...* P. 468).

Клавдий в молодости

мяти» (*vero testis temporum, vita memoriae*). Она писалась не столько для поиска исторической истины, сколько ради рассказа о прошлом как таковом и была рассчитана на сохранение памяти в последующих поколениях⁵³.

Важно также подчеркнуть, что в правление Августа занятия историей, включая рассказ о событиях последних десятилетий Республики в исторических сочинениях и мемуарах (в том числе и написанных представителями проигравшей стороны), были весьма популярным делом⁵⁴. Тит Ливий упоминает о «новых писателях» (*novi semper scriptores*) и «множестве писателей» (*tanta scriptorium turba*), которые «верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти неискусную древность в умении писать» (*Liv. Praef. 2–3*). Как известно, в юности будущий император Клавдий, поощряемый Ливием и с помощью своего наставни-

⁵³ Ср. определение Квинтилиана: *historia... est enim proxima poetis... et scribitur ad narrandum, non ad probandum... ad memoriam posteritatis componitur* («история ближе всего к поэзии... и пишется она для рассказа, а не для убеждения... составляют ее для памяти последующих поколений») (*Inst. or. X. 1. 31*).

⁵⁴ Подробно см.: *Welch K. Alternative Memoirs...; Geiger J. The Augustan Age // Political Autobiography and Memoirs in Antiquity / G. Marasco (ed.). Leiden, 2011. P. 233–266*. Всего известно не менее 25 историков и мемуаристов (включая самого Августа), от Октавия Рузона и Теренция Варрона до будущего императора Клавдия, живших и писавших в период правления первого принцепса (характеристику сведений о их жизни и трудах см.: *Peter H. Historicorum Romanorum reliquae. Vol. 2. Lipsiae, 1906. P. xlvi–cxliii*; *The Fragments of the Roman Historians. 3 vols. / T.J. Cornell (General ed.). Vol. I: Introduction. Oxford, 2013. P. 406–503*). Сохранившиеся фрагменты и упоминания их сочинений изданы: *Peter H. Historicorum Romanorum reliquae...; The Fragments of the Roman Historians. 3 vols. / T.J. Cornell (General ed.). Vol. I–III. Oxford, 2013*.

ка Сульпиция Флава, обратился к историческим «штудиям» (*historiam in adulescentia hortante T. Livio, Sulpicio vero Flavio etiam adiuvante, scribere adgressus est*) и, помимо прочего, взялся писать обширную историю гражданских войн (от убийства Юлия Цезаря) и последующих событий, но потом перешел к более поздним временам, начав с утверждения у власти Августа, так как «видел, что правдивый и свободный рассказ уже был невозможен», и к тому же эта его затея встретила неприятие со стороны матери и бабушки (*correptus saepe et a matre et avia*), т. е. Антонию Младшей и Ливии, для которых эта история была во многом семейной (*Suet. Claud. 41. 1–2*)⁵⁵. Из сообщения Светония об этой истории следует, что труд все-таки был написан, но первая его часть составила всего две книги, тогда как вторая — сорок одну.

Другие свидетельства указывают на определенную двойственность в положении историков, решавшихся писать в правление Августа о недавних смутных временах. Прямых запретов и цензуры со стороны принцепса и властей вроде бы и не было, но сама атмосфера, создававшаяся в обществе, явно не благоприятствовала появлению исторических трудов, расходящихся с официальной точкой зрения и принятыми властью умолчаниями о недавнем прошлом. Показательны в этом плане отношения Августа с крупнейшим историком его времени, Титом Ливием. Известно, что Август считался другом Тита Ливия и благосклонно поощрял его работу, несмотря на его прореспубликанские симпатии, за которые он называл историка помпейянцем⁵⁶. Ливий (IV. 20. 5–11) сам сообщает об одном из эпизодов своего общения с Августом по профессиональным вопросам. Рассказывая о подвиге Авла Корнелия Косса, который в середине V в. до н. э. победил в единоборстве Ларса Толумния, царя Вей, и, подобно Ромулу, впервые совершившему такой подвиг, посвятил снятые с убитого доспехи (*spolia opima* — «тучный доспех», как это называлось у римлян) в храм Юпитера Феретрия, Ливий пишет, что именно беседа с принцепсом убедила его, что, вопреки единодушному мнению предшествующих писателей и несмотря на хронологические нестыковки со сведениями древних летописей о должности Косса, последний совершил свой подвиг в то время, когда был консулом, а не военным трибуном. Август при этом ссылался на надпись на полотняном панцире, входившем

⁵⁵ Last D.M., Ogilvie R.M. Claudius and Livy // *Latomus*. 1958. 17. P. 476–487 (о влиянии Ливия на литературный слог Клавдия); Malitz J. Claudius (FGrHist 276) — *der Prinzeps als Gelehrte* // *Die Regierungszeit des Kaisers Claudius* / V.M. Strocka (ed.). Mainz, 1994. S. 133–144.

⁵⁶ Tac. *Ann.* IV. 34. 3: Titus Livius... Cn. Pompeium tantis laudibus tulit, ut Pompeianum eum Augustus appellaret; neque id amittiae eorum offecit.

в состав посвящения, которую он лично прочитал, когда осматривал храм Юпитера Феретрия, разваливавшийся от ветхости⁵⁷.

Это отступление Ливия связывается с эпизодом, имевшим место в 29–28 г. до н. э., когда проконсул Македонии М. Лициний Красс, воюя с бастарнами, повторил редкий подвиг⁵⁸: он одолел в поединке вражеского предводителя Дельдона и снял с него доспехи (*Dio Cass. LI. 24. 3–4*), а потом, возможно, хотел посвятить их в качестве *spolia opima* в храм Юпитера Феретрия, следуя примеру предшественников, и, таким образом, претендовал на исключительную военную славу, что, несомненно, было бы вызовом военно-политическому престижу Октавиана, только что отпраздновавшего тройной триумф⁵⁹. Однако Август отказал ему в этом праве⁶⁰, как раз, по-видимому, и сославшись на пример посвячительной надписи Корнелия Косса, из которой якобы следовало, что только военачальник в ранге консула мог удостоиться такой чести. В связи с этим в научной литературе получило распространение мнение о том, что данная надпись была сфабрикована в угоду политическим интересам Августа, который как второй основатель Рима претендовал на сан нового Ромула⁶¹. Защита своего монопольного права на высшую военную славу — мотив, надо признать, достаточно серьезный, чтобы решиться на фальсификацию, тем более если учесть, что в первые годы

⁵⁷ Это посещение, возможно, относится к 31 или 30 г. до н. э., когда Аттик предложил Октавиану восстановить это святилище (*Нер. Att. 20. 3*).

⁵⁸ Кроме Ромула и Косса, его совершил также М. Клавдий Марцелл в 222 г. до н. э. в битве при Кластидии. См.: *Flower H.I. The Tradition of the spolia opima: M. Claudius Marcellus and Augustus // ClAnt. 2000. 19. P. 34–35* (с источниками).

⁵⁹ Это свидетельство Ливия во взаимосвязи с подвигом Красса неоднократно рассматривалось в литературе. Из недавних работ см.: *Парфёнов В.Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 27–39; Дементьева В.В. Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // Вестник Ярославского государственного университета (сер. Гуманитарные науки). 2007. 4. С. 5–11; Rich J.W. Augustus and the spolia opima // *Chiron. 1996. 26. P. 85–127; Rocco M. Ottaviano e la spolie opime di M. Crasso // Patavium. Rivista Veneta di Scienze dell'Antichità e dell'Alto Medioevo. 2003. 11. P. 45–69; Tarpin M. M. Licinius Crassus imperator, et les dépouilles opimes de la République // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 2003. 77. P. 275–311; Sailor D. Dirty Linen, Fabrication, and the Authorities of Livy and Augustus // TAPhA. 2006. 136. P. 329–388; McPherson C. Fact and Fiction: Crassus, Augustus, and the Spolia Opima // *Hirundo. The McGill Journal of Classical Studies. 2009/2010. 8. P. 21–34*.***

⁶⁰ При этом, однако, Красс был удостоен императорской аккламации и справил триумф в июле 27 г. до н. э. (*Dio Cass. LI. 25. 2; Ит. XIII. 1, 334; ILS 8810*).

⁶¹ Впервые это мнение, поддержанное впоследствии такими авторитетами, как Р. Сайм (*Syme R. Livy and Augustus // Harvard Studies in Classical Philology. 1959. 64. P. 44*), было высказано в работе: *Dessau H. Livius und Augustus // Hermes. 1906. 41. S. 142–151*. См. также: *Harrison S.J. Augustus, the Poets and the Spolia Opima // Classical Quarterly. 1989. 39. P. 409; Flower H.I. The Tradition of the spolia opima...*

Ливия
с бюстом Августа.
Древнеримская
камень

своей единоличной власти Октавиан стремился заручиться поддержкой сенатской аристократии через провозглашение возврата к республиканским обычаям, и отказ Крассу в праве на исключительный почет мог быть воспринят весьма негативно. Рассматривая этот эпизод, исследователи пишут о первом серьезном политическом кризисе в правление Августа⁶², о том, что случай с Крассом стал одним из факторов, побудивших Октавиана поставить вопрос о власти в январе 27 г. до н. э.⁶³ Так или иначе, скорее всего, право Красса посвятить доспехи как таковое не оспаривалось, и он сам отказался от претензий на почет после личной беседы с Октавианом⁶⁴, чей интерес к должности Косса, впрочем, может быть связан с антикварными увлечениями, характерными и для него лично, и для римской знати того времени⁶⁵. Интерес же конкретно к *spolia opima* и историческим примерам, к ним относящимся, обнаруживается и в поэзии Августова века⁶⁶, и в

⁶² Rich J.W. Augustus and the *spolia opima*... P. 107–108, 126. Другие исследователи, впрочем, полагают, что нет веских оснований думать, что Август отказал Крассу в высокой чести, потому что видел в нем потенциального политического соперника (Raaflaub K.A., Sammons L.J. *Opposition to Augustus // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate* / K.A. Raaflaub and M. Toher (eds.). Berkeley, 1990. P. 423).

⁶³ Dessau H. *Livius und Augustus*... S. 149; Syme R. *The Roman Revolution*... P. 309.

⁶⁴ McPherson C. *Fact and Fiction*... P. 28.

⁶⁵ Rich J.W. *Augustus and the spolia opima*... P. 112.

⁶⁶ См.: Harrison S.J. *Augustus, the Poets...*; Ingleheart J. *Propertius 4.10 and the End of the «Aeneid»: Augustus, the «Spolia Opima» and the Right to Remain Silent // Greece & Rome. Second Series. 2007. 54. 1. P. 61–81.*

архитектуре (статуя Ромула на форуме Августа, как известно, представляла основателя Рима несущим доспехи, снятые с поверженного царя Акрона). Примечательно, что о «тучном доспехе» вспомнили сенаторы во время диктатуры Цезаря, предоставив диктатору в числе прочих почестей право посвятить *spolia opima* в храм Юпитера Феретрия, как если бы он собственноручно сразил вражеского предводителя в битве (Dio Cass. XLIV. 4. 3).

Для нашей же темы в связи с пассажем Ливия и эпизодом с Крассом важнее само обращение Августа к историческим аргументам в непростой политической ситуации и вопрос о характере его отношений с историками. Не приходится отрицать прямого (но отнюдь не прямолинейного!) влияния принцепса на работу Ливия. Конечно, есть основания полагать, что, несмотря на всю почтительность и серьезность тона в сообщении Ливия об освидетельствовании Августом доспехов Косса, при более пристальном прочтении этой главы обнаруживается, что историк оставляет за читателем выбор между версиями и трактует свидетельство Августа, по сути дела, в том же духе, что и другие эпизоды своей «Истории», в которых власть предержажшие фабрикует сверхъестественные истории и используют их для влияния на людей ниже статусом⁶⁷. Но это никак не доказывает, что Август пошел на сознательную фальсификацию документа и оказал некое давление на Ливия. Доводы исследователей, выступающих за подлинность надписи, увиденной Августом, представляются не лишены оснований⁶⁸, тогда как обвинение принцепса в прямой фальсификации документальных данных и в навязывании автору исторического труда своей позиции не выглядит, на наш взгляд, достаточно обоснованным. В любом случае, эпизод с надписью на полотняном доспехе из древнейшего римского храма, — это не просто первый известный нам случай обращения Августа к историческому примеру из далекого прошлого⁶⁹ в связи с актуальными политическими проблемами современности, но также наглядное свидетельство непосредственной включенности Августа в управление той памятью, которая традиционно считалась ведомством историков.

Важно подчеркнуть, что по некоторым принципиальным вопросам позиции Августа и Ливия могли расходиться. В частности, как убедительно

⁶⁷ *Sailor D. Dirty Linen, Fabrication, and the Authorities...*

⁶⁸ В числе этих доводов можно назвать: и вероятность того, что Косс действительно мог быть и консулом, и консульским трибуном в год совершения подвига; и хронологические соображения относительно начала работы Ливия над первыми книгами его труда; и даты возможного посещения Августом храма. См.: *Mensching E. Livius, Cossus und Augustus // Museum Helveticum. 1967. 24. S. 12–32; Дементьева В.В. Spolia opima Корнелия Косса...*

⁶⁹ *Sailor D. Dirty Linen, Fabrication, and the Authorities...* P. 380.

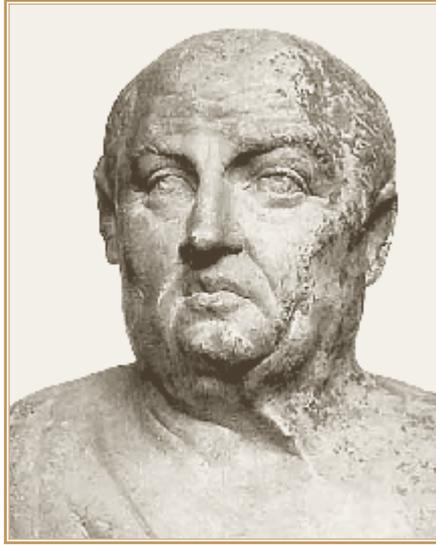
показал Т. Льюс, содержание элогиев и отчасти сам подбор увековеченных статуями на форуме Августа героев римской истории существенно отличаются от рассказа Ливия. По всей видимости, эти элогии основывались на «Великих анналах» (*Annales maximi*), опубликованных после 12 г. до н. э., и были составлены членами «историко-антикварной» комиссии, созданной Августом⁷⁰.

Отношениям между Августом и Ливием посвящены обширная литература и продолжительная дискуссия, в которой одни авторы приходят к выводу, что историк был проводником идей принцепса, тогда как другие находят у Ливия явные прореспубликанские взгляды и симпатии⁷¹. Не вдаваясь в разбор нюансов этих дебатов, отметим, что при отсутствии в нашем распоряжении тех частей труда Ливия, в которых речь шла о гражданских войнах после смерти Цезаря и о первой половине правления Августа, вряд ли возможно с однозначной убедительностью реконструировать позиции историка по отношению ко временам триумvirата и к августовскому режиму⁷², а тем более проследить их эволюцию (как это пытался сделать Г. Метге на основе анализа соответствующих разделов «Римской истории» Диона Кассия, для которых якобы Ливий был основным источни-

⁷⁰ Лусе 2009.

⁷¹ В числе основных работ, в которых Ливий трактуется как проавгустовский автор, можно указать: *Burck E. Livius als augusteischer Historiker // Die Welt als Geschichte*, Stuttgart, 1935. S. 448–487 (= *Wege zu Livius*. Darmstadt, 1967. S. 96–143); *Syme R. Livy and Augustus...*; *Jaeger M. Livy's Written History*. Ann Arbor, 1997. P. 183; см. также: *Mineo B. Tite-Live et la politique apollinienne d'Auguste // Dialogues d'histoire ancienne. Supplément 8, Discours politique et Histoire dans l'Antiquité*. 2013. P. 39–64 (с мнением о том, что Ливий разделял стремления Августа в области религиозной политики). О «республиканизме» Ливия писали, напр.: *Hoffmann W. Livius und die römische Geschichtsschreibung // Antike und Abendland*. 1954. 4. S. 171–186 (= *Wege zu Livius*. Darmstadt, 1967. S. 68–95); *Petersen H. Livy and Augustus // TAPhA*. 1961. 92. P. 440–452; *Walsh P.G. Livy and Augustus // Proceedings of the African Classical Associations*. 1961. 4. P. 26–37; *Toher M. Augustus and the Evolution of Roman Historiography // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate / K.A. Raaflaub, M. Toher (eds.)*. Berkeley, 1990. P. 139–154; *Badian E. Livy and Augustus // Livius. Aspekte seines Werkes / W. Schuller (ed.)*. Konstanz, 1993. P. 9–38. Обзор основных точек зрения см.: *Ridley R.T. Eulogy of the Lost Republic or Acceptance of the New Monarchy? Livy's *Ab Urbe Condita* // Antichthon*. 2010. 44. P. 68–71 (с литературой). Я.Ю. Межирицкий отмечает, что помпеянство Ливия не вписывалось в рамки идеологии «восстановленной республики», что неизбежно вело к внутреннему конфликту историка, однако до определенного времени Август не рассматривал помпеянство как угрозу своему режиму, тем более что его *res publica restituta* оставалась «немножко помпеянской» (*Межирицкий Я.Ю. «Восстановленная республика»... С. 712 сл., 715*).

⁷² Ср.: *Nesselrath H. Die gens Iulia und Romulus bei Livius (Liv. I 11–16) // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. 1990. 16. S. 166.

Сенека Младший

ком⁷³, о чем, однако, нельзя с уверенностью говорить). Р. Ридли, рассмотрев все явные и возможные аллюзии в тексте Ливия на современное автору положение дел, склоняется к выводу, что историк, ностальгируя по Республике, в целом был критически настроен по отношению к преобразованиям Августа и пропагандируемым им лозунгам, но официальная реакция на его исторический труд представляла собой «намеренное безразличие» («calculated indifference»)⁷⁴. Иными словами, принцепс находился в таком положении, что мог с демонстративной либеральностью обходиться с писателями, допускавшими известную («помпеянскую») фронду в отношении официальных, провластных версий исторического прошлого, тем более если речь шла о таком «академическом» авторе, каким был Тит Ливий, который ни по своему социальному статусу не мог претендовать на какое бы то ни было политическое влияние, ни по общей ностальгически-республиканской позиции не вступал в острое противоречие с политической линией императора, стремившегося предстать «восстановителем республики» и поборником старинных нравов. Вероятнее всего, изложение Ливием истории собственно августовского правления (доведенное до 9 г. до н. э.) не отличалось какой бы то ни было критичностью по отношению к новому режиму и его создателю и мало повлияло на последующих историков⁷⁵.

⁷³ Mette H. Livius und Augustus // Gymnasium. 1961. 68. S. 278–285 (= Wege zu Livius. Darmstadt, 1967. S. 156–166).

⁷⁴ Ridley R.T. Eulogy of the Lost Republic... P. 95.

⁷⁵ См.: Syme R. Livy and Augustus... P. 73–76.

Что же касается отношения Августа и к другим историкам его времени, то оно было, по-видимому, аналогичным. Хорошо известно (и даже подчеркивается нашими источниками), что Август посещал публичные литературные чтения, на которых наряду с поэтическими и ораторскими произведениями звучали и сочинения историков (*historias*), в том числе Кремуция Корда, осужденного и покончившего с собой при Тиберии (Тас. *Ann.* IV. 34–35; Suet. *Aug.* 89. 3; *Tib.* 61. 3; Dio Cass. LVII. 24. 2–4). Не подвергались никаким репрессиям такие авторы, писавшие во времена Августа, как Мессала Корвин и Азиний Поллион⁷⁶, выражавшие сочувствие противникам Цезаря и хранившие добрую память о них (Тас. *Ann.* IV. 34. 4). Поллион к тому же приютил ратора и историка Тимагена Александрийского, после того как принцепс отказал ему в дружбе за личные выпады в свой адрес и адрес своей семьи, хотя и не придавал, по-видимому, серьезного значения его историческим изысканиям⁷⁷, в которых историк покушался на славу и подвиги императора. Август, по словам Сенеки Младшего, «удовольствовался тем, что стал держаться от клеветника подальше», в то время как тот не прекращал публичные чтения своих новых исторических сочинений, а те, что были написаны раньше и посвящены деяниям Августа, сжег, желая, видимо, обречь его правление на забвение⁷⁸ (Sen. *De ira.* III. 23. 4–8; 24. 1 = FGrHist 88 T 3; ср.: Sen. *Contr.* X. 5. 21–22 = FGrHist 88 T 2).

Этому свидетельству Сенеки, казалось бы, противоречит прямое указание Светония на то, что Август разрешал писать о себе «только лучшим сочинителям и только в торжественном слоге и приказывал преторам следить, чтобы литературные состязания не нанесли урона его имени»⁷⁹ (Suet. *Aug.* 89. 3). Нельзя исключать, что подобное распоряжение появи-

⁷⁶ Как убедительно показал А. Босворт, Поллиона вообще трудно причислять к республиканской оппозиции режиму Августа (Bosworth A.B. *Asinius Pollio and Augustus* // *Historia.* 1972. 21. 3. P. 441–473). См. также: Morgan L. *The Autopsy of C. Asinius Pollio* // *JRS.* 2000. 90. P. 51–69; Межеричук Я.Ю. «Восстановленная республика»... С. 700–702.

⁷⁷ Квинтилиан, однако, довольно высоко оценивал вклад Тимагена в историографию, отмечая, что тот возродил утраченное усердие в деле историописания (Quint. *Inst. or.* X. 1. 75: *Timagenes vel hoc est ipso probabilis, quod intermissam historias scribendi industriam nova laude reparavit.* — «Тимаген, пожалуй, тем самым достоин одобрения, что с новой славой возродил утраченное усердие в деле историописания»).

⁷⁸ Cramer F.H. *Bookburning and Censorship in Ancient Rome: A Chapter from the History of Freedom of Speech* // *Journal of the History of Ideas.* 1945. 6. 2. P. 167.

⁷⁹ *Componi tamen aliquid de se nisi et serio et a praestantissimis offendeatur, admonebatque praetores ne paterentur nomen suum commissionibus obsoleferi.* Кроме того, Светоний сообщает, что Август хотя и относился терпимо к вольным речам сенаторов в курии, тем не менее издал эдикт в ответ на дерзкие или злобные шутки в свой адрес (Suet. *Aug.* 55–56).

лось после каких-то инцидентов, подобных тому, что был связан с Титом Лабиеном и вызвал беспрецедентные дотоле меры со стороны сената. Видный оратор своего времени, писавший и исторические сочинения, Лабиен отличался откровенными помпеянскими симпатиями и прославился своими неистовыми инвективами, за что заслужил прозвище *Rabienus* по созвучию его имени с прилагательным *rabies* («бешеный, неистовый»)⁸⁰. По сообщению Сенеки Старшего (*Contr.* X пр. 5–8), его сочинения (как позднее и книги его соперника на ораторском поприще Тита Кассия Севера⁸¹) были сожжены по приговору сената (причем такая мера была применена впервые⁸²), вероятно, в связи с обвинением в оскорблении величия по *lex maiestatis*, а сам Лабиен, не вынеся этого, покончил с собой⁸³.

⁸⁰ Sen. *Contr.* X пр. 5: *libertas tanta, ut libertatis nomen excederet, et, quia passim ordines hominesque laniabat, Rabienus vocaretur. animus inter vitia ingens et ad similitudinem ingeni sui violentus et qui Pompeianos spiritus nondum in tanta pace posuisset* ([Лабиена отличала] «такая свобода, что [само] наименование свободы превосходила, и поскольку он повсюду порицал и сословия, и людей, его прозвали Рабиеном. Возвышенный дух среди пороков и враждебный подражателям своего таланта, он и в столь мирное время все еще не унял помпеянского образа мысли»).

⁸¹ Тас. *Ann.* I. 72. 3. Речь идет не об исторических трудах, но «о злонамеренных сочинениях» (*de famosis libellis*), порочащих знатных мужчин и женщин, и дознание было проведено по закону об оскорблении величия. Ср.: Dio Cass. LVI. 27. 1 (Август приказал разыскать распространявшиеся оскорбительные сочинения и «велел эдилам сжечь те, которые найдены в городе, а обнаруженные в прочих местах поручил сжечь тамошним властям; он также наказал кое-кого из их сочинителей»). Впрочем, сам Август вполне снисходительно относился к Кассию Северу и шутил над его неудачами как судебного обвинителя (*Macr. Sat.* II. 4. 9). О Кассии Севере см.: Robert P. *De Cassii Severi eloquentia*. Thesim facultati litterarum Parisiensi. Paris, 1890.

⁸² О деле Лабиена см. подробно: Hennig D. T. *Labienus und der erste Majestätsprozeß de famosis libellis* // Chiron. 1973. 3. S. 245–254. Вероятно, этот процесс имел место незадолго до 8 г. н. э., к которому, скорее всего, относится суд над Кассием Севером, и Тацит ошибается, называя его первым, кто пострадал за злонамеренные сочинения. См.: Cramer F.H. *Bookburning and Censorship...* P. 173, n. 70. Впрочем, Дион Кассий (цит. в предыдущем примечании) относит приказ Августа о сожжении книг к 12 г. н. э. Д. Хенниг, как и большинство предшествующих авторов, принимает эту дату для процесса над Кассием (*Hennig D. T. Labienus und der erste Majestätsprozeß...*). Но нам представляются более убедительными соображения А. д'Откура и Э. Петтингера, принимающих 8 г. н. э. (*D'Hautcourt A. L'exile de Cassius Severus: hypothèse nouvelle* // Latomus. 1995. 54. 2. P. 315–318; *Pettinger A. The Republic in Danger. Drusus Libo and the Succession of Tiberius*. Oxford, 2012. P. 88–89, n. 62). В любом случае это были последние годы правления Августа.

⁸³ Sen. *Contr.* X пр. 5 и 7: *In hoc primum excogitata est nova poena; effectum est enim per inimicos, ut omnes eius libri comburerentur. res nova et inusitata, supplicium de studiis sumi. <...> Non tulit hanc Labienus contumeliam nec superstes esse ingenio suo voluit sed in monumenta se maiorum suorum ferri iussit atque ita includi, veritus scilicet, ne ignis, qui nomini suo subiectus erat, corpori negaretur. non finivit tantum se ipse sed etiam sepelivit* («В этом [случае] впервые была изобретена новая кара; ведь недруги добились

Однако позднее Калигула снял запрет на чтение и распространение этих сочинений⁸⁴ (Suet. *Cal.* 16. 1).

Как показывает еще один пассаж Сенеки, скорее всего, именно в своих исторических трудах Лабиен допускал чрезмерную вольность, но в чем именно она состояла, остается неясным. В том же предисловии к X книге «Контроверсий» читаем: «Помню, как однажды он, выступая с чтением истории, свернул большую часть свитка и сказал: “То, к чему я перехожу, будут читать после моей смерти”. Столь велика была на этих [страницах] вольность, что даже Лабиен испугался!»⁸⁵ (*Contr.* X pr. 8). Возможно, в своем изложении истории гражданских войн Лабиен не ограничился выражением симпатий Бруту и Кассию, но представил победившую сторону в порочном свете, поставив тем самым под вопрос легитимность Августова режима⁸⁶. И хотя Сенека превозносит свободу, допускавшуюся Августом в ораторских состязаниях⁸⁷, вряд ли она была беспредельной и ограничивалась только преследованием личных нападок на принцепса и его семейство; и такая необычная крайняя мера, как изъятие и сожжение литературных произведений, едва ли могла быть декретирована сенатом без (гласной или негласной) санкции Августа, хотя о степени причастности последнего к делу Лабиена судить трудно⁸⁸. Высказывалось мнение, что это дело было явно инспирировано Августом⁸⁹. Согласно другой точке зрения, инициатива исходила от сената и личных недругов Лабиена (*per inimicos*), хотя сенат должен был знать, что не встретит неодобрения со стороны принцепса⁹⁰. М. Хэммонд предлагает некий компромиссный вариант, считая, что, если

того, чтобы все его книги были сожжены. Дело новое и невиданное подвергнуться каре за ученые занятия. <..> Не вынес такого унижения Лабиен и не захотел пережить [плодов] своего таланта, но приказал отнести себя в усыпальницу своих предков и там запереть, страшась, видимо, того, что огонь, который поглотил его труды, может быть отвергнут его телом. Так он не только покончил с собой, но и сам себя похоронил»).

⁸⁴ Примечательно, что он, по словам Светония, заявил, что для него важнее всего, чтобы каждое событие сохранилось для потомков (*ut facta quaeque posteris tradantur*).

⁸⁵ *Memini aliquando, cum recitaret historiam, magnam partem illum libri convolvisse et dixisse: haec, quae transeo, post mortem meam legentur. quanta in illis libertas fuit, quam etiam Labienus extimuit!*

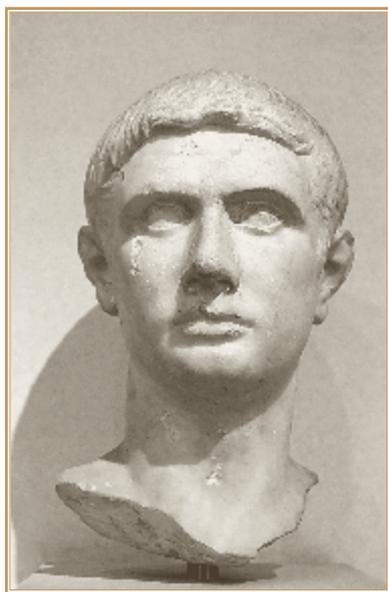
⁸⁶ *Pettinger A. The Republic in Danger... P. 90–91.*

⁸⁷ *Ср. Sen. Contr. II. 4. 13: Tanta autem [marcus] sub divo Augusto libertas fuit, ut praepotenti tunc M. Agrippae non defuerint qui ignobilitatem exprobrarent* («Столь велика была при божественном Августе свобода, что тогда не было недостатка в тех, кто могущественному в то время М. Агриппе ставил в укор [его] незнатное происхождение»).

⁸⁸ *Ср.: Cramer F.H. Bookburning and Censorship... P. 172.*

⁸⁹ *Williams G. Phases in political patronage of literature in Rome // Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome / B. Gold (ed.). Austin, 1982. P. 20.*

⁹⁰ *Raaflaub K.A., Sammons L.J. 1990: Opposition to Augustus... P. 440–441.*

Марк Юний Брут

Август и разрешил или даже поощрил сенаторов вынести такой приговор, нужно сделать скидку на старость принцепса, который уже очень давно находился у власти, не отличался добрым здоровьем и поэтому мог отреагировать на критику острее, нежели в молодые годы⁹¹. Учитывая подчеркнутую Сенекой необычность наказания, маловероятно, на наш взгляд, что сенатское постановление было принято без ведома Августа, который, однако, в данном случае предпочел остаться в тени.

Так или иначе, случай с Лабиемом, отказавшимся однажды публично прочитать какую-то часть своего исторического труда, свидетельствует, что писатели сами вполне осознавали наличие определенных ограничительных рамок и прибегали к известной самоцензуре. Следует, наверное, принимать в расчет и возможные изменения в ситуации на протяжении долгого правления первого принцепса: в зависимости от текущей политической конъюнктуры и менявшихся личных пристрастий его отношение к проявлению вольноречия и независимым историческим оценкам могло существенно трансформироваться от сравнительно либерального к более нетерпимому и репрессивному, как показывают, в частности, хорошо известные примеры Овидия и Корнелия Галла⁹². Кремуций Корд в своей оправдательной речи, передаваемой Тацитом, как большое достоинство и терпимость Августа отмечает, что тот не только не преследовал Азиния Поллиона и Мессалу Корвина, хваливших Брута и Кас-

⁹¹ Hammond M. The Sincerity of Augustus // Harvard Studies in Classical Philology. 1965. 69. P. 142.

⁹² Cramer F.H. Bookburning and Censorship... P. 177. Согласно комментарию Сервия (*Ad Georg.* 4), Вергилий удалил из «Георгик» похвалу Галлу по требованию Августа.

сия, но сам часто именовал последних выдающимися мужами, а кроме того, не стал уничтожать письма Антония и речи Брута, содержащие ожесточенные упреки в его адрес (Тас. *Ann.* IV. 34. 3–5). Вполне возможно, что эта негласная установка позволила избежать наказания Гаю Альбуцию Силу, который, выступая в Медиолане на судебном процессе в присутствии проконсула, как рассказывает Светоний, «разгорячился до того, что стал оплакивать участь Италии, как бы снова обращенной в провинцию, и воззвал к Марку Бруту, статуя которого стояла тут же, именуя его “законов и свободы зиждителем и благодетелем”» (Suet. *De gram.* 30. 6. Пер. М.Л. Гаспарова). Сам Август, по сообщению Плутарха (*Brut.* 58), посещая Медиолан, обратил внимание на стоявшую в городе статую Брута, но, дав понять горожанам, что рассматривает его как своего врага, тем не менее похвалил их за верность своим друзьям и разрешил оставить статую. Известно также, что в Афинах статуи Брута и Кассия были установлены рядом с местными «тираноубийцами» Гармодием и Аристогионом (Dio Cass. XLVII. 20. 4). О статуях Брута и Кассия, которые не стал уничтожать Август, кстати сказать, упоминает в своей речи тот же Кремуций Корд, указывающий также, что память о них сохраняется историками — *sic partem memoriae apud scriptores retinent* (Тас. *Ann.* IV. 35. 2).

В целом же, исходя из совокупности приведенных свидетельств, можно заключить, что Август всё же был достаточно умен и осторожен, чтобы понимать бесполезность прямых репрессий против литераторов в деле формирования памяти о прошлом. Он мог бы, наверное, разделить мнение Тацита, блестяще выраженное им в сентенции, завершающей рассказ о сожжении книг Кремуция Корда. Отметив, что их списки были тайно сохранены, историк пишет: «Тем больше оснований посмеяться над недомыслием тех, которые, располагая властью в настоящем, рассчитывают, что можно отнять память даже у будущих поколений (*exsingui posse etiam sequentis aevi memoriam*). Напротив, обаяние подвергшихся гонениям дарований лишь возрастает, и чужеземные цари или наши властители, применявшие столь свирепые меры, не добились, идя этим путем, ничего иного, как бесчестия для себя и славы для них» (Тас. *Ann.* IV. 35. 2. Пер. А.С. Бобовича). Похоже, что в своем отношении к «творческой интеллигенции» Август руководствовался тем же принципом, который рекомендовал своему пасынку Тиберию, когда тот пожаловался на дурные отзывы о принцепсе: «...не слишком возмущайся, если кто-то обо мне говорит дурное: довольно и того, что никто не может нам сделать ничего дурного»⁹³ (Suet. *Aug.* 51. 3).

⁹³ Соответствующие примеры такого отношения Августа к шуткам и дерзостям в свой адрес приводит Светоний в 54-й главе биографии Августа.

Пер. М.Л. Гаспарова). По верному замечанию Я.Ю. Межеричького, Августу ни к чему была конфронтация с поклонниками Катона, Брута и Кассия, и он вполне мог позволить себе подобную толерантность, понимая всю слабость помпеянского фрондерства⁹⁴.

Однако у римских историков более позднего периода мы находим прямые указания на коренные перемены в той общественно-политической обстановке, в какой создавались исторические труды начиная со времени правления Августа. При этом эти изменения связываются именно с Августом. Здесь можно опять-таки сослаться на известные слова Тацита (*Ann.* I. 1. 2), который отмечает, что «не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа», но *со временем* «их отвратило от этого все возраставшее пресмыкательство перед ним» (пер. А.С. Бобовича). Во введении к другому своему труду он так варьирует эту же мысль, давая понять, что процесс начался именно при Августе: «...после битвы при Акции... эти великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителем или, напротив, из ненависти к ним» (*Tac. Hist.* I. 1. 2. Пер. Г.С. Кнабе). Аналогичным образом, с указанием и других обстоятельств, повлиявших на условия и характер работы историков, высказывался и Дион Кассий, отмечавший, в частности, что «стало невозможно одинаково повествовать о событиях до и после установления единовластия. Ведь раньше обо всем, что происходило даже в самых отдаленных местах, сообщалось сенату и народу. Благодаря этому все знали о событиях, и многие рассказывали о них в своих сочинениях. Поэтому, даже если что-то и писалось под влиянием страха, заискивания или дружеского расположения, либо же из ненависти, истину так или иначе можно было установить, либо сопоставляя эти рассказы с трудами других авторов, писавших о том же самом, либо привлекая государственные документы. Со времени же перехода к единовластию очень многое стало совершаться втайне и без огласки, а если что-то и доходит до общего сведения, то все равно этому не верят из-за невозможности проверить достоверность этих известий, подозревая, что всё говорится и делается по воле и желанию властителей и их приспешников. По этой причине люди беспрестанно толкуют о том, чего вовсе не было, и, напротив, о многом из того, что произошло на самом деле, остаются в полном неведении, и обо всем получают совершенно искаженное представление. При этом и величина Империи, и обилие со-

⁹⁴ Межеричький Я.Ю. «Восстановленная республика»... С. 710.

бытий создают огромные трудности для их точного освещения» (Dio Cass. LIII. 19. 1–5).

Как представляется, эти оценки не следует принимать с полным доверием. Очевидно, что они являются, скорее, перенесением на время Августа позднейших более жестких условий и отношения императоров к контролю за исторической литературой. Вопрос о том, каким образом и в какой степени сам Август влиял на формирование своего образа в историографических трудах своего времени, остается дискуссионным. Можно отчасти согласиться с мнением М. Тохера, который, ссылаясь на почти полное отсутствие веских свидетельств, указывающих на какие-либо ограничения Августом творческой свободы в области историописания, считает, что неправомерно полагать, будто он использовал государственную машину для подавления или контроля критической историографии⁹⁵. Можно констатировать, что в этой сфере Август предпочитал действовать скорее косвенными способами, а не прямым диктатом. Но историописание (в особенности посвященное современной истории) постепенно утратило свои традиционные побудительные мотивы, связанные с соперничеством представителей знати за статус и престиж, поскольку слава, честь и авторитет становились монополией правителя и его семейства⁹⁶. Учитывая приведенные выше недвусмысленные мнения античных историков и известные факты об отношениях Августа с ведущими литературными талантами своего времени, а также эпизод с сожжением трудов Лабиена и Кассия Севера, следует все-таки признать, что область историописания не оставалась вне пристального внимания принцепса, хотя, по большей части, он и действовал, очевидно, достаточно тонкими методами, прибегая к репрессивным мерам только в крайних случаях. Нельзя, наверное, недооценивать и самоцензуру историков, писавших о событиях недавнего смутного времени⁹⁷. В целом же можно, наверное, говорить о том, что при Августе, в силу инерции

⁹⁵ *Toher M. Augustus and the Evolution of Roman Historiography...* P. 141 ff. О положении историков в правление Августа и их отношениях с принцепсом см. также: *Time D. Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition // Opposition et résistances à l'empire d'Auguste à Trajan / A. Giovannini (ed.). Genève, 1987. S. 65 ff.; Jal P. Tite-Live et le métier d'historien dans la Rome d'Auguste // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1990. 1, mars. P. 32–47; Kraus C.S. From Exempla to Exemplar? Writing History around the Emperor // Flavius Josephus and Flavian Rome / J. Edmondson, S. Mason, and J. Rives (eds.). Oxford, 2005. P. 181–200.*

⁹⁶ *Toher M. Augustus and the Evolution of Roman Historiography...* P. 150.

⁹⁷ Case-study такого рода самоцензуры Николая Дамасского см. в работе: *Robr Vio F. Autocensura e storiografia augustea: il caso di Salvidieno Rufo // Prometheus. Rivista quadrimestrale di studi classici. 1997. 23. 1. P. 27–39.*

традиций сенаторской историографии, еще сохранялись (и, видимо, даже допускались) возможности представить в исторических сочинениях некие (подчас резко критические) суждения, оценки и версии недавнего прошлого, расходящиеся с той официальной картиной, какую через свою пропаганду и собственные сочинения стремился утвердить император⁹⁸. Однако о какой бы то ни было выраженной политической оппозиционности историков во времена Августа, которая требовала бы особых мер и систематического контроля со стороны правительства, говорить не приходится⁹⁹. Поэтому вполне прав Р. Смит, подчеркивающий, что в латинской историографии времен Августа не обнаруживается какой-либо единственной и бесспорной «Августовой точки зрения» на римскую историю: в реальности существовало разнозвучие спорящих мнений¹⁰⁰. Благодаря этому относительному либерализму Августова правления, последующая историографическая традиция, от Николая Дамасского и Веллея Патеркула вплоть до писателей позднеантичного периода, была, по меньшей мере неоднозначной, хотя и по большей части склонялась к позитивной интерпретации личности и итогов правления Августа¹⁰¹, который стал олицетворением некоего идеального образа правления.

АВГУСТ КАК ИСТОРИК СВОЕЙ ЖИЗНИ

Вполне возможно, что Август хорошо знал слова Тита Ливия о том, что *litterae... una custodia fidelis memoriae rerum gestarum* — «письмена... единственный надежный хранитель памяти о деяниях»¹⁰² (VI. 1. 2), и

⁹⁸ Во всяком случае, остается фактом то, что Августу, несмотря на его усилия, не удалось стереть из памяти те «черные пятна» его биографии, которые относятся к ранним этапам его карьеры (The Fragments of the Roman Historians. 3 vols. / T.J. Cornell (General ed.). Vol. I: Introduction. Oxford, 2013. P. 457).

⁹⁹ Ср.: *Timpe D. Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition... S. 74.*

¹⁰⁰ *Smith R. The Construction of the Past in the Roman Empire // A Companion to the Roman Empire / D. Potter (ed.). Oxford, 2006. P. 419* («a range of voices, variously chiming and contending»).

¹⁰¹ Общие обзоры отношения к Августу в античной историографии см.: *Pérez i Durà F.J. Augusto visto por los historiadores // Saitabi. 1974. 24. P. 277–294; Gabba E. The Historians and Augustus // Caesar Augustus. Seven Aspects / F. Millar and E. Segal (eds.). Oxford, 1984. P. 61–88; Bratož R. L'immagine di Augusto nella storiografia tardoantica // Il bimillenario Augusteo. Atti della XLV settimana di studi Aquileiesi. Aquileia, Sala del Consiglio Comunale (12–14 giugno 2014) / G. Cuscito (ed.). Trieste, 2015. P. 249–278.*

¹⁰² На важную роль литературных произведений для сохранения памяти об исторических деяниях указывал и Цицерон (Cat. III. 26), провозглашавший в речи к народу после разоблачения Катилины: *Memoria vestra, Quirites, nostrae res alentur, sermonibus crescent,*

принял их как руководство к действию. Не полагаясь на историков, Август сам написал автобиографию (или мемуары) в 13 книгах¹⁰³, охватывающих период до войны с кантабрами, т. е. до 25 г. до н. э. (видимо, вскоре после этой даты, во второй половине 20-х гг. до н. э., они были опубликованы). Августом также были написаны бессмертные и единственные в своем роде «*Res gestae*»¹⁰⁴, которые он завещал предать гласности после своей смерти и которые на деле стали *aere perennius* — долговечнее той бронзы, на которой они были записаны. Учитывая, с каким тщанием он подходил к любому своему выступлению¹⁰⁵, не приходится сомневаться, что Август с сугубой тщательностью отобрал и преподнес факты своей биографии в этих сочинениях, не столько сводя счеты с прежними поверженными противниками, сколько акцентируя собственные достижения¹⁰⁶.

Оба произведения (в особенности «Деяния») рассматривались в литературе столь часто, подробно и во всех возможных аспектах¹⁰⁷, что для

litterarum monumentis inveterascent et corroborentur («В памяти вашей, квинтиты, будут жить деяния наши, в речах расти, в памятниках слова укоренятся они и упрочатся»).

¹⁰³ В имеющихся свидетельствах они именуются по-разному: *de vita sua*, *de memoria vitae suae*, *commemoratio vitae suae*. Ср. Suet. *Aug.* 85: *et aliqua de vita sua, quam tredecim libris Cantabrico tenus bello nec ultra exposuit*. У греческих авторов используется термин ὑπομνήματα. Основные источники: Dig. 48. 24. 1; Tertul. *De anim.* 46. 8; Serv. *Ad Eclog.* 9. 46; *Ad Aen.* 8. 696; Suida, s.v. Αὐγουστος Καῖσαρ 1. 410 Adler. Далее ссылки даются по изданию: *The Fragments of the Roman Historians*. 3 vols. / T.J. Cornell (General ed.). Vol. II: Texts and Translations. Oxford, 2013.

¹⁰⁴ По выражению Р. Сайма, «*Res gestae*», столь же уникальные, как и сам Август, не поддаются вербальной дефиниции и сами себя объясняют (*Syme R. The Roman Revolution...* P. 524).

¹⁰⁵ По свидетельству Светония, Август всегда произносил заранее подготовленные речи по написанному, чтобы «не рисковать, полагаясь на память» — *ne periculum memoriae adiret* (Suet. *Aug.* 84. 1–2).

¹⁰⁶ Известно, что не позже 13 г. до н. э. Август уже представлял в сенате отчет о своих свершениях, причем в момент, когда ему нужно было продвинуть дальше свои преобразования в военной сфере (Dio Cass. LIV. 25. 5).

¹⁰⁷ Об автобиографии см. прежде всего: *Blumenthal F. Die Autobiographie des Augustus // Wiener Studien*. 1913. 35. S. 113–130; 267–288; *Wiener Studien*. 1914. 36. S. 84–103; *Dobesch G. Nikolaos von Damaskos und die Selbstbiographie des Augustus // Grazer Beiträge*. 1978. 7. S. 91–174; *Lewis R.G. Imperial autobiography, Augustus to Hadrian // ANRW*. II. 34. 1 (1993). P. 669–689; *The lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / A. Powell, C.J. Smith (eds.)*. Swansea, 2009; *Ridley R.T. Augustus. The emperor writes his own account // Political autobiographies and memoirs in antiquity / G. Marasco (ed.)*. Leiden, 2011. P. 267–314; *The Fragments of the Roman Historians...* Vol. I. P. 454–462 (с указанием предшествующих изданий и других исследований); *Межеряцкий Я.Ю.* «Восстановленная республика». С. 527–530. В числе важных новых работ и комментированных изданий «*Res gestae*» можно указать: *Ramage E.S. The Nature and Purpose of Augustus' 'Res Gestae'*. Stuttgart, 1987; *Ridley R.T. The Emperor's retrospect. Augustus' 'Res gestae' in epigraphy, historiography and*

целей нашей работы достаточно будет ограничиться только акцентированием некоторых ключевых моментов, наиболее примечательных с точки зрения тех мемориально-политических задач, которые Август ставил и решал с помощью данных текстов.

К сожалению, автобиография Августа (посвященная Меценату и Агриппе, его ближайшим сподвижникам [Plut. *Comp. Dem. and Cic.* 3.1 = T 3], которые, кстати сказать, тоже писали мемуары) почти полностью утрачена: сохранилось только около 20 более или менее достоверных фрагментов и 5 свидетельств¹⁰⁸. Однако, судя по их содержанию, по времени написания и охватываемому хронологическому периоду, можно с уверенностью утверждать: это сочинение преследовало в первую очередь злободневные пропагандистски-апологетические цели, особенно актуальные на начальном этапе формирования нового политического режима и связанные, в частности, с необходимостью противопоставить собственный взгляд на недавние события их интерпретациям со стороны вчерашних политических противников и потенциальных оппозиционеров¹⁰⁹, а также представить происхождение и жизненный путь автора в нужном духе, защитившись от еще хорошо памятных личностных нападок и порочащих слухов времен жесткого противостояния с Марком Антонием. Вместе с тем оно задавало принципиальные оценки, относящиеся к памяти о наиболее неоднозначных этапах карьеры Августа, в частности, о времени проскрипций и триумvirата, а также о начале единоличного правления.

Очевидно, что Августу приходилось отстаивать доброе имя своей семьи (F 11 = Suet. *Aug.* 2. 3) и важно было подчеркнуть свои особые связи с Цезарем и божественность последнего (F 1), разъяснить свои отношения

commentary. Leuven, 2003; Scheid J. *Res Gestae Divi Augusti*. Hauts faits du Divin Auguste. Texte établi et traduit par J. Scheid. Paris, 2007; Slatter N.W. *Orality and autobiography. The case of the «Res gestae»* // *Orality, literacy, memory in the ancient Greek and Roman world* / E.A. Mackay (ed.). Leiden, 2008. P. 253–273; Bringmann K., Wiegandt D. *Augustus: Schriften, Reden und Aussprüche*. Darmstadt, 2008; Cooley A.R. *Res Gestae Divi Augusti: Text, Translation, and Commentary*. Cambridge, 2009; Ridley R.T. *Augustus. The emperor writes his own account...* См. также содержательную статью О.И. Любимовой в данном выпуске: Любимова О.В. Наследие популяров в политике Августа (по *Res gestae Divi Augusti*).

¹⁰⁸ Возможно, к числу известных фрагментов следует добавить еще два (Powell A. *Augustus' Age of Apology: An Analysis of the Memoirs — and an Argument for Two Further Fragments* // *The lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* / A. Powell, C.J. Smith (eds.). Swansea, 2009. P. 173–194).

¹⁰⁹ О них см.: Welch K. *Alternative Memoirs: Tales from the 'Other Side' of the Civil War* // *The lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* / A. Powell, C.J. Smith (eds.). Swansea, 2009. P. 195–223.

Марк Эмилий Лепид. Изображение на древнеримской монете

с Цицероном (F 4, 5, 15). Беззакониям Антония и Клеопатры (F 10) он противопоставляет легитимность своих действий (F 3). Общая анти-антониевская тенденция «*De vita sua*» более чем очевидна¹¹⁰. Примечательно в этом плане, что у тех историков, которые, по всей видимости, использовали мемуары Августа, в рассказе о проскрипциях вина за всякого рода инциденты почти полностью возлагается на Антония и Лепида (например, у Аппиана в *BC. IV. 17–51*)¹¹¹. В защиту от обвинений в трусости и уклонении от опасностей, в частности, во время битвы при Филиппах, Август акцентировал роль божественного расположения и знамений в военных делах¹¹² (F 7, 12, 18), а также подробно останавливался на тех кампаниях, в которых проявлял и личную храбрость, и лучшие качества военачальника, как показывает рассказ Аппиана об Иллирийских войнах Октавиана в 35–34 гг. до н. э., основанный, скорее всего, на мемуарах Августа и изобилующий соответствующими эпизодами и характеристиками (*App. Ill. 16–28*)¹¹³. В то же время, реагируя на обвинения в необу-

¹¹⁰ Malitz J. *Autobiographie und Biographie römischer Kaiser im I. Jhd. n. Chr. // Propaganda — Selbstdarstellung — Repräsentation im römischen Kaiserreich des 1. Jhs. n. Chr. / G. Weber (Hrsg.). Stuttgart, 2003. S. 235.*

¹¹¹ Osgood J. *Ending Civil War at Rome...* P. 1691.

¹¹² Yavetz Z. *The Res Gestae and Augustus' Public Image...* P. 6 f.

¹¹³ Не лишено поэтому оснований предположение Р. Льюиса о том, что именно последовательность военных кампаний определяла структуру основной части «Автобиографии» (*Lewis R.G. Imperial autobiography, Augustus to Hadrian // ANRW. II. 34. 1. 1993. P. 689*). Если это так, то вполне естественным выглядит завершение повествования на войне в Испании, которая стала последней из тех, что велись под непосредственным командованием Августа (*Slatter N.W. Orality and autobiography...* P. 260).

зданной жестокости, он излагал свои версии отдельных эпизодов, таких как расправа с Перузией (F 8) или случай с претором Квинтом Галлием, которого Август заподозрил в покушении на свою жизнь и, по слухам, собственноручно казнил (F 14 = Suet. *Aug.* 27. 4).

Сохранившиеся фрагменты не позволяют судить, что и как мог написать в свое оправдание Август по поводу других «черных пятен» своей биографии (например, смерти консулов Гирция и Пансы или женитьбы на Ливии). Так или иначе, несмотря на то, что к его мемуарам обращались последующие писатели, сравнительная редкость прямых ссылок на них и отсутствие сведений о желании Августа продолжить или как-то продвинуть это сочинение свидетельствуют, очевидно, о том, что оно было скорее произведением, «которое имело определенный резонанс в определенное время», отражая основные тенденции в пропаганде данного периода¹¹⁴, но вряд ли представляло собой, по замыслу автора, некое «достояние на веки», подобно, скажем, «Запискам» Юлия Цезаря, снискавшим высокую оценку Цицерона (*Brut.* 262).

В отличие от «Автобиографии», которая в общем-то следовала уже проторенными литературными путями, «Деяния божественного Августа» — это уникальное произведение, которое, по словам Р. Сайма, представляет собой «пробирное клеймо (hall-mark) официальной правды» и «своими умолчаниями не менее поучительно, чем прямыми высказываниями»¹¹⁵, — могут рассматриваться как манифест той исторической памяти, которую Август рассчитывал по себе оставить на поколения вперед. Изобилуя красноречивыми пропусками невыгодных автору фактов¹¹⁶ и отличаясь мастерски расставленными акцентами, данный текст не просто представляет «мастер-класс экономного обхождения с правдой»¹¹⁷, но преследует цель заместить негативную память о действиях Августа (особенно на начальных этапах его политического пути) благоприятными версиями, показывающими его не как успешного «вождя партии» (*dux partium*), но как «первого гражданина» (*princeps civium*), который превзошел своими свершениями всех великих мужей римской истории¹¹⁸.

¹¹⁴ The Fragments of the Roman Historians... Vol. I. P. 461–462.

¹¹⁵ *Syme R.* The Roman Revolution... P. 522, 523.

¹¹⁶ Полный список такого рода умолчаний см.: *Ridley R.T.* The Emperor's retrospect... P. 159–227.

¹¹⁷ *Rich J.* Deception, lies and economy with the truth. Augustus and the establishment of the principate // Private and Public Lies. The Discours of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World. Leiden, 2010. P. 172.

¹¹⁸ *Yavetz Z.* The *Res Gestae* and Augustus' Public Image... P. 3 f.; cp.: *Luce T.J.* Livy, Augustus, and the Forum Augustum... P. 405.

Говоря о специфике «Деяний», также важно указать, что этот документ с самого начала был рассчитан на посмертное опубликование, т. е. предназначался будущим поколениям¹¹⁹. (И это обстоятельство, кстати говоря, очень значимо само по себе, ибо смерть позволяет сказать то, что невозможно при жизни¹²⁰.) О том огромном значении, какое сам Август придавал этому тексту, красноречиво свидетельствует подчеркиваемый самим автором факт, что он работал над ним буквально до последних дней жизни¹²¹. Выбранная форма нарратива от первого лица позволяла Августу представить свою жизнь и свое публичное «Я» такими, какими он хотел сохранить их в памяти потомков¹²², причем не только в Риме, но и в провинциях, в главных городах которых размещались копии «Деяний», подобно тому как в италийских и провинциальных городах воспроизводился Августов форум с серией статуй выдающихся мужей и копиями элогиев¹²³. Следует также учитывать, что сама эпитафическая форма опубликования «Деяний» и тот программный архитектурный ансамбль Мавзолея Августа и Марсового поля, в котором были помещены бронзовые таблицы с их текстом, имели принципиально важное значение, определяя сущность Августова послания *Urbi et orbi*. Эта эпитафическая монументальность даже для тех, кто не умел читать, делала этот текст своеобразным автографом Августа¹²⁴. При этом бронза как материал для фиксации текста, символизируя вечность, придавала ему священный характер¹²⁵. С этой точки зрения нельзя не признать очень удачным замечание М. Лоури: «Август вписал себя — фигурально и буквально — в историю»¹²⁶.

¹¹⁹ Yavetz Z. The *Res Gestae* and Augustus' Public Image... P. 15.

¹²⁰ Lowrie M. Making an Exemplum of Yourself: Cicero and Augustus // *Classical Constructions: Papers in Memory of Don Fowler, Classicist and Epicurean* / S.J. Heyworth (ed.). New York, 2007. P. 108.

¹²¹ Как указывает сам Август (RGDA. 4. 4; ср. 7. 2; 34), он продолжал работать над тестом «Деяний», когда был в 37-й раз облечен властью народного трибуна, т. е. в год своей смерти (14 г. н. э.).

¹²² Slatter N.W. Orality and autobiography... P. 270.

¹²³ Копии элогиев были найдены в Арриции, Помпеях, Лавинии, Августа Эмерита и др. местах. См.: Shaya J. The Public Life of Monuments...

¹²⁴ Elsner J. Inventing imperium..., особенно p. 39, 48 ff.; ср. также: Güven S. Displaying the *Res Gestae* of Augustus...

¹²⁵ Williamson C. 1987: Monuments of Bronze: Roman Legal Documents on Bronze Tablets // *CIAnt.* 6. P. 169.

¹²⁶ Lowrie M. *Writing, Performance, and Authority in Augustan Rome*. Oxford, 2009. P. 303.

О конкретных целях и, соответственно, «целевой аудитории» «Деяний» учеными высказывались самые разные точки зрения¹²⁷. Их главное содержание определяли как в первую очередь финансовый отчет (Т. Моммзен), как оправдание законности правления (Ц. Явец), обоснование предполагаемого обожествления и побуждение сената принять соответствующее решение (А. Кули, Б. Босворт), изложение августовской философии власти и наставление преемнику (Э. Рэмидж, Дж. Шайд), собственную версию событий, нацеленную на формирование у потомков оценок в нужном духе (Р. Ридли, Ж. Гаже), наконец, как «апологию, включающую те вещи, которые Август желал сохранить в памяти, и исключаящую те, которые были неуместны в нарисованной им картине» (П. Брант и Дж. Мур). Акценты, действительно, могут быть расставлены по-разному, так как все отмеченные моменты в тексте «Деяний» присутствуют, а его мемориально-политическая функция вполне очевидна, хотя отчасти верно и то, что «Август, как бы на склоне лет его ни одолевали мысли о вечном, должен был ориентироваться на современников»¹²⁸. Так или иначе, этот сложный, уклончивый документ, имеющий несколько смысловых уровней, явно обращался не к какой-то одной определенной группе общества, но скорее был разными своими гранями обращен на очень широкую целевую аудиторию¹²⁹, включая и грекоязычную часть Империи, для которой предназначался греческий перевод «Деяний»¹³⁰. При этом нельзя не признать верности вывода П. Дейвиза, согласно которому содержание этого памятника предполагает аудиторию, требующую убеждения, аудиторию, которая либо еще только должна принять проавгустовскую позицию, либо в действительности противостоит ей¹³¹. На эту

¹²⁷ Перечень основных точек зрения с ссылками на литературу см.: *Harrison J.R. Augustan Rome and the Body of Christ: A Comparison of the Social Vision of the Res Gestae and Paul's Letter to the Romans // Harvard Theological Review. 2013. 106. P. 6.*

¹²⁸ *Межеряцкий Я.Ю. «Восстановленная республика»... С. 523.*

¹²⁹ *Bosworth B. Augustus, the Res Gestae and Hellenistic Theories of Apotheosis // JRS. 1999. 89. P. 1.*

¹³⁰ Высказывалось предположение, что перевод на греческий язык был выполнен под прямым контролем самого Августа и представляет собой не дословное переложение латинского текста, но его версию, отмеченную определенными политическими интенциями. См.: *Braccesi L. Un'ipotesi sull'elaborazione delle Res Gestae Divi Augusti // Giornale italiano di filologia. 1973. 25. P. 25–40*, а также: *Wigtill D.N. The Ideology of the Greek «Res Gestae» // ANRW. II. 30. 1. 1982. P. 624–638*; *Centanni M. Ideologia imperial «a fronte» nel testo greco/latino delle Res Gestae: appunti sulla dopia versione del manifesto politico di Augusto // Hesperia: studi sulla grecità di Occidente. 1. Roma, 1990. P. 333–354* (с анализом политической лексики латинского и греческого вариантов «Деяний»).

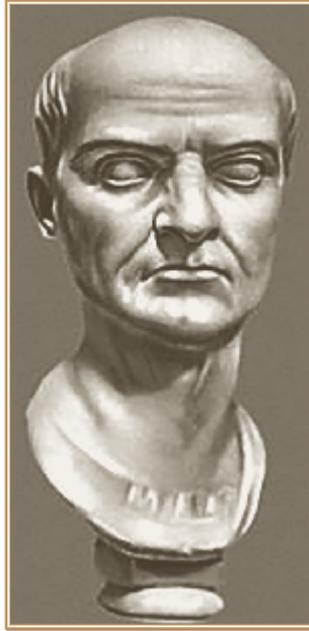
¹³¹ *Davis P.J. «Since my part has been well played»: Conflicting evaluations of Augustus // Ramus. 1999. 28. 1. P. 2.*

мысль наводят давно отмеченные аллюзии и параллели между текстом «Res gestae» и теми дебатами после смерти Августа (т. н. *Totengericht*), которые мастерски излагает Тацит (*Ann.* I. 9–10), и в которых представлены, можно сказать, контрастные оценки *pro et contra* почившего принцепса¹³².

Если действительно в данном случае Тацит в той или иной степени отталкивался от текста «Деяний», эти дебаты, хотя они сконструированы как своего рода риторическая контroversия (*controversia in utrumque locum*), нельзя не признать в высшей степени показательными с точки зрения реального противостояния двух модусов исторической памяти: во-первых, той позитивной памяти, какую сам Август хотел по себе оставить, и, во-вторых, той контр-памяти¹³³, наличие которой было, как он понимал, неизбежно, но влияние которой он рассчитывал свести к минимуму. Тацит начинает изложение с характеристики позиции большинства, чье внимание привлекал, по его словам, «всякий вздор» (*plerisque vana mirantibus*): совпадения дня прихода к власти и дня ухода из жизни, количество консульств и императорских аккламаций, число лет трибунской власти, многочисленность полученных почестей (*Ann.* I. 9. 1–2). Впрочем, это отчасти как раз те моменты, на которых не без педантизма останавливается сам Август (*RGDA.* 4. 1–4; 7; 10; 12; 21. 3; 24. 2; 34. 2; 35). Люди же мыслящие разделяются на восхваляющих (или оправдывающих) и порицающих жизненный путь принцепса (*at apud prudentes vita eius varie extollebatur arguebaturve*). Первые указывают на оправданность гражданской войны бедственным положением государства и мстостью за убийство отца (*Ann.* I. 9. 3; ср. *RGDA.* 1. 1; 2), на уступки Октавиана Антонию и Лепиду, на выявившуюся неспособность и порочность этих последних, на неизбежность единовластия, а далее на то, что Август не принял ни царского титула, ни диктатуры (*Ann.* I. 9. 4–5; ср. *RGDA.*

¹³² Первым обратил внимание на параллели между текстами Тацита и *RGDA* Ф. Хаверфильда (*Haverfield F. Four notes on Tacitus // JRS.* 1912. 2. P. 197 ff.). Стилистические, источниковедческие и содержательные аспекты этих глав тацитовских «Анналов» (в том числе и в сопоставлении с соответствующими пассажами Диона Кассия — *LVI.* 43. 1 sqq.; 44. 1–2) впоследствии многократно становились предметом специальных исследований. См., напр.: *Shotton D.C.A. The Debate on Augustus (Tacitus, Ann. I, 9–10) // Mnemosyne.* 1967. 20. P. 171–174; *Manuwald B. Cassius Dio und «Totenbericht» über Augustus bei Tacitus // Hermes.* 1973. 101. S. 352–374; *Wankenne A. Le portrait d'Auguste d'après Tacite (Ann. I. 9–10) // Les Études Classiques.* 1977. 45. P. 323–335; *Urban R. Tacitus und die Res gestae divi Augusti. Die Auseinandersetzung des Historikers mit der offiziellen Darstellung // Gymnasium.* 1979. 86. 1. S. 59–74; *Velaza J. Tácito y Augusto // Emerita.* 1993. 61. 2. P. 335–356 (особенно p. 348 sgg.).

¹³³ Если воспользоваться термином М. Фуко (*contre-mémoire*).

Гай Цильний Меценат
(предположительно)

5. 1; 5. 3; 7. 2), что империя ограждена Океаном и дальними реками, что восстановлено правосудие для граждан, в отношении союзников проявляется умеренность; город великолепно украшен, без большого насилия обеспечены мир и покой (*Ann.* I. 9. 5; ср. *RGDA.* 3. 1–2; 13; 19–21. 1; 26–27; 28–33). Противная сторона опровергает эти тезисы и добавляет аргументы *ad hominem*, указывая на личные пороки и неприглядные поступки Августа. В частности, как главный мотив его действий называется жажда власти (*cupidine dominandi*), влекущая за собой подкуп воинов, притворство и коварство при заключении политических союзов (вплоть до убийства консулов Гирция и Пансы и обмана Антония подстроенным браком с сестрой Октавиана); подчеркивается противоправный захват консульства, обращение оружия против государства, проскрипции и конфискации (*Ann.* I. 10. 2; ср. противоположные трактовки в *RGDA.* 1. 3–4; 7. 1; 16. 1). Августов мир оказывается отмечен кровавыми поражениями и умерщвлением в Риме видных мужей (*Ann.* I. 10. 4), а частная жизнь принцепса — неблагоприятными скандалами, интригами и порочным поведением друзей (*Ann.* I. 10. 5); вместо почитания богов создается культ самого императора (*Ann.* I. 10. 6; ср. с подчеркиваемым в «Деяниях» благочестием и заботой Августа о храмах и культах).

Развернутая Тацитом контрверза, таким образом, обнаруживает явное раздвоение образа первого принцепса, по крайней мере, в сознании мыслящей части общества. И если упреки, относящиеся к своим личным качествам и отдельным эпизодам политической биографии, Август мог,

как мы видели, просто проигнорировать или ответить на них в своих мемуарах, то для утверждения своего мемориального образа как государственного мужа он выбрал действительно необычную форму, органически соединившую письменный текст и монументальный контекст¹³⁴, что не могло не усугубить весомость того «месседжа», который он стремился адресовать будущему. Каким же хотел он запомниться новым поколениям римлян и подвластных народов в этом своем послании?

Следует сказать, что главные персональные черты и заслуги, которые Август прокламирует в своих «*Res gestae*», сочетают вполне традиционные республиканско-аристократические добродетели и ценности (самоотверженное служение государству, личная умеренность, щедрость в благодеяниях, благочестие, справедливость, милосердие и т. д.¹³⁵) с моментами, подчеркивающими исключительный характер положения автора в государстве и римской истории в целом. Причем эта исключительность представлена как в явном, так и в неявном виде. Что касается последнего, то обращает на себя внимание, что уже в самых первых словах «*Деяний*» Август акцентирует свой юный 19-летний возраст (*annos undeviginti natus*), в каком он, как *privatus*, вступил в политическую борьбу в критический для Республики момент истории (*RGDA*. 1. 1). Для проницательного читателя здесь была очевидна отсылка к основателю Рима, Ромулу, который стал царем в 18 лет¹³⁶. Но не только. Как убедительно показывает Л. Ходжсон, отмечая свой возраст, Август имплицитно притязает на превосходство над выдающимися героями времен Республики, которые в юном возрасте, минуя обычный *cursus honorum*, приходили на помощь государству, как Сципион Эмилиан или Помпей¹³⁷. При этом, говоря,

¹³⁴ Такое сочетание, по мысли Дж. Елснер, делало «*Res gestae*» своего рода письменным контрактом в отношениях центра и периферии, артикулируя место отдельных граждан в новой мировой системе, определяемой императорским «Я», которое присутствует в глаголах этого документа; читать «*Деяния*» значило узнавать своего властителя (*Elsner J. Inventing imperium... P. 52*).

¹³⁵ Главными «добродетелями» являются те, что были отмечены на золотом щите, установленном по решению сената в Юлиевой курии в честь Августа (*RGDA*. 34. 2): *virtus, iustitia, clementia, pietas*, которые играют важную роль в композиционной структуре «*Деяний*» (*Ramage E.S. The Nature and Purpose... P. 73–100*).

¹³⁶ Подробно см.: *Starr R.J. Annos Undeviginti Natus: Augustus and Romulus in Res Gestae 1.1 // Historia. 2009. 58. 3. P. 367–369*. Юный возраст был указан и на статуе, воздвигнутой в январе 43 г. до н. э. по постановлению сената в честь Октавиана (*Vell. Pat. II. 61. 3*), который гордился и тем, что стал консулом в таком возрасте, в каком никто до него не был (*Dio Cass. XLVI. 46. 2*).

¹³⁷ *Hodgson L. Appropriation and Adaptation: Republican Idiom in Res Gestae 1.1 // Classical Quaterly. 2014. 64. 1. P. 256 ff.*

что он собрал войско на собственные средства (*privata impensa*)¹³⁸, Август имплицитно возражает против возможных обвинений в стремлении к царской власти и тирании (ведь потенциальный тиран, напротив, присваивает общественные средства), а провозглашая, что он освободил государство от господства клики (*rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi*), он ради легитимации своих действий делает отсылку не только к давней республиканской традиции, но и к политической мотивации Цезаря (ср.: *Caes. BC. I. 22; V. Afr. 22. 2*)¹³⁹.

Исключительность Августа находит свое эксплицитное выражение в том обилии точных цифровых (и географических) данных, которое столь характерно для «Деяний», а также в тех частых ремарках, которые М. Рейнхольд называет «*firsts*» and «*mosts*», т. е. указания на то, что что-то было совершено Августом впервые и в наибольшем масштабе по сравнению с предшественниками и прошлыми временами¹⁴⁰. Это, например, и беспрецедентное множество народа, собравшегося со всей Италии на избрание Августа великим понтификом (*RGDA. 10. 2*), и троекратное закрытие храма Януса в годы его правления (13), и трата огромных сумм на покупку земель в Италии и провинциях для наделения ветеранов, что, как подчеркивает Август, он сделал «первый и единственный из всех, кто выводил колонии на памяти моего века» (16. 1), и впервые устроенные игры (22. 2), и прибытие посольств из Индии, и добровольное подчинение многих других народов (31. 1; 32. 3), и невиданные доселе почести (12. 1). Эта исключительность наглядно демонстрируется в обрисованных автором масштабах его завоеваний (а это одна из основных тем «Деяний») и эффективности его миротворческих усилий (13; 25–33), на фоне которых даже упоминать каким-то образом о тяжелых поражениях и потерях (вроде разгрома легионов Квинтилия Вара) казалось неуместным и звучало бы явным диссонансом. При этом, однако, тема гражданской войны не замалчивается (*RGDA. 3. 1; 10. 2; 25; 34. 1*), хотя ни Брут и Кассий, ни Секст Помпей, ни Антоний, ни другие противники по именам ни разу не упомянуты (возможно, эвфемистически, но также и в силу *damnatio memoriae*¹⁴¹), но при этом она важна, чтобы подчеркнуть

¹³⁸ При этом полностью умалчивается тот факт, что источником этих средств были, помимо прочего, годовой трибут с провинции Азия и средства, предназначенные Цезарем для похода в Парфию (*Eck W., Takács S. The Age of Augustus. Oxford, 2003. P. 9–10*).

¹³⁹ *Hodgson L. Appropriation and Adaptation... P. 261, 264 ff.*

¹⁴⁰ *Reinhold M. Augustus Conception of Himself... P. 62.*

¹⁴¹ *Ronnick M.V. Res gestae 25: damnatio memoriae as a strategy of rhetoric // Maia. 1997. 49. P. 381–384; Kraus C.S. From Exempla to Exemplar? Writing History around the Emperor //*

милосердие и общественную поддержку Августа и контрастно противопоставить его мотивы, методы и действия акциям его антагонистов¹⁴². Так, Август особо подчеркивает, что убийца своего отца «удалил в изгнание на законном основании, по приговору суда» (RGDA. 2); он считает необходимым упомянуть, что вернул в храмы общин провинции Азии «украшения, которые присвоил, похитив их у храмов, тот, с кем я вел войну», т. е. Антоний (RGDA. 24. 1).

Исследователями практически единодушно и совершенно справедливо указывается на стремление Августа не только представить непревзойденность своих свершений и исключительность своего статуса в государстве, основанного не на особых полномочиях, но на неформализуемом беспрекословном авторитете (*auctoritas*), но и показать себя как некую модель, акцентируя свою роль и как восстановителя, и как бескомпромиссного хранителя *mores maiorum*¹⁴³, и как создателя новых образцов (*exempla*) для будущих поколений и преемников власти¹⁴⁴. Примечательно в этом плане, что сам Август, говоря о своей законотворческой деятельности, подчеркивал, что восстановил многие *exempla maiorum* и в то же время сам передал потомкам новые примеры для подражания: «С помощью новых законов, принятых по моей инициативе, я восстановил многие примеры предков, в наш век вышедшие из употребления, и сам оставил потомкам много примеров, достойных подражания» (RGDA. 8. 5. Пер. А.А. Смышляева с уточнением). Кроме того, в «Res gestae» содержится также довольно длинный список *res non gestae* (т. е. того, что Август не сделал или от чего отказался), который служит для того, чтобы показать принцепса непоколебимым хранителем традиций, который даже вопреки воле сената и народа заботится о том, чтобы не нарушить установления предков¹⁴⁵.

Flavius Josephus and Flavian Rome / J. Edmondson, S. Mason, and J. Rives (eds.). Oxford, 2005. P. 181–200.

¹⁴² См.: Lange C.H. Civil War in the Res Gestae divi Augusti: Conquering the World and Fighting a War at Home // Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World / E. Bragg, L. I. Hau & E. Macaulay-Lewis (eds.). Cambridge, 2008. P. 185–204; Ridley R.T. Augustus. The emperor writes his own account... P. 284; Osgood J. Ending Civil War at Rome... P. 1689 ff.

¹⁴³ Апелляция к «обычаям предков» вообще очень характерна для текста «Деяний». Ср.: RGDA. 2. 6; 6. 1; 8. 5; 13; 27. 1.

¹⁴⁴ См. прежде всего: Ramage E.S. The Nature and Purpose of Augustus'... P. 115; Cooley A.R. Res Gestae Divi Augusti... P. 143–144; Lowrie M. Making an Exemplum of Yourself...; Harrison J.R. Augustan Rome and the Body of Christ... P. 11 f.

¹⁴⁵ Eder W. 2005: Augustus and the Power of Tradition // The Cambridge Companion to the Age of Augustus / K. Galinsky (ed.). Cambridge, 2005. P. 14.

Таким образом, автор «Деяний» включает себя в общую линию римской истории, определяет свое место в ней и в качестве продолжателя ее незабываемых традиций, и в качестве инноватора, творца нового *status rei publicae*. Отчет Августа о своих деяниях соединяет историческое прошлое Рима (от легендарных времен до современной истории преодоленного кризиса) с его настоящим и вместе с тем обращается к будущему как завет «первого гражданина», чей жизненный путь обеспечил ему беспрецедентную возможность творить и судить историю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя не признать, что Август весьма эффективно в политическом смысле использовал прошлое, приложив немалые личные усилия, чтобы сформировать, по сути дела, его новое видение, соответствовавшее задачам легитимации нового режима, который в восприятии большинства современников и последующих поколений предстал и как довольно радикальный разрыв с прошлым, и как его закономерное продолжение, более того, даже как восстановление идеализированного прошлого¹⁴⁶. При этом славное прошлое республиканского Рима было востребовано как незаменимый символический капитал, служивший политическим целям принципата, а сам Август стремился «стилизовать» себя под героев римской старины. Опыт Августа показывает, насколько важным ресурсом власти является контроль над прошлым. Живая социальная память, связанная прежде всего с традициями и прямой генеалогической преемственностью римской аристократии, за десятилетия гражданских войн и длительное правление Августа физически лишилась многих своих носителей¹⁴⁷, в связи с чем в известной степени облегчалась задача формиро-

¹⁴⁶ Ср. характерную в этом отношении оценку Веллея Патеркула: «...законам возвращена сила, судам — их авторитет, сенату — величие, магистратам — власть и полномочия в прежних пределах... Была восстановлена старинная и древняя государственная форма... к святыням вернулся почет, к людям — безопасность и к каждому — надежное владение собственностью, улучшены старые законы и целесообразно добавлены новые...» (II. 89. 3–4. Пер. А.И. Немировского).

¹⁴⁷ По словам Тацита, к концу его долгого правления уже совсем мало оставалось тех, кто помнил, что в действительности представляла собой республика (Тас. *Ann.* I. 3. 7). Ср. Dio Cass. LVI. 44. 3–4: «Не в последнюю очередь его славе способствовала и длительность его правления. Большинство тех, кто жил при республике, в том числе все самые влиятельные, уже умерли, а следующее поколение ничего толком не знало о ней и воспитывалось все свои юные годы или основную их часть уже при тех порядках, которые существовали при Августе, и не только не питало к ним неприязни в силу привычки, но

вания новой, во многом искусственной памяти, удобных и выгодных для императорской власти образов прошлого, прежде всего недавнего, в котором побежденные не только понесли человеческие потери, но и утратили реальные возможности формировать и продвигать альтернативный взгляд на события. Как верно отмечает Х. Флауер, режим Августа усилил и обновил чувство памяти, при этом новая память вращалась вокруг центральной роли принцепса как первого гражданина и спасителя Рима¹⁴⁸. А та *res publica*, что была им «восстановлена», по сути, отождествлялась с принцепсом¹⁴⁹. Перефразируя же вслед за А. Гоуингом известную сентенцию Ф. Миллара: император был тем, что он помнил¹⁵⁰, можно, однако, дополнить этот парафраз: император также определял, что и как надлежит помнить, т. е. управлял памятью (или, по меньшей мере, с большим или меньшим успехом контролировал наиболее значимые сферы ее сохранения и трансляции). При этом и сам образ, в каком стремился предстать Август, был полиморфным: как показывает его эволюция в период триумvirата и принципата, он зависел от обстоятельств и средств его передачи, а также от той аудитории, на которую он ориентировался в том или ином конкретном случае¹⁵¹. В своей исторической политике, как и в других областях, Август умел действовать последовательно, гибко, избегая той опрометчивой (хотя и гениальной) самоуверенности, прямолинейности и поспешности, которой иногда отличался Цезарь.

В конечном итоге успех Августа как государственного деятеля всемирно-исторического масштаба в немалой степени определялся его отношением к истории. О соотношении искренности и политического цинизма в деятельности Августа можно спорить¹⁵². Но то, что он всегда внимательно и пристрастно изучал историю и с первых своих шагов на

и радовалось им, поскольку жить стало лучше и безопаснее, чем в те времена, о которых они знали понаслышке...» (пер. С.К. Сизова). По верному замечанию Дж. Лобура, этот вакуум опыта давал возможность «изобрести» республиканскую традицию, придав ключевой смысл преемственности между республиканским прошлым и «восстановлением» республики в настоящем (*Lobur J.A. Consensus, concordia, and the formation of Roman imperial ideology. New York — London, 2008. P. 5*).

¹⁴⁸ *Flower H.I. The Art of Forgetting... P. 116.*

¹⁴⁹ Как провозгласил еще Овидий, *res est publica Caesar (Trist. IV. 4. 15)*.

¹⁵⁰ *Gowing A.M. Empire and Memory... P. 1.*

¹⁵¹ *Levick B. Augustus... P. 202.*

¹⁵² В свете рассмотренного материала нас больше убеждают доводы тех исследователей, которые склонны считать, что Август, при всей своей любви к власти и славе, не был ловким, бесчестным обманщиком и лицемером, но скорее был искренен в своих целях и методах (*Reinhold M. Augustus Conception of Himself... P. 63, 69; ср.: Hammond M. The Sincerity of Augustus...*).

политическом поприще, а в особенности после утверждения у власти неустанно заботился о том, как будет выглядеть и в трудах историков, и вообще в глазах последующих поколений, едва ли может вызывать серьезные сомнения¹⁵³. Его позиция в этом отношении была, наверное, сродни той, которую сформулировал Цицерон в одном из писем к Аттику: «Что скажет о нас история через шестьсот лет? Право, я боюсь этого много более, чем пересудов современников»¹⁵⁴ (Cic. Att. II. 5. 1. Пер. В.О. Горенштейна с уточнением).

¹⁵³ Было бы, конечно, преувеличением объяснять столь ревностную заботу Августа о своем посмертном имидже тем, что он якобы знал о предстоящем ему обожествлении и стремился быть достойным этого статуса (Ready J. The Res Gestae Divi Augusti and Suetonius' Vita Divi Augusti // Kentucky Foreign Language Quarterly. 1966. 13. 1. P. 38).

¹⁵⁴ «quid vero historiae de nobis ad annos Dc praedicabunt? quas quidem ego multo magis vereor quam eorum hominum qui hodie vivunt rumusculos». В оригинале употреблено historiae во множественном числе, что подразумевает исторические сочинения.

REFERENCES

1. *Albers J.* Die letzte Ruhestätte des Augustus. Neue Forschungsergebnisse zum Augustusmausoleum // *Antike Welt*. 2014. 4. S. 16–24.
2. *Babcock C.L.* Dio and Plutarch on the *Damnatio* of Antony // *CPh*. 1962. 57. P. 30–32.
3. *Badian E.* Livy and Augustus // *Livius. Aspekte seines Werkes* / W. Schuller (ed.). Konstanz, 1993. P. 9–38.
4. *Barceló P.* Utilización y manipulación de la memoria historica en el imperio romano // *Erinnern und Vergessen in der Geschichte (Memoria y olvido de la historia: IV Colquio del Grupo Europeo de Investigación «Potestas»)* / C. Kunst, V.M. González (eds.). Castelló de la Plana, 2006. P. 85–97.
5. *Baroin C.* Se souvenir à Rome: Formes, représentations et pratiques de la mémoire. Paris, 2010.
6. *Behrwald R.* Festkalender der frühen Kaiserzeit als Medien der Erinnerung // *Feiern und Erinnern: Geschichtsbilder im Spiegel antiker Feste* / H. Beck, H.U. Wiemer (eds.). Berlin, 2009. S. 141–166.
7. *Blumenthal F.* Die Autobiographie des Augustus // *Wiener Studien*. 1913. 35. S. 113–130; 267–288; *Wiener Studien*. 1914. 36. S. 84–103.
8. *Boschung D.* Die Bildnisse des Augustus. Das römische Herrscherbild. I 2. Berlin, 1993.
9. *Bosworth A.B.* Asinius Pollio and Augustus // *Historia*. 1972. 21. 3. P. 441–473.
10. *Bosworth B.* Augustus, the Res Gestae and Hellenistic Theories of Apotheosis // *JRS*. 1999. 89. P. 1–18.
11. *Braccesi L.* Un'ipotesi sull'elaborazione delle Res Gestae Divi Augusti // *Giornale italiano di filologia*. 1973. 25. P. 25–40.
12. *Bratož R.* L'immagine di Augusto nella storiografia tardoantica // *Il bimillenario Augusteo. Atti della XLV settimana di studi Aquileiesi*. Aquileia, Sala del Consiglio Comunale (12–14 giugno 2014) / G. Cuscito (ed.). Trieste, 2015. P. 249–278.
13. *Bringmann K., Wiegandt D.* Augustus: Schriften, Reden und Aussprüche. Darmstadt, 2008.
14. *Burck E.* Livius als augusteischer Historiker // *Die Welt als Geschichte*, Stuttgart, 1935. S. 448–487 (= *Wege zu Livius*. Darmstadt, 1967. S. 96–143).

15. *Centanni M.* Ideologia imperial «a fronte» nel testo greco/latino delle *Res Gestae*: appunti sulla doppia versione del manifesto politico di Augusto // *Hesperia: studi sulla grecità di Occidente*. 1. Roma, 1990. P. 333–354.
16. *Chioffi L.* Gli elogia augustei del Foro Romano: aspetti epigrafici e topografici. Roma, 1996.
17. *Cooley A.R.* *Res Gestae Divi Augusti: Text, Translation, and Commentary*. Cambridge, 2009.
18. *Cramer F.H.* Bookburning and Censorship in Ancient Rome: A Chapter from the History of Freedom of Speech // *Journal of the History of Ideas*. 1945. 6. 2. P. 157–196.
19. *Cultural Memories in the Roman Empire* / K. Galinsky; K. Lapatin (eds.). Los Angeles, 2015.
20. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / A. Erll, A. Nünning (eds.). Berlin — New York, 2008.
21. *Davies P.J.E.* *Death and the Emperor: Roman Imperial Funerary Monuments, from Augustus to Marcus Aurelius*. Austin, 2004.
22. *Davis P.J.* «Since my part has been well played»: Conflicting evaluations of Augustus // *Ramus*. 1999. 28. 1. P. 1–15.
23. *Dement'eva V.V.* *Spolia opima* of Cornelius Cossus; the problems of interpretation of ancient tradition *Journal of Jaroslavl' state university (Series of Humanities)* [*Spolia opima* Kornelija Kossa: problemy interpretacii antichnoj tradicii *Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta (serija Gumanitarnye nauki)*. 4]. P. 5–11.
24. *Dessau H.* Livius und Augustus // *Hermes*. 1906. 41. S. 142–151.
25. *D'Hautcourt A.* L'exile de Cassius Severus: hypothèse nouvelle // *Latomus*. 1995. 54. 2. P. 315–318.
26. *Un discours en image de la condamnation de mémoire* / S. Bénoist, A. Daguet-Gagey (eds.). Metz, 2008.
27. *Dobesch G.* Nikolaos von Damaskos und die Selbstbiographie des Augustus // *Grazer Beiträge*. 1978. 7. S. 91–174.
28. *Donié P.* *Untersuchungen zum Caesarbild in der römischen Kaiserzeit*. Hamburg, 1996.
29. *Eck W.* Emperor and senatorial aristocracy in competition for public space // *The Emperor and Rome: Space, Representation, and Ritual* / B.C. Ewald, C.F. Noreña (eds.). Cambridge, 2010. P. 89–110.
30. *Eck W., Takács S.* *The Age of Augustus*. Oxford, 2003.
31. *Eder W.* Augustus and the Power of Tradition // *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* / K. Galinsky (ed.). Cambridge, 2005. P. 14–32.

32. *Elsner J.* Inventing imperium: texts and the propaganda of monuments in Augustan Rome // *Art and Text in Roman Culture* / J. Elsner (ed.). Cambridge, 1996. P. 32–53.
33. *Erinnerungsorte der Antike: die römische Welt* / E. Stein-Hölkeskamp, K.-J. Hölkeskamp (eds.). München, 2006.
34. *Ferriès M.-C.* Le sort des partisans d'Antoine: *damnatio memoriae* ou *clementia*? // *Mémoire et Histoire. Les procédures de condamnation dans l'Antiquité romaine* / S. Benoist et A. Daguët-Gagey (éds.). Metz, 2007. P. 41–58.
35. *Figures d'empire, fragments de mémoire: pouvoirs et identités dans le monde romain impérial, IIe s. av. n.è.–VIe s. de n.è.* / S. Benoist, A. Daguët-Gagey, Chr. Hoët-Van Cauwenberghe (eds.). Lille, 2011.
36. *Flower H.I.* The Tradition of the *spolia opima*: M. Claudius Marcellus and Augustus // *ClAnt.* 2000. 19. P. 34–64.
37. *Flower H.I.* The Art of Forgetting: Disgrace and Oblivion in Roman Political Culture. Chapel Hill, NC, 2006.
38. *The Fragments of the Roman Historians. 3 vols.* / T.J. Cornell (General ed.). Vol. I: Introduction. Oxford, 2013.
39. *The Fragments of the Roman Historians. 3 vols.* / T.J. Cornell (General ed.). Vol. II: Texts and Translations. Oxford, 2013.
40. *Frisch P.* Zu den Elogien des Augustusforums // *ZPE.* 1980. 39. S. 91–98.
41. *Gabba E.* The Historians and Augustus // *Caesar Augustus. Seven Aspects* / F. Millar and E. Segal (eds.). Oxford, 1984. P. 61–88.
42. *Galinsky K.* 2012: Selected Bibliography. *Memoria Romana* (URL: www.utexas.edu/research/memoria/bibliography.htm).
43. *Galinsky K.* Introduction // *Cultural Memories in the Roman Empire* / K. Galinsky, K. Lapatin (eds.). Los Angeles, 2015. P. 1–22.
44. *Galinsky K.* 2016: Introduction // *Memory in Ancient Rome and Early Christianity* / K. Galinsky (ed.). Oxford — New York, 2016. P. 1–39.
45. *Gallia A.B.* Remembering the Roman Republic: Culture, Politics and History under the Principate. Cambridge — New York, 2012.
46. *Geiger J.* The First Hall of Fame: A Study of the Statues in the Forum Augustum. Leiden, 2008.
47. *Geiger J.* The Augustan Age // *Political Autobiography and Memoirs in Antiquity* / G. Marasco (ed.). Leiden, 2011. P. 233–266.
48. *Girardet K.M.* Das Edikt des Imperator Caesar in Suetons Augustusvita 28,2. Politisches Programm und Publikationszeit // *ZPE.* 2000. 131. S. 231–243.
49. *Gowing A.M.* Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005.
50. *Guizzi F.* Augusto. La politica della memoria. Roma, 1999.

51. *Gurval R.A.* Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War. Ann Arbor, 1995.
52. *Güven S.* Displaying the Res Gestae of Augustus: A Monument of Imperial Image for All // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1998. 57. 1. P. 30–45.
53. *Hammond M.* The Sincerity of Augustus // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1965. 69. P. 139–162.
54. *Hannestad N.* Roman Art and Imperial Policy. Aarhus, 1988.
55. *Harders A.-C.* An imperial family man: Augustus as surrogate father to Marcus Antonius' children // *Growing up Fatherless in Antiquity* / S.R. Hübner, D.M. Ratzan (eds.). Cambridge, 2009. P. 217–240.
56. *Harrison J.R.* Augustan Rome and the Body of Christ: A Comparison of the Social Vision of the *Res Gestae* and Paul's Letter to the Romans // *Harvard Theological Review*. 2013. 106. P. 1–36.
57. *Harrison S.J.* Augustus, the Poets and the *Spolia Opima* // *CQ*. 1989. 39. P. 408–414.
58. *Haverfield F.* Four notes on Tacitus // *JRS*. 1912. 2. P. 195–200.
59. *Hennig D. T.* Labienus und der erste Majestätsprozeß *de famosis libellis* // *Chiron*. 1973. 3. S. 245–254.
60. *Hesberg H., von.* Das Mausoleum des Augustus — der Vater des Vaterlandes und sein Grabmal // *Erinnerungsorte der Antike: die römische Welt* / E. Stein-Hölkeskamp, K.-J. Hölkeskamp (eds.). München, 2006. S. 340–361.
61. *Hodgson L.* Appropriation and Adaptation: Republican Idiom in Res Gestae 1. 1 // *CQ*. 2014. 64. 1. P. 254–269.
62. *Hoffmann W.* Livius und die römische Geschichtsschreibung // *Antike und Abendland*. 1954. 4. S. 171–186 (= *Wege zu Livius*. Darmstadt, 1967. S. 68–95).
63. *Hölkeskamp K.-J.* History and Collective Memory in the Middle Republic // *A Companion to the Roman Republic* / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx, K.-J. Hölkeskamp (eds.). Oxford, 2006. P. 478–495.
64. *Hollard V., Raymond E.* Se souvenir qu'il faut oublier: Marc Antoine et l'art de l'oubli augustéen // *Images Re-vues* [En ligne]. 2014. 12 (URL :<http://imagesrevues.revues.org/3843>).
65. *Hutton P.* The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing. How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History. New York, 2016.
66. *Ingleheart J.* Propertius 4.10 and the End of the «Aeneid»: Augustus, the «Spolia Opima» and the Right to Remain Silent // *Greece & Rome. Second Series*. 2007. 54. 1. P. 61–81.
67. *Jaeger M.* Livy's Written History. Ann Arbor, 1997.

68. *Jal P.* Tite-Live et le métier d'historien dans la Rome d'Auguste // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1990. 1, Mars. P. 32–47.
69. *Kienast D.* Augustus und Caesar // Chiron. 2001. 31. S. 1–26.
70. *Koposov N.E.* Memory of the strict regime: History and politics in Russia [Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii]. M., 2011.
71. *Kraft K.* Der Sinn des Mausoleums des Augustus // Historia. 1967. 16. 2. S. 189–206.
72. *Kraus C.S.* From Exempla to Exemplar? Writing History around the Emperor // Flavius Josephus and Flavian Rome / J. Edmondson, S. Mason, J. Rives (eds.). Oxford, 2005. P. 181–200.
73. *Lange C.H.* Civil War in the Res Gestae divi Augusti: Conquering the World and Fighting a War at Home // Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World / E. Bragg, L. I. Hau & E. Macaulay-Lewis (eds.). Cambridge, 2008. P. 185–204.
74. *Last D.M., Ogilvie R.M.* Claudius and Livy // Latomus. 1958. 17. P. 476–487.
75. *Leschhorn W.* Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte. Stuttgart, 1993.
76. *Levick B.* Augustus: Image and Substance. Harlow — London — New York, 2010.
77. *Lewis R.G.* Imperial autobiography, Augustus to Hadrian // ANRW. II. 34. 1 (1993). P. 629–706.
78. *Lobur J.A.* Consensus, concordia, and the formation of Roman imperial ideology. New York — London, 2008.
79. The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / A. Powell, C.J. Smith (eds.). Swansea, 2009.
80. *Lowrie M.* Making an Exemplum of Yourself: Cicero and Augustus // Classical Constructions: Papers in Memory of Don Fowler, Classicist and Epicurean / S.J. Heyworth (ed.). New York, 2007. P. 91–112.
81. *Lowrie M.* Writing, Performance, and Authority in Augustan Rome. Oxford, 2009.
82. *Luce T.J.* Livy, Augustus, and the Forum Augustum // Augustus: His Contributions to the Development of the Roman State in the Early Imperial Period / J.C. Edmondson (ed.). Edinburgh, 2009. P. 399–416 (= Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate / K.A. Raflaub and M. Toher (eds). Berkeley, 1990. P. 123–138).
83. *Makhlaiuk A.V.* Commentary Cassius Dio. Roman History. Books 51–80: Translated in Russian / A.V. Makhlaiuk (ed.) [Kommentarii Kassij Dion Kokkejan. Rimskaja istorija. Knigi LI–LXXX / Per. s drevnegrech. pod red. A.V. Makhlaiuka]. St.-Petersburg, 2014.

84. *Makhlaiuk A.V.* Memory politics of Octavian Augustus (preliminary notes) *In the Mnemosyne's shadow. Commemorative practices in the societies of the Past. Collected works* / A.N. Maslov, A.V. Makhlaiuk (eds.). [Politiki pamjati Oktaviana Avgusta (predvaritel'nye zametki) V teni Mnemoziny: kommemorativnye praktiki v obshhestvah proshlogo. Sbornik nauchnyh trudov / A.N. Maslov, A.V. Makhlaiuk (red.)] Nizhny Novgorod, 2015. P. 118–134.
85. *Malitz J.* Claudius (FGrHist 276) — der Prinzeps als Gelehrte // Die Regierungszeit des Kaisers Claudius / V.M. Strocka (ed.). Mainz, 1994. S. 133–144.
86. *Malitz J.* Autobiographie und Biographie römischer Kaiser im I. Jhdt. n. Chr. // Propaganda — Selbstdarstellung — Repräsentation im römischen Kaiserreich des 1. Jhs. n.Chr. / G. Weber (Hrsg.). Stuttgart, 2003. S. 227–242.
87. *Manuwald B.* Cassius Dio und «Totenbericht» über Augustus bei Tacitus // Hermes. 1973. 101. S. 352–374.
88. *McPherson C.* Fact and Fiction: Crassus, Augustus, and the Spolia Opima // Hirundo. The McGill Journal of Classical Studies. 2009/2010. 8. P. 21–34.
89. Mémoire et Histoire. Les procédures de condamnation dans l'Antiquité romaine / S. Benoist et A. Daguét-Gagey (éds.). Metz, 2007.
90. Mémoires partagées, mémoires disputées: Écriture et réécriture de l'histoire / S. Benoist, A. Daguét-Gagey et al. (éds.). Metz, 2009.
91. *Memoria Romana.* Memory in Rome and Rome in Memory / K. Galinsky (ed.). Ann Arbor, 2014.
92. Memory in Ancient Rome and Early Christianity / K. Galinsky (ed.). Oxford — New York, 2016.
93. *Mensching E.* Livius, Cossus und Augustus // Museum Helveticum. 1967. 24. S. 12–32.
94. *Mette H.* Livius und Augustus // Gymnasium. 1961. 68. S. 278–285 (= Wege zu Livius. Darmstadt, 1967. S. 156–166).
95. *Mezheritsskiy J.Yu.* Emperor Augustus' «Restored republic». Moscow, 2016 [«Vosstanovlennaja respublika» imperatora Avgusta. Moskva, 2016].
96. *Miller A.I.* Russia: authority and history *Pro et contra* [Rossiya: vlast' i istoriya]. 2009. 3–4 (46). P. 6–23.
97. *Mineo B.* Tite-Live et la politique apollinienne d'Auguste // Dialogues d'histoire ancienne. 2013. Supplément 8, Discours politique et Histoire dans l'Antiquité. P. 39–64.
98. *Molodyakov V.* Historical policy and memory politics *Historical researches in Russia during the last 25 years* / G. Bordyugov (ed.) [Istoricheskaya politika i politika pamyati Mezhdru kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let / G. Bordyugov (red.)] M., 2013. P. 922–942.

99. *Morgan L.* The Autopsy of C. Asinius Pollio // JRS. 2000. 90. P. 51–69.
100. *Nesselrath H.* Die gens Iulia und Romulus bei Livius (Liv. I 11–16) // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1990. 16. S. 153–172.
101. *Olszewski L.* Erinnerungspolitik im alten Rom: anhand von *damnatio memoriae* und *consecratio* // Studia Lesco Mrozewicz ab amicis et discipulis dedicata / S. Ruciński (ed.). Poznań, 2011. S. 225–239.
102. *Orlin E.M.* Augustan Religion and the Reshaping of Roman Memory // *Arethusa*. 2007. 40. 1. P. 73–92.
103. *Osgood J.* Ending Civil War at Rome: Rhetoric and Reality, 88 B.C.E.–197 C.E. // *The American Historical Review*. 2015. 120(5). P. 1683–1695.
104. *Parfyonov V.N.* Emperor Caesar Augustus. Army. Warfare. Politics. St.-Petersburg, 2001 [Imperator Tsesar' Avgust. Armiya. Vojna. Politika. SPb., 2001].
105. *Pérez i Durà F.J.* Augusto visto por los historiadores // *Saitabi*. 1974. 24. P. 277–294.
106. *Peter H.* *Historicorum Romanorum reliquae*. Vol. 2. Lipsiae, 1906.
107. *Petersen H.* Livy and Augustus // *TAPhA*. 1961. 92. P. 440–452.
108. *Pettinger A.* 2012: The Republic in Danger. Drusus Libo and the Succession of Tiberius. Oxford.
109. *Powell A.* Augustus' Age of Apology: An Analysis of the Memoirs — and an Argument for Two Further Fragments // *The lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* / A. Powell, C.J. Smith (eds.). Swansea, 2009. P. 173–194.
110. *Raaflaub K.A., Sammons L.J.* Opposition to Augustus // *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate* / K.A. Raaflaub and M. Toher (eds.). Berkeley, 1990. P. 416–454.
111. *Ramage E.S.* Augustus' Treatment of Julius Caesar // *Historia*. 1985. 34. 2. P. 223–245.
112. *Ramage E.S.* The Nature and Purpose of Augustus' «Res Gestae». Stuttgart, 1987.
113. *Reeder J.C.* Typology and Ideology in the Mausoleum of Augustus: Tumulus and Tholos // *ClAnt*. 1992. 11. 2. P. 265–307.
114. *Ready J.* The Res Gestae Divi Augusti and Suetonius' Vita Divi Augusti // *Kentucky Foreign Language Quarterly*. 1966. 13. 1. P. 37–42.
115. *Rehak P.* *Imperium and Cosmos. Augustus and the Northern Campus Martius*. Madison, 2006.
116. *Reinhold M.* Augustus Conception of Himself // *Idem. Studies in Classical History and Society*. Oxford, 2002. P. 59–69 (= *Thought: A Journal of Philosophy*. 1980. 55. 1. P. 1–18).

117. *Repina L.P.* Cultural memory and the problems of historical writing (historiographical notes) [Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)]. M., 2003.
118. *Rich J.W.* Augustus and the spolia opima // *Chiron*. 1996. 26. P. 85–127.
119. *Rich J.* Deception, lies and economy with the truth. Augustus and the establishment of the principate // *Private and Public Lies. The Discours of Despotism and Deceit in the Graeco-Roman World / A. Turner, J. Chong-Gossard, F. Vervaeet (eds.)*. Leiden, 2010. P. 167–191.
120. *Ridley R.T.* The Emperor's retrospect. Augustus' «Res gestae» in epigraphy, historiography and commentary. Leuven, 2003.
121. *Ridley R.T.* Eulogy of the Lost Republic or Acceptance of the New Monarchy? *Livy's Ab Urbe Condita // Antichthon*. 2010. 44. P. 68–95.
122. *Ridley R.T.* Augustus. The emperor writes his own account // *Political autobiographies and memoirs in antiquity / G. Marasco (ed.)*. Leiden, 2011. P. 267–314.
123. *Robert P.* De Cassii Severi eloquentia. Thesim facultati litterarum Parisiensi. Paris, 1890.
124. *Rocco M.* Ottaviano e la spolie opime di M. Crasso // *Patavium. Rivista Veneta di Scienze dell'Antichità e dell'Alto Medioevo*. 2003. 11. P. 45–69.
125. *Rohr Vio F.* Autocensura e storiografia augustea: il caso di Salvidieno Rufo // *Prometheus. Rivista quadrimestrale di studi classici*. 1997. 23. 1. P. 27–39.
126. *Ronnick M.V.* Res gestae 25: damnatio memoriae as a strategy of rhetoric // *Maia*. 1997. 49. P. 381–384.
127. *Sailor D.* Dirty Linen, Fabrication, and the Authorities of Livy and Augustus // *TAPhA*. 2006. 136. P. 329–388.
128. *Scheid J.* Res Gestae Divi Augusti. Hauts faits du Divin Auguste. Texte établi et traduit par J. Scheid. Paris, 2007.
129. *Shaya J.* The Public Life of Monuments: The *Summi Viri* of the Forum of Augustus // *American Journal of Archaeology*. 2013. 117. 1. P. 83–110.
130. *Shotter D.C.A.* The Debate on Augustus (Tacitus, Ann. I, 9–10) // *Mnemosyne*. 1967. 20. P. 171–174.
131. *Silva F.P.C., da.* *Damnatio memoriae?* Antônio e Cleópatra na poesia de Horácio // *Rónai: Revista de estudos clássicos e tradutórios*. 2014. 2. 2. P. 42–62.
132. *Slatter N.W.* Orality and autobiography. The case of the «Res gestae» // *Orality, literacy, memory in the ancient Greek and Roman world / E.A. Mackay (ed.)*. Leiden, 2008. P. 253–273.
133. *Smith R.* The Construction of the Past in the Roman Empire // *A Companion to the Roman Empire / D. Potter (ed.)*. Oxford, 2006. P. 411–438.

134. *Stahl M.* Vom «kalten Terroristen» zum Frieden Kaiser? Über die Wende im politischen Wirken von Octavian zu Augustus // *Potestas*. 2011. 4. S. 87–105.
135. *Annos Undeviginti Natus: Augustus and Romulus in Res Gestae 1.1* // *Historia*. 2009. 58. 3. P. 367–369.
136. *Syme R.* *The Roman Revolution*. Oxford, 1939.
137. *Syme R.* *Livy and Augustus* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1959. 64. P. 27–87.
138. *Syme R.* *Roman Papers* / E. Badian (ed.). Vol. I. Oxford, 1979.
139. *Tarpin M. M.* Licinius Crassus imperator, et les dépouilles opimes de la République // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 2003. 77. P. 275–311.
140. *Timpe D.* *Geschichtsschreibung und Prinzipatsopposition* // *Opposition et résistances à l'empire d'Auguste à Trajan* / A. Giovannini (ed.). Genève, 1987. S. 65–95 (= *Timpe D.* *Antike Geschichtsschreibung. Studien zur Historiographie* / U. Walter (ed.). Darmstadt, 2007. S. 237–258).
141. *Toher M.* *Augustus and the Evolution of Roman Historiography* // *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate* / K.A. Raafaub, M. Toher (eds.). Berkeley, 1990. P. 139–154.
142. *Urban R.* Tacitus und die Res gestae divi Augusti. Die Auseinandersetzung des Historikers mit der offiziellen Darstellung // *Gymnasium*. 1979. 86. 1. S. 59–74.
143. *Velaza J.* Tácito y Augusto // *Emerita*. 1993. 61. 2. P. 335–356.
144. *Walsh P.G.* *Livy and Augustus* // *Proceedings of the African Classical Associations*. 1961. 4. P. 26–37.
145. *Walter U.* *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur der römischen Republik*. Frankfurt, 2004.
146. *Wankenne A.* Le portrait d'Auguste d'après Tacite (Ann. I. 9–10) // *Les Études Classiques*. 1977. 45. P. 323–335.
147. *Wardle D.* «The Sainted Julius». Valerius Maximus and the Dictator // *CPh*. 1997. 92. 4. P. 323–345.
148. *Wardle D.* Suetonius and Augustus' 'Programmatic Edict' // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 2005. 148. 2. P. 181–201.
149. *Weisweiler J.* *Making Masters, Making Subjects: Imperial Ideology and Memory Policy in the Early Roman Empire and in the Later Roman State* // *Cultural Memories in the Roman Empire* / K. Galinsky, K. Lapatin (eds.). Los Angeles, 2016. P. 66–85.
150. *Welch K.* *Alternative Memoirs: Tales from the 'Other Side' of the Civil War* // *The lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* / A. Powell, C.J. Smith (eds.). Swansea, 2009. P. 195–223.

151. *White P.* Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. 1988. 42. 4. P. 334–356.
152. *Wigtill D.N.* The Ideology of the Greek «Res Gestae» // ANRW. II. 30. 1. 1982. P. 624–638.
153. *Williams G.* Phases in political patronage of literature in Rome // Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome / B. Gold (ed.). Austin, 1982. P. 3–27.
154. *Williamson C.* Monuments of Bronze: Roman Legal Documents on Bronze Tablets // ClAnt. 1987. 6. P. 160–183.
155. *Yavetz Z.* The *Res Gestae* and Augustus' Public Image // Caesar Augustus: Seven Aspects / F. Millar and E. Segal (eds.). Oxford, 1984. P. 1–36.
156. *Zanker P.* Forum Augustum: das Bildprogramm. Tübingen, 1968.
157. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.
158. *Zavershinskij K.F.* Symbolic structures of political memory *Symbolic policy. Collected works / O.Ju. Malinova (ed.). Issue 1: Constructing of the concepts of the past as a power resource* [Simvolicheskie struktury politicheskoj pamjati *Simvolicheskaja politika: Sb. nauch. tr. / O.Ju. Malinova (otv. red.). Vyp. 1: Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs*]. M., 2012. P. 149–163.

Сокращения

ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin — New York, 1972— ...

ClAnt — Classical Antiquity. Berkeley (Calif.).

CPh — Classical Philology. Chicago.

CQ — Classical Quarterly. Oxford.

JRS — Journal of Roman Studies. London.

TAPhA — Transactions of the American Philological Association. Baltimore.

ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

Ключевые слова:

Октавиан Август, принципат, историческая память, политика памяти, историческая политика, «Деяния божественного Августа».

Alexander V. Makhlayuk

«WHAT IS HISTORY GOING TO SAY ABOUT US?» ON SOME ASPECTS AND MOTIFS OF OCTAVIAN AUGUSTUS' MEMORIAL POLITICS

The article deals with the purposes and means of the memory policy implemented by Octavian Augustus. He was guided by both his personal inclinations and subjective political considerations, as well as by the necessity of legitimizing and validation of his one-man rule. The article's focus is upon the content and ways of the formation of the historical image Augustus sought to develop in the memory of future generations. There is a polymorphism of this image, which acquired various features depending on the means of its representation and the target audience. Analysis of sources show that Augustus very zealously censored the memory of the civil wars and his own path to power; meanwhile, he calculatedly used the images of the ancient republican past, having formed, in fact, his new vision of that past, corresponding to the tasks of legitimizing the new regime, which, in the perception of most contemporaries and subsequent generations, simultaneously appeared as a fairly radical break with the previous age, and as its logical continuation or even as the restoration of an idealized past. Augustus also strove to «stylise» himself as one of the heroes of Roman antiquity but, at the same time, aspired to remain in the memory of generations as the true savior of the fatherland and the creator of the new governmental order.

 Махлаюк Александр Валентинович

доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского

О.В. Любимова

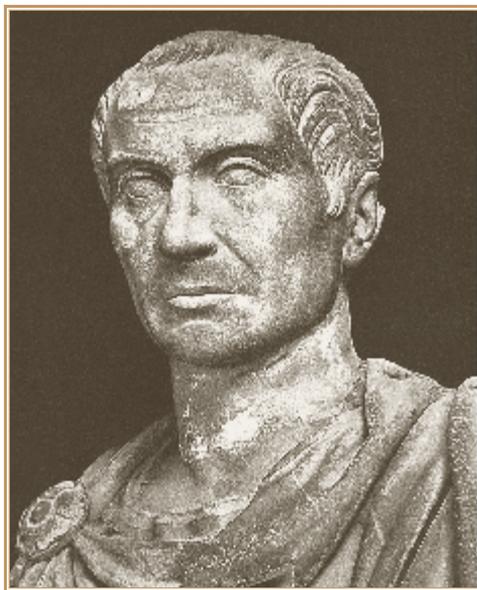
НАСЛЕДИЕ ПОПУЛЯРОВ В ПОЛИТИКЕ АВГУСТА (ПО ДАННЫМ RES GESTAE DIVI AUGUSTI)

огласно свидетельствам современников, политическая борьба в Поздней Римской республике в той или иной мере имела дуалистический характер. Саллюстий пишет, что после трибуната Тиберия Гракха в Риме начались раздоры между народом и знатью (Iug. 41–42), а в последние десятилетия

Республики авторитет сената и права народа служили просто предложениями для борьбы честолюбцев за власть (Cat. 38). Цицерон (Sest. 96–105) говорит, что в Риме всегда существовало два рода государственных деятелей: популяры — честолюбивые демагоги, угождающие толпе, и оптиматы — честные, здравомыслящие и состоятельные люди всех сословий (вплоть до вольноотпущенников). Вопрос о том, действительно ли борьба шла между двумя течениями, или же ее вело множество небольших и нестабильных группировок знати, давно порождает споры среди историков¹. Отправной точкой для дальнейших рассуждений может послужить наиболее общее определение Р. Морстейн-Маркса, с которым, пожалуй, согласились бы все

¹ Обзор дискуссии см.: *Robb M.A. Beyond Populares and Optimates: Political Language in the Late Republic.* Stuttgart, 2010. P. 15–34; см. также: *Любимова О.В. Понятие «популяры» в современной историографии // ВДИ. 2015. № 1. С. 190–207*, где основное внимание уделяется популярам.

Гай Юлий Цезарь

участники дискуссии: популар — это политик, который отстаивает права и привилегии народа (подразумевается, — в оппозиции руководству сената); оптимат — это политик, который защищает особую охраняющую и руководящую роль сената (подразумевается, — от покушений того или иного популяра). Справедливо также наблюдение Р. Морстейн-Маркса, что эта полярность отражает наличие в Республике двух источников власти — сената и народа².

В последний век Римской республики политическое противостояние несколько раз перетекало в вооруженную борьбу, и в 31 г. до н. э. гражданские войны завершились победой Цезаря Октавиана, впоследствии принявшего имя Император Цезарь Август. Впервые вступив на политическую арену в 44 г. до н. э., Октавиан в конфликтах этих лет выступал как мститель за своего двоюродного деда Цезаря, усыновившего его в завещании, как его наследник и преемник. Политическая карьера Цезаря, увенчанная должностью пожизненного диктатора, во многих отношениях необычна, и одной из ее важных особенностей является приверженность Цезаря делу популяров. Даже исследователи, полагающие, что в Риме не существовало ни движения, ни программы, ни идеологии популяров, а имелся лишь популярский политический стиль или метод, к которому политики прибегали в определенных ситуациях, отмечают Цезаря в качестве исключения: он последовательно

² Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Republic. Cambridge, 2004. P. 204.

Надпись из Анкиры с греческим текстом «Деяний Божественного Августа»

придерживался этого стиля на протяжении всей жизни³. Историки, занимающие менее скептическую позицию относительно движения популяров, нередко характеризуют Цезаря как его лидера или одного из лидеров⁴. Поэтому вопрос о наследии популяров в политике приемного сына Цезаря — императора Августа — представляет немалый интерес. Однако исследование столь масштабной проблемы на материале всего принципата Августа в рамках одной статьи невозможно. Поэтому я ограничусь более узкой проблемой: это наследие популяров в «Деяниях Божественного Августа».

Прежде всего, следует кратко охарактеризовать данный источник. Это перечень деяний императора Августа, составленный им самим⁵ и пе-

³ *Meier Chr.* Populares // RE. Suppl. Bd. 10. 1965. Sp. 567; *Tatum W.J.* The Patrician Tribune: P. Clodius Pulcher. Chapel Hill, 1999. P. 5; *Morstein-Marx R.* Op. cit. P. 205; *Duplá A.* Consules populares // Consul and Res publica / H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Cambridge, 2011. P. 280, 289–290.

⁴ *Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. От смерти Суллы до битвы при Тапсе / Рус. пер. под ред. Н. А. Машкина. М., 1941. С. 167–168; 249, 392; *Vanderbroek P.J.J.* Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic. Amsterdam, 1987. P. 26–34, особ. п. 28–30; *Ferenczy E.* Caesar und die Popularen // Klio. Bd. 73. 1991. S. 413–419; *Zecchini G.* I partiti politici nella crisi della repubblica // Partiti e fazioni nell'esperienza politica romana / G. Zecchini (cur.) Milano, 2009. P. 112–114; *Billows R.A.* Julius Caesar. The Colossus of Rome. L.—N. Y., 2009, passim, особ. п. 109–110, 183; *Wiseman T.P.* The Ethics of Murder // Idem. Remembering the Roman People. Essays on Late Republican Politics and Literature. Oxford, 2009. P. 191, 196–198.

⁵ Возможно — секретарями Августа согласно его указаниям и под его контролем: *Scheid J.* Res Gestae Divi Augusti. P., 2007. P. xxvi–xxviii.

реданный на хранение весталкам⁶. Согласно распоряжению императора, после его смерти в 14 г. н. э. этот документ был вырезан на бронзовых таблицах и установлен перед входом в его мавзолей (Suet. Aug. 101. 4; Cass. Dio LVI.33.1). До нас дошла лишь копия этой надписи, сохранившаяся на стене храма Рима и Августа в Анкире (Галатия), с латинским текстом и греческой версией надписи⁷. Они повреждены, но поддаются восстановлению при помощи греческих фрагментов из Аполлонии Писидийской и латинских — из Антиохии Писидийской. Возможно, сохранился также маленький фрагмент «Деяний» из Сард, в другом переводе на греческий язык⁸. Жанр этого текста трудно определить: его сопоставляли с надгробными надписями или речами на похоронах⁹, с элогиями в честь консуляров и триумфаторов¹⁰ или отчетами полководцев о победах¹¹, с монументальными надписями восточных монархов¹², рассматривали как обоснование сверхчеловеческого характера личности Августа¹³, отчет о государственных делах¹⁴, описание и объяснение новой формы правления¹⁵. Так или иначе, данное произведение увековечивало достижения первого принцепса, предназначалось для его прославления и

⁶ Ряд авторов считает, что Август написал «Деяния» еще в 20-х гг. и затем много раз правил: Kornemann E. Monumentum Ancyranum // RE. Hbd. 31. 1933. Sp. 217–223; Gagé J. Res gestae divi Augusti: ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis. P., 1935. P. 16–23; Brunt P.A., Moore J.M. Res Gestae Divi Augusti. The Achievements of the Divine Augustus, with introduction and commentary. Oxford, 1967. P. 6. Аргументы в пользу того, что весь текст полностью сочинен в последние месяцы жизни Августа, как указывает сам император (RGDA. 35), см.: Ramage E.S. The Nature and Purpose of Augustus' «Res gestae». Stuttgart, 1987. P. 132–135; Cooley A. Res Gestae Divi Augusti: text, translation and commentary. Cambridge, 2009. P. 42. Обзор дискуссии см.: Scheid J. Op. cit. P. xxii–xxvi.

⁷ Соответствие греческого текста латинскому не всегда строгое: Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 1–2; Scheid J. Op. cit. P. xxix–xxxiv; Cooley A. Op. cit. P. 26–29.

⁸ Thonemann P. A Copy of Augustus' Res Gestae at Sardis // Historia. Bd. 61. 2012. P. 282–288. Он свидетельствует о том, что надпись выставлялась не только в Галатии, но и в других провинциях, и официальной версии греческого перевода не существовало.

⁹ Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 2–3; Cooley A. Op. cit. P. 5–6, 30–32.

¹⁰ Gagé J. Op. cit. P. 29–31.

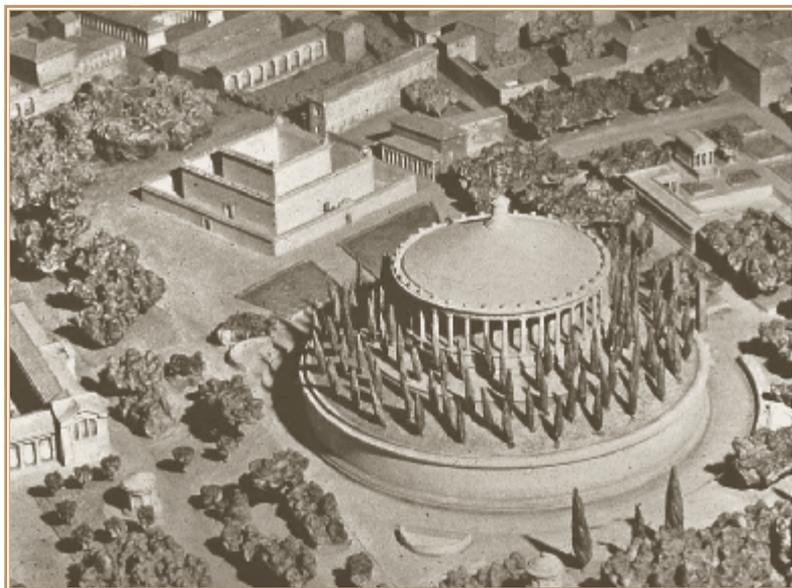
¹¹ Ridley R.T. The emperor's retrospect: Augustus' «Res gestae» in epigraphy, historiography and commentary. Leuven; Dudley, 2003. P. 230, cp. 60–61.

¹² Levi M.A. La composizione delle «Res Gestae Divi Augusti» // Rivista di Filologia Classica. Vol. 25. 1947. P. 189–192.

¹³ Ibid. P. 199, 208–210.

¹⁴ Mommsen Th. Der Rechenschaftsbericht des Augustus // Idem. Gesammelte Schriften Bd. 4. B., 1906. S. 251–252, 256–257.

¹⁵ Ramage E.S. Op. cit. P. 111–116; Scheid J. Op. cit. P. xlix–liii; lxi. Библиографию см.: Ramage E.S. Op. cit. P. 135–139; Scheid J. Op. cit. P. xliii–liii.

Мавзолей Августа. Реконструкция

было адресовано широкой аудитории¹⁶, поэтому включать в него прямую ложь было бы рискованно, хотя неудобные факты могли подвергаться благоприятной интерпретации или замалчиваться¹⁷. В «Деяниях» Августа перечислены те его достижения, которыми он хотел бы запомниться современникам и потомкам; выражения Августа, композиция и сам отбор фактов, включенных или не включенных в «Деяния», нацелены на создание определенной картины, которую он хотел показать читателям.

Прежде чем исследовать вопрос о месте наследия популяров в этой картине, необходимо определить, что именно входило в это наследие. В историографии существуют различные трактовки понятия «популяры» и, соответственно, выделяются разные признаки, объединяющие этих политиков.

Сторонники плюралистического представления о римской политике как о борьбе небольших и нестабильных по составу группировок считают главным признаком популяров использование **демагогического стиля** или **метода**. Он предполагал обращение к народному собранию и сходке

¹⁶ Прежде всего это римские граждане и особенно жители города Рима: *Brunt P.A., Moore J.M.* Op. cit. P. 3–4; *Cooley A.* Op. cit. P. 39; *Ridley R.T.* Op. cit. P. 231–232. Однако неверно считать главным адресатом Августа городской плебс: *Yavetz Z.* The Res Gestae and Augustus' Public Image // *Caesar Augustus. Seven Aspects / Ed. F. Millar, E. Segal.* Oxford, 1984. P. 8–14. Публикацию «Деяний» в провинциях сам Август, видимо, не предусматривал; см.: *Cooley A.* Op. cit. P. 18–21.

¹⁷ *Brunt P.A., Moore J.M.* Op. cit. P. 2–3; ср. *Scheid J.* Op. cit. P. lxi–lxii; *Махлаюк А.В.* «Что скажет о нас история?..» О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа // *Исторический вестник.* Т. 19. 2017. С. 170–225

Мавзолей Августа. Современное состояние

вопреки мнению и авторитету сената; использование полномочий плебейских трибунов для внесения законопроектов или наложения запрета на какие-либо мероприятия; давление на сенат, магистратов, суды при помощи сходов; лесть народу и обличение преступлений знати, и — в самой крайней форме — пренебрежение законами, интерцессией и обнунциацией, насильственное удаление противников из народного собрания и организацию беспорядков при помощи сообществ и коллегий плебса, ветеранов или наемных вооруженных отрядов¹⁸.

Сторонников дуалистического представления о римской политике как о борьбе оптиматов и популяров можно условно разделить на две подгруппы. Одни из них во главу угла ставят экономические мероприятия популяров, нацеленные на соблюдение выгоды народа (*commoda populi*), т.е. на **защиту интересов малоимущих**: распределение земли и хлеба, выведение колоний, облегчение долгового бремени и военной службы, общественное строительство, устройство игр¹⁹.

Другие авторы рассматривают популяров прежде всего как защитников народной свободы (*libertas populi*), которые публично выражали **приверженность идеологии народного суверенитета** и утверждали

¹⁸ Meier Chr. Op. cit. Sp. 555–557; 611–613; библиографию см.: Любимова О.В. Указ. соч. С. 191–195.

¹⁹ Serrao F. *Classi, partiti e legge nella Repubblica romana*. Pisa, 1974. P. 178–181; Brunt P.A. *The Fall of the Roman Republic and Related Essays*. Oxford, 1988. P. 53–56. Подробнее библиографию см.: Любимова О.В. Указ. соч. С. 195–198.

следующее: верховная власть в государстве принадлежит народу; народ имеет право принимать решения без одобрения сената; граждане имеют право на защиту от произвола магистратов; гарантией народной свободы выступает трибунская власть; однако завоеванная в прошлом свобода ныне утрачена народом; знать (сенат, магистраты, влиятельные граждане) правит несправедливо и чинит произвол; поэтому народу необходимо вернуть свободу²⁰. Для этого популяры предлагали такие меры, как введение тайного голосования; расширение римского гражданства и права голосования; восстановление и расширение прав трибунов; обеспечение подотчетности магистратов народу; вмешательство народного собрания в управление провинциями.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, какой признак должен служить определяющим для популяров — демагогический политический стиль, защита материальных интересов малоимущих или борьба за политическую свободу народа, — следует отметить, что в совокупности эти три признака хорошо описывают политику популяров в Поздней республике. Таково было их наследие; рассмотрим, как им воспользовался первый римский принцепс, на материале «Деяний Божественного Августа»²¹.

Политический стиль популяров в RGDA

Вполне естественно, что в документе, предназначенном для восхваления Августа, отсутствуют упоминания о таких одиозных политических методах популяров, как *внесение законов в народное собрание вопреки мнению сената, организация массовых беспорядков, пренебрежение законами, интерцессией и обнуциацией*. Впрочем, насколько нам известно, в период

²⁰ Mackie N. Popularis Ideology and Popular Politics at Rome in the First Century B. C. // RhM. Bd. 135. 1992. S. 49–73; Arena V. Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic. Cambridge, 2012. P. 116–168. Подробнее библиографию см.: Любимова О.В. Указ. соч. С. 200–204.

²¹ Популярским методам, которые Август применял в ходе борьбы за власть и для укрепления своего положения, уделяется много внимания в монографии: Dettenhoffer M. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat. Stuttgart, 2000. Особ. s. 114–127, 209–210, однако данный анализ трудно признать удачным. Он основан на недоказуемом предположении, что выступления плебса в правление Августа, как правило, инспирировал сам принцепс для давления на сенат. Даже если допустить, что это так, важное отличие таких приемов от политики позднереспубликанских популяров состоит в том, что те действовали открыто. См. справедливую критику этой книги в рецензиях: Bucher G.S. Review: Augustus Re-Examined // CR. Vol. 53. 2003. P. 417–419; Hurllet F. // Latomus. T. 62. 2003. P. 192–195.

единоличного правления Август действительно их не использовал. В этом и не было необходимости: данные методы предназначались для преодоления сопротивления сената²², однако сенат никогда не отклонял законопроекты принцепса²³. Даже если предлагаемые меры вызывали у сенаторов сильное недовольство, как это было с учреждением налога на наследство в 6 г. н. э., Август находил способы справиться с ним, не обращаясь напрямую к народному собранию и популярским методам (Cass. Dio LV.24.9–25.5; LVI.28.3–6; ср. LIII.21.3–6; LV.4.1).

В «Деяниях» очень мало сведений и о выступлениях Августа перед народом на сходках, как в эпоху гражданских войн²⁴, так и в период единоличного правления. Сведения о последних в других источниках тоже крайне фрагментарны²⁵. Дж. Суми, обобщивший их, делает вывод, что сходки продолжали служить средством коммуникации с народом, однако их характер изменился: во-первых, на сходках, где Август обнародовал свои законопроекты, теперь не происходило дебатов; во-вторых, сходки приобрели и новое содержание: демонстрация власти принцепса и ее пределов, а также представление народу преемника²⁶.

Вероятно, в RGDA. 5 мы имеем упоминание о событии, произошедшем на одной такой сходке нового типа в 22 г. до н. э. На протяжении 31–23 гг. Август ежегодно занимал одно из консульских мест, но в 23 г. отказался от консульства, получив взамен трибунскую власть и высший проконсульский империй. В следующем году в Риме разразились голод, эпидемия и наводнение. Народ в отчаянии пожелал избрать Августа диктатором и, заперев сенаторов в курии, вынудил их принять соответствующее постановление. Сам принцепс в это время, вероятно, отсутствовал в Риме, но когда он вернулся, народ явился к нему с 24 фасциями, подобающими диктатору, и умолял его принять эту должность и попечение о снабжении Рима зерном. После этого Август, по-видимому, созвал сходку: в источниках она не упоминается прямо, но можно согласиться с Дж. Суми²⁷, что столь важное решение

²² Meier Chr. Op. cit. Sp. 563–567; Martin J. Die Populären in der Geschichte der Späten Republik. Freiburg i. Br., 1965. S. 218–219.

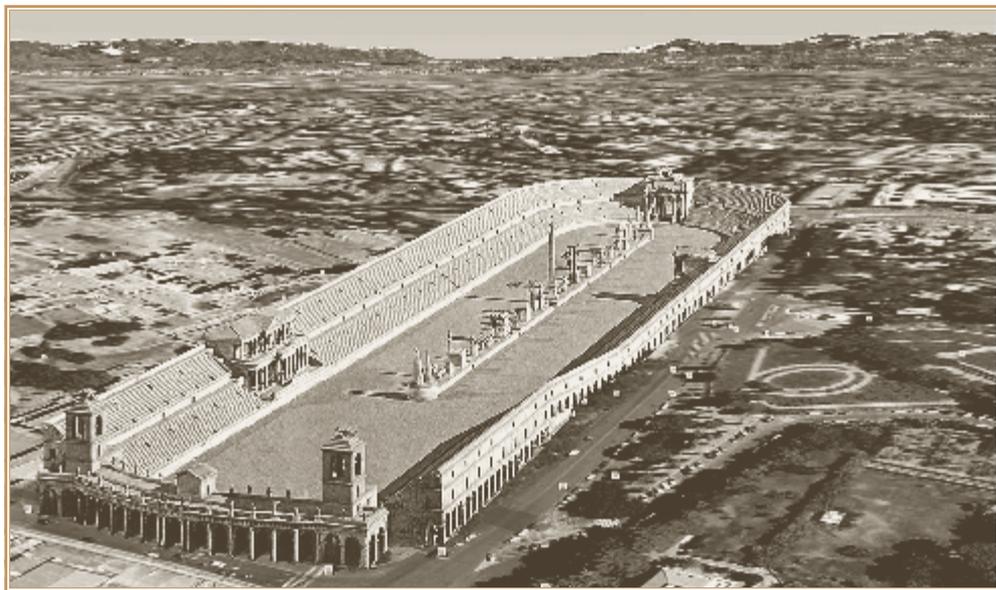
²³ Ср. Cass. Dio LIII.21.6: «ничего не делалось против желания Цезаря (Августа. — О.Л.)» (здесь и далее пер. под ред. А.В. Махлаюка, если не указано иное).

²⁴ Хотя сходки сыграли важную роль в его политическом восхождении, см.: Sumi G.S. Ceremony and Power: Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2005. P.128–131; 161–168; 206, 219.

²⁵ Например, Светоний (Aug. 84) сообщает, что Август заранее записывал все свои речи перед народом, а когда у него болело горло — обращался к народу через глашатая.

²⁶ Sumi G. S. Op. cit. P. 224–228.

²⁷ Ibid. P. 225–227.

Большой цирк. Реконструкция

Август должен был объявить народу в официальной обстановке, в условиях, когда аудитория будет его хорошо слышать и видеть. Принцепс принял попечение о продовольствии, но решительно отклонил диктатуру, а когда народ стал настаивать, даже опустился на колени и разорвал на себе одежду (Vell. II. 89. 5; Suet. Aug. 52; Cass. Dio LIV. 1). В «Деяниях» (5) Август рассказывает об этом так: «Я не принял диктатуру, предложенную мне народом и сенатом в консульство М. Марцелла и Л. Аррунция и заочно, и в моем присутствии. Но при крайней нехватке продовольствия я не отказался от попечения о снабжении...»

Комментаторы справедливо отмечают, что отказ Августа от диктатуры был обусловлен его страхом перед завистью и ненавистью, которую эта должность вызывала в обществе (Cass. Dio LIV. 1. 5, где отмечается также, что власть и почести Августа и так уже превышали диктаторские), а также нежеланием, чтобы его власть выглядела монархической²⁸. Диктатуру предлагал Августу городской плебс, поэтому следует, вероятно, говорить о том, что эта должность была ненавистна высшим классам. Поскольку последним диктатором был Цезарь и закон о вечном запрете этой должности был проведен вскоре после его убийства (Cic. Phil. I. 3–4; 32; II. 91; 115; App. BC. III. 25), Г. Альфельди подчеркивает, что в данном случае Август противо-

²⁸ Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 114; Alföldy G. Die Ablehnung der Diktatur durch Augustus // Gymnasium. Bd. 79. 1972. S. 9–12; Belloni G. Le «Res gestae Divi Augustus». Augusto: il nuovo regime e la nuova urbe. Milano, 1987. P. 74; Ramage E. Op. cit. P. 68–69; Scheid J. Op. cit. P. lvii–lix; Cooley A. Op. cit. P. 127–128.

Большой цирк. Современное состояние

поставлял себя Цезарю²⁹. Этот жест Августа трудно охарактеризовать как популярский. Впрочем, следует помнить, что предыдущим диктатором был Сулла, которого никоим образом нельзя охарактеризовать как популяря, но диктатура которого также оставила в римском обществе тяжелые воспоминания³⁰.

Существует любопытное расхождение между рассказом об этих событиях в «Деяниях» Августа и в других источниках. Август сообщает, что диктатура была ему предложена сенатом и народом, однако у Веллея (II. 89. 5) и Светония (Aug. 52) речь идет только о народе. Дион Кассий (LIV. 1) разъясняет это противоречие: сенат действительно принял постановление о назначении Августа диктатором — но лишь вынужденно, под воздействием угроз и принуждения со стороны разъяренного плебса. Конечно, Августу выгодно было представить упрощенную и позитивную версию событий³¹ и умолчать о подробностях, которые свидетельствовали об отсутствии в обществе согласия (в том числе — и по поводу его полномочий). Но стоит отметить, что в своем изложении Август, во-первых, снимает с плебса ответственность за насилие по отношению к сенату и, во-вторых, приписывает неуместное предложение вместе с народом и сенату — хотя в реальности инициатива принадлежала только народу. В этом эпизоде

²⁹ *Alföldy G. Loc. cit.*

³⁰ *Levi M.A. Op. cit. P. 196, cp. 201; Alföldy G. Op. cit. P. 8–9; Ridley R.T. Op. cit. P. 144.*

³¹ *Cooley A. Op. cit. P. 128.*

«Деяний» народ выглядит не как мятежная толпа, но и не как послушная сенату масса: он изображен как равноправный партнер сената по управлению государством³².

На сходках иного типа, традиционных для Республики, Август обнаружил законопроект (предварительно одобренный сенатом). В «Деяниях» он почти ничего не сообщает о своем законодательстве³³, поэтому неудивительно, что он почти не останавливается на процедуре его принятия. Однако один процедурный момент не просто упомянут в принципе, но даже подчеркнут³⁴. Речь идет о другой традиционной составляющей популярского политического метода — о применении *трибунской власти* для проведения законодательства, о чем Август сообщает в RGDA. 6. Прежде чем перейти к анализу этого пассажа, следует кратко охарактеризовать трибунскую власть Августа и рассмотреть общий контекст ее упоминаний в «Деяниях».

Трибунская власть, наряду с проконсульским империем, была одним из двух столпов принципата Августа³⁵. Она представляла собой сложный сплав традиций и инноваций. С одной стороны, трибунал был весьма древней должностью, учрежденной, согласно традиции, в 494 г. до н. э. Плебейские трибуны считались священными и неприкосновенными и воспринимались как оплот народной свободы, защитники интересов отдельных граждан и римского народа в целом от произвола и несправедливости магистратов и сената. В Поздней республике консервативные круги в сенате сетовали на то, что эта должность превратилась в орудие дурных граждан, но она все же была так популярна, что закон Суллы об ограничении прав трибунов не продержался и десяти лет после его смерти, а лозунг защиты прав трибунов способен был мобилизовать большие массы людей. С другой стороны, трибунская власть Августа отличалась от республиканского трибунала: она была отделена от должности трибуна и предоставлена патрицию, хотя правом занимать трибунал обладали лишь плебеи; она была пожизненной

³² Э. Кули отмечает, что в данном случае в «Деяниях» изменен традиционный порядок слов: диктатура предложена Августу народом и сенатом, а не сенатом и народом: Cooley A. *Loc. cit.*, ср. RGDA. 8.1, где в сообщении об увеличении числа патрициев наблюдается такая же перестановка.

³³ Анализ этой важной особенности «Деяний» см.: O'Brien J. Augustus and the monument of Ancyra // *Historical Studies*. Vol. 1945. P. 128–138; см. также: Brunt P.A., Moore J.M. *Op. cit.* P. 4.

³⁴ Ramage E. *Op. cit.* P. 90.

³⁵ Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 337; Crook J. *Political history*, 30 B. C. to A. D. 14 // *САН*. 2nd ed. Vol. X. Cambridge, 1996. P. 84–85. P. 87; Kienast D. *Augustus. Prinzeps und Monarch*. Darmstadt, 2009. S. 107.

и распространялась на территорию всей империи, тогда как трибуны обладали властью лишь в течение года и в пределах одного мильного камня от Рима; наконец, она не допускала интерцессии других плебейских трибунов. Впрочем, как упоминает сам Август в «Деяниях» (6), сенат пять раз назначал ему коллег по этой власти — Агриппу в 18 и 13 г. до н. э. и Тиберия в 6 г. до н. э., 4 г. и 13 г. н. э. Коллегиальность была важной характеристикой республиканской системы правления, и Август здесь подчеркивает, что не является единовластным правителем. При этом предоставление указанным лицам трибунской власти обозначало их как соправителей и избранных наследников (ср. Vell. II.99.1; Tac. Ann. III.56)³⁶.

Трибунскую власть Август приобретал поэтапно: в 36 г. до н. э., после победы над Секстом Помпеем, он получил священную неприкосновенность трибуна (*sacrosanctitas*) и право восседать на трибунской скамье (Cass. Dio XLIX. 15.5–6; ср. App. BC. V. 132; Oros. VI.18.34, где неточно сообщается о принятии Октавианом пожизненной трибунской власти), в 30 г. до н. э., после победы над Антонием, он, возможно, получил право оказывать помощь гражданам, притесняемым другими магистратами (*ius auxilii*, Cass. Dio LI.19.6)³⁷. Но сам Август начинает отсчет годов своей трибунской власти с 23 г. до н. э.: в этом году он отказался от ежегодного консульства и взамен получил трибунскую власть в полном объеме (другой компенсацией послужил высший проконсульский империй). Она давала ему право налагать запрет на решения сената и действия магистратов, созывать сенат и народное собрание и вносить в них законопроекты³⁸. Впрочем, Август обладал таким влиянием, что мог помешать принятию нежелательных решений, не прибегая к формальному запрету, а порой и проводил законопроекты не самостоятельно, а через других лиц³⁹. Но на момент урегулирования 23 г. до н. э. Август не мог быть уверен в том, что его положение всегда будет непоколебимым, и трибунская власть дала ему важные рычаги для управления государством. Она имела и идеологическое значение, так как плебейские трибуны всегда воспринимались как защитники народа от тирании, и наличие этих полномочий у Августа позволяло отчасти замаскировать его

³⁶ Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 47; Hurlet F. Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. Rome, 1997. P. 321–342; Михайловский Ф.А. Власть Октавиана Августа. М., 2000. С. 161–168.

³⁷ Процесс предоставления Августу трибунской власти породил у исследователей большие споры, обзор литературы см.: Scheid J. Op. cit. P. 43–45.

³⁸ О реальных случаях использования Августом и последующими императорами трибунской власти см.: Михайловский Ф.А. Указ. соч. С. 152–156.

³⁹ Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 11–13; Jones A.H.M. Studies in Roman Government and Law. N.Y., 1968. P. 10–11.

единовластие⁴⁰. Важность трибунской власти для Августа отражена и в его «Деяниях».

В главе 4 Август сообщает: «...когда я писал это, я был 37-й год облечен властью народного трибуна». Внешне это выглядит как датировка написания «Деяний», однако, учитывая, что ниже, в главе 35, присутствует еще одна датировка («Когда я написал это, мне шел 76-й год»), такое упоминание кажется избыточным⁴¹. По-видимому, Август желает подчеркнуть многолетнее обладание трибунской властью, важность и почетность этих полномочий. В 4-й главе они упоминаются в одном ряду с овациями и триумфами Августа, императорскими аккламациями, благодарственными молебствиями в честь его побед, рекордными по числу и продолжительности, царями и царскими детьми, проведенными им в триумфе, а также его 13 консульствами. Этот длинный перечень венчает трибунская власть, упомянутая последней. Подчеркивая таким образом значение трибунской власти, которая пользовалась огромным почтением среди низших слоев населения, Август, видимо, желает представить себя в традиционной роли плебейского трибуна как защитника интересов народа⁴². Высшим слоям упоминание о трибунских полномочиях могло напоминать, что их носитель способен контролировать плебс и защитить их от ненависти масс, поэтому римские нобили приняли трибунскую власть как меньшее зло⁴³. Однако трудно согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Август избрал трибунскую власть для обозначения высшей власти (*summi fastigii vocabulum*, Тас. Апп. III.56), потому что в глазах аристократии трибунская должность выглядела незначительной и безобидной, что позволяло скрыть реальную основу власти Августа — империй⁴⁴. В RGDA. 4 трибунская власть

⁴⁰ Ibid. P. 12–13.

⁴¹ Belloni G. Op. cit. P. 71–72. О других особенностях этого пассажа, не позволяющих считать его простой датировкой, см.: Ridley R.T. Op. cit. P. 99–100.

⁴² Cooley A. Op. cit. P. 40, 126–127. Ср. Тас. Апп. I. 2 об Августе: «изображая, что довольствуется правами трибуна для защиты плебса» (пер. А.С. Бобовича). См. также: Hammond M. The Augustan Principate in Theory and Practice during the Julio-Claudian Period. Cambridge, Mass. 1933. P. 79–80; 83–84; Kornemann E. Volkstribunat und Kaisertum // Festschrift für Leopold Wenger zu seinem 70. Geburtstag. Bd. 2. München, 1945. S. 310–316; Yavetz Z. Plebs and Princeps. New Brunswick; Oxford, 1988. P. 88–94; Jones A.H.M. Op. cit. P. 11; Lacey W.K. Augustus and the Senate: 23 BC // Antichthon. Vol. 19. 1996. P. 61–63; Welwei K. Augustus als vindex libertatis // Idem. Res publica und Imperia. Kleine Schriften zur römischen Geschichte. Stuttgart, 2004. S. 228–229.

⁴³ Это мнение см.: Yavetz Z. The Res Gestae... P. 11; Jones A.H.M. Op. cit. P. 11–12; Scheid J. Op. cit. P. xxxiv–xxxv.

⁴⁴ Jones A.H.M. Op. cit. P. 11; Kunkel W. Über das Wesen des augusteischen Prinzipat // Augustus / Hgs. W. Schmitthenner. Darmstadt, 1969. S. 326.

Кистофор 27–26 гг. до н. э. с портретом Августа на аверсе и колосьями зерна на реверсе венчает перечень почестей и достижений, которые нельзя назвать незначительными и безобидными, и сама она вовсе не была таковой, как свидетельствует деятельность позднеереспубликанских трибунов-популяртов.

В главе 10 Август сообщает: «Законом мне была установлена пожизненная трибунская власть, дабы личность моя всегда была священной и неприкосновенной». Здесь трибунская власть поставлена в один ряд с религиозными почестями: обеты и игры жрецов и консулов за здоровье Августа, молитвы граждан в муниципиях, включение его имени в гимн салиев. В данном случае трибунская священная неприкосновенность не является венцом списка: за ней следуют должность верховного понтифика и посвящение алтарей Возвращающей Фортуне и Августову Миру. Как говорилось выше, Октавиан получил эту неприкосновенность еще в 36 г. до н. э.; вероятно, прообразом для нее послужила трибунская неприкосновенность, предоставленная в 44 г. Цезарю (Liv. Per. 116; Cass. Dio XLIV. 5.3)⁴⁵. Можно отметить, что Август подчеркивает предоставление этой почести законом, то есть римским народом⁴⁶.

В главе 15 Август говорит о денежных и хлебных раздачах римскому плебсу. Подробнее они будут рассматриваться ниже, здесь же нас интересует способ их датировки. Принцепс пишет о раздачах, произведенных «по завещанию моего отца» (в 44 г. до н. э.), «в мое 5-е консульство» (29 г. до н. э.), «в мое 10-е консульство» (24 г. до н. э.), «в мое 11-е консульство»

⁴⁵ Belloni G. Op. cit. P. 93.

⁴⁶ Lacey W.K. Op. cit. P. 57–59; Ramage E. Op. cit. P. 50–51. Говоря о предоставлении трибунской власти своим коллегам — Агриппе и Тиберию, Август (RGDA. 6) упоминает лишь постановления сената, хотя, возможно, они тоже утверждались комициями, см.: Hurlet F. Les collègues du prince... P. 324–329.

(23 г. до н. э.), «на 12-м году моей трибунской власти» (12 г. до н. э.), «на 18-м году моего трибуната в мое 12-е консульство» (5 г. до н. э.), «в мое 13-е консульство» (2 г. до н. э.). Во всех случаях Август датирует раздачу своими консульствами, кроме двух. В 44 г. он еще был частным лицом, однако не пожелал указывать консулов этого года (Антония и Долабеллу) и предпочел сослаться на завещание Цезаря. В 12 г. Август тоже не занимал высшей магистратуры, однако консулы этого года были вполне ему дружественны. Но для датировки он предпочел использовать не их имена (как, например, в следующей главе), а год собственной трибунской власти, причем это единственное место в «Деяниях», где событие датировано только годом трибунской власти. Трибунская власть упоминается в этом параграфе и далее, даже без особой необходимости, ибо 18-й год трибунской власти Августа соответствует его 12-му консульству. Это означает, что в идеологии «Деяний» благодеяния Августа в адрес городского плебса тесно увязаны с его трибунской властью⁴⁷.

Вернемся к пассажиру RGDA 6. Упомянув о своем трехкратном отказе от должности куратора законов и нравов, предложенной ему сенатом и народом, Август пишет далее: «То, что тогда при моем посредстве сенат пожелал совершить, я осуществил, пользуясь властью народного трибуна» (6, пер. О. В. Любимовой)⁴⁸. Речь здесь идет о моральном законодательстве 18 г. до н. э., которое устанавливало обязательность брака и наказания за прелюбодеяния, льготы для граждан, имеющих троих детей, и ограничения для безбрачных и бездетных — при наследовании, посещении зрелищ и занятии должностей⁴⁹. Почему Август подчеркивает, что провел эти реформы при помощи трибунской власти? Очевидный ответ состоит в том, что он же-

⁴⁷ Cooley A. Op. cit. P. 171; М. Гриффин считает, что Август упоминает здесь свою трибунскую власть лишь для того, чтобы подчеркнуть, что не является *privatus*, так как раздачу, устроенные частными лицами, воспринимались в Риме с подозрением: Griffin M. *Urbs Roma, Plebs and Princes* // *Images of Empire* / Ed. A. Loveday. Sheffield, 1991. P. 32, n. 3. Однако это не объясняет, почему Август упоминает о наличии у него трибунской власти одновременно с 12-м консульством (что явно противоречит республиканским традициям), к тому же обладание трибунской властью не делало Августа магистратом, — а даже если бы и делало, то щедрость трибуна по отношению к народу вряд ли была бы для традиционалистов менее подозрительной, чем щедрость частного лица (ср., напр., Fannius ap. Iul. Vict. 413 Halm; Cic. Leg. Agr. I. 21; ср. I. 4; II. 10; 76; Sest. 105; Tusc. III. 48; Liv. IV. 48. 12; V. 26. 1).

⁴⁸ Quae tum per me geri senatus voluit, per tribuniciam potestatem perfeci, cuius potestatis conlegam et ipse ultro quinquies a senatu depoposci et accepi.

⁴⁹ Впрочем, Ф. де Виссер полагает, что Август подразумевает здесь все принятые в 18–17, 12 и 8 гг. до н. э. Юлиевы законы, в том числе о насилии (*de vi*), о нарушениях при соискании (*de ambitu*), судебные законы и др., см.: de Visscher F. La «tribunicia potestas» de César à Auguste // *Idem. Nouvelles études de droit romain public et privé*. Milan, 1949. P. 49, ср. p. 43.

дает оттенить свой отказ от должности куратора нравов и законов, «установленной вопреки обычаям предков». Однако, возможно, дело к этому не сводится. Согласно гипотезе У. Лэйси, Август желал указать, что использовал трибунскую власть, чтобы ограничить возможности богатых людей распоряжаться своим имуществом и безответственно расточать его в ущерб интересам бедных⁵⁰. Известно, что Юлиевым законом о браках были недовольны всадники и, вероятно, сенаторы разделяли их чувства (Suet. Aug. 34.1–2; Cass. Dio LVI. 1. 2; 10), однако ограничения для безбрачных и бездетных распространялись и на людей сравнительно скромного достатка, и нет сведений о том, что плебс поддерживал этот закон как меру, нацеленную на защиту его интересов⁵¹.

Другое предположение У. Лэйси выглядит более вероятным: возможно, Август считал, что проведение данного законопроекта подобало скорее трибуну, чем консулам этого года⁵². Действительно, в эпоху Поздней республики консулы почти никогда не инициировали социальное законодательство; важные реформы проводили трибуны, зачастую вопреки сопротивлению сената (ср. Plut. Caes. 14. 1)⁵³. Поэтому упоминание о трибунской власти Августа в связи с принятием столь спорных законопроектов может содержать отзвук баталий, сопровождавших их обсуждение. Однако вряд ли возможно утверждать это с уверенностью, так как данное место RGDA. 6 не с чем сопоставить: это единственное упоминание Августа о процедуре принятия конкретных законов. С другой стороны, М. Гриффин справедливо отмечает, что контекст упоминания о трибунской власти в RGDA. 6 не слишком характерен для популярской идеологии⁵⁴. Август подчеркивает, что с помощью этой власти провел мероприятия, которых желал сенат⁵⁵, и что коллеги по этой власти также были даны ему сенатом. Так или иначе, но утверждение Августа о том, что трибунской власти ему оказалось достаточно, чтобы провести мероприятия, ради которых ему предлагалась высшая власть (*summa potestas*) куратора законов и нравов, не оставляет сомнений в значимости этого института для режима Августа⁵⁶.

⁵⁰ Lacey W.K. *Summi Fastigii Vocabulum: The Story of a Title* // JRS. Vol. 69. 1979. P. 29.

⁵¹ Griffin M. Op. cit. P. 26.

⁵² Lacey W.K. *Summi Fastigii Vocabulum...* P. 29.

⁵³ Paterson J. *Politics in the Late Republic* // Roman Political Life 90 B. C. — A. D. 69 / Ed. T. P. Wiseman. Exeter, England: University of Exeter Press, 1985. P. 38.

⁵⁴ Griffin M. Op. cit. P. 26.

⁵⁵ Представляется, впрочем, что смысловой акцент у Августа стоит скорее на том, что он провел моральное законодательство, пользуясь трибунской властью, а не в силу должности куратора законов и нравов, как первоначально предлагал сенат (и народ).

⁵⁶ Ridley R.T. Op. cit. P. 76.

Сестерций 38 г. до н. э. с портретами Октавиана на аверсе и Цезаря на реверсе

Таким образом, хотя Август придает трибунской власти важнейшее значение (что можно видеть в главах 4 и 10) и связывает ее с благодеяниями в адрес римского плебса (в главе 15), в его тексте отсутствует традиционное для популяров противопоставление народа (и трибунов как его защитников) и сената. Эти институты сосуществуют в государстве Августа вполне гармонично.

Идеология популяров в RGDA

Как говорилось выше, идеология популяров представляла собой идеологию народного суверенитета и народной свободы, которые, как предполагается, некогда были завоеваны римским народом, теперь же отняты у него знатью (сенатом, магистратами, влиятельными гражданами). В «Деяниях Божественного Августа» имеется несколько пассажей, в которых можно усмотреть связь с данной идеологией.

Первый из них содержится во вступительных строках «Деяний»: «В 19 лет я по своей инициативе и на свои средства снарядил войско, с помощью которого я вернул свободу государству, угнетенному господством (одной) клики»⁵⁷. Так Август сообщает о наборе легионов в конце 44 г. для противодействия консулу Марку Антонию, что впоследствии вылилось в Мутинскую войну. Ряд исследователей усматривает здесь параллель с пассажем Цезаря, в котором он объясняет, чем руководствовался при переходе Рубикона: «Не для злодейств он выступил из Провинции, но с тем, чтобы... освобо-

⁵⁷ Annos undeviginti natus exercitum privato consilio et privata impensa comparavi, per quem rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicavi.

дять и себя и народ римский от гнета шайки олигархов»⁵⁸ (BC. I. 22, пер. М.М. Покровского). По их мнению, общие для Цезаря и Августа упоминания о гнете клики (*factione paucorum oppressus / a dominatione factionis oppressa*) и восстановлении свободы (*in libertatem vindicaret / in libertatem vindicavi*) позволяют связать данный пассаж «Деяний» с популярской идеологией⁵⁹.

С другой стороны, высказывается мнение, что параллелью и источником для первой фразы «Деяний» скорее должна служить фраза Цицерона, в которой он говорит о действиях самого Октавиана на первом этапе Мутинской войны: «От этой язвы (Антония. — О. Л.) Цезарь (Октавиан. — О. Л.) по частной инициативе — ведь он не мог сделать это иначе — освободил государство»⁶⁰ (*Phil. III.5*)⁶¹. Привлекается также свидетельство автора «Африканской войны»: здесь Катон, обращаясь к Гнею Помпею-младшему, ставит ему в пример его отца, который, когда «заметил, что государство угнетено безбожными и преступными гражданами... будучи частным и совсем молодым человеком, собрал остатки отцовского войска и отстоял свободу почти вконец уничтоженной и разрушенной Италии и города Рима» (22,

⁵⁸ *Se non maleficii causa ex provincia egressum, sed uti... se et populum Romanum factione paucorum oppressum in libertatem vindicaret.*

⁵⁹ *Wickert L. Zu Caesars Reichspolitik // Klio. Bd. 30. 1937. S. 248–249; Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques. P., 1963. P. 102; Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley; Los Angeles; London, 1971. P. 189, n. 31; Weinstock S. Divus Julius. Oxford, 1971. P. 143; Seager R. Factio: Some Observations // JRS. Vol. 62. 1972. P. 54; Raaflaub K.A. Caesar the liberator? Factional politics, civil war, and ideology // Caesar against Liberty? / Ed. F. Cairns, E. Fantham. Cambridge, 2003. P. 50, 66; Idem. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit? // Caesar / Hrsg. E. Baltrusch. Darmstadt, 2007. S. 229–231, 254; Wiseman T.P. Augustus, Sulla and the supernatural // The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / Ed. C. Smith, A. Powell. Swansea, 2009. P. 116; Westall R. Review on Alison E. Cooley. Op. cit. // Bryn Mawr Classical Review 2011.02.03; Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 210. Ср. также: Sall. Jug. 42.1 (о братьях Гракхах). А.Н. Токарев не приводит параллелей с Цезарем, но тоже приходит к выводу, что Август здесь толкует *libertas* в популярском ключе, см.: Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011. С. 151.*

⁶⁰ *Qua peste privato consilio rem publicam—neque enim fieri potuit aliter — Caesar liberavit.*

⁶¹ *Mommsen Th. Op. cit. S. 2–3; Wirszubski C. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge, 1950. P. 100–101; 104–105; Walser G. Der Kaiser als Vindex Libertatis // Historia. Bd. 4. 1955. S. 354–356; Braunert H. Zum Eingangssatz der res gestae Divi Augusti // Chiron. Bd. 4. 1974. S. 358; Béranger J. Principatus: Études de notions et d'histoire politiques dans l'Antiquité gréco-romaine. Geneve, 1975. P. 243–245; P. 127; Belloni G. Op. cit. P. 62–63; Ramage E. Op. cit. P. 67; Griffin M. Op. cit. P. 32; Kienast D. Op. cit. S. 32–33. Cooley A. Op. cit. P. 106–108. Приводятся и другие параллели из сочинений Цицерона: Rep. II. 46, о Л. Бруте; Brut. 212, о Сципионе Назике, подавившем движение Тиберия Гракха. По мнению М. Шефера, выражение Августа может восходить к Цицерону (Rep. II. 46) через посредство Цезаря (BC. I.22), см.: Schäfer M. Cicero und der Principat des Augustus // Gymnasium. Bd. 64. 1957. S. 321–324.*

пер. М.М. Покровского с правкой)⁶². При анализе этих пассажей подчеркивается сходство статуса освободителей, которые были частными лицами (*privati*), и объекта освобождения — государства (*res publica*). В рамках данного подхода начало «Деяний» примыкает скорее к оптиматской идеологической традиции.

Ввиду того, что выражение Августа имеет очевидное сходство с высказываниями столь разных республиканских политиков, ряд исследователей полагает, что оно просто воспроизводит расхожий лозунг о защите свободы, который в годы гражданской войны охотно использовали все воюющие стороны. Этот лозунг ничего не говорит об идеологических предпочтениях Августа и представляет собой всего лишь заявление о том, что он руководствовался интересами государства⁶³.

Действительно, сама мысль о защите свободы не содержит в себе чего-то оригинального и имеет немало республиканских прецедентов⁶⁴; формулируя ее, Август вполне мог одновременно держать в голове цитаты и из «Записок» Цезаря, и «Филиппик» Цицерона. Интерес здесь представляет скорее анализ конкретных выражений, в которые облечена эта мысль. Недавно эта проблема была снова поднята в обстоятельном исследовании Л. Ходжсон. Автор полагает, что в поисках источника этой фразы Августа нет необходимости выбирать между Цицероном и Цезарем, однако не следует и считать ее пустым лозунгом: внимательный анализ позволяет увидеть, как Август присваивал и адаптировал поздне-республиканский политический дискурс для обоснования своего принципата⁶⁵. С большинством рассуждений автора можно согласиться, однако представляется, что, с небольшой корректировкой, они позволяют сделать более определенные выводы о соотношении первой фразы «Деяний» с популярской и оптиматской идеологической традицией.

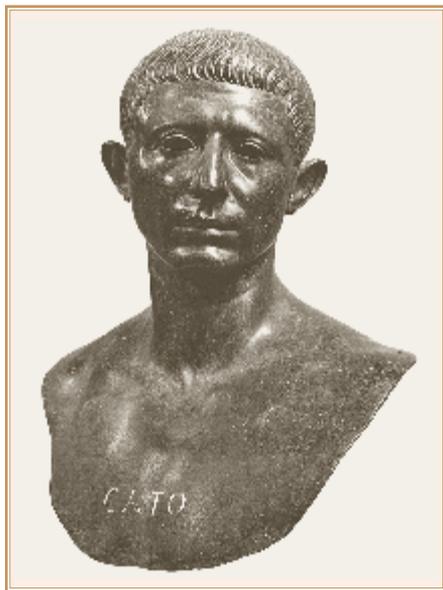
Л. Ходжсон справедливо отмечает, что пассаж из «Африканской войны» — это довольно неуклюжая (*awkward*) параллель для рассматриваемо-

⁶² 'tuus' inquit 'pater istuc aetatis cum esset et animadvertisset rem publicam ab nefariis sceleratisque civibus oppressam... privatus atque adulescentulus paterni exercitus reliquiis collectis paene oppressam funditusque deletam Italiam urbemque Romanum in libertatem vindicavit'. Особое значение этой параллели придают: Skard E. Zu Monumentum Ancyranum // *Symbolae Osloenses*. Vol. 31. 1955. S. 119–121; Lehmann G.A. Der Beginn der res gestae des Augustus und das politische exemplum des Cn. Pompeius Magnus // *ZPE*. Bd. 148. 2004. S. 151–162; Cooley A. Op. cit. P. 109.

⁶³ Syme R. Op. cit. P. 155; Wirszubski C. Op. cit. P. 104–105; Vanotti G. A proposito di Ottaviano Augusto «vindex libertatis» // *Fazioni e congiure nel mondo antico* / A cura di M. Sordi. Milano, 1999. P. 161–179.

⁶⁴ Их перечень см.: Wirszubski C. Op. cit. P. 103.

⁶⁵ Hodgson L. Appropriation and Adaptation: Republican Idiom in *Res Gestae* 1.1 // *CQ*. Vol. 64. 2014. P. 254–269.

Катон

го места «Деяний», так как резонансы здесь слишком сложны⁶⁶. Данный пассаж относится к цезарианскому корпусу — т.е. у его автора можно предполагать популярские воззрения и словоупотребление. Однако он вложен в уста Катона, морального лидера оптиматов, и при этом восхваляет раннюю карьеру Помпея Магна, хотя реальные взаимоотношения Катона с ним были весьма непростыми⁶⁷. Едва ли можно уверенно отнести этот пассаж к какой-либо из традиций. Но стоит отметить, что текстуально он не слишком похож на фразу Августа: он гораздо более пространен, и ключевые слова *privatus* и *in libertatem vindicavit* стоят в нем далеко друг от друга, а действия группировки, угнетающей государство, описаны в совершенно иных выражениях. Маловероятно, что читателю «Деяний» пришел бы на ум именно этот отрывок (хотя читатель «Африканской войны», пожалуй, мог бы вспомнить о ранней карьере Августа)⁶⁸, поэтому параллели со словами Цезаря и Цицерона представляются более перспективными.

Главное, что сближает высказывание Цицерона в III Филиппике и пассаж «Деяний», — это упоминание о том, что Октавиан в Мутинской войне действовал в качестве частного лица (*privatus*). Конечно, такого упомина-

⁶⁶ Hodgson L. Op. cit. P. 263.

⁶⁷ См., напр., Syme R. Op. cit. P. 26–27.

⁶⁸ По мнению Э. Скарда, выражения «Африканской войны» и «Деяний» могут восходить к хвалебной надписи в честь Помпея, а по мнению Г. Лемана — к письму Помпея к сенату 50 г. до н. э. (App. BC. II. 28), см.: Skard E. Op. cit. S. 121; Lehmann G. Op. cit. S. 161–162. Но сходство этих выражений (не столь уж разительное) вполне может объясняться сходством фактических событий юности Помпея и Октавиана.

ния нельзя было бы ждать от Цезаря: он не признавал решения сената о назначении себе преемника и утверждал, что его проконсульская власть должна продолжаться еще полгода (Caes. BC. I. 9). Однако, как показала Л. Ходжсон, за внешним сходством высказываний Цицерона и Августа кроется большое внутреннее различие. Цицерон одобряет действия Октавиана как частного лица по набору войск против Антония — как крайнюю меру, оправданную бездействием сената в условиях великой опасности для государства. Но он считает такое положение дел весьма нежелательным, и его цель состоит в том, чтобы побудить сенат как можно скорее предоставить Октавиану законные полномочия. Весьма существенна здесь его оговорка: «ведь он не мог сделать это иначе». Однако сам Август не только не скрывает, но и с гордостью подчеркивает, что действовал в качестве частного лица: законность для него нерелевантна, важнее то, что на первых же этапах карьеры между ним и государством устанавливаются особые отношения⁶⁹. В изображении Августа государство, угнетенное господством клики, не функционирует должным образом, и для снятия этой политической блокады он и начинает гражданскую войну⁷⁰ — и это обоснование весьма сходно с тем, которое приводит Цезарь в «Гражданской войне»⁷¹.

Во всех трех источниках — у Цезаря, Цицерона и Августа — речь идет о восстановлении свободы, но у Августа, как и у Цицерона, речь идет о свободе государства (*res publica*)⁷², у Цезаря же — о свободе римского народа (*populus Romanus*). Однако Л. Ходжсон доказывает, что различие между словоупотреблением Цезаря и Августа объясняется скорее разными обстоятельствами написания текстов, чем идеологическими расхождениями. Она подчеркивает, что в «Галльской войне» Цезарь неоднократно выступает от имени государства (*res publica*), а римский народ упоминается там лишь во внешнеполитическом контексте. Однако в «Гражданской войне», написанной в ходе военных действий, для него было бы слишком рискованно изображать себя как представителя всего Римского государства — в условиях, когда римский сенат и магистраты приняли против него жесткие меры, пусть

⁶⁹ Hodgson L. Op. cit. P. 256–261.

⁷⁰ Ibid. P. 268.

⁷¹ См.: Barry J. M. Fides in Julius Caesar's *Bellum Civile*. Diss. University of Maryland, College Park, 2005. P. 192–194.

⁷² Х. Браунерт доказывает, что в III Филиппике Цицерон подразумевает под *res publica* город Рим и власть сената (а не народа) в нем (Braunert H. Op. cit. S. 346–352), и выражение *res publica* в «Деяниях» Августа последовательно употребляется в том же смысле (Ibid. S. 353–355). Однако по меньшей мере последний тезис опровергается пассажем RGDA. 34: «я передал государство (*rem publicam*) из своей власти в распоряжение сената и народа римского».

даже он и не признавал их законность. Август, напротив, мог себе позволить подобное заявление, ибо к моменту написания «Деяний» его особые взаимоотношения с государством (*res publica*) были неоспоримы⁷³.

К этому можно добавить, что в других пассажах той же III Филиппики (8, 19, 32–33, 36–37, 39) Цицерон не раз упоминает свободу римского народа (*libertas populi Romani*), которую защищает от Антония Октавиан (а также его солдаты, сам Цицерон, Децим Брут и Эгнатулей), и именно она, а не *libertas rei publicae*, трижды фигурирует в предлагаемой им формулировке постановления сената. Следовательно, для самого Цицерона данный нюанс не имел особого значения, а выражение *libertas populi Romani* не представлялось ему идеологически чуждым.

Остается вопрос о том, кто именно представляет угрозу для *libertas*. Цицерон характеризует врага свободы — Антония — просто как *pestis* (чума, бич, язва), тогда как и Цезарь, и Август употребляют слово *factio*, которое у Цицерона встречается крайне редко (и ни разу — в отношении Антония)⁷⁴. Л. Ходжсон подчеркивает, что в политическом словаре Поздней республики оно было почти исключительной принадлежностью популяров, которые так обозначали малочисленную клику знатных и богатых противников народной свободы⁷⁵. Таким образом, именно в описании своего врага Август ближе всего подходит к популярскому политическому словарю. Однако если Цезарь пишет о «клике немногих» (*factio paucorum*), то Август — о господстве клики (*dominatio factionis*). По мнению Л. Ходжсон, таким образом первый принцепс стремился конкретизировать и усилить свою фразу, и столь сильный намек на Антония должен был одновременно напомнить о битве при Акции и замаскировать тот факт, что Октавиан вступил в борьбу ради мести за Цезаря⁷⁶. Если первая часть этого рассуждения не вызывает возражений, то со второй трудно согласиться. Фраза «Деяний» не поясняет, кто именно входил в *factio*, угнетавшую государство⁷⁷, и не содержит от-

⁷³ Hodgson L. Op. cit. P. 264–266. Р. Шер тоже считает, что Август писал о *res publica*, а не о *populus Romanus*, так как обладал единоличной властью: Scheer R. *Vindex Libertatis // Gymnasium*. Bd. 78. 1971. S. 184–185.

⁷⁴ Hellegouarc’h J. Op. cit. P. 103.

⁷⁵ Это же отмечает и А.Н. Токарев (Указ. соч. С. 32–33, ср. 151 — об RGDA.1). См. также: Taylor L.R. Op. cit. P. 9–10; Hellegouarc’h J. Op. cit. P. 101–104.

⁷⁶ Hodgson L. Op. cit. P. 267–268.

⁷⁷ Ж. Эллегаруар полагает даже, что под *factio* Август здесь имеет в виду убийц Цезаря и их сторонников, см.: Hellegouarc’h J. Op. cit. P. 102, not. 6. В греческой версии надписи (созданной, вероятно, в провинции) выражение *a dominatione factionis* переведено как *ἐκ τῆς τῶν συνομοσπόμενων δουληίας* («из рабства у заговорщиков»), что наводит на мысль об убийцах Цезаря, см.: Scheid J. Op. cit. P. 28; Cooley A. Op. cit. P. 108.

Денарий 12 г. до н. э. с портретом Августа на аверсе и трибунской скамьей на реверсе

сылкок ни к Антонию, ни к битве при Акции; эта неясность, по-видимому, внесена в текст сознательно — чтобы скрыть, что на данном этапе Октавиан воевал против соратника Цезаря и защищал его убийцу. То есть нежелательным он считал упоминание не о мести за Цезаря — о ней очень четко говорится в RGDA. 2, — а, напротив, о своем временном и вынужденном отступлении от этой цели. С другой стороны, утверждение Августа действительно усилено по сравнению с фразой Цезаря — в том смысле, что слово *dominatio* в Поздней республике обычно обозначало господство олигархии (*paucis*) и нобилитета, власть клики (*factio*), тиранию элиты⁷⁸. Таким образом, упоминание *dominatio* придает этой фразе Августа еще более яркий популярский оттенок.

Итак, хотя сама Л. Ходжсон воздерживается от выводов о том, восходит ли заявление Августа в начале «Деяний» к Цезарю или к Цицерону, представляется, что приведенные ею аргументы, с некоторыми уточнениями, говорят в пользу первого варианта. Сходство с Цицероном является довольно внешним — при наличии глубокого внутреннего различия, — а расхождения с Цезарем обусловлены скорее фактическими обстоятельствами гражданских войн, чем идеологическими разногласиями авторов. Более того, выражение *dominatio factionis* характерно именно для популярского идеологического дискурса, и здесь Август использует даже более сильное выражение, чем последовательный популярь Цезарь.

Тем не менее замена в первой главе «Деяний» «римского народа» (*populus Romanus*) на «государство» (*res publica*) все же представляется довольно важной, поскольку популяры Поздней республики провозглашали себя защитниками интересов и свободы римского народа. Рассмотрим,

⁷⁸ Hodgson L. Op. cit. P. 267, ср.: Hellegouarc'h J. Op. cit. P. 562–563.

какое место *populus Romanus* занимает в «Деяниях» Августа и как он соотносится с сенатом⁷⁹.

Сразу бросается в глаза преобладание римского народа над сенатом в одной конкретной сфере — это внешняя политика. В главах 26–33, где речь идет о военных и дипломатических успехах Августа, сенат не упоминается ни разу, народ же — девять раз. Август пишет здесь о подчинении римскому народу новых стран и земель, а также об иноземных племенах, просивших дружбы и покровительства римского народа. К этому же контексту принадлежит упоминание в главе 13 о державе римского народа (*totum imperium populi Romani*), в которой Август своими победами установил мир на суше и на море. Впрочем, сами эти достижения принадлежат Августу, именно он выступает активным лицом, действующим от имени и в интересах римского народа, а сам народ — лишь получателем выгод от его военных и дипломатических побед⁸⁰.

Рассказывая об урегулировании 27 г. до н. э., Страбон, современник Августа, пишет, что «он разделил всю территорию империи на 2 части: одну часть он назначил себе, а другую — отдал в управление народу», а затем «каждую из двух частей он в свою очередь разделил на несколько провинций, из которых одни называются “Провинциями Цезаря”, другие же — “Провинциями народа”» (XVII.3.25, пер. Г.А. Стратановского), причем народу достались миролюбивые провинции, а принцепсу — области, нуждавшиеся в военной охране, либо из-за варварских и еще не покоренных соседей, либо из-за беспокойного населения. Сам Август в «Деяниях» говорит о том, что расширил территорию провинций, «с которыми граничили народы, не подчинявшиеся нашей власти», однако, в отличие от Страбона, эти провинции он называет не своими собственными, а провинциями римского народа (26)⁸¹. Тем не менее и в данном случае, и далее (27) подразумеваются провинции Цезаря, где были одержаны победы над германцами, паннонцами и даками, а также Египет, который Август «подчинил власти народа римского». Следовательно, в «Деяниях» римский народ (а не сенат и не император) рассматривается как суверен, которому принадлежат не только народные провинции, но и провинции Цезаря, в том числе и вновь присоединенные террито-

⁷⁹ Заголовок «Деяний» здесь оставлен вне рассмотрения, так как, в отличие от остальной надписи, он написан в третьем лице, и вполне вероятно, что его автором является не Август, см.: *Scheid J. Op. cit. P. xxi—xxii*.

⁸⁰ *Gagé J. Op. cit. P. 23—24; Malavolta M. Arcana imperii. Lessico politico delle Res gestae diui Augusti. Roma, 2011. P. 133.*

⁸¹ *provinciarum populi Romani*], восстановлено по греческому ἐπαρχειῶν δήμου Ῥωμαίων.

рии⁸². Именно на этот принцип опирались популяры Поздней республики, когда против воли сената выносили на рассмотрение народа вопросы внешней политики и управления провинциями.

Схожая картина наблюдается и в тех главах «Деяний», где описаны посольства иноземных народов и дипломатические успехи Августа. В эпоху Республики приемом посольств традиционно занимался сенат, он же решал вопросы о признании того или иного правителя или общины другом и союзником римского народа и выработывал позицию Рима относительно династических споров иноземных властителей. В «Деяниях» Август перечисляет множество дипломатических эпизодов, но ни в одном из них нет места сенату⁸³. Римский народ присутствует там, где используется традиционная формула дружбы, о которой просят варварские народы (парфяне, германские, задунайские, кавказские племена⁸⁴). Но там, где речь идет о взаимодействии с царями и представителями иноземных династий, Август выступает в одиночку, и не только сенат, но и римский народ не принимают в этих событиях никакого участия. Возможно, это объясняется тем, что место Августа в Римском государстве в чем-то аналогично положению этих правителей в их державах, поэтому именно ему надлежит вести с ними переговоры или даже решать их судьбу. Так или иначе, но если римский народ в «Деяниях» сохраняет свое традиционное место как источник дружбы и верности (*fides*) в отношении иных народов, хотя рядом с ним фигурирует и Август⁸⁵, то сенат полностью утрачивает свою роль в этом процессе, и его место в международных отношениях занимает принцепс.

Во внутривластной сфере картина сложнее: здесь присутствуют как народ, так и сенат. В некоторых случаях упоминание того или иного института, очевидно, продиктовано просто фактическими обстоятельствами дела, которые определялись устоявшейся конституционной практикой. Например, поручение позаботиться о том, чтобы государство не претерпело ущерба, всегда издавалось сенатом, он же принимал решения о триумфах и молебствиях; народ, с другой стороны, избирал должностных лиц.

⁸² Millar F. «Senatorial» Provinces: An Institutionalized Ghost // *Idem*. Rome, the Greek World and the East. Volume I. The Roman Republic and the Augustan Revolution. Chapel Hill; London, 2002. P. 314–320. Другие свидетельства об этом принципе в эпоху Ранней империи см.: *Ibid*. P. 315–316.

⁸³ Это же отмечает Э. Кули: Cooley A. *Op. cit.* P. 25.

⁸⁴ В RGDA. 26 Август говорит о «дружбе моей и римского народа» (*amicitiam meam et populi Romani*), ставя себя на первое место. То же подразумевается и в RGDA. 31, где говорится о «нашей дружбе» (*nostra amicitia*), см.: Scheid J. *Op. cit.* P. 80; Cooley A. *Op. cit.* P. 251.

⁸⁵ Ramage E. *Op. cit.* P. 24–25.

Однако анализ этих упоминаний представляет определенный интерес, так как Август имел возможность и вовсе не уточнять, кем ему предоставлены почести и должности.

Сенат в «Деяниях» предстает главным и почти единственным источником почестей Августа, не сопряженных с должностями или полномочиями. Он принимает 19-летнего Октавиана в свой состав в ранге консуляра (1), декретирует ему множество триумфов и благодарственных молебствий за победы (4), принимает постановления об обетах за его здоровье (9), о торжественных мероприятиях по случаю его возвращения в Рим (11–12), о закрытии храма Януса (13), о зачислении в сенат сыновей Августа в день их совершеннолетия (14). Именно от сената принцепс получает почетное имя Август, лавры и гражданский венок, украсившие вход в его дом, и квадригу на форуме Августа (34–35). Август явно желал подчеркнуть признание сенаторами его заслуг и собственный высокий авторитет в этом собрании. Однако вряд ли этот перечень что-то говорит о положении сената в государстве. В диктатуру Цезаря сенат тоже принимал множество почетных постановлений в его честь, но это не мешало Цицерону считать, что сенаторы, прежде стоявшие у руля государственного корабля, ныне сидят в трюме (Fam. IX. 15. 3).

Впрочем, народ не полностью отстранен от предоставления Августу почестей: в «Деяниях» император упоминает, что в 27 г. до н. э. сенат и народ даровали ему золотой щит доблестей (34), а во 2 г. до н. э. он получил титул «Отец отечества» от сената, всаднического сословия и народа (35). Эти две почести Август упоминает последними, — причем сообщение о титуле «Отец отечества» завершает весь текст «Деяний», — что говорит о их особой значимости для автора. Упоминание здесь народа (а во втором случае также всаднического сословия), видимо, должно подчеркивать единство и согласие всего римского общества в оценке заслуг принцепса.

Отметим, что в последнем пассаже Август умалчивает о том, что сперва отклонил титул «Отец отечества» и лишь на второй раз принял (Suet. Aug. 58). Однако в других местах «Деяний» он подчеркивает свои отказы от должностей или почестей (4–6; 10). В последнем случае даже имела место сходная ситуация: Август отклонил пост верховного понтифика, предложенный народом, но затем принял его после смерти своего предшественника (Лепида). Видимо, разница состоит в том, что предложение о должности верховного понтифика в обоих случаях исходило от одного и того же субъекта — от народа, и Август мог объяснить перемену своего решения объективными обстоятельствами; однако в случае с титулом «Отец отечества» Август отклонил почесть, предложенную народом, но принял,

когда к предложению народа присоединились также всадническое сословие и сенат⁸⁶. Именно это обстоятельство в «Деяниях» затушевано: очевидно, Август не желал противопоставлять народ сенату и тем более отдавать предпочтение последнему.

Сходная установка видна и в тех случаях, когда Август сообщает о предложенных и (или) предоставленных ему или его близким должностях и полномочиях, а также о проведенных им мероприятиях. В этих эпизодах сенат и народ представлены действующими совместно и (или) единодушно. Рассказывая о начале своей карьеры, Август пишет, что сенат наделил его империем и приказал позаботиться, чтобы государство не потерпело ущерба (1). Народу здесь места нет, так как он действительно не участвовал в этих решениях, но баланс соблюден, ибо в следующем предложении Август пишет, что народ избрал его на должность консула и триумвира. При этом принцепс умалчивает о предварительном решении сената допустить его к участию в консульских выборах, несмотря на то, что он не достиг законного возраста и не занимал ни одной магистратуры (App. BC. III.90; Cass. Dio XLVI.44.2). Он мог бы сообщить, что его избрали консулом сенат и народ, как написал это ниже (14) о своих приемных сыновьях, однако предпочел упомянуть только народ. Умолчание о сенате может объясняться тем, что этот орган принимал решение под воздействием страха перед армией Октавиана, однако, в сущности, все решения, упомянутые в первой главе «Деяний», были приняты именно так. Более вероятно, что Август не говорит здесь о сенате именно в целях соблюдения баланса.

Далее следует упоминание о диктатуре и должности куратора нравов: их Августу тоже предлагают совместно сенат и народ, хотя, как было показано выше, в реальности картина была иной. От этих должностей Август отказался, зато принял трибунскую власть. В сообщении о ней тоже соблюдается баланс: трибунская власть (сама по себе тесно связанная с народом) предоставляется Августу — в отличие от его коллег — законом, т.е. римским народом (RGDA. 10, ср. 6), но при этом принцепс использует ее, чтобы осуществить то, чего желает сенат (6). Немного ниже Август пишет о том, что

⁸⁶ Ср. Suet. Aug. 58: *senatus... consentiens cum populo Romano* (речь Мессалы), Ovid. Fast. II. 127–128 (*plebs... curia... eques*); Inscr. It. XIII.2. 17 (*a senatu populoque Romano*). М. Деттенхофер трактует этот эпизод как давление Августа на сенат, оказываемое при помощи инспирированного им самим народного энтузиазма: *Dettenhofer M. Op. cit. S. 173–174*, однако конкретных доводов не приводит, считая, по-видимому, это самоочевидным. Если допустить, что ее гипотеза справедлива, то, конечно, в «Деяниях» нельзя ожидать упоминаний об этой подготовительной работе.

«по приказу народа и сената увеличил количество патрициев» (8): согласно Тациту, эта мера была оформлена Сениевым законом (Ann. XI. 25), которому, видимо, предшествовало соответствующее постановление сената. По мнению некоторых исследователей, необычный порядок слов (*iussu populi et senatus*) здесь подчеркивает роль народа⁸⁷. Сообщая об учреждении Марсовых игр (22), Август говорит, что их «после этого устраивали ежегодно консулы согласно постановлению сената и закону»⁸⁸ — т.е. решение вновь принято сенатом и народом. Однако поручение о восстановлении 82 римских храмов Августу дает один только сенат (20). К этому религиозному мероприятию римский народ не имеет отношения, зато в другом его выдающаяся роль всемерно подчеркнута. Август сообщает (10), что народ предложил ему пост верховного понтифика, он отказался и принял эту должность лишь после смерти предшественника. Далее он продолжает: «На мои выборы собралось такое множество народа со всей Италии, о каком никогда не сообщалось в Риме до тех пор» (пер. А.Л. Смышляева с правкой)⁸⁹. Тут Август подчеркивает, что народ не только предлагал ему эту должность, но и избрал на нее с небывалым энтузиазмом⁹⁰. Употребление слова *multitudo* (в греческом переводе *πλήθος*), имеющего оттенок «масса», «толпа»⁹¹, вместо *populus* (греч. *δῆμος*), еще сильнее подчеркивает массовый характер поддержки, которой пользовался Август.

Наконец, в последней главе «Деяний» сенат и народ снова появляются вместе — на этот раз в роли не дарителей, а получателей. Август пишет: «В 6-е и 7-е консульства, после того как я потушил гражданские войны, владея при всеобщем согласии высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа римского»⁹². Здесь подразумевается

⁸⁷ Gagé J. Op. cit. P. 24, n. 1; Cooley A. Op. cit. P. 139.

⁸⁸ quos p[ost i]d tempus deincep[s] ins[eq]uen[t]i[bus ann]is [s. c. et lege] fecerunt [co]n[s]ules; ἀς μετ' ἐκεῖνο[ν χ]ρόνον ἐξῆς [τοῖς μ]ετέπειτα ἐνιαυτοῖς δόγματι συνκλήτου καὶ νόμῳ ἐπόησαν οἱ ὕπα[τοι]. Пер. О.В. Любимовой. Ключевые слова латинского текста не сохранились, и до публикации нового греческого фрагмента из Аполлонии в 1933 г. их восстанавливали как [s. c. mecum]. См.: Scheid J. Op. cit. P. 232–233, ср. Velleius Paterculus. Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti / With an English translation by F. W. Shipley. L., 1924. P. 382–383.

⁸⁹ cuncta ex Italia ad comitia mea confluyente multitudine, quanta Romae nunquam narratur ad id tempus fuisse.

⁹⁰ Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 53; Belloni G. Op. cit. P. 95.

⁹¹ Оно могло употребляться даже в значении «чернь», но в «Деяниях» явно подразумевается огромное количество народа, а не его низкое качество.

⁹² Обнаружение нового фрагмента с латинским текстом «Деяний» из Антиохии Писидийской повлияло на интерпретацию всего этого пассажа. Библиографию см.: Scheid J. Op. cit. P. 82–88; Cooley A. Op. cit. P. 258.

ряд мероприятий Октавиана в 28 и 27 гг. до н. э., после окончания гражданских войн: чередование фаций с коллегой, отмена прошлых незаконных и несправедливых распоряжений, восстановление свободных выборов магистратов (кроме консулов), реформа казны (в 28 г.), отказ от войск и провинций (в 27 г.)⁹³. И в этом случае сенат и народ выступают как две неразделимые составляющие единого целого, два института, которые обладают политической инициативой и имеют право распоряжаться Римским государством. Их воле (*arbitrium*) подчиняется сам принцепс, и именно от них он получает свои полномочия⁹⁴.

Таким образом, римский народ занимает в «Деяниях Божественного Августа» вполне почетное место. Во внешней политике он играет роль верховного суверена Римского государства, от лица и в интересах которого действует принцепс, тогда как сенат полностью оттеснен на задний план. Во внутренней политике сенат и народ выступают на равных, как два равноценных и полноправных института, ни один из которых не уступает другому. Правда, сенат служит в «Деяниях» почти единственным источником почестей Августа, однако вряд ли это многое говорит о его положении в государстве. Так или иначе, но важнейшие почести — золотой щит доблестей и титул «Отец отечества» — предоставлены Августу опять-таки с согласия сената и народа.

Защита материальных интересов народа в RGDA

Перейдем к вопросу о том, что сообщается в «Деяниях Божественного Августа» о выгодах (*commoda*), которые получил народ от его правления.

Со времен Гракхов в деятельности популяров важное место занимали проблема *распределения государственной земли* и тесно связанный с ней вопрос о *выведении новых колоний*. В 133 г. до н. э. Тиберий Гракх провел закон о наделении обедневших римских граждан участками из состава государственного земельного фонда (*ager publicus*), но уже со времен Мария и Сатурнина на первый план выходит проблема вознаграждения

⁹³ Благодаря обнаружению аурея 28 г. до н. э. с легендой LEGES ET IVRA P(OPULI) R(OMANI) RESTITUIT порядок этих реформ был существенно пересмотрен; ранее все основные мероприятия относили к 27 г. См.: Rich J.W., Williams J.H.C. Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B. C. // The Numismatic Chronicle. Vol. 159. 1999. P. 188–204; Mantovani D. Leges et iura p(OPULI) R(OMANI) restituit. Principe e diritto in un aureo di Ottaviano // Athenaeum. Vol. 96. 2008. P. 5–54.

⁹⁴ Gag J. Op. cit. P. 24, n. 1; Ramage E. Op. cit. P. 40, 112; Scheid J. Op. cit. P. 56–57; Malavolta M. Op. cit. P. 133–134; Cooley A. Op. cit. P. 39.

ветеранов. Впрочем, П. Брант показал, что гракханские поселенцы и ветераны имели между собой много общего: это были выходцы из италийского сельского плебса, желавшие зарабатывать себе на жизнь обработкой земли. Городской плебс Рима, давно оторвавшийся от земли, не был заинтересован в аграрных законах; распределения добывались недавно разорившиеся крестьяне, арендаторы, сельские наемные работники и т.д. Из этого же класса (а не из городского пролетариата) в основном набирались и армии Поздней республики, причем срок службы солдат был не так велик, чтобы они утратили навыки земледелия и интерес к нему, но достаточно велик, чтобы их прежние хозяйства окончательно пришли в упадок. Ветераны, выходившие в отставку, желали вернуться на землю, получить земельные наделы и средства для их обработки. Консерваторы-оптиматы, контролировавшие сенат, неизменно противодействовали аграрным законопроектам популяров, за которыми стояли полководцы, — как из-за нарушения прав собственности и владения и ущерба для казны, так и из-за опасений, что автор подобного законопроекта обретет чрезмерную популярность. Преодолеть их сопротивление удавалось только при помощи силы или угрозы ее применения⁹⁵.

После принятия в 59 г. до н. э. аграрных законов Цезаря, нацеленных на обеспечение ветеранов Помпея, а также некоторых категорий римского плебса, в Италии почти не осталось земли, доступной для распределения. В годы диктатуры Цезарь селил своих ветеранов в Италии на выкупленных участках, к которым прибавил земли, изъятые у помпеянцев; в провинции он вывел множество колоний, состоявших как из ветеранов, так и из римского городского пролетариата, в том числе и на конфискованные земли⁹⁶.

В гражданских войнах, последовавших за смертью Цезаря, земельный вопрос в Италии встал с небывалой остротой, и в 41—40 гг. триумвиры произвели земельные конфискации в огромных масштабах, чтобы вознаградить примерно 46—48 тыс. ветеранов битвы при Филиппах, причем непосредственное исполнение этой задачи легло на плечи Октавиана (App. BC. V. 12—15; Cass. Dio XLVIII. 6—9). В 36 г. до н. э., вознаграждая 20 тыс. отставных солдат кампанской землей, Октавиан уже предоставил жителям Капуи некоторую компенсацию в виде акведука и территории города Кносс на

⁹⁵ *Brunt P.A. The Army and the Land in the Roman Revolution // Idem. The Fall of the Roman Republic and Other Related Essays. Oxford, 1988. P. 240—275.*

⁹⁶ См. об этом: *Brunt P.A. Italian Manpower. 225 B.C. — A.D. 14. Oxford, 1971. P. 312—326; Yavetz Z. Julius Caesar and His Public Image. Ithaca, New York, 1983. P. 137—150; Keppie L. Colonization and veteran settlement in Italy, 47—14 B.C. Rome, 1983. P. 49—58.*

Крите (Cass. Dio XLIX. 14. 5)⁹⁷. После битвы при Акции он расселил около 85 тыс. ветеранов, причем 57 тыс. из них — в Италии, на землях городов, поддерживавших Антония. Однако прежним жителям он предоставил возможность поселиться за пределами Италии или денежную компенсацию, которая, впрочем, была им выплачена лишь после окончательной победы над Антонием и Клеопатрой (Cass. Dio LI. 4. 5–6, ср. 17. 7–8). Масштабы этого расселения даже превосходили мероприятия после битвы при Филиппах, однако на этот раз в источниках оно не выглядит такой катастрофой, и ничего не сообщается о протестах или возмущении. По-видимому, теперь Октавиан стал действовать осторожнее⁹⁸. Впоследствии, на протяжении единоличного правления, Августу еще неоднократно приходилось вознаграждать ветеранов. В «Деяниях» он несколько раз упоминает об этих мероприятиях⁹⁹.

В главе 3, сообщая о своих победах, Август пишет: «...несколько более 300 000 (солдат), отбывших срок на военной службе, я вывел в колонии или отпустил в их муниципии. Всем им в качестве награды за военную службу я выделил земельные наделы или даровал деньги». Указанная цифра включает всех ветеранов, которых он когда-либо вознаграждал (кроме ветеранов Антония, получивших землю после Филипп), причем 120 тыс. из них было расселено в колониях к 29 г. до н. э. (ср. RGDA. 15)¹⁰⁰. С этого времени колонии выводились только за пределы Италии, хотя Август все же мог селить небольшие группы ветеранов на земли, приобретенные у колоний и муниципиев¹⁰¹.

В главе 16 Август сообщает о расходах на обеспечение отставных легионеров. Он пишет, что в 30 и 14 гг. до н. э. заплатил жителям Италии — 600 млн сестерциев, а жителям провинций — 260 млн за земельные наделы, отведенные ветеранам, причем подчеркивает: «так поступил я первым и единственным из всех, кто на памяти моего века выводил колонии воинов в

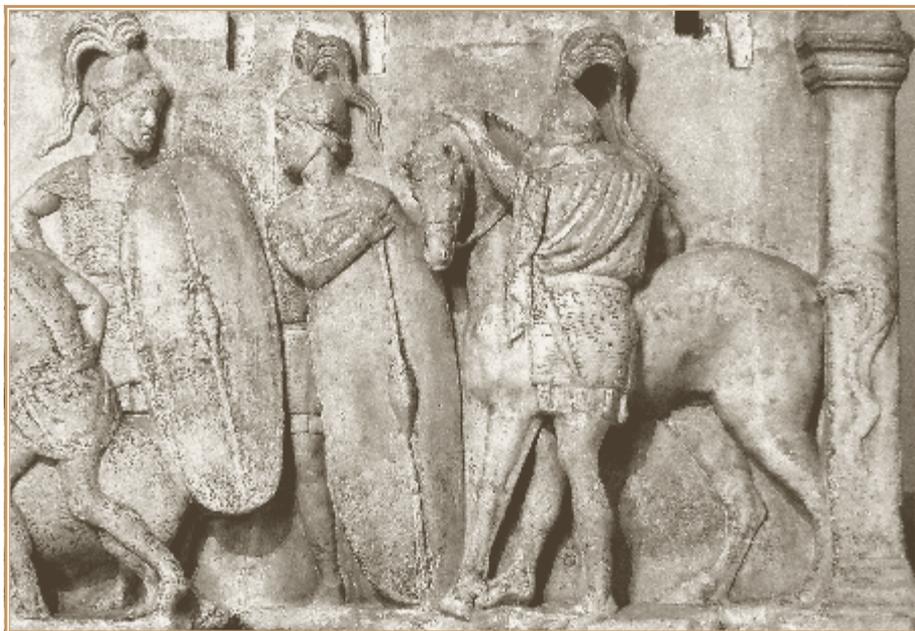
⁹⁷ Brunt P.A. *Italian Manpower...* P. 326–331; Schneider H.-C. *Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik*. Bonn, 1977. S. 213–231; Keppie L. *Op. cit.* P. 58–73; Osgood J. *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire*. Cambridge, 2006. P. 109–144.

⁹⁸ Brunt P.A. *Italian Manpower...* P. 331–342; Schneider H.-C. *Op. cit.* S. 231–235; Keppie L. *Op. cit.* P. 73–82; Reinhold M. *From Republic to Principate. An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 B.C.)*. Atlanta, 1988. P. 127–128.

⁹⁹ В целом, сведения «Деяний» о вознаграждении ветеранов довольно обрывочны, представлены бессистемно и с трудом поддаются анализу. Длинный перечень вопросов, которые они оставляют без ответа, см.: O'Brien J. *Op. cit.* P. 119–120.

¹⁰⁰ Brunt P.A., Moore J.M. *Op. cit.* P. 41–42; Brunt P.A. *Italian Manpower...* P. 339; Keppie L. *Op. cit.* P. 74–75; Cooley A. *Op. cit.* P. 118.

¹⁰¹ Brunt P.A. *Italian Manpower...* P. 337; Cooley A. *Op. cit.* P. 118.

Легионеры. Древнеримский барельеф

Италии и в провинциях»¹⁰². В дальнейшем ветераны, уволенные со службы, как правило, получали уже не землю, а деньги¹⁰³. Август пишет, что в 7, 6, 4, 3 и 2 гг. до н. э. он потратил 400 млн сестерциев на выплаты отслужившим воинам. Далее в главе 17 принцепс сообщает, что в 6 г. н. э. для обеспечения ветеранов по его инициативе был создан военный эрарий, причем он передал в него из своего имущества 170 млн сестерциев (ср. Suet. Aug. 49. 2; Cass. Dio LV. 24. 9).

Наконец, в главе 28, рассказывая о своих внешнеполитических достижениях, Август перечисляет 10 провинций, в которые выводил колонии ветеранов, а также подчеркивает, что 28 его италийских колоний были многолюднейшими и богатейшими. Видимо, контекст этого сообщения

¹⁰² Новшество состояло не в том, что Август платил за конфискованную землю, — аграрные законы Цезаря тоже предусматривали компенсацию, — а в том, что он платил не из казны, а из личных средств, и приведенные цифры отражают только эти расходы, см.: *Wilcken U. Zu den impensae der Res gestae divi Augusti // Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Abteilung der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 27. 1931. S. 779–782.* Это не означает, что после 30 г. Август платил за всю изымаемую землю: в 26–25 и 21–19 гг. в провинции или на земли покоренных племен на северной границе Италии было выведено еще несколько колоний, не учтенных в этом пассаже, так как они ничего не стоили Августу лично: *Brunt P.A. Italian Manpower... P. 337–338; Schneider H.-C. Op. cit. S. 233–234; Keppie L. Op. cit. P. 82–83.*

¹⁰³ Хотя, как свидетельствует Тацит, расселения ветеранов в провинциях продолжались (Тас. Ann. I. 17. 5).

объясняется тем, что колонии рассматривались не только как средство вознаграждения отставных солдат, но и как оплот римской власти¹⁰⁴.

Таким образом, складывается впечатление, что Август, не ущемляя интересы жителей Италии и провинций, позаботился о благосостоянии своих отставных солдат, потратив на эти цели свои личные средства. Выведенные им ветеранские колонии обеспечивают безопасность римской власти в провинциях и содействуют процветанию Италии. А благодаря основанию военного эрария первый принцепс решил аграрную проблему в государстве раз и навсегда. В этой картине остаются за скобками лишения, перенесенные италийцами, которых в 41–40 гг. до н. э. выселяли с земли без всякой компенсации, а в 36 и 30 гг. — хотя и с компенсацией, но принудительно¹⁰⁵. Не упоминается и о том, что военный эрарий пополнялся за счет налога на наследство, учреждению которого сенат долго противился, причем в ходе дебатов Август ссылаясь на то, что учреждение этого налога было спланировано еще Цезарем (Cass. Dio LV. 25. 1–6, ср. LVI. 28. 4–6)¹⁰⁶. Не сообщается и о том, что на протяжении правления второго триумvirата и Августа срок службы легионеров неуклонно увеличивался, а в конце его правления отслуживших солдат надолго задерживали под знаменем¹⁰⁷. Неизвестно, включает ли Август в число 28 своих италийских колоний те, что были выведены до битвы при Акциии на основе общего решения триумvirов (и вызывали более негативную реакцию)¹⁰⁸. Тем не менее приведенные Августом цифры вполне отражают гигантские масштабы его мероприятий по обеспечению солдат, уволенных в отставку.

Рассказывая о своей аграрной политике и выведении колоний, Август ограничивается только тем, что предпринималось для вознаграждения ве-

¹⁰⁴ Gagé J. Op. cit. P. 133 (с перечислением основных колоний); Brunt P.A. Moore J.M. Op. cit. P. 72; Cooley A. Op. cit. P. 236–237. В этом пассаже не учтена колония Иадер в Иллирике, поселенцы которой, очевидно, были гражданскими лицами, а также Эмона в Паннонии, основанная в 14 г. н. э., видимо, уже после составления текста «Деяний», см.: Keppie L. Op. cit. P. 209; Cooley A. Op. cit. P. 238.

¹⁰⁵ Ramage E. Op. cit. P. 35.

¹⁰⁶ В связи с этим П. Брант пишет, что при Августе богатые обнаружили, что ту цену, которую они не желали платить за сохранение своих свобод, им придется, потеряв свободу, заплатить за сохранение порядка и стабильности: Brunt P.A. The Army and the Land... P. 273–274.

¹⁰⁷ Brunt P.A. Italian Manpower... P. 333–335.

¹⁰⁸ По-видимому, общее число колоний в Италии, выведенных Октавианом, было больше 28. Различные мнения по этому вопросу см.: Mommsen Th. Res Gestae Divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi. B., 1883. P. 121–123; Gagé J. Op. cit. P. 134; Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 72–73; Brunt P.A. Italian Manpower... P. 608–610; Keppie L. Op. cit. P. 76–77, 80–82.

теранов, и складывается впечатление, что городской плебс Рима не был затронут этими мероприятиями¹⁰⁹. Тем не менее благодеяния в адрес последней категории населения занимают в «Деяниях» важное место.

Важнейшим пунктом популярской программы всегда было *обеспечение римского плебса хлебом*¹¹⁰. Первый хлебный закон был принят Гаем Гракхом, трибуном 123 г. до н. э., и лишь гарантировал всем римским гражданам продажу определенного количества государственного зерна по сниженной цене (Liv. Per. 60; App. BC. I. 21). Этот закон был нацелен на то, чтобы сделать зерно более доступным для римского плебса, и рассматривался как привилегия римских граждан. В последние десятилетия Республики было принято еще несколько подобных законов. Оптиматы, однако, относились к ним неодобрительно, потому что они «отвлекали плебс от труда и склоняли его к праздности», а также истощали казну (Cic. Sest. 103)¹¹¹. Борьба оптиматов и популяров вокруг хлебных законов существенно искажила первоначальные цели этого института и в 58 г. завершилась принятием масштабного закона Клодия, согласно которому всем римским гражданам государство должно было раздавать бесплатно по 5 модиев зерна в месяц. Столь радикальная мера имела тяжелые последствия для государственных финансов, увеличила приток сельских бедняков в Рим, стимулировала рост числа вольноотпущенников и затруднила снабжение Города хлебом (Cic. Sest. 55; Dom.25; Ascon. 8 C; Cass. Dio XXXVIII.13. 1). Чтобы сохранить этот институт, необходимо было поставить его под строгий контроль, и в свою диктатуру Цезарь провел перепись получателей зерна по кварталам и через домовладельцев, вычеркнул тех, кто попал в списки незаконно (т.е., по-видимому, неграждан, вольноотпущенников и граждан, не имеющих в Риме постоянного места жительства), и установил новый порядок обновления списков, что позволило сократить число получателей с 320 до 150 тыс. человек (Suet. Iul. 41. 3;

¹⁰⁹ Хотя, по-видимому, это не совсем верно: ср. выше, прим. 104, об Иадере.

¹¹⁰ Данные мероприятия рассматриваются в категории экономических, однако для получателей они могли иметь и политическое значение, так как высвобождали их рабочее время для политической деятельности; см. об этом: *Courrier C. La plèbe de Rome et sa culture (fin du IIe siècle av. J.-C. - fin du Ier siècle ap. J.-C.)*. Rome, 2014. P. 440–442.

¹¹¹ Хотя изредка они сами прибегали к подобным приемам, когда того настоятельно требовали тактические соображения, ср.: *Plut. Cat. Min. 26. 1*. О систематическом противодействии консерваторов-оптиматов хлебным законам и их бездействии перед лицом продовольственных кризисов см.: *Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World*. N.Y., 1988. P. 209–211, о более глубоких идеологических основаниях их позиции см.: *Veigne P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique*. P., 1976. P. 458–469.

Cass. Dio XLIII. 21. 4). Однако в эпоху гражданских войн, последовавших после его смерти, эти распоряжения не соблюдались¹¹².

В правление Августа прежняя система долго оставалась без изменений, и в разные периоды зерно от государства получали от 250 до 320 тыс. человек (RGDA. 15)¹¹³. Около 2 г. н. э. Август повторил попытку Цезаря упорядочить раздачу, на сей раз более успешно: он провел поквартальную перепись населения Рима (census) и ограничил численность получателей 200 тыс. человек (Suet. Aug. 40. 2; Cass. Dio LV. 10. 1)¹¹⁴. Так внутри разнородного населения города Рима образовалась привилегированная группа, куда входили все римские граждане мужского пола, старше 10 лет, родившиеся и постоянно проживающие в Риме (кроме членов сенаторского и всаднического сословия)¹¹⁵, и право на получение зерна от государства отмечается в надписях как почетное право римского гражданина¹¹⁶.

Светоний, ссылаясь на слова самого Августа, пишет, что он подумывал об отмене государственных раздач зерна, так как они вредят земледелию, но отказался от этой мысли, опасаясь, что эти раздачи вновь учредит какой-то честолюбец, добивающийся популярности у народа (Aug. 42. 3)¹¹⁷. Данное заявление созвучно позиции оптиматов конца Республики, одна-

¹¹² Перечень хлебных законов см.: *Belloni G. Op. cit. P. 105–106*; подробнее о них и о мероприятиях Цезаря см.: *Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome. Berkeley; L. A. 1980. P. 191–196*; *Rickman G. The Corn Supply of Ancient Rome. Oxford, 1980. P. 158–179*; *Garnsey P. Op. cit. P. 211–219*; *Veyne P. Op. cit. P. 451–454*; *Virlouvet C. Tessera frumentaria. Les procédures de la distribution de blé public à Rome. Rome, 1995. P. 166–185*. О том, что меры Цезаря не были направлены против интересов плебса, см.: *Yavetz Z. Julius Caesar... P. 158*.

¹¹³ В этой главе «Деяний» речь идет не о регулярных государственных раздачах, а о конгиариях (подробнее см. ниже), но конгиарии выдавались только получателям зерна, см.: *Van Berchem D. Les distributions de blé et d'argent à la plèbe Romaine sous l'Empire. Genève, 1939. P. 128–129*; *Cooley A. Op. cit. P. 170, 174*.

¹¹⁴ Ср. RGDA. 15, где во 2 г. до н. э. плебс, «который тогда получал хлеб от государства», составляет «немногим более 200 тыс. человек». Возможно, позднее, после продовольственного кризиса 6 г. н. э., число получателей было понижено до 150 тыс., как и планировал Цезарь (*Rickman G. Op. cit. P. 181*; *Virlouvet C. Tessera frumentaria... P. 192–194*; *Cooley A. Op. cit. P. 174*). О преемственности реформы Августа по отношению к Цезарю см.: *Nicolet C. Op. cit. P. 196; 120*; *Rickman G. Op. cit. P. 59–60, 181–182, 186*; *Virlouvet C. Tessera frumentaria... P. 165–169, 186*; *Courrier C. Op. cit. P. 46–47; 121; 351; 353–354*.

¹¹⁵ Вероятно, вольноотпущенники имели право получать хлеб от государства лишь в виде исключения, см.: *Virlouvet C. Tessera frumentaria... P. 216–241*.

¹¹⁶ *Van Berchem D. Op. cit. P. 43–45*; *Kienast D. Op. cit. S. 198–200*, с библиографией.

¹¹⁷ К. Вирлуве убедительно предполагает, что это заявление могло предварять эдикт или иной документ о сокращении числа получателей зерна, ср.: *Virlouvet C. Tessera frumentaria... P. 195*.

ко в «Деяниях» эти колебания Августа не отражены¹¹⁸. Напротив, в главе 18 «Деяний» речь даже идет о поддержке, которую Август оказал системе государственных раздач. Первый принцепс сообщает, что, начиная с 18 г. до н. э., «в том случае, если налоговых поступлений (*vectigalia*) не хватало, я выдавал со своих складов и из своих средств взносы (*tributus*) хлебом и деньгами иногда 100 000 человек, а иногда значительно большему количеству»¹¹⁹ (пер. А.Л. Смышляева с правкой). Речь идет о помощи, которую Август оказывал римскому плебсу¹²⁰, когда из провинций поступало недостаточно хлеба¹²¹, и зерна для ежемесячных раздач не хватало (ср. *Suet. Aug. 41. 2*)¹²².

Эти раздачи принцепс проводил за свой счет, но от имени государства¹²³, однако и от своего собственного имени он тоже неоднократно распределял хлеб и деньги — об этом говорится в другой главе «Деяний» (15). Август именует эти раздачи *конгиариями* (*congiaria*); в эпоху Республики так назывались раздачи вина и масла, которые иногда устраивали магистраты¹²⁴, но конгиарий в денежной форме впервые выдал народу Цезарь: он пообещал его в начале гражданской войны против Помпея и выплатил даже больше обещанного после победы при Тапсе (*Cass. Dio XLI. 16–17; XLIII. 21. 3; Suet. Iul. 38. 1*)¹²⁵.

В RGDA. 15 Август перечисляет наиболее выдающиеся из своих раздач, сгруппировав их по получателям. Римскому плебсу (*plebs Romana*) он выдал в 44 г. до н. э. по 300 сестерциев по завещанию своего отца (т.е. Цезаря), в 29, 24 и 12 гг. до н. э. — по 400 сестерциев (в первом случае — из военной

¹¹⁸ Это отмечают: *Nicolet C. Op. cit. P. 196; Garnsey P. Op. cit. P. 237.*

¹¹⁹ *cum d[e]ficerent [ve]ct[ig]alia tum] centum millibus h[omi]num tu[m] p[ur]ibus [mul]to fru[m]en[t]ari[o]s et [n]ummarios tr[ib]utu[s] [ex] hor[r]leo et pat[ri]monio meo [edidi].*

¹²⁰ Получателей этой помощи было меньше, чем получателей регулярных раздач, но по какому принципу они отбирались — неизвестно, см.: *Cooley A. Op. cit. P. 181.*

¹²¹ Под вектигалиями понимаются налоги в натуральной форме: *Garnsey P. Op. cit. P. 220.*

¹²² Обоснование данной интерпретации этого пассажа, с учетом новых фрагментов Антиохийской надписи, см.: *Ensslin W. Zu den Res Gestae Divi Augusti // RhM. Bd. 81. 1932. S. 335–341; Gagé J. Op. cit. P. 105–107.* Она принята в изданиях: *Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 27; Scheid J. Op. cit. P. 53–54; Cooley A. Op. cit. P. 181;* также: *Brunt P.A. Italian Manpower... P. 382, n.1; Rickman G. Op. cit. P. 62, 179; Ridley R. Op. cit. P. 120.*

¹²³ *Cooley A. Loc. cit.*

¹²⁴ От *congius* — мера жидкостей, около 3 л. Первое такое распределение засвидетельствовано в 213 г., его провели эдилы Цетег и Сципион (будущий Африканский Старший) (*Liv. XXV. 2. 8*).

¹²⁵ О преемственности конгиариев Августа по отношению к политике Цезаря см.: *Van Berchem D. Op. cit. P. 121–122; Gilbert R. Die Beziehungen zwischen Princeps und stadtrömischer Plebs im frühen Principat. Bochum, 1976. S. 59–60.*

добычи), а в 23 г. двенадцать раз производил раздачи хлеба¹²⁶. Во всех этих случаях численность получателей превышала 250 тыс. человек. Городскому плебсу (*plebs urbana*) в 5 г. до н. э. он выдал по 60 денариев (=240 сестерциев); эти деньги получило 320 тыс. человек. В колониях ветеранов, население которых достигало 120 тыс. человек, он в 29–28 гг. до н. э. выдал триумфальный конгиарий по 1000 сестерциев на человека. Наконец, во 2 г. до н. э. плебейам, получавшим хлеб от государства (*quae tum frumentum publicum accipiebat*), численность которых составляла тогда около 200 тыс. человек, он выдал по 60 денариев (=240 сестерциев)¹²⁷.

Судя по этим данным, наиболее интенсивные и щедрые раздачи проводились в важные или тяжелые для Августа периоды: в 44 г., когда он только выходил на политическую сцену, в 29 и 28 гг., когда после победы над Антонием он готовился сложить чрезвычайные полномочия и «передать государство из своей власти в распоряжение сената и народа римского» (RGDA. 34)¹²⁸, в 24 и 23 гг., после окончания испанской войны, накануне и во время серьезного преобразования системы правления¹²⁹, в 12 г. до н. э., после смерти Агриппы, фактического, а затем и формального соправителя Августа¹³⁰, в 5 г. до н. э. — когда Гай Цезарь, старший приемный сын и наследник Августа, был объявлен совершеннолетним (а незадолго до того Ти-

¹²⁶ Вероятно, это было дополнение к ежемесячным государственным раздачам: в этом году в Риме наблюдались дефицит зерна и рост цен на них (Vell. II. 94. 3, ср. Suet. Aug. 41. 2), см.: Cooley A. Op. cit. P. 171.

¹²⁷ По-видимому, переход от термина *plebs Romana* к термину *plebs urbana* связан с реформой, определившей границы 14 районов Рима, а последующий переход к *plebs quae tum frumentum publicum accipiebat* — с реформой государственных хлебных раздач, о которой говорилось выше. Раздачи ветеранам упомянуты вне логического или хронологического порядка; о возможных причинах этого и в целом о структуре данной главы «Деяний» см.: Ensslin W. Op. cit. P. 345–350; Van Berchem D. Op. cit. P. 55–56; Ridley R. Op. cit. P. 116–118; Scheid J. Op. cit. P. 49–50; Cooley A. Op. cit. P. 174.

¹²⁸ Раздачи 29–28 гг. составили треть суммарных расходов Августа, отраженных в «Деяниях», см.: Cooley A. Op. cit. P. 168–169; Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 57–58; о том, что раздачи 29–28 гг. знаменовали поворот Октавиана к нуждам и интересам плебса, которыми он долго пренебрегал, см.: Gilbert R. Op. cit. S. 64–65.

¹²⁹ О том, что урегулирование 23 г. планировалось заранее, см.: Badian E. «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // *Romanitas-Christianitas*. В; N. Y., 1982. P. 31–34, где также отмечается интенсивность раздач в 24–23 гг.; причем в 23 г. их непосредственно осуществлял Тиберий, квестор и пасынок Августа (P. 32).

¹³⁰ Ср. Cass. Dio LIV. 29. 4 о том, что Август раздал эти деньги, «как бы исполняя распоряжение Агриппы» (ὡς καὶ ἐκεῖνου κελεύσαντος); Van Berchem D. Op. cit. P. 143. Э. Кули пишет, что в фастах из Купры Маритимы (CIL. IX. 5289) этот конгиарий связывается с избранием Августа на должность верховного понтифика (Cooley A. Op. cit. P. 172), однако в надписи причинно-следственная связь неочевидна; запись за 12 г. до н. э. выглядит так: [Caes]ar pontif(ex) maxim(us) cre[at]atus est / [ide]m congiarium populo [dedit].

берий, занявший в государстве место Агриппы, внезапно уехал на Родос), и во 2 г. до н. э., когда совершеннолетия достиг Луций Цезарь, младший брат Гая; в этом же году был посвящен форум Августа, а самому принцепсу был предоставлен венец всех почестей — титул «Отец отечества». По-видимому, Август считал, что для прочности его режима поддержка плебса имеет решающее значение, и не скупился, чтобы ее завоевать и сохранить, как для себя лично, так и для своих родственников и предполагаемых наследников — особенно в критических ситуациях¹³¹. Примечательно, что Август не упоминает о том, что в 24 г. испросил у сената разрешение на проведение раздач (Cass. Dio. LIII. 28. 1–2) — видимо, он стремился исключить из картины своих взаимоотношений с плебсом посторонних участников.

Несмотря на щедрость Августа, снабжение Рима хлебом оставалось серьезной проблемой. Поэтому в 22 г. до н. э. Август принял на себя попечение о продовольствии и, как с гордостью сообщает в «Деяниях», организовал снабжение «таким образом, что в течение нескольких дней я освободил весь город от страха и угрожающей опасности, причем это было сделано на мои средства и под моим (непосредственным) руководством» (RGDA. 5). По-видимому, эта *curatio annonae* была не должностью в юридическом смысле слова, а новой сферой ответственности принцепса¹³². Август справился с продовольственным кризисом удивительно быстро, поэтому некоторые исследователи заподозрили, что голод был инспирирован самим принцепсом, который желал получить дополнительные полномочия и имел наготове запасы зерна¹³³. Однако эта быстрота может объясняться и тем, что он оказал давление на спекулянтов, придерживавших хлеб на складах¹³⁴. Кроме того, если народ считал причиной бедствий отказ Августа от консульства (Cass. Dio LIV. 1. 2), то принятие им попечения о продовольствии должно было успокоить людей и стабилизировать рынок — и такая реакция вполне естественна, так как принцепс располагал обширными возможностями для восстановления снабжения и, в частности, контролировал Египет, важнейший источник зерна¹³⁵. В 22 г. для упорядочения процедуры раздач Август создал постоянную комиссию из двух ежегодно назнача-

¹³¹ Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 58; Van Berchem D. Op. cit. P. 142–144; Gilbert R. Op. cit. S. 65–67.

¹³² Pavis d'Escurac H. La préfecture de l'annone, service administratif impérial d'Auguste à Constantin. Rome, 1976. P. 13–14.

¹³³ Carter J.M. Commentary // Suetonius. Divus Augustus. Bristol, 1982. P. 175; Dettenhoffer M. Op. cit. S. 114–115 (со ссылками на другие работы).

¹³⁴ Crook J. Op. cit. P. 88, n. 96.

¹³⁵ Virlouvet C. Famines et émeutes... P. 49.

емых преториев для распределения хлеба (Cass. Dio LIV. 1. 4, ср. 17. 1); но его дальнейшие административные мероприятия в этой области (Cass. Dio LIV. 17. 1; LV. 26. 1–3; 31. 4; Tac. Ann. I. 7) в «Деяниях» не отражены — как, впрочем, и подавляющая часть его законодательства¹³⁶.

Таким образом, «Деяния» ясно свидетельствуют о том, что Август прилагал много усилий для обеспечения снабжения Рима продовольствием, расходовал огромные средства на удовлетворение жизненно важных потребностей плебса и добивался его расположения раздачами и подарками, считая его поддержку жизненно важной для своего режима¹³⁷.

Обеспечение римского плебса продовольствием было не единственным способом завоевать его любовь. В начале II в. н. э. Ювенал писал, что римский народ, лишившись возможности продавать свои голоса, «о двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ!» (X.76–77, пер. Д.С. Недовича). В «Деяниях» содержится немало сведений об организованных Августом зрелищах, но прежде всего следует рассмотреть вопрос, насколько корректно причислять эти мероприятия к наследию популяров.

Устройство игр и зрелищ вряд ли можно отнести к типично популярским приемам в римской политике. Оно традиционно входило в обязанности эдилов и преторов и финансировалось за счет казны (впрочем, устроители обычно добавляли и свои личные средства), хотя частные лица также могли устраивать зрелища за собственный счет. Для многих известных популяров подобные мероприятия вообще не засвидетельствованы. Отчасти это объясняется объективными причинами: например, братья Гракхи, Сатурнин, Сульпиций Руф погибли в должности трибуна, а другие популяры так и не поднялись до более высоких должностей, предполагающих проведение игр (например, Г. Мамилий, трибун 109 г., Г. Манилий, трибун 66 г., П. Сервилий Рул, трибун 63 г. и др.). Кроме того, структура римской государственной карьеры предполагала, что политик обычно становился либо трибуном, либо эдилом; а поскольку главным орудием популяров был плебейский трибунат, должность эдила они занимали редко. Важным исключением здесь является Цезарь, для которого, в силу его патрицианского происхождения, трибунат был недоступен. В свой эди-

¹³⁶ См. об этих мероприятиях: *Pavis d'Escurac H.* Op. cit. P. 14–19, где, в частности, опровергается господствовавшее ранее мнение (напр., *Van Berchem D.* Op. cit. P. 68–70), что государственные раздачи зерна были сферой ответственности сената, и доказывается, что попечение о продовольствии было возложено на Августа на постоянной основе, а не только в 22 г. до н. э. За ней следует: *Rickman G.* Op. cit. P. 62, ср. 180.

¹³⁷ *Van Berchem D.* Op. cit. P. 122–123; *Gilbert R.* Op. cit. S. 67–70; *Cooley A.* Op. cit. P. 168–169.

литет он устроил столь великолепные зрелища, что вызвал у своих противников опасения, и сенат принял постановление об ограничении числа гладиаторов в Риме (Suet. Iul. 10.2; Plut. Caes. 5; Cass. Dio XXXVII. 8). Среди других популяров, уделявших внимание устройству зрелищ, можно назвать П. Клодия (Ascon. 7С; Cic. Har. resp. 21–29; Pis. 98)¹³⁸ и П. Ватиния (Cic. Sest. 133–135; Vat. 37). Однако к данному средству приобретения народной поддержки прибегали и умеренные политики — например Кв. Сцевола Понтифик, Д. Силан (консул 62 г. до н. э.), М. Скавр (претор 56 г.) и даже столь консервативные деятели, как братья Лукуллы, Кв. Гортензий и П. Лентул Спинтер (Cic. Off. II.57).

Тем не менее моральная оценка таких мероприятий была довольно сложной. В 62 г. Катон, обвинявший Л. Мурену в подкупе избирателей, утверждал в связи с его зрелищами и угощениями, что не подобает добиваться власти, «потворствуя страстям людей, ослабляя их мужество и доставляя им наслаждения» и «нельзя привлекать людей к себе ничем иным, кроме своих высоких достоинств» (Cic. Murg. 74, 76, пер. В.О. Горенштейна). Возражения Цицерона, защитника Мурены, сводились к тому, что давние римские обычаи это допускают и римский плебс не следует лишать игр, боев гладиаторов и пиршеств, в противном случае соискатель рискует потерпеть неудачу (Ibid. 74–77). Тем не менее в том же году Цицерон провел закон, запрещающий кандидатам устраивать гладиаторские игры в течение двух лет перед соисканием должности (Cic. Vat. 37). Через десять лет Цицерон не рекомендует Куриону добиваться популярности путем устройства зрелищ, ибо он вполне способен и без этого достигнуть высших почестей, так как на него возлагают большие надежды оптиматы (Cic. Fam. II. 3, ср. о надеждах II.1.2 и Att. II. 8 1; 12.2; 18.1, 19. 3). Еще через девять лет, во II Филиппике (116), Цицерон с осуждением упоминает о том, что Цезарь привлек на свою сторону толпу «гладиаторскими играми, постройками, раздачами, пирами»¹³⁹. Наконец, рассматривая этот вопрос теоретически в трактате «Об обязанностях» (II. 55–60), Цицерон делит щедрых (*largi*) людей на два типа: расточительные (*prodigi*) и милостивые (*liberales*), причем относит устройство зрелищ и все прочие проявления щедрости к народу в разряд расточительности¹⁴⁰. Он еще раз отмечает, что эти последние траты прочно

¹³⁸ Benner H. Die Politik des P. Clodius Pulcher. Stuttgart, 1987. S. 113–114.

¹³⁹ Ср. Polyb. VI. 9 — о демагогах, которые, стремясь к власти, обольщают и соблазняют толпу подачками.

¹⁴⁰ П. Вейн отмечает, что понятие «расточительность» у Цицерона этим и ограничивается; мотовство, связанное с чрезмерными личными тратами, он вообще не упоминает, что подчеркивает полемический характер сочинения: *Veune P. Op. cit. P. 437–438.*

вошли в обычай и крайне важны для политического успеха в Риме. Тем не менее он признает, что, в сущности, все это лишь потакание низменным потребностям толпы, и считает важным проявлять в этих расходах умеренность, а способность политика добиться высоких должностей, не устраивая никаких зрелищ, рассматривает как его заслугу и похвальное достижение. Его вывод звучит так: «Все эти проявления щедрости (*largitiones*), по существу своему, порочны, но в связи с обстоятельствами бывают необходимы, и именно тогда и надо сообразоваться со своими возможностями и соблюдать разумную меру» (пер. В.О. Горенштейна с правкой).

В «Деяниях Божественного Августа» эта деятельность представлена совершенно иначе: Август не только не стремится продемонстрировать свою умеренность в устройстве зрелищ, не только не считает их порочными, но, напротив, гордится тем, что превзошел в этом всех предшественников и современников. В главах 22–23 «Деяний» Август сообщает, что от своего имени или от имени других лиц восемь раз устраивал гладиаторские бои, трижды — состязания атлетов, 27 раз — игры (отдельной строкой названы Вековые игры в 17 г. до н. э. и Марсовы игры, со 2 г. до н. э. ставшие ежегодными), 26 раз — звериные травли и один раз — зрелище морского сражения. Относительно состязаний атлетов, травли зверей и навмахии прямо говорится, что они были устроены для народа (*populo*). Август никак не разграничивает состязания и театральные представления (*ludi*), с одной стороны, и гладиаторские бои (*munera*) и звериные травли (*venationes*) — с другой, несмотря на то, что в эпоху Республики первые были государственными торжествами, которые устраивали должностные лица за счет казны, а вторые проводили частные лица за свой счет¹⁴¹.

Вековые игры состоялись с 31 мая по 3 июня 17 г. Как пишет сам Август, он вместе с Агриппой устроил эти игры от имени коллегии квиндецемвиров священнодействий, которую возглавлял (RGDA. 22). Они проводились раз в 100 или 110 лет и первоначально были посвящены Диту и Персефоне за избавление от эпидемии, однако при Августе приобрели новое значение — очищение и возрождение римского народа, начало новой эпохи. Эти празднества, несомненно, имели огромное религиозное значение¹⁴². Тем более примечательно, что в «Деяниях» Август не помещает их в раздел, посвященный религиозным мероприятиям своего правления (9–13),

¹⁴¹ *Wiedemann T. Emperors and Gladiators. L., N.Y., 1992. P. 1–8.*

¹⁴² *Price S.R.F. The Place of Religion: Rome in the Early Empire // CAH. 2nd edn. Vol. X. P. 834–837, со ссылками на источники и исследования.*

Храм Марса Мстителя. Реконструкция

а ставит их в один ряд с народными развлечениями, в том числе, например, с состязаниями атлетов, звериными травлями и навмахией¹⁴³. По-видимому, первый принцепс счел важным подчеркнуть зрелищный характер этого праздника: известно, что после каждого жертвоприношения неподалеку устраивались сценические представления; а после окончания празднования в течение еще семи дней можно было увидеть латинские и греческие спектакли в трех театрах, колесничные состязания с наездниками-вольтижерами и звериные травли. В дошедшем до нас эпиграфическом протоколе Вековых игр все эти мероприятия либо упоминаются вскользь, либо указаны в числе последних (CIL. VI. 32323); в «Деяниях» же Август сводит к ним всю сущность этих игр¹⁴⁴.

Марсовы игры были учреждены в честь посвящения храма Марса Мстителя на форуме Августа во 2 г. до н. э., служившего символом мести заговор-

¹⁴³ Причем навмахия описана гораздо подробнее, см.: Ridley R.T. Op. cit. P. 124. Ср. Suet. Aug. 31. 4, где Вековые игры названы в числе религиозных мероприятий Августа, а не устроенных им зрелищ (ср. *ibid.* 43–45). Трудно согласиться с Э. Рэймиджем в том, что Август упоминает Вековые игры в «надлежащем месте» (*appropriate place*), чтобы подчеркнуть наступление новой эпохи с новой идеологией: Ramage E. Op. cit. P. 32.

¹⁴⁴ О снижении религиозной значимости игр и зрелищ и повышении их политической значимости в Поздней республике и Ранней империи см.: Zaleski J. Religion and Roman Spectacle // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / Ed. P. Christesen, D. G. Kyle. Malden, 2014. P. 593–594; однако и здесь подчеркивается религиозная составляющая Вековых игр.

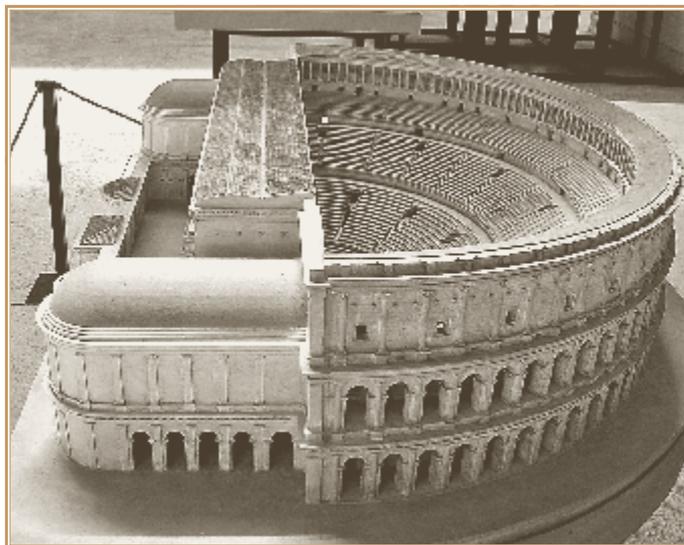
щикам, убившим Цезаря, и парфянам, захватившим римские знамена¹⁴⁵. Как сообщает сам Август (RGDA. 21), эти сооружения он возвел на собственные средства и после учреждения игр во 2 г. до н. э. они проводились ежегодно консулами, по постановлению сената. О программе игр он тоже ничего не сообщает; впрочем, они повторялись ежегодно, и аудитория Августа была хорошо осведомлена как о самих представлениях, так и об их смысле. Из Диона Кассия (LV. 10. 6–8) известно, что игры в честь посвящения храма Марса были устроены от имени Гая и Луция Цезарей, и их программа включала цирковые состязания, Троянские игры, гладиаторские бои, звериные травли, где были представлены львы и крокодилы, и навмахию, изображавшую сражение персов и афинян. Об навмахии Август также особо упоминает в RGDA. 23: он указывает местоположение и размеры вырытого пруда, число кораблей и сражавшихся. Единственным примером подобного зрелища в Риме был морской бой, устроенный в 46 г. до н. э. Цезарем (Suet. Iul. 39. 1–4).

Что касается остальных зрелищ, то датировать их сложнее, хотя в целом их разнообразие и великолепие подтверждаются свидетельством Светония (Aug. 43). Лучше всего засвидетельствованы зрелища в 29 г. до н. э. в честь посвящения храма Божественного Юлия (Cass. Dio LI. 22. 4–6, 9), в 28 г. до н. э. — Актийские игры в честь победы над Антонием, повторявшиеся затем раз в четыре года (Cass. Dio LIII.1.3–6), в 16 г. до н. э. — гладиаторские бои по случаю посвящения храма Квирина¹⁴⁶ (Cass. Dio. LIV.19.5, от имени Тиберия и Друза), в 12 г. до н. э. — гладиаторские бои на Квинкватриях (Cass. Dio LIV. 28. 3, 29. 6, от имени Гая и Луция Цезарей), в 11 г. до н. э. — Троянские игры и звериные травли в честь посвящения театра Марцелла (Cass. Dio LIV.26.1; Plin. NH. VIII.25.65), в 7 г. до н. э. — гладиаторские бои в память об Агриппе (Cass. Dio LIV. 8. 5), в 6 г. н. э. — гладиаторские бои в память о Друзе (Cass. Dio LV.27.3; 33.4, от имени его сыновей Германика и Клавдия) и, вероятно, еще одни гладиаторские бои, звериные травли и цирковые состязания в 8 г. н. э. (Cass. Dio LV.33.4)¹⁴⁷. Возможно, в число

¹⁴⁵ О датировке этих игр (12 мая, 1 августа или обе эти даты) см.: *Ville G. La gladiature en Occident des origines à la mort de Domitien. Rome, 1981. P. 113–115; Rich J. W. Augustus's Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum // PBSR. Vol. 66. 1998. P. 83–85; Swan P. The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 55–56 (9 B.C.–A.D. 14). Oxford, 2004. P. 95–96.* О храме Марса подробнее будет сказано ниже.

¹⁴⁶ Дж. Суми отмечает, что этот храм был связан с Ромулом, а затем с божественным Цезарем (ср. Cic. Att. XII.5.3) и потому имел особое значение для Августа и его семьи, см.: *Sumi G. S. Op. cit. P. 240.*

¹⁴⁷ О последнем свидетельстве, сжатом, и видимо, искаженном в эпитоме, см.: *Swan P. Op. cit. P. 217–218.*

Театр Марцелла. Реконструкция

четырёх игр (*ludus*), устроенных от собственного имени, Август включает также игры в честь Победы Цезаря, которые он провел в 44 г. до н. э., будучи еще частным лицом (*Cass. Dio XLV.6.4; Plin. NH. II.23.93*)¹⁴⁸.

В большинстве случаев зрелища так или иначе связаны с достижениями самого Августа либо предназначены для представления народу его наследников, увеличения популярности членов его семьи или увековечения их памяти¹⁴⁹. Несомненно, он стремился привлечь к себе и своей семье симпатии городского плебса¹⁵⁰ — Дион Кассий прямо отмечает это в связи с играми 6 г. н. э., проведенными после сильного голода (*LV.27.3*). Игры демонстрировали его готовность разделить свое огромное богатство с римским плебсом, т.е. его щедрость (*liberalitas*)¹⁵¹; еще Цицерон отмечал: «Ненавидит римский народ роскошь у частных лиц, а пышность в общественных делах ценит» (*Mur. 76*, пер. В.О. Горенштейна). Столь многочисленными и великолепными зрелищами Август превзошел всех своих предшественников (*Suet. Aug. 43. 1*). Одновременно он серьезно ограничил доступ к этому источнику влияния для своих современников: он запретил преторам, организующим игры, тратить из личных средств сумму, более чем втрое превышающую средства, выделенные из казны, устраивать гладиаторские игры чаще двух раз в год и без постановления

¹⁴⁸ *Cooley A. Op. cit. P. 204.* По мнению Гаже и Шайда, эти игры относятся к категории тех, которые Август устроил вместо других магистратов: *Gagé J. Op. cit. P. 119–120; Scheid J. Op. cit. P. 63.*

¹⁴⁹ *Wiedemann T. Op. cit. P. 11.*

¹⁵⁰ *Brunt P.A., Moore J.M. Op. cit. P. 65.*

¹⁵¹ *Sumi G.S. Op. cit. P. 237.*

сената и выводить на арену более 120 человек (Cass. Dio LIV.1.3–4; 17.4) — последнее ограничение сам Август превысил более чем в 10 раз¹⁵². Устанавливая эти ограничения, принцепс гарантировал себе и своей семье исключительный доступ к популярности в народе и устранял возможных соперников¹⁵³. Светоний (Aug. 45) отмечает также, что сам Август проявлял к зрелищам подчёркнутый и, видимо, искренний интерес, что было приятно народу, старался избегать на них посторонних занятий, раздавал от себя награды и предоставил атлетам, гладиаторам и актерам некоторые привилегии, хотя и не допускал на зрелищах беспорядков и вольностей (ср. Tac. Ann. I. 77. 4).

Значение зрелищ состояло не только в том, что они развлекали народ и приносили императору популярность у плебса. Толпа в цирке, театре или амфитеатре представляла римский народ, который по-прежнему считался верховным сувереном в государстве; она имела возможность решать судьбу гладиаторов и преступников, выражать свое мнение одобрительными или возмущенными криками или даже молчанием, высказывать различные пожелания и требования, в том числе и политические. Считалось, что император должен быть доступен народу визуально, выслушивать заявления народа и реагировать на них (а если он отказывался удовлетворить эти просьбы, то должен был мотивировать свое решение), т.е. вступать в диалог с народом. Организовывая игры, принцепс символически разделял власть с народом, а приходя на эти зрелища, он подвергался давлению зрителей: по выражению Тацита, в театре и цирке разнузданность народа наиболее велика (Hist. I. 72). Именно на зрелищах, ощущая силу своей массы, народ имел возможность откровенно выражать свои истинные чувства. Императоры, как правило, позволяли ему это, так как тоже были заинтересованы в такой форме взаимодействия с народом: всеобщие аплодисменты и приветственные крики были необходимы для придания легитимности их власти, а протесты порой позволяли им проявить внимание к народу, разрешив проблему¹⁵⁴. Дж. То-

¹⁵² Cooley A. Op. cit. P. 203.

¹⁵³ Ville G. Op. cit. P. 122, 128.

¹⁵⁴ Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. Ч. I. СПб., 1914. С. 485–490; Yavetz Z. Plebs and Princeps... P. 18–24, 100; Veyne P. Op. cit. P. 701–709, 722–723; Cameron P. Circus Factions. Blues and Greens in Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 157–180; Hopkins K. Death and Renewal. Cambridge, 1983. P. 14–20; Wiedemann T. Op. cit. P. 165–180; Toner J. Trends in the Study of Roman Spectacle and Sport // A Companion to Sport and Spectacle... P. 454–459; Courrier C. Op. cit. P. 650–682. Аргументы против мнения, что зрелища просто отвлекали внимания плебса от политических проблем, см.: Wiedemann T. Op. cit. P. 169, а также: Reese A. Die Bürger und ihr Kaiser. Die plebs urbana zwischen Republik und Prinzipat. PhD Diss. Ruhr Universität Bochum, 2004. S. 132–143.

увер даже пишет, что этот диалог можно рассматривать как наставления народа императору о том, как ему следует выполнять его работу¹⁵⁵, а К. Хопкинс называет амфитеатр парламентом толпы¹⁵⁶. Впрочем, Э. Тенгстрем справедливо отмечает, что, при всей своей несомненной политической важности, народные волеизъявления в театре (а также в цирке и амфитеатре) никак не могут служить аналогом или заменой комиций, зато имеют весьма много общего со сходками¹⁵⁷. В этом смысле зрелища императорской эпохи сходны с республиканскими: уже Цицерон (Sest. 106) говорит, что «суждение римского народа и его воля могут проявляться более всего в трех местах: на народной сходке, в комициях, при собраниях во время театральных представлений и боев гладиаторов» (пер. В.О. Горенштейна). В 46 г. до н. э. устройство игр в греческом театре по поручению Цезаря стало одним из первых появлений юного Октавия на публике, и он отнесся к этим обязанностям так усердно, что в конце концов опасно заболел (Nic. Dam. FGrHist 127. F 19). Подробнейшее перечисление зрелищ, устроенных Августом, в «Деяниях» свидетельствует о том, насколько важное значение первый принцепс придавал этой форме взаимодействия с народом. По выражению П. Вейна, зрелища «позволяли правителю доказать своей столице, что он разделяет чувства народа (*popularis esse*)¹⁵⁸.

Август не только организовывал в Риме великолепные зрелища для плебса, но и обустроил места их проведения, и это приводит нас к следующей теме — *строительной политике Августа в Риме*. Сразу следует говорить, что в целом она была ориентирована скорее на высшие сословия, а возведение сооружений и инфраструктуры, предназначенных для простого народа, по большей части взял на себя друг и соправитель Августа, Марк Агриппа¹⁵⁹, деятельность которого в «Деяниях» не отражена. Тем не менее

¹⁵⁵ Toner J. Op. cit. P. 454.

¹⁵⁶ Hopkins K. Op. cit. P. 16.

¹⁵⁷ Tengström E. Theater und Politik im kaiserlichen Rom // Eranos. Bd. 75. 1977. S. 50–56. Конечно, следует отметить, что зрительские места в театрах и амфитеатрах были структурированы так, что сенаторы и всадники имели преимущество перед рядовыми плебеями и одновременно присутствовать на зрелищах могла лишь небольшая часть римского плебса, см.: Rose P. Spectators and spectator comfort in Roman entertainment buildings: a study in functional design // PBSR. Vol. 73. 2005. P. 118–119; 126–127. Но последнее было характерно и для республиканских народных собраний, см., напр.: Mouritsen H. Plebs and Politics in Late Republican Rome. Cambridge, 2001. P. 18–37.

¹⁵⁸ Veune P. Op. cit. P. 701. Когда последующие императоры излишне увлекались устройством зрелищ (и даже личным участием в них), сенаторы воспринимали это как заискивание перед чернью, см.: Veune P. Op. cit. P. 715–717, 722–723.

¹⁵⁹ Таривердиева С.Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 6–25.

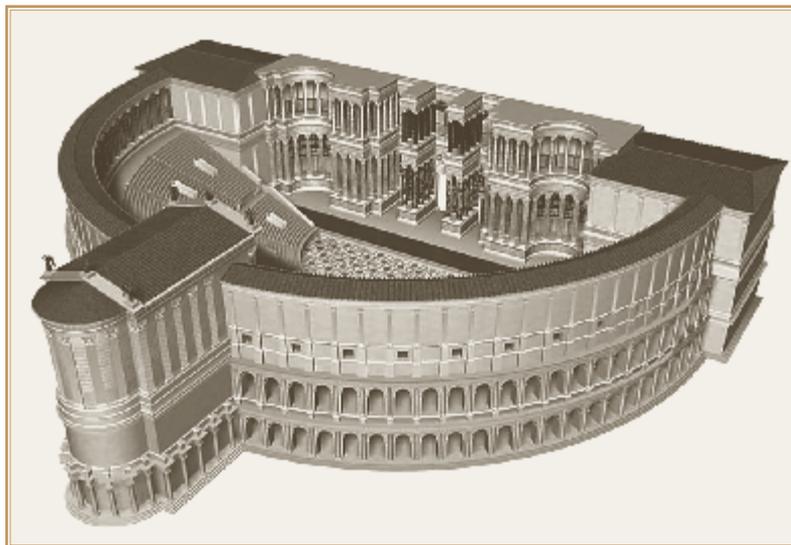
можно выделить три аспекта строительной политики Августа, представляющих интерес в рамках настоящего исследования. Во-первых, это строительство и ремонт театров — зданий, где проводились массовые зрелища. Во-вторых, это реконструкция и строительство водопроводов. В-третьих, это расширение и благоустройство городского пространства, возведение форумов и портиков¹⁶⁰.

Однако, помимо этих сооружений, в «Деяниях» (19–21) перечислено огромное множество возведенных или отреставрированных Августом зданий; большей частью это храмы, а также здание сената и некоторые другие постройки¹⁶¹. Даже если они не имели для римского плебса практического значения, столь масштабное строительство было важно по другой причине: оно обеспечивало множество рабочих мест. В источниках практически нет свидетельств о составе рабочей силы, занятой в государственном строительстве¹⁶², однако исходя из более общих экономических и социальных соображений, П.А. Брант убедительно показал, что в Риме существовал большой спрос на неквалифицированных свободных строителей, так как строительные работы были сезонными и нерегулярными, и вести их силами одних только рабов было бы нерентабельно. С другой стороны, в Риме существовало большое предложение свободной рабочей силы, так как государственные раздачи зерна не позволяли получателям прожить и прокормить семью без какого-то дополнительного дохода. Отсюда П.А. Брант делает вывод, что в крупных строительных проектах была занята существенная часть городского римского плебса. Исследователь предполагает даже, что стремление создать новые рабочие места было одним из мотивов государственного строительства, которое предпринимали

¹⁶⁰ Я оставляю вне рассмотрения порядок, в котором постройки Августа названы в «Деяниях»: Р.Т. Ридли убедительно показал, что в этом перечислении, по сути, отсутствует систематизация — будь то по хронологии, топографии, назначению, важности сооружений, по виду и масштабам работ и т.д., и складывается впечатление, что Август называл здания в том порядке, в каком они приходили ему в голову, см.: *Ridley R.T. Op. cit.* P. 120–123. По-видимому, этот вопрос требует новых исследований. Подробное описание рассматриваемых далее сооружений со ссылками на источники см.: *Platner S.B., Ashby T. A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L., 1929. s.v.; Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore; L., 1992. s.v.*

¹⁶¹ Строительство курии Юлия было задумано и, возможно, начато в последние месяцы жизни Цезаря (*Cass. Dio XLIV. 5. 2*), но Август называет ее в числе собственных проектов, а не завершенных им проектов Цезаря, так как на момент убийства последнего возведение курии в лучшем случае находилось в начальной фазе, см.: *Ulrich R.B. Julius Caesar and the creation of the Forum Iulium // AJA. Vol. 97. 1993. P. 71–72.*

¹⁶² Единственное прямое упоминание относится к правлению Веспасиана, который не пожелал использовать на стройке механизм для подъема тяжестей, чтобы не лишать бедняков пропитания (*Suet. Vesp. 17*).

Театр Помпея. Реконструкция

как республиканские политики-популяры, так и некоторые императоры, и прежде всего Август¹⁶³.

Перейдем к рассмотрению сооружений Августа, имевших для плебса практическое значение. Август сообщает, что восстановил театр Помпея, не оставив на нем ни одной надписи со своим именем (RGDA. 20), а ниже пишет, что от имени своего зятя Марцелла построил театр около храма Аполлона на земле, большая часть которой была куплена у частных лиц (RGDA. 21). До середины I в. до н. э. постоянных театров в Риме не существовало и их заменяли временные деревянные сооружения, а в совсем давние времена, если верить Тациту (Ann. XIV. 20), народ смотрел представления стоя. Каменные театры были характерны для греческих полисов, где служили местом не только зрелищ, но и народных собраний. У консервативных римских сенаторов они пользовались недоброй славой, так как ассоциировались с разнузданными и всевластными греческими народными собраниями¹⁶⁴. Первая попытка построить театр из камня,

¹⁶³ Brunt P.A. The Roman Mob // Past & Present. Vol. 35. 1966. P. 11–15; *idem*. Free Labour and Public Works at Rome // JRS. Vol. 70. 1980. P. 81–100, особ. p. 96–98 о взаимосвязи государственного строительства с социальной политикой.

¹⁶⁴ Ср. Cic. Flacc. 16: «Всякий раз, когда в театре рассаживались неискушенные люди, необразованные и невежественные, они начинали бесполезные войны, ставили во главе государства мятежных людей, изгоняли из него граждан с величайшими заслугами» (пер. В.О. Горенштейна). Эти слова Цицерона относятся к событиям Греции в эпоху расцвета Афин, и далее он утверждает, стремясь дискредитировать свидетелей из Малой Азии, что в современных ему греческих полисах описанное явление принимает куда худшие формы.

предпринятая цензорами в 151 г., окончилась неудачей: сенат постановил его снести «как предмет бесполезный и пагубный для общественной нравственности» (*inutile et nociturum publicis moribus*, Liv. Per. 48, пер. М.А. Гаспарова)¹⁶⁵. Однако в 55 или 52 г. Помпей построил в Риме первый каменный театр по образцу митиленского, вмещавший 40 тыс. зрителей¹⁶⁶. Чтобы не навлечь на себя порицание более суровых сограждан, он представил его как ступени, ведущие к храму Венеры, который стоял на самой вершине (*Tert. Spect.* 10; *Plin. NH.* VIII. 20; *Gell.* X. 1. 7). Впоследствии Цицерон уже вынужден был писать: «Порицать сооружение театров, портиков и новых храмов мне неловко ввиду моего уважения к памяти Помпея, но ученейшие люди не одобряют этого» (*Off.* II. 60)¹⁶⁷. Этот театр и реставрировал Август. Вероятно, именно в ходе этих работ была замурована (либо превращена в общественную уборную) курия Помпея, где заговорщики убили Цезаря, а статуя Помпея, которую еще сам Цезарь восстановил в курии, — перенесена в театр Помпея (*Suet. Iul.* 88; *Aug.* 31. 5; *Cass. Dio XLVII.* 19. 1 ср. *XLIII.* 49. 1; *Plut. Caes.* 57)¹⁶⁸.

Цезарь планировал соорудить еще один театр на склоне Капитолия, обращенном к Овощному рынку, но убийство помешало ему реализовать эти замыслы (*Suet. Iul.* 44; *Cass. Dio XLIII.* 49. 2)¹⁶⁹. Новый постоянный театр в Риме вместимостью 15–20 тыс. зрителей был построен его приемным сыном, — правда, он был не столь грандиозных размеров и не на самом Капитолийском склоне, но вблизи него, в южной части Марсова поля. Как уже говорилось выше, в императорском Риме театры имели значение для плебса не только потому, что позволяли ему с комфортом смотреть представления, но и потому, что служили местом встречи и общения народа с пра-

¹⁶⁵ Аппиан (BC. I. 28) ошибочно переносит этот инцидент в контекст борьбы оптиматов и популяров после трибуната Гая Гракха и так описывает мотивы Циципиона, противника театра: «потому, что, по его мнению, театр этот после послужит началом междоусобных распрей другого рода, или потому, что он вообще считал вредным приучать римлян к эллинским развлечениям» (пер. С.А. Жебелева).

¹⁶⁶ *Coarelli F.* Le théâtre de Pompée // *DHA.* Vol. 23. 1997. P. 105–114; *Russell A.* The Definition of Public Space in Republican Rome. PhD Diss. Berkeley, 2011. P. 108–136.

¹⁶⁷ Об отношении консервативных римлян к театрам см.: *Belloni G.* Op. cit. P. 127–129; *Dubois-Pelerin É.* Luxe privé / faste public: le thème de l'aedificatio du IIe siècle av. J.-C. au début de l'Empire // *MEFRA* [Электронный ресурс]. Vol. 128. 1. 2016. Дата обращения: 31.05.2016. URL: <http://mefra.revues.org/3227>. P. 4.

¹⁶⁸ Ср.: *Coarelli F.* Op. cit. P. 118–121, о том, что закрытие курии и перенос статуи Помпея разрушили сложную систему зрительных и ассоциативных связей, нацеленных на придание Помпею божественной харизмы.

¹⁶⁹ О местоположении см.: *Coarelli F.* Op. cit. P. 122–123.

вителями¹⁷⁰. Кроме того, строительство каменных театров рассматривалось как роскошь, предназначенная для римского народа, в противоположность роскоши частных домов, и примечательно, что сцена театра Марцелла была украшена необычайно дорогими мраморными колоннами из атрия дома Скавра: тот привез их для своего временного театра, сооруженного в его эдилитет в 56 г. до н. э., но по окончании зрелищ перенес в свой дом, Август же вернул их народу (Plin. NH. XXXVI. 5–6; Ascon. 27 C)¹⁷¹.

Чисто практическое значение для плебса имел проект, о котором Август упоминает в главе 20 «Деяний»: «Водопроводы, за долгое время обветшавшие во многих местах, я восстановил, а количество воды в водопроводе, который называется Марциевым, я удвоил, введя в его русло новый источник». У Фронтин (de Aq. 125) процитировано постановление сената 11 г. до н. э., в котором упоминается обещание Августа восстановить акведуки за собственный счет. К 5 г. до н. э. эти работы были закончены (CIL. VI. 1266), а чтобы удвоить объем воды в Марциевом акведуке, Август построил новый подземный канал, который назывался Августовым (Front. de Aq. 12). До 12 г. ремонтом и строительством акведуков занимался Агриппа, который увеличил водоснабжение Рима примерно на 70%¹⁷². После смерти своего друга и соправителя Август, унаследовавший от него команду рабов-специалистов, взял на себя управление водопроводной и канализационной системой Рима и начал назначать для непосредственного надзора за ней кураторов сенаторского ранга¹⁷³. Для повседневной жизни горожан водоснабжение имело почти столь же важное значение, как и поставки зерна: от него зависели санитарное состояние и безопасность города (Front. De aq. 1). С 11 г. до н. э. Август берет все эти вопросы под свой контроль: в дальнейшем все мероприятия в данной сфере инициировались императором и оплачивались за счет императорского фиска¹⁷⁴.

¹⁷⁰ Gros P. La fonction symbolique des édifices théâtraux dans le paysage urbain de la Rome augustéenne // L'Urbs: espace urbain et histoire (Ier siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.). Rome, 1987. P. 343. Август также упоминает о строительстве пультинара в Большом Цирке (RGDA 19), т.е. ложи, откуда император и его близкие могли смотреть на игры и лицом к лицу встречаться с римским народом, см.: Sablayrolles R. Espace urbain et propagande politique: l'organisation du centre de Rome par Auguste (Res Gestae 19 à 21) // Pallas. Vol. 28. 1981. P. 66–67.

¹⁷¹ См.: Dubois-Pelerin É. Op. cit. P. 6–15.

¹⁷² Front. De Aq. 65–73; ср.: De Kleijn G. The water supply of ancient Rome. Amsterdam, 2001. P. 58–59.

¹⁷³ Shipley F.W. Agrippa's Building Activities in Rome. Eugene, 2008. P. 24–34; De Kleijn G. Op. cit. P. 100–102.

¹⁷⁴ Eck W. Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit. Bd. 1. Basel. 1995. S. 92, 164–167.

Наконец, важное значение для жизни плебса имели расширение, благоустройство и организация городского пространства: строительство портиков и новых форумов. К концу Республики Римский форум уже не вмещал разросшееся население города и был постоянно наводнен толпой. Чтобы разгрузить его, в 54 г. Цезарь начал строительство нового форума, а также базилики, которые получили имя Юлия. Вероятно, первоначально этот проект был задуман Цезарем просто как расширение Римского форума, а в самостоятельный комплекс Юлиев форум превратился в ходе строительства и сопутствующих политических потрясений¹⁷⁵. После триумфа в 46 г. до н. э. Цезарь посвятил свои сооружения незавершенными, и достраивал их уже Август, о чем он и пишет в «Деяниях» (RGDA. 20). В базилике заседал суд центумвиров, а форум предназначался для ведения судебных и политических дел; позднее здесь появились и банкирские конторы. Немного ниже (RGDA. 21) Август сообщает, что построил и собственный форум: здесь были сосредоточены многочисленные суды, которые уже не вмещали прежние два форума (Suet. Aug. 29. 1). Кроме того, в «Деяниях» упоминаются портики, построенные Августом возле храма Аполлона Палатинского, и Октавиев портик, который впервые был возведен Гн. Октавием в 168 г. до н. э., но полностью перестроен Августом с сохранением прежнего названия (RGDA. 19). Это были огромные крытые колоннады, доступные для всех и специально предназначенные для отдыха и прогулок. Судебная и административная деятельность на императорских форумах тоже не исключала того, что многие люди приходили сюда, чтобы встретиться с друзьями, завести новые знакомства или просто погулять. Портики и колоннады, стоящие отдельно или в составе архитектурных комплексов, были облицованы мрамором, украшены величественными архитектурными элементами, а внутри размещались картины, статуи и другие предметы искусства, а также трофеи и военная добыча¹⁷⁶. Такие украшения не только приносили людям эстетическое наслаждение, но и придавали достоинство их жизни и деятельности, протекающим в этих пространствах, и простой народ в портиках мог немного приобщиться к той роскошной жизни, которую богатые люди вели на своих виллах¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Ulrich R.B. Op. cit. P. 49–80.

¹⁷⁶ Например, в портиках на форуме Августа стояли статуи всех знаменитых мужей римской истории (Suet. Aug. 31. 1, см. также ниже), в портиках при храме Аполлона — статуи Данаид и их супругов (Ovid. Trist. III. 1. 61–62; Propert. II. 31. 4), в Октавиевом портике — римские знамена, возвращенные Октавианом от иллирийцев (App. Illud. 28; ср. RGDA. 29).

¹⁷⁷ Zanker P. By the emperor, for the people. «Popular» architecture in Rome // The Emperor and Rome. Space, Representation, and Ritual / Ed. B.C. Ewald, C.E. Noreña. Cambridge, 2010. P. 48–61.

Из вышеизложенного видно, что некоторые постройки Августа прямо или косвенно продолжали проекты, начатые Цезарем, и это приводит нас к следующей теме.

Память о Цезаре в «Деяниях» Божественного Августа»

Возможно, этот вопрос следовало бы рассматривать в разделе, посвященном идеологическому наследию популяров. Позднереспубликанские популяры часто подчеркивали преемственность своей политики с мероприятиями прежних защитников плебса (а их противники указывали, что они недостойны своих предшественников)¹⁷⁸, и римский народ действительно хранил добрую память о знаменитых популярах прошлого, на которой иногда даже пытались спекулировать самозванцы. Однако «Деяния» Августа не укладываются в эту традицию: Цезарь — единственный политик-популяр прошлого, о котором в этом тексте имеются упоминания, и вряд ли это позволяет усмотреть в «Деяниях» популярскую идеологию. Но все же имеет смысл рассмотреть эти упоминания в комплексе, чтобы ответить на вопрос, какое место в «Деяниях» занимает столь выдающийся представитель популяров.

Цезарь упоминается в «Деяниях» шесть раз (2, 10, 15, 19, 20, 21) — чаще, чем кто-либо из других лиц, исключая, разумеется, самого Августа. Сравниться с ним может только Тиберий, наследник Августа: он назван пять раз, правда, лишь три из них — содержательные упоминания (8, 27, 30), а остальные два (12, 16) — просто консульские датировки. Почестям Гая и Луция посвящена глава 14; кроме того, они вместе названы в главе 20 и только Гай — в главе 27; в главе 22 есть также два упоминания об играх, устроенных Августом «от имени моих сыновей и внуков», но некоторые из них могли проводиться и от имени Тиберия и Агриппы Постума. Марк Агриппа назван лишь дважды (8, 22), а Марцелл — однажды (21)¹⁷⁹. Столь выдающееся положение Цезаря в «Деяниях» тем более примечательно, что события, излагаемые в них, начинаются после его смерти и, в отличие от остальных упомянутых лиц, он не принимал в них никакого участия. Отметим также, что Август систематически упоминает о Цезаре как о своем

¹⁷⁸ Наиболее красноречивое свидетельство см.: Cic. Acad. II. 13; ср. Leg. Agr. II. 31; Rab. Per. 11–15; Har. Rep. 41–44. См.: Meier Ch. Op. cit. Sp. 595–596; Doblhofer G. Die Popularen der Jahre 111–99 v. Chr. Wien-Köln, 1990. S. 129–130.

¹⁷⁹ См.: White P. Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. Vol. 42. 1988. P. 341; Ridley R.T. Op. cit. P. 69–70.

Храм Юлия. Реконструкция

отце, и из текста «Деяний» невозможно понять, что Цезарь лишь усыновил его в завещании.

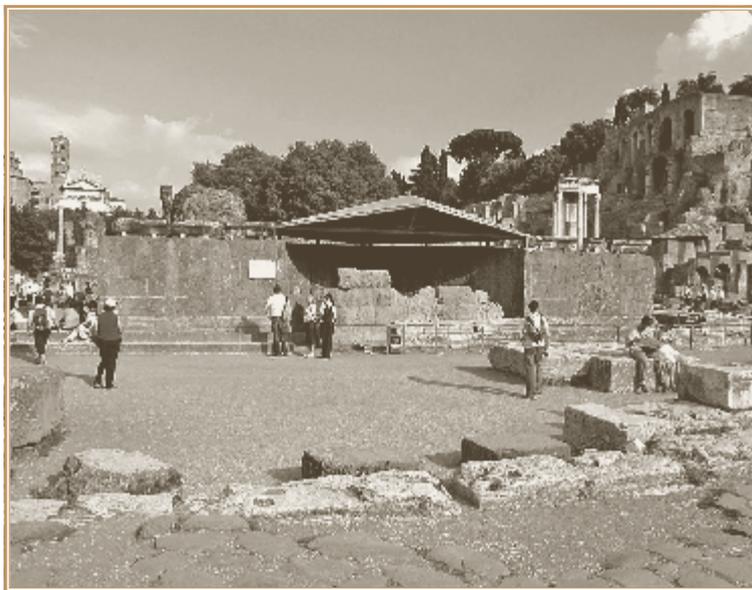
Впервые Цезарь появляется во 2-й главе «Деяний», где Август сообщает о своей мести за него: «Тех, кто убил моего отца, я удалил в изгнание на законном основании, по приговору суда, отомстив им за их преступление. Впоследствии, когда они пошли на государство войной, я разбил их в двух сражениях». Как отмечает Дж. Шайд, Август использует очень жесткую формулировку и через сорок лет после событий не высказывает ни слова сожаления¹⁸⁰. Заговорщики в его изложении — просто убийцы и мятежники, и идея мести за убийство Цезаря здесь особо подчеркнута оборотом «отомстив им за их преступление» (*ultus eorum facinus*)¹⁸¹.

В следующий раз Цезарь упоминается в главе 10, где Август сообщает, что сперва отказался от предложения народа занять пост верховного понтифика, ранее принадлежавший его отцу, не желая смещать с должности коллегу (т.е. Лепида), хотя тот и захватил ее благодаря гражданским смутам — однако после его смерти был избран верховным понтификом при небывалой поддержке народа. Здесь подразумевается не только то, что Август, как наследник Цезаря, имел право стать верховным понтификом¹⁸², но

¹⁸⁰ Scheid J. Op. cit. P 30.

¹⁸¹ Ramage E. Op. cit. P. 92; Zarrow E.M. The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate. PhD Diss. Yale University, 2007. P. 92.

¹⁸² Действительно, в диктатуру Цезаря сенатом было принято соответствующее решение, см.: Cass. Dio. LIV. 5. 3.

Храм Юлия. Современное состояние

и то, что этого крайне желал римский народ; следовательно, народ воспринимал его как сына и преемника Цезаря.

В главе 15 речь идет о конгиарии, который Октавиан выплатил в 44 г. римскому народу по завещанию Цезаря. Здесь Октавиан снова предстает в роли наследника Цезаря, который хранит верность (*pietas*) не только его памяти, но и его политике: эта запись открывает длинный перечень благодеяний, оказанных Августом римскому народу (главы 17–23). Упоминание Цезаря в самом начале этого крупного и важного раздела «Деяний» представляется значимым: оно сразу задает определенное восприятие последующего текста, и щедрость Августа по отношению к народу воспринимается как продолжение политики Цезаря.

Как уже говорилось выше, одним из проявлений этой щедрости была строительная политика Августа, и многие его постройки связаны с памятью Цезаря¹⁸³. Прежде всего это храм Божественного Юлия, возведение которого он упоминает в RGDA. 19. Данный храм был построен в южной части форума, на месте, где охваченная скорбью толпа сожгла тело диктатора, а позднее воздвигла в его память колонну с надписью «Отцу отечества» и алтарь, на которых приносились жертвы и давались обеты. В 42 г. до н. э. триумвиры приняли решение о строительстве храма; однако реализовал его один Октавиан, который и посвятил храм 18 августа 29 г. до н. э., через три дня после своего тройного триумфа. Позднее он поместил в этот храм при-

¹⁸³ См. об этом: *Ramage E. Op. cit. P. 93; White P. Op. cit. P. 336–339.*

Алтарь храма Юлия. Современное состояние

ношения из военной добычи (RGDA. 21). В целле стояла колоссальная статуя Цезаря со звездой надо лбом, хорошо видная с форума¹⁸⁴. Посвящение этого храма представляло Октавиана как истинного наследника Цезаря¹⁸⁵. Дж. Суми справедливо подчеркивает, что этот монумент не был навязан «сверху вниз», но возник в результате диалога между народом и властью; само место сожжения тела Цезаря было выбрано не случайно: именно эта, восточная часть форума возле храма Кастора наиболее прочно ассоциировалась с деятельностью популяров и имела символическое значение для римского плебса, а после убийства Цезаря народ и ветераны Цезаря стремились сохранить здесь память о нем — в первые месяцы даже против воли консулов. Ассоциации этого района форума с римским народом сохранялись и в правление Августа: фасад храма Божественного Юлия использовался как ораторская платформа (*rostra aedis Divi Iulii*), здесь проводились сходки и трибунные комиции¹⁸⁶.

Далее Август пишет о завершении построек, начатых его отцом: форума Юлия и базилики, «которая находилась между храмом Кастора и храмом Сатурна» (RGDA. 20). О функциональной составляющей этих зданий уже говорилось выше, здесь же следует отметить, что в правление Августа

¹⁸⁴ Об играх в честь посвящения храма см. выше.

¹⁸⁵ *Sablayrolles R. Op. cit. P. 59–77.*

¹⁸⁶ *Sumi G.S. Topography and Ideology: Caesar's Monument and the Aedes Divi Iulii in Augustan Rome // CQ. Vol. 61. 2011. P. 205–229.*

форум Цезаря не только выполнял свое прямое назначение, но и служил памятью о диктаторе, так как на нем стояла его статуя в доспехах, а центром форума служил храм Венеры Прародительницы — родоначальницы и покровительницы рода Юлиев¹⁸⁷.

Еще одним напоминанием о Цезаре являлся храм Марса Мстителя на форуме Августа, о строительстве которых также упоминается в «Деяниях» (RGDA. 21); чуть ниже в этой же главе Август упоминает и о подношениях, совершенных им в храм Марса. Этот храм имел двойное значение (*bis ultor* — Ovid. *Fast.* V. 595): Марс выступал одновременно как мститель за Цезаря, убитого в мартовские иды 44 г. (ср. RGDA. 2), и как мститель парфянам, разбившим Красса при Каррах (ср. RGDA. 29). Сам Август в «Деяниях» никак не поясняет, какой из этих двух функций он отдает преимущество; но представляется убедительной гипотеза С.Э. Таривердиевой о том, что первоначально храм был задуман как символ мести парфянам, а представление о Марсе как мстителе за Цезаря возникло незадолго до посвящения храма во 2 г. до н. э., и именно тогда Август заявил, что возвел его во исполнение обета, данного при Филиппах. Таким образом, даже в конце своего правления, спустя долгое время после окончания гражданских войн Август не желал, чтобы его месть за Цезаря была забыта. В храме Марса находилась культовая группа статуй: Марс, Венера и Божественный Юлий¹⁸⁸. Сам форум Августа, зрительным центром которого являлся храм Марса, служил местом судебных разбирательств, как и форум Цезаря, был построен по его образцу и примыкал к нему, что создавало ощущение преемственности между принцепсом и его приемным отцом¹⁸⁹. Северо-западную экседру форума Августа украшала галерея статуй выдающихся членов рода Юлиев¹⁹⁰. Август подчеркивает, что построил храм Марса и свой форум на собственной земле

¹⁸⁷ О форуме см.: *Westhall R.* The Forum Iulium as representation of Emperor Caesar // *MDAI(R)*. Bd. 103. 1996. P. 83–118. Базилика, как и форум, тоже носила имя Юлия, но Август называет ее описательно, так как позднее она полностью сгорела, а отстроенную заново базилику он собирался посвятить своим сыновьям Гаю и Луцию, хотя это намерение, вероятно, не было реализовано (RGDA. 20; *Suet. Aug.* 29. 4), см.: *Ridley R.T.* Op. cit. P. 123; *Ackroyd B.* The porticus Gai et Luci. The porticus Philippi and the porticus Liviae // *Athenaeum*. Vol. 88:2. 2000. P. 563–571.

¹⁸⁸ *Таривердиева С.Э.* Храм Марса на форуме Августа: *bis ultor* // В тени Мнемозины. Комеморативные практики в обществах прошлого / XIV чтения памяти проф. Н.П. Соколова / Под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Н. Новгород, 2015. С. 160–172. О статуе Божественного Юлия см.: *Fishwick D.* Ikonography and Ideology. The Statue Group in the Temple of Mars Ultor // *AJAH.N. S.* Vol. 2. 1. 2003. P. 63–94.

¹⁸⁹ *Belloni G.* Op. cit. P. 134–135.

¹⁹⁰ *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. *Ann Arbor*, 1988. P. 202–215.

(in privato solo) — по мнению Э. Рэймиджа, это выражение должно еще раз напомнить о первых строках «Деяний» и ранней карьере Октавиана, когда он действовал как частное лицо и месть за Цезаря была его важнейшим лозунгом, и подчеркнуть личную связь Августа с приемным отцом¹⁹¹.

Таким образом, в «Деяниях Божественного Августа» Цезарь занимает весьма почетное место¹⁹², хотя, как и следует ожидать в рамках данного жанра, это место определяется деятельностью и верностью (pietas) Августа. Август беспощадно мстит убийцам своего отца; при небывалой поддержке народа становится наконец его преемником на посту верховного понтифика; по поручению покойного отца раздает римскому народу деньги, что становится первым из множества его благодеяний в адрес плебса; увековечивает его память в великолепных постройках. Август явно желал, чтобы читатели воспринимали его как сына Цезаря и его преемника — во всяком случае, в некоторых отношениях и, несомненно, в отношениях с римским народом.

Прежде чем перейти к подведению итогов исследования, необходимо сделать важную оговорку. В статье я сосредоточиваю внимание на наследии популяров в «Деяниях» Августа, но это вовсе не означает, что данный текст, по моему мнению, следует рассматривать как популярский или преимущественно популярский документ. Нетрудно указать ряд пассажей, в которых вполне явственно прослеживается наследие оптиматов: например, Август сообщает, что в начале карьеры сенат поручил ему позаботиться, чтобы государство не претерпело ущерба (1), а среди своих построек на первом месте называет курию (19). Однако эта сторона дела заслуживает особого исследования, без которого вряд ли можно подвести общий баланс оптиматских и популярских составляющих в «Деяниях» Августа и вынести интегральную оценку этому тексту первого принцепса (а тем более его политике в целом). Моя задача скромнее: выявить и обобщить упомянутые

¹⁹¹ *Ramage E.* Op. cit. P. 93.

¹⁹² В историографии долгое время господствовало мнение, что в период единоличного правления Август стремился отмежеваться от Цезаря и желал предать его память забвению; см. прежде всего: *Syme R.* Op. cit. P. 317–318; *Ramage E.* Augustus' Treatment of Julius Caesar // *Historia.* Bd. 34. 1985. P. 223–245, в настоящем издании оно представлено в статье: *Махлаюк А. В.* Указ. соч. С. 177–178. Однако в последние десятилетия данное мнение было убедительно оспорено в работах: *White P.* Op. cit. P. 334–356; *Kienast D.* Augustus und Caesar // *Chiron.* Bd. 31. 2001. S. 1–26; *Zarrow E. M.* Op. cit. Passim (о «Деяниях» см. p. 91–95). Стоит отметить, что в более поздней работе, посвященной «Деяниям», Э. Рэймидж несколько смягчает свою позицию и признает, что в этом тексте ясно выражено почтение Августа к памяти Цезаря (*Ramage E.* The Nature and Purpose... P. 92–93).

в «Деяниях» методы, идеи и мероприятия, характерные для республиканских популяров. О них можно сделать следующие выводы.

Как и следовало ожидать, в «Деяниях» не упоминаются одиозные политические методы популяров, которые влекли за собой конфликты и беспорядки. Однако трибунская власть, которая в Республике лежала в основе популярского политического метода, занимает видное место среди почестей, предоставленных Августу, и изображена как важнейшая составляющая его полномочий и средство для проведения его реформ. Идеология, выраженная в «Деяниях», отводит римскому народу важное место в управлении государством и представляет его равноправным партнером сената во внутренней политике и верховным сувереном — во внешней. Однако в ней отсутствует характерное для популяров противопоставление народа сенату или олигархии, контролирующей сенат, хотя в самой первой фразе «Деяний» говорится о том, что Октавиан освободил *государство* от господства клики. Наиболее очевидно наследие популяров в тех главах RGDA, где описываются затраты Августа в пользу римского народа: это вознаграждение ветеранов, выведение колоний, снабжение Рима продовольствием и водой, хлебные и денежные раздачи, игры и зрелища, обширное строительство. Таким образом, Август заимствовал у республиканских популяров представление о том, что римский плебс может служить источником политической силы, и удовлетворение его интересов необходимо для поддержания политической стабильности, однако исключил из своего арсенала те политические лозунги и методы популяров, которые имели конфликтный потенциал.

REFERENCES

1. *Ackroyd B.* The porticus Gai et Luci. The porticus Philippi and the porticus Liviae // *Athenaeum*. Vol. 88:2. 2000. P. 563–580.
2. *Alföldy G.* Die Ablehnung der Diktatur durch Augustus // *Gymnasium*. Bd. 79. 1972. S. 1–12.
3. *Arena V.* *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2012.
4. *Badian E.* «Crisis Theories» and the Beginning of the Principate // *Romanitas-Christianitas*. B; N. Y., 1982. P. 18–41.
5. *Barry J. M.* *Fides in Julius Caesar's Bellum Civile*. PhD. Diss. University of Maryland, College Park, 2005.
6. *Belloni G.* *Le «Res gestae Divi Augustus»*. Augusto: il nuovo regime e la nuova urbe. Milano, 1987.
7. *Benner H.* *Die Politik des P. Clodius Pulcher*. Stuttgart, 1987.
8. *Béranger J.* *Principatus: Études de notions et d'histoire politiques dans l'Antiquité gréco-romaine*. Geneve, 1975.
9. *Billows R.A.* *Julius Caesar. The Colossus of Rome*. L.—N. Y., 2009.
10. *Braunert H.* Zum Eingangssatz der res gestae Divi Augusti // *Chiron*. Bd. 4. 1974. S. 343–358.
11. *Brunt P.A.* Free Labour and Public Works at Rome // *JRS*. Vol. 70. 1980. P. 81–100.
12. *Brunt P.A.* *Italian Manpower. 225 B.C. — A.D. 14*. Oxford, 1971.
13. *Brunt P.A.* The Army and the Land in the Roman Revolution // *Idem*. *The Fall of the Roman Republic and Other Related Essays*. Oxford, 1988. P. 240–280.
14. *Brunt P.A.* The Roman Mob // *Past & Present*. Vol. 35. 1966. P. 11–15.
15. *Brunt P.A.* The Fall of the Roman Republic // *Idem*. *The Fall of the Roman Republic and Related Essays*. Oxford, 1988. P. 1–92.
16. *Brunt P.A., Moore J.M.* *Res Gestae Divi Augusti. The Achievements of the Divine Augustus, with introduction and commentary*. Oxford, 1967.
17. *Bucher G.S.* Review: Augustus Re-Examined // *CR*. Vol. 53. 2003. P. 417–419.
18. *Cameron P.* *Circus Factions. Blues and Greens in Rome and Byzantium*. Oxford, 1976.
19. *Carter J.M.* *Commentary // Suetonius. Divus Augustus*. Bristol, 1982. P. 91–207.
20. *Coarelli F.* Le théâtre de Pompée // *DHA*. Vol. 23. 1997. P. 105–124.

21. Cooley A. *Res Gestae Divi Augusti: text, translation, and commentary*. Cambridge, 2009.
22. Courrier C. *La plèbe de Rome et sa culture (fin du IIe siècle av. J.-C. — fin du Ier siècle ap. J.-C.)*. Rome, 2014.
23. Crook J. *Political history, 30 B. C. to A. D. 14 // CAH*. 2nd ed. Vol. X. Cambridge, 1996. P. 70–112.
24. De Visscher F. La «tribunicia potestas» de César à Auguste // *Idem*. *Nouvelles études de droit romain public et privé*. Milan, 1949. P. 27–50.
25. De Kleijn G. *The water supply of ancient Rome*. Amsterdam, 2001.
26. Dettenhoffer M. *Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat*. Stuttgart, 2000.
27. Doblhofer G. *Die Popularen der Jahre 111–99 v. Chr.* Wien-Köln, 1990.
28. Dubois-Pelerin É. *Luxe privé / faste public: le thème de l'aedificatio du IIe siècle av. J.-C. au début de l'Empire // MEFRA*. Vol. 128. 1. 2016. URL: <http://mefra.revues.org/3227>. P. 4.
29. Duplá A. *Consules populares // Consul and Res publica / H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo (eds.)*. Cambridge, 2011. P. 279–298.
30. Eck W. *Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit*. Bd. 1. Basel, 1995.
31. Ensslin W. *Zu den Res Gestae Divi Augusti // RhM*. Bd. 81. 1932. S. 335–365.
32. Ferenczy E. *Caesar und die Popularen // Klio*. Bd. 73. 1991. S. 413–419.
33. Fishwick D. *Ikonography and Ideology. The Statue Group in the Temple of Mars Ultor // AJAH*. N. S. Vol. 2. 1. 2003. P. 63–94.
34. Friedlaender L. *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine [Kartiny iz bytovoy istorii Rima v epokhu ot Avgusta do kontsa dinastii Antoninov]*. Bd. 1. Sankt-Peterburg, 1914.
35. Gagé J. *Res gestae divi Augusti: ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis*. P., 1935.
36. Garnsey P. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World*. N.Y., 1988.
37. Gilbert R. *Die Beziehungen zwischen Princeps und stadtrömischer Plebs im frühen Principat*. Bochum, 1976.
38. Griffin M. *Urbs Roma, Plebs and Princeps // Images of Empire / Ed. A. Loveday*. Sheffield, 1991. P. 19–46.
39. Gros P. *La fonction symbolique des édifices théâtraux dans le paysage urbain de la Rome augustéenne // L'Urbs: espace urbain et histoire (Ier siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.)*. Rome, 1987. P. 319–346.
40. Hammond M. *The Augustan Principate in Theory and Practice during the Julio-Claudian Period*. Cambridge, Mass., 1933.

41. *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques. P., 1963.
42. *Hodgson L.* Appropriation and Adaptation: Republican Idiom in Res Gestae 1.1 // CQ. Vol. 64. 2014. P. 254–269.
43. *Hopkins K.* Death and Renewal. Cambridge, 1983.
44. *Hurlet F.* Compte rendu de: Dettenhoffer M. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Principat // Latomus. T. 62. 2003. P. 192–195.
45. *Hurlet F.* Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. Rome, 1997. P. 321–342.
46. *Jones A.H.M.* Studies in Roman Government and Law. N.Y., 1968.
47. *Keppie L.* Colonization and veteran settlement in Italy, 47–14 B.C. Rome, 1983.
48. *Kienast D.* Augustus und Caesar // Chiron. Bd. 31. 2001. S. 1–26.
49. *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 2009.
50. *Kornemann E.* Monumentum Ancyranum // RE. Hbd. 31. 1933. Sp. 212–231.
51. *Kornemann E.* Volkstribunat und Kaisertum // Festschrift für Leopold Wenger zu seinem 70. Geburtstag. Bd. 2. München, 1945. S. 284–316.
52. *Kunkel W.* Über das Wesen des augusteischen Prinzipat // Augustus / Hgs. W. Schmitthenner. Darmstadt, 1969. S. 311–335.
53. *Lacey W.K.* Augustus and the Senate: 23 BC // Antichthon. Vol. 19. 1996. P. 57–67.
54. *Lacey W.K.* Summi Fastigii Vocabulum: The Story of a Title // JRS. Vol. 69. 1979. P. 28–34.
55. *Lehmann G.A.* Der Beginn der res gestae des Augustus und das politische exemplum des Cn. Pompeius Magnus // ZPE. Bd. 148. 2004. S. 151–162.
56. *Levi M.A.* La compositione delle «Res Gestae Divi Augustu» // Rivista di Filologia Classica. Vol. 25. 1947. P. 189–210.
57. *Liubimova O.V.* The Concept of 'Populares' in Modern Historiography. Journal of Ancient History [Ponyatie «populyary» v sovremennoy istoriografii. Vestnik drevney istorii]. 2015. № 1. P. 190–207.
58. *Махлаюк А.В.* «Что скажет о нас история?..» О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа. С. 170–225.
59. *Mackie N.* Popularis Ideology and Popular Politics at Rome in the First Century B. C. // RhM. Bd. 135. 1992. S. 49–73.
60. *Malavolta M.* Arcana imperii. Lessico politico delle Res gestae diui Augusti. Roma, 2011.
61. *Mantovani D.* Leges et iura p(opuli) R(omani) restituit. Principe e diritto in un aureo di Ottaviano // Athenaeum. Vol. 96. 2008. P. 5–54.
62. *Martin J.* Die Populären in der Geschichte der Späten Republik. Freiburg i. Br., 1965.
63. *Meier Chr.* Populares // RE. Suppl. Bd. 10. 1965. Sp. 567.
64. *Mikhaylovskiy F.A.* The Power of Octavian Augustus [Vlast' Oktaviana Avgusta]. M., 2000.

65. Михайловский Ф.А. Власть Октавиана Августа. М., 2000.
66. Millar F. «Senatorial» Provinces: An Institutionalized Ghost // *Idem*. Rome, the Greek World and the East. Volume I. The Roman Republic and the Augustan Revolution. Chapel Hill; London, 2002. P. 314–320.
67. Mommsen Th. Der Rechenschaftsbericht des Augustus // *Idem*. Gesammelte Schriften Bd. 4. B., 1906. S. 247–258.
68. Mommsen Th. Res Gestae Divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi. B., 1883.
69. Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd. 3: Von Sullas Tod bis zur Schlacht von Thapsus [Istoriya Rima. T. 3. Ot smerti Sully do bitvy pri Tapse]. M., 1941.
70. Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Republic. Cambridge, 2004.
71. Mouritsen H. Plebs and Politics in Late Republican Rome. Cambridge, 2001.
72. Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome. Berkeley; L. A., 1980.
73. O'Brien J. Augustus and the monument of Ancyra // *Historical Studies*. Vol. 1945. P. 111–138.
74. Osgood J. Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire. Cambridge, 2006.
75. Paterson J. Politics in the Late Republic // *Roman Political Life 90 B. C. — A. D. 69* / Ed. T.P. Wiseman. Exeter, England: University of Exeter Press, 1985. P. 21–43.
76. Pavis d'Escurac H. La préfecture de l'annone, service administratif impérial d'Auguste à Constantin. Rome, 1976.
77. Platner S.B., Ashby T. A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L., 1929.
78. Price S.R.F. The Place of Religion: Rome in the Early Empire // *CAH*. 2nd edn. Vol. X. P. 812–847.
79. Raaflaub K.A. Caesar the liberator? Factional politics, civil war, and ideology // *Caesar against Liberty?* / Ed. F. Cairns, E. Fantham. Cambridge, 2003. P. 35–67.
80. Raaflaub K.A. Caesar und Augustus als Retter römischer Freiheit? // *Caesar* / Hrsg. E. Baltrusch. Darmstadt, 2007. S. 229–261.
81. Ramage E. Augustus' Treatment of Julius Caesar // *Historia*. Bd. 34. 1985. P. 223–245.
82. Ramage E.S. The Nature and Purpose of Augustus' «Res gestae». Stuttgart, 1987.
83. Reese A. Die Bürger und ihr Kaiser. Die plebs urbana zwischen Republik und Prinzipat. PhD Diss. Ruhr Universität Bochum, 2004.
84. Reinhold M. From Republic to Principate. An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988.
85. Rich J.W. Augustus's Parthian Honours, the Temple of Mars Ultor and the Arch in the Forum Romanum // *PBSR*. Vol. 66. 1998. P. 71–128.

86. *Rich J.W., Williams J.H.C. Leges et Ivra P. R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settelement of 28–27 B. C. // The Numismatic Chronicle. Vol. 159. 1999. P. 169–213.*
87. *Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore; L., 1992.*
88. *Rickman G. The Corn Supply of Ancient Rome. Oxford, 1980.*
89. *Ridley R.T. The emperor's retrospect: Augustus' «Res gestae» in epigraphy, historiography and commentary. Leuven; Dudley, 2003.*
90. *Robb M. A. Beyond Populares and Optimates: Political Language in the Late Republic. Stuttgart, 2010.*
91. *Rose P. Spectators and spectator comfort in Roman entertainment buildings: a study in functional design // PBSR. Vol. 73. 2005. P. 99—130.*
92. *Russell A. The Definition of Public Space in Republican Rome. PhD Diss. Berkeley, 2011. P. 108—136.*
93. *Sablayrolles R. Espace urbain et propagande politique: l'organisation du centre de Rome par Auguste (Res Gestae 19 à 21) // Pallas. Vol. 28. 1981.*
94. *Schäfer M. Cicero und der Principat des Augustus // Gymnasium. Bd. 64. 1957. S. 310–335.*
95. *Scheer R. Vindex Libertatis // Gymnasium. Bd. 78. 1971. S. 182–188.*
96. *Scheid J. Res Gestae Divi Augusti. P., 2007. P. xxvi–xxviii.*
97. *Schneider H.-C. Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977.*
98. *Seager R. Factio: Some Observations // JRS. Vol. 62. 1972. P. 53–58.*
99. *Serrao F. Classi, partiti e legge nella Repubblica romana. Pisa, 1974.*
100. *Shipley F.W. Agrippa's Building Activities in Rome. Eugene, 2008.*
101. *Skard E. Zu Monumentum Ancyranum // Symbolae Osloenses. Vol. 31. 1955. S. 119–121.*
102. *Sumi G.S. Ceremony and Power: Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2005.*
103. *Sumi G.S. Topography and Ideology: Caesar's Monument and the Aedes Divi Iulii in Augustan Rome // CQ. Vol. 61. 2011. P. 205–229.*
104. *Swan P. The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 55–56 (9 B.C.–A.D. 14). Oxford, 2004.*
105. *Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.*
106. *Tariverdieva S.E. Marcus Agrippa's Building Activities in Rome // Proceedings of UrFU [Stroitel'naya deyatel'nost' Marka Agrippy v Drevnem Rime // Izvestiya UrFU]. Ser. 2. Humanities. 2014. № 1. P. 6–25.*
107. *Tariverdieva S.E. Temple of Mars at Forum of Augustus: Bis Ultor // In the Shadow of Mnemosyne. Commemorative Practices in the Societies*

- of the Past / Ed. AA. N. Maslov, A.V. Machlayuk [V teni Mnemoziny. Kommemorativnye praktiki v obshchestvakh proshlogo / Pod red. A.N. Maslova, A.V. Makhlayuka]. Nizhniy Novgorod, 2015. P. 160–172.
108. *Tatum W.J.* The Patrician Tribune: P. Clodius Pulcher. Chapel Hill, 1999.
109. *Taylor L.R.* Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley; Los Angeles; London, 1971.
110. *Tengström E.* Theater und Politik im kaiserlichen Rom // *Eranos*. Bd. 75. 1977. S. 43–56.
111. *Thonemann P.* A Copy of Augustus' Res Gestae at Sardis // *Historia*. Bd. 61. 2012. P. 282—288.
112. *Tokarev A. N.* Formation of the Official Ideology of the Emperor Augustus' Principate [Stanovlenie ofitsial'noy ideologii printsipata imperatora Avgusta]. Khar'kov, 2011.
113. *Toner J.* Trends in the Study of Roman Spectacle and Sport // *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity* / Ed. P. Christesen, D. G. Kyle. Malden, 2014. P. 454–459.
114. *Ulrich R.B.* Julius Caesar and the creation of the Forum Iulium // *AJA*. Vol. 97. 1993. P. 49–80.
115. *Van Berchem D.* Les distributions de blé et d'argent à la plèbe Romaine sous l'Empire. Genève, 1939.
116. *Vanderbroek P.J.J.* Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic. Amsterdam, 1987.
117. *Vanotti G.* A proposito di Ottaviano Augusto «vindex libertatis» // *Fazioni e congiure nel mondo antico* / A cura di M. Sordi. Milano, 1999. P. 161–179.
118. *Velleius Paterculus.* Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti / With an English translation by F. W. Shipley. L., 1924.
119. *Veyne P.* Le pain et et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976.
120. *Ville G.* La gladiature en Occident des origines à la mort de Domitien. Rome, 1981.
121. *Virlouvet C.* Tessera frumentaria. Les procédures de la distribution de blé public à Rome. Rome, 1995.
122. *Virlouvet C.* Famines et émeutes des origines de la République à la mort de Néron. Rome, 1985.
123. *Walser G.* Der Kaiser als Vindex Libertatis // *Historia*. Bd. 4. 1955. S. 353–367.
124. *Weinstock S.* Divus Julius. Oxford, 1971.
125. *Welwei K.* Augustus als vindex libertatis // *Idem.* Res publica und Imperia. Kleine Schriften zur römischen Geschichte. Stuttgart, 2004. S. 217–229.
126. *Westall R.* Review on Alison E. Cooley. Res Gestae Divi Augusti: text, translation, and commentary // *Bryn Mawr Classical Review*. 2011.02.03.

127. *Westhall R.* The Forum Iulium as representation of Emperor Caesar // MDAI(R). Bd. 103. 1996. P. 83–118.
128. *White P.* Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. Vol. 42. 1988. P. 334–356.
129. *Wickert L.* Zu Caesars Reichspolitik // Klio. Bd. 30. 1937. S. 232–253.
130. *Wiedemann T.* Emperors and Gladiators. L., N.Y., 1992.
131. *Wilcken U.* Zu den impensae der Res gestae divi Augusti // Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Abteilung der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 27. 1931. S. 772–785.
132. *Wirszubski C.* Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge, 1950.
133. *Wiseman T.P.* The Ethics of Murder // *Idem.* Remembering the Roman People. Essays on Late Republican Politics and Literature. Oxford, 2009. P. 177–210.
134. *Wiseman T.P.* Augustus, Sulla and the supernatural // The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / Ed. C. Smith, A. Powell. Swansea, 2009. P. 111–123.
135. *Yavetz Z.* Julius Caesar and His Public Image. Ithaca, New York, 1983.
136. *Yavetz Z.* Plebs and Princeps. New Brunswick, Oxford, 1988.
137. *Yavetz Z.* The Res Gestae and Augustus' Public Image // Caesar Augustus. Seven Aspects / Ed. F. Millar, E. Segal. Oxford, 1984. P. 1–36.
138. *Zaleski J.* Religion and Roman Spectacle // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / Ed. P. Christesen, D.G. Kyle. Malden, 2014. P. 590–602.
139. *Zanker P.* By the emperor, for the people. «Popular» architecture in Rome // The Emperor and Rome. Space, Representation, and Ritual / Ed. B.C. Ewald, C.E. Noreña. Cambridge, 2010. P. 45–87.
140. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.
141. *Zarrow E.M.* The Image and Memory of Julius Caesar between Triumvirate and Principate. PhD Diss. Yale University, 2007.
142. *Zecchini G.* I partiti politici nella crisi della repubblica // Partiti e fazioni nell'esperienza politica romana / G. Zecchini (cur.) Milano, 2009. P. 105–120.

Ключевые слова:

император Август, «Деяния Божественного Августа», популяры, народ, трибунская власть, свобода, колонии, аграрная политика, хлеб, зрелища, строительная политика, Юлий Цезарь.

Olga V. Liubimova

THE LEGACY OF POPULARES IN THE POLITICS OF EMPEROR AUGUSTUS (ON THE EVIDENCE OF RES GESTAE DIVI AUGUSTI)

On the basis of «The Achievements of the Divine Augustus» the author analyses the significance of the legacy of populares, one of the main political movements in the Late Republic, in the politics of Emperor Augustus. The main features of this political movement, in the opinion of modern researchers, were their demagogic political style, their assertion of the sovereignty of Roman people and their protection of economic interests of the lower classes. In the RGDA there is no mention of the odious political methods of the populares that entailed conflicts and unrest but the text significantly dwells on the tribunician power granted to Augustus. In the Late Republic the tribunician power served as the basis of the populares' political method. The ideology reflected in the RGDA entrusts the Roman people with an important role in the public administration and describes the Roman people as a full-fledged partner of the Senate, however it lacks the populares' contraposition of the Roman people to the Senate (or to the oligarchy controlling the Senate). The populares' legacy is particularly apparent in the RGDA chapters describing Augustus' expenses in favor of the Roman people such as the organisation of various social measures, shows and public building. Augustus inherited from the populares of the Late Republic the idea of Roman plebs as a source of political power and of satisfaction of its interest as a mechanism of maintaining political stability, but discarded those of populares slogans and methods that had a conflict potential.

 Любимова Ольга Владимировна

Уральский федеральный университет, соискатель

А.В. Махлаюк

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ В «ЗЛОВЕЩИЙ ВЕК» ИСТОРИИ РИМА

Рецензия на книгу: Циркин Ю.Б. «Военная анархия»
в Римской империи. СПб.: Нестор-История, 2015

ловецкий век, о котором меньше всего известно в истории Рима», — так назвал период второй–третьей четверти III столетия один французский медиевист¹. Однако ни относительная скудость источников, ни сложность самих исторических феноменов не только не останавливали, но, напротив, привлекали интерес многих поколений исследователей, в том числе и отечественных. Правда, событиям и процессам этого действительно критического для римской истории времени после фундаментального труда Е.М. Штаерман² в отечественной науке уделялось незаслуженно малое внимание, и только в 2000-е гг. положение дел начало меняться: защищаются диссертации, выходят статьи и монографии по отдельным аспектам данной темы³. Учитывая эту тенденцию, а также то, с какой интенсивностью

¹ *Latouche R. The Birth of the Western Economy. London, 1961. P. 6.*

² *Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.*

³ См.: *Куликова Ю.В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков: Политические, социально-экономические и культурные аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Куликова Ю.В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб., 2012; Лебедев П.Н. Трансформация власти в Римской империи в III в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. Еще раньше на Украине была опубликована монография И.П. Сергеева (*Сер-**

и результативностью, с каким накалом дискуссий в последние десятилетия изучается Римская империя III в. в мировом антиковедении⁴, можно только приветствовать выход в свет солидной монографии Ю.Б. Циркина, авторитетного отечественного специалиста, среди многообразных научных интересов которого важное место занимает и история императорского Рима.

Автор сознательно сосредоточивает свое внимание на «политическом аспекте процесса» развития Римской империи в период 235–284 гг., который он, вслед за М.И. Ростовцевым, называет «военной анархией»⁵ и рассматривает как эпоху, в которую произошел качественный скачок, по сути, вторая римская революция, открывшая позднеантичный период европейско-средиземноморской истории. Более того, по словам Ю.Б. Циркина, это был «кризис, в результате которого оказались разрушенными все элементы предшествующего римского общества» (с. 6). Относительно разрушения «всех элементов» можно, конечно, спорить (все-таки в исследованиях недавнего времени широкое распространение получило мнение о сохранении в III в., несмотря на кризисные явления, значительной преемственности с периодом раннего принципата в таких сферах, как военная

геев И.П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999), который продолжает заниматься этой проблематикой и в настоящее время. В частности, см. его обзор российской историографии темы: *Сергеев И.П.* Проблема социально-политического развития Римской империи в III веке н.э. в современном российском антиковедении // Вестник Харьковского университета. 2012. № 1005: История. Вып. 45. С. 92–98.

- ⁴ Общий обзор современной зарубежной литературы по «кризису III века» см. в работе: *Сергеев И.П.* Проблема кризиса III века в Римской империи в «западном» антиковедении конца XX — начала XXI вв. // Древности. 2013. С. 304–310. Полезные обзоры историографии и новейших дискуссий по теме см.: *De Blois L.* The crisis of the third century in the Roman Empire: a modern myth? // The Transformation of Economic Life under the Roman Empire / Ed. L. de Blois and J. Rich. Amsterdam, 2001. P. 204–217; *Liebeschuetz W.* Was there a crisis of the third century? // Crises and the Roman Empire. Proceedings of the seventh workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006) / Ed. by O. Hekster, G. de Kleijn and D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 11–20; *Mecella L.* L'età dei Soldatenkaiser nella storiografia recente // Mediterraneo Antico. Economie. Società. Culture. 2008. Vol. XI. 1–2. P. 657–671; *Sommer M.* «A vast scene of confusion». Die Krise des 3. Jahrhunderts in der Forschung // Das Recht der «Soldatenkaiser». Rechtliche Stabilität in Zeiten politische Umbruchs? / Hrsg. von U. Babusiaux und A. Kolb. Berlin, 2015. S. 15–30.
- ⁵ В современной литературе, впрочем, вывод М.И. Ростовцева о том, что император Максимиан Фракийец превратил Северовскую «военную монархию» в «военную анархию», не находит поддержки, как и применимость самого понятия «анархия» к рассматриваемому периоду в целом. См., в частности: *Drinkwater J.* Maximinus to Diocletian and the «Crisis» // The Cambridge Ancient History. Vol. XII: The Crisis of Empire, A. D. 193–337 / Ed. by A. Bowman, P. Gamsey, A. Cameron. Cambridge, 2005. P. 60, 63. Ср. также: *Börm H.* Die Herrschaft des Kaiser Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238. Der Beginn der «Reichskrise»? // Gymnasium. 2008. Bd. 115. S. 69–86.

стратегия и тактика, государственная религия, социальные и экономические структуры, репрезентация императорской власти, система образования (пайдейя), администрация и право⁶), но, так или иначе, «на выходе» из периода «военной анархии» если не в результате всеобъемлющего кризиса, то благодаря существенным переменам и трансформациям⁷ Римская держава оказалась в качественно новом состоянии.

В основной части книги, включающей 8 глав, изложение строится на последовательном описании правления многочисленных императоров III в., характеристике их личности, политических, пропагандистско-идеологических и военных мероприятий, и поэтому в центре внимания неизбежно оказывается событийная история, и в первую очередь то, что по-английски называется *emperor making and breaking*. Исключением являются две главы, 6-я и 7-я, посвященные, соответственно, «сепаратистским образованиям» в составе Римской державы — Пальмирскому царству и Галльской империи. Социальные, экономические, культурно-исторические и институциональные факторы и симптомы кризиса специально не анализируются, но общее концептуальное видение автором истоков, характера и последствий этого критического пятидесятилетия римской истории представлено в обширном «Заключении». Монография снабжена указателями имен, географических и этнических названий, но не имеет библиографического списка, который, несомненно, был бы весьма полезен, учитывая обширность использованной литературы.

Во «Введении» автор обозначает свое понимание категории «кризис» применительно к ключевым этапам истории Рима, отмечая, что можно говорить о трех больших кризисах, ставших «межевыми столбами» на пути этой истории (с. 8). Это, во-первых, кризис Римской республики, начавшийся с выступления Тиберия Гракха в 133 г. до н. э. и завершившийся Союзнической войной, и эпоха гражданских войн, в ходе которых на смену республике пришла империя. В третьем же большом кризисе периода Поздней империи выделяются собственно кризис и пришедшее ему на смену крушение старого государства (с. 11). При этом во втором большом кризисе, который

⁶ См., например: *Christol M. L'Empire romain du IIIe siècle. Histoire politique de 192 à 325 après J.-C. P.*, 1997; *Witschel Ch. Krise — Rezession — Stagnation? Der Westen des römischen Reiches im 3. Jahrhundert n. Chr.* Frankfurt a. M., 1999.

⁷ Именно в таких понятиях предпочитают говорить о процессах в Римской державе III в. некоторые историки со времени выхода работы К. Штробеля, отвергая правомерность применения категории «кризис» вообще. См.: *Strobel K. Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert». Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr.* Stuttgart, 1993.

приходится на конец II — конец III в. н. э., Ю.Б. Циркин выделяет две эпохи — «собственно кризис, начавшийся убийством Коммода и новой гражданской войной, и крушение Ранней империи»; соответственно, первая фаза относится к 193–235 гг., а вторая как раз и является периодом «военной анархии» 235–284 гг. (с. 11–12), т. е., по сути дела, второй кризис типологически похож на первый и третий наличием двух этапов. Во «Введении» автор останавливается также на обобщенной характеристике правления династии Северов, подчеркивая, что мероприятия Септимия Севера и Каракаллы «были столь решительны и многообразны, что в своей совокупности создавали новое качество политического устройства Империи» (с. 22). В следующем далее кратком обзоре основных источников Ю.Б. Циркин ограничивается только литературными свидетельствами, никак не поясняя специфику данных археологии, нумизматики, эпиграфики и папирологии, хотя именно они во многих случаях имеют первостепенное значение для изучения проблем рассматриваемого исторического периода⁸ и используются автором.

В главе I «Начало “военной анархии”» речь идет о воцарении и политике Максимиана⁹, предпосылки возвышения которого Ю.Б. Циркин усматривает в тех преобразованиях, каковые в военной организации и системе управления Империей произвел Септимий Север, а сам приход его к власти связывает с военными и внешнеполитическими событиями 230-х гг. и справедливо подчеркивает, что интересы нового императора лежали прежде всего в военной плоскости и его внутренняя политика была подчинена решению военных задач, что определяло и его отношения с сенатом (с. 52). Вполне правомерен и вывод автора о том, что ни о какой сознательной политике Максимиана, направленной против высших слоев в интересах низших, говорить не приходится.

Глава II «Сенаторская реакция» и глава III «Путь вниз» (самая обширная в книге) посвящены событиям 238 г., «года шести императоров». Здесь подробно, насколько позволяют источники, анализируются расстановка сил и интересы сенатских и провинциальных кругов, выступивших против Максимиана Фракийца, персональные качества и связи двух старших Гордианов, ставленников сената Пупиена и Бальбина. Оценивая кратковремен-

⁸ Важная роль нумизматических материалов для изучения императорской политики и идеологии в III в. показана в недавней работе: *Manders E. Coining Images of Power: Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, A.D. 193–284.* Leiden; Boston, 2012.

⁹ В дополнение к литературе, использованной в рецензируемой монографии, см.: *Haegemans K. Imperial Authority and Dissent. The Roman Empire in AD 235–238.* Leuven, 2008.

ное правление последних, Ю.Б. Циркин среди причин их неудачи называет отсутствие единства как среди сенаторов, так и среди самих соправителей, а также утопичность самой идеи восстановления прежней власти сената в условиях недовольства военных и гражданского населения (с. 97). Далее автор рассматривает правление Гордиана III¹⁰, обращая внимание на его законодательскую деятельность и роль ближайшего окружения, прежде всего Тимеситея, ставшего тестем юного императора и префектом преторианской гвардии. В деятельности этого префекта, сосредоточившего в своих руках ключевые военные и гражданские функции и сменившего своей всаднической командой традиционную сенаторскую знать, Ю.Б. Циркин видит важнейший шаг на пути «цивилизации» (т. е. превращения из преимущественно военной в гражданскую) этой должности, фактическое приобретение ею значения высшего административного поста (с. 113). Его неожиданную смерть во время похода против персов автор считает возможным связывать с происками Филиппа Араба (с. 120), ставшего его преемником на посту преторианского префекта, а затем и императором. Характеризуя политику последнего¹¹, Ю.Б. Циркин останавливается на династических планах и пропаганде нового правителя, его административных нововведениях, в частности, на создании должности вице-принцепса, под началом которого оказывается целое территориальное полунезависимое объединение — «эмбрион территориального разделения власти, что стало предвестием будущего административно-политического развития в эпоху Поздней Империи» (с. 133). Но в целом, как показывает автор, политические акты Филиппа носили вполне традиционалистский характер (как, например, празднование Секулярных игр¹²), что не исключает христианских симпатий этого императора, которые, по осторожному заключению Ю.Б. Циркина, вполне возможны. Осторожно высказывается он и по вопросу об обстоятельствах гибели Филиппа и приходе к власти Деция, считая, что хотя традиционная точка зрения, основанная на сообщениях большинства античных писателей, более предпочтительна, нельзя все же сбрасывать со счетов и версию Иоанна Антиохийского, согласно которой Филипп находился на Балканах в то время, когда в Риме против него вспыхнул мятеж,

¹⁰ К литературе, использованной в монографии, следует добавить новейшее исследование: *Herrmann K. Gordian III. Kaiser einer Umbruchszeit. Speyer, 2013.*

¹¹ Неучтенной осталась специальная монография о Филиппе: *Körner Chr. Philippus Arabs. Ein Soldatenkaiser in der Tradition des antoninisch-severischen Prinzipats. Berlin, 2002.*

¹² Оно было необходимо императору для подчеркивания его «романности», как отмечает Ю.Б. Циркин на с. 141, используя не совсем удачный термин (ср. с. 148). Все-таки латинское слово *Romanitas* и его современные эквиваленты, вроде английского *Romanness*, по-русски лучше передавать как «римскость».

а после того, как его посланцы, прибывшие в столицу, примкнули к восставшим, бежал в Берою, где и был убит агентами Деция (с. 150). Так или иначе, Филипп и его семья оказались в изоляции, и очередная попытка создания новой династии провалилась. Вопрос о верховной власти снова решался на полях гражданской войны, в сражениях полевых армий, командующим которых уже не был нужен никакой предлог для выступления против правящего императора. Так началась полоса почти бесконечных гражданских войн в истории «черного пятидесятилетия» Римской империи (с. 152).

В рассказе о правлении Деция Ю.Б. Циркин довольно подробно пишет о его знаменитых гонениях на христиан, но подчеркивает, что издание и неуклонное проведение в жизнь антихристианского декрета было только частью его общей религиозно-идеологической политики (с. 157), которая включала пропаганду идеала «хорошего императора» (в том числе и через принятие Децием имени Траяна, выпуск монет с именами и изображениями обожествленных принцепсов от Августа до Александра Севера) и традиционных богов. В административном плане Деций попытался создать некий гражданский институт (возможно, в виде возрождения цензуры), который мог бы обеспечить связь императора с сенатом и обществом. Но, по мнению автора, все эти начинания закончились неудачей из-за полного несоответствия времени (с. 169).

Завершает третью главу рассказ о мятежах и переворотах, которые в полной мере обнаружили решающую, часто самостоятельную политическую роль армии.

В главе IV «Правление Валериана и Галлиена»¹³ основное внимание уделено апогею политического кризиса и тем реформам, которыми правящие императоры пытались противодействовать нарастанию глобальных внутривосточных и внешних угроз. Говоря о совместном правлении Валериана и Галлиена, Ю.Б. Циркин справедливо подчеркивает, что Галлиен, провозглашенный августом, стал не просто наследником и формальным соправителем, но реально управлял частью Империи, хотя строгого разделения территории государства еще не произошло. По его словам, этот шаг означал, по сути дела, признание того факта, что один правитель уже

¹³ Здесь опять-таки приходится констатировать отсутствие в поле зрения автора ряда важных работ историко-биографического плана. В частности, стандартной работой по Галлиену остается книга: *De Blois L. The Policy of the Emperor Gallienus.* Leiden, 1976. См. также: *Bray J. Gallienus: A Study in Reformist and Sexual.* Kent Town, 1997. В числе новейших исследований можно указать: *Glas T. Valerian, Kaisertum und Reformansätze in der Krisenphase des Römischen Reiches.* Paderborn, 2014; *Geiger M. Gallienus.* Frankfurt am Main, 2013.

не может обеспечить эффективное управление всем государством (с. 187). В подробном рассмотрении военных реформ Галлиена автор поддерживает точку зрения тех исследователей, которые считают, что этот император действительно создал отдельный кавалерийский корпус, и отмечает также важные изменения в системе военного командования, которая основывалась теперь на кадрах из представителей привилегированного сословия всадников и становилась независимой от гражданских властей. И хотя в условиях нарастающего кризиса эта новая система не дала ожидаемого эффекта, ее элементы были использованы и усовершенствованы при проведении военных реформ Диоклетиана и Константина. В оценке главной политической реформы Галлиена — отстранении сенаторов от военной службы — Ю.Б. Циркин, не соглашаясь с доводами ученых, отрицающих сам факт принятия особого законодательного акта, присоединяется к традиционному мнению о том, что император, сумевший подняться над предрассудками своего сословия, действительно принял (вероятнее всего, в 262 г.) специальный эдикт, резко изменивший положение сената. Таким образом, «реформа Галлиена положила начало разделению военной и гражданской службы» и «завершила долгий путь вытеснения сенаторского сословия с руководящих позиций в государстве» (с. 229); в конечном итоге его преобразования открыли «путь к появлению нового правящего класса, даже физически не связанного с прежним» (с. 231). Однако именно высшие военные профессионалы, выходцы из Иллирии, выдвинувшиеся в результате целенаправленной политики императоров, и сместили Галлиена, правление которого завершило один период «военной анархии» — период крушения старых форм политической и социальной жизни, создав возможность перехода к периоду вызревания новых форм (с. 237). В данном разделе монографии, возможно, стоило бы более подробно остановиться на идеологических аспектах политики Галлиена. В частности, вне поля зрения Ю.Б. Циркина остался такой любопытный феномен, как появление на его монетах имени в женском роде — *Galliena Augusta*¹⁴.

Глава V с образным названием «Свет в конце туннеля» посвящена истории так называемых иллирийских императоров от Клавдия II Готского до Проба¹⁵, правление которых, по мнению автора, стало новой фазой полити-

¹⁴ См.: *MacCoull L.S.B. Gallienus the Genderbender // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1999. Vol. 40. No. 3. P. 233–239* (с предшествующей литературой вопроса).

¹⁵ Их личности и правление, в особенности фигура Аврелиана, в последнее время получили освещение в ряде специальных работ, которые не упоминаются в монографии: *Saunders T.R. A Biography of the Emperor Aurelian (A.D. 270–275). Ann Arbor, 1991*; *Cubelli V. Aureliano imperatore: la rivolta dei monetieri e la cosiddetta riforma manetaria.*

ческого развития Римской империи, когда сенаторская знать уже не могла претендовать на трон (даже избрание сенатом Тацита произошло только с согласия армии). С наибольшей подробностью рассматривается правление Аврелиана, который, проявив незаурядные военные и дипломатические таланты, сумел восстановить единство Империи и стабилизировать ее финансы. В числе интересных суждений и выводов в данном разделе монографии можно отметить тезис о том, что Клавдий в целом продолжил политику Галлиена, в том числе и в военной сфере (с. 244), а также о качественно новом характере введенного Аврелианом культа Непобедимого Солнца (с. 286) и о важной роли в управлении в период «междоцарствия» после убийства Аврелиана его вдовы Ульпии Северины, которая, по предположению автора, могла даже официально возглавлять государство (с. 299); заслуживает внимания и мысль о необходимости скорректировать мнение о Таците как о типично «сенатском» императоре, поскольку он во многом действовал так же, как и предшествующие «солдатские» императоры: в частности, назначал своих родственников на важнейшие посты и не вернул сенаторам право командовать войсками; вектор эволюции римского государственного строя остался тем же самым (с. 302 сл.). Интересна мысль о том, что Проб, сумевший на деле установить хорошие отношения с сенатом, ослабил тем самым ту «вертикаль власти», которую выстроил Аврелиан, что выразилось как в различных мятежах и узурпациях, так и в негативном отношении к Пробу солдат (с. 333).

Рассмотрение истории Пальмирского царства и Галльской империи в специальных главах (VI и VII) представляется логически оправданным. В политике правителей Пальмиры, Одената и Зенобии, Ю.Б. Циркин усматривает стремление создать новую, территориальную, а не городскую и не этническую державу, напоминающую эллинистическую монархию с характерным сочетанием западных и восточных элементов (с. 353 и сл.). Зенобия¹⁶, по мнению автора, ориентировалась именно на эллинистических царей (с. 364). В характеристике Галльской империи¹⁷ Ю.Б. Циркин

Firenze, 1992; Cizek E. L'empereur Aurélien et son temps. Paris, 1994; Watson A. Aurelian and the Third Century. London, 1999; Di Dario A.B.M. Il sole invincibile. Aureliano riformatore politico e religioso. Padova, 2002; Kreucher G. Der Kaiser Marcus Aurelius Probus und seine Zeit. Stuttgart, 2003.

¹⁶ Из сравнительно новых работ, посвященных этой незаурядной правительнице, см., напр.: Equini Schneider E. Septimia Zenobia Sebaste. Roma, 1993.

¹⁷ Об этом «сепаратистском» образовании см.: Drinkwater J.F. The Gallic Empire: Separatism and Continuity in the North-western Provinces of the Roman Empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987; Die Krise des 3. Jahrhunderts n. Chr. und das Gallische Sonderreich. Akten des interdisziplinären Kolloquiums Xanten 26. bis 28. Februar 2009 / Hrsg. Th. Fischer. Wiesbaden, 2012.

кин также останавливается на проблеме ее внутреннего устройства и оформления власти Постума. Правление последнего, однако, показало, что ни существование конституционных институтов, ни некоторые успехи в экономической стабилизации, ни достижения в войнах с варварами не могли решающим образом определить политическую ситуацию в условиях, когда все решала поддержка армии, ставшей самостоятельной силой; и именно потеря контроля над войском в конечном счете обусловила неудачу галльских императоров. При этом, как отмечает Ю.Б. Циркин, и для воинов, и для населения западных провинций, независимо от их происхождения, Рим оставался «главой мира», и сами они ощущали себя римлянами (с. 390) и были заинтересованы в восстановлении единства Империи при условии, что их командующий станет римским императором (с. 403). Вместе с тем были и причины сравнительно длительного существования отдельной *imperium Galliarum*: это и широкая поддержка узурпации Постума со стороны местного населения и армии в условиях неспособности центральной власти остановить варварские вторжения, и политическая конъюнктура, отвлекавшая Галлиена от дел за Альпами.

В главе VIII «Ликвидация принципата. Конец “военной анархии”» речь идет о правлении Аврелия Кара и его сыновей. Отказ пришедшего к власти Кара от утверждения сенатом Ю.Б. Циркин склонен считать переворотом в конституционной истории Римской империи, означавшим конец принципата как политической системы, созданной Августом, и начало домината (с. 408). Завершается глава рассказом о приходе к власти Диоклетиана.

В пространном «Заключении» суммированы итоги исследования и сформулированы пять наиболее важных особенностей и результатов рассмотренного 50-летия римской истории. Они суть следующие:

- 1) Императорская власть фактически приобретает самодержавный характер.
- 2) Набирает силу тенденция к регионализации и децентрализации Римской империи, связанная, помимо прочего, с выходом денег из обращения.
- 3) Начинается процесс утраты Римом функций столицы Империи.
- 4) Происходят радикальные изменения в правящей элите Римского государства: прежняя политическая и военная элита, представленная в основном членами сенаторского сословия, сходит со сцены, уступая политическое господство генералитету и гражданской бюрократии, которые формируются по новым правилам.

- 5) Изменяются идеологические и психологические отношения между властью и обществом¹⁸. Происходит нарастание сакрализации императорской власти, с одной стороны, разочарование в официальной религии — с другой.

В целом же «военная анархия» была не только эпохой тотального разрушения, но и переходной стадией от одного состояния Римского государства к другому, причем переход этот носил революционный, скачкообразный характер. Все эти выводы, хотя и не являются принципиально новыми и оригинальными, вполне обоснованы, вытекают из анализа материала источников и проникновения в суть изучаемых процессов. Главное достоинство монографии — добротный, детальный нарратив военных и политических событий. Автору в целом удалось представить сбалансированную и в достаточной степени достоверную картину исторического развития этого драматического периода в истории Рима.

Вместе с тем стоит обратить внимание и на некоторые недостатки рецензируемого труда. Прежде всего, отметим определенные пробелы в его библиографическом обеспечении. Ряд важных работ недавнего времени, в том числе обобщающего плана, предлагающих новые исследовательские ракурсы и оценки кризисного III в., оказался вне поля зрения автора¹⁹, что, безусловно, сказывается на реализуемых автором подходах, которые в целом вполне традиционны. Текст книги не свободен от отдельных повторов²⁰ и досадных опечаток в латинских цитатах и терми-

¹⁸ Ср.: *De Blois L. Emperorship in a period of crises. Changes in emperor worship, imperial ideology and perceptions of imperial authority in the third century A.D. // The Impact of Imperial Rome on Religions, Ritual and Religious Life in the Roman Empire / Ed. L. de Blois, P. Funke and J. Hahn. Leiden; Boston, 2006. P. 268–278.*

¹⁹ В дополнение к уже указанным работам отметим только наиболее существенные, на наш взгляд, исследования: *Sommer M. Die Soldatenkaiser. Darmstadt, 2004; Deleto paene imperio Romano. Transformationsprozesse des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert und ihre Rezeption in der Neuzeit / Hrsg. K.-P. Johne, Th. Gerhardt und U. Hartmann. Berlin, 2006; Crises and the Roman Empire. Proceedings of the seventh workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006) / Ed. O. Hekster, G. de Kleijn and D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007; Die Zeit der Soldaten-Kaiser. Krise und Transformation der Römischen Reiches im 3. Jahrhundert n.Chr. (235–284). Bd. 1–2 / Hrsg. K.-P. Johne, U. Hartmann, Th. Gerhardt. Berlin, 2008; *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden, 2011; Ando C. Imperial Rome AD 193 to 284. The critical century. Edinburgh, 2012.* Кроме того, см. интересную новейшую работу: *Das Recht der «Soldatenkaiser». Rechtliche Stabilität in Zeiten politische Umbruchs? / Hrsg. von Ulrike Babusiaux und Anne Kolb. Berlin, 2015.**

²⁰ Например, фраза в начале абзаца на с. 81 дословно повторяет текст примечания 56 на с. 80.

нах²¹. Встречаются и другие мелкие погрешности. Так, британская исследовательница Патрисия Саузерн (Patricia Southern) почему-то именуется в мужском роде (с. 221, прим. 158; с. 430, прим. 14), а российский археолог Д.Б. Шелов назван Шелловым (с. 195, прим. 52; с. 197, прим. 60). На с. 314 и 315 приводится цитата из SHA. Prob. 13.1 и говорится о преторском праве (*ius praetorium*), которое предоставлялось наместникам провинций. Это место является слишком темным, чтобы строить на нем какие-либо суждения; неясно, что имеется здесь в виду, поскольку провинциальные наместники всегда имели юрисдикцию. Неудачно звучит выражение «доблесть, связанная с победами воинской славы» на с. 280 (на этой же странице при описании стены Аврелиана вместо слова «башни» указано «стены»).

Однако названные недочеты не умаляют общей положительной оценки монографии Ю.Б. Циркина, которая, несомненно, может считаться серьезным вкладом в российскую историографию Римской империи.

²¹ Так, в одной цитате из Аврелия Виктора (De Caes. 33. 2) вместо *imperandi cupido* дается *imperandi cupio* (с. 208), в другой — *belli scientis Postumo par* вместо *belli scientia* (De Caes. 33. 12; с. 388), а в третьей — *Taciti regnante* вместо *Tacito regnante*; в цитате из жизнеописания Аврелиана в SHA — *vestrae auctoritate* вместо *vestra auctoritate* (с. 292). В монетной легенде вместо *OB REDITU* дано *OD REDITU* (с. 216). Плиний в «Панегирике Траяну» противопоставляет *principatus* и *dominatio*, а не *dominio*, как указано на с. 286.

REFERENCES

1. *Ando C.* Imperial Rome AD 193 to 284. The critical century. Edinburgh, 2012.
2. *De Blois L.* The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976.
3. *De Blois L.* The crisis of the third century in the Roman Empire: a modern myth? // The Transformation of Economic Life under the Roman Empire / Ed. L. de Blois and J. Rich. Amsterdam, 2001. P. 204–217.
4. *De Blois L.* Emperorship in a period of crises. Changes in emperor worship, imperial ideology and perceptions of imperial authority in the third century A.D. // The Impact of Imperial Rome on Religions, Ritual and Religious Life in the Roman Empire / Ed. L. de Blois, P. Funke and J. Hahn. Leiden; Boston, 2006. P. 268–278.
5. *Börm H.* Die Herrschaft des Kaiser Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238. Der Beginn der «Reichskrise»? // Gymnasium. 2008. Bd. 115. S. 69–86.
6. *Bray J.* Gallienus: A Study in Reformist and Sexual. Kent Town, 1997.
7. Crises and the Roman Empire. Proceedings of the seventh workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006) / Ed. O. Hekster, G. de Kleijn and D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007.
8. *Christol M.* L'Empire romain du IIIe siècle. Histoire politique de 192 à 325 après J.-C. P., 1997.
9. *Cizek E.* L'empereur Aurélien et son temps. Paris, 1994.
10. *Cubelli V.* Aureliano imperatore: la rivolta dei monetieri e la cosiddetta riforma monetaria. Firenze, 1992.
11. *Deleto paene imperio Romano.* Transformationsprozesse des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert und ihre Rezeption in der Neuzeit / Hrsg. K.-P. Johne, Th. Gerhardt und U. Hartmann. Berlin, 2006.
12. *Di Dario A.B.M.* Il sole invincibile. Aureliano riformatore politico e religioso. Padova, 2002.
13. *Drinkwater J.F.* The Gallic Empire: Separatism and Continuity in the North-western Provinces of the Roman Empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987.
14. *Drinkwater J.* Maximinus to Diocletian and the «Crisis» // The Cambridge Ancient History. Vol. XII: The Crisis of Empire, A.D. 193–337 / Ed. by A. Bowman, P. Gamsey, A. Cameron. Cambridge, 2005. P. 28–66.
15. *Equini Schneider E.* Septimia Zenobia Sebaste. Roma, 1993.

16. *Geiger M.* Gallienus. Frankfurt am Main, 2013.
17. *Glas T.* Valerian, Kaisertum und Reformansätze in der Krisenphase des Römischen Reiches. Paderborn, 2014.
18. *Haegemans K.* Imperial Authority and Dissent. The Roman Empire in AD 235–238. Leuven, 2008.
19. *Herrmann K.* Gordian III. Kaiser einer Umbruchszeit. Speyer, 2013.
20. *Körner Chr.* Philippus Arabs. Ein Soldatenkaiser in der Tradition des antoninisch-severischen Prinzipats. Berlin, 2002.
21. *Kreucher G.* Der Kaiser Marcus Aurelius Probus und seine Zeit. Stuttgart, 2003.
22. Kulikova Yu.V. «Gall'skaya imperiya» ot Postuma do Tetrikov: Politicheskije, social'no-ehkonomicheskie i kul'turnye aspekty: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003.
23. Kulikova Yu.V. «Gall'skaya imperiya» ot Postuma do Tetrikov. SPb., 2012.
24. Die Krise des 3. Jahrhunderts n. Chr. und das Gallische Sonderreich. Akten des interdisziplinären Kolloquiums Xanten 26. bis 28. Februar 2009 / Hrsg. Th. Fischer. Wiesbaden, 2012.
25. Lebedev P.N. Transformaciya vlasti v Rimskoj imperii v III v. n.eh.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009.
26. *Liebeschuetz W.* Was there a crisis of the third century? // Crises and the Roman Empire. Proceedings of the seventh workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June 20–24, 2006) / Ed. by O. Hekster, G. de Kleijn and D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 11–20.
27. *MacCoull L.S.B.* Gallienus the Genderbender // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1999. Vol. 40. No. 3. P. 233–239.
28. *Manders E.* Coining Images of Power: Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, A.D. 193–284. Leiden; Boston, 2012.
29. *Mecella L.* L'età dei Soldatenkaiser nella storiografia recente // Mediterraneo Antico. Economie. Società. Culture. 2008. Vol. XI. 1–2. P. 657–671.
30. *Mennen I.* Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden, 2011.
31. Das Recht der «Soldatenkaiser». Rechtliche Stabilität in Zeiten politische Umbruchs? / Hrsg. von Ulrike Babusiaux und Anne Kolb. Berlin, 2015.
32. *Saunders T.R.* A Biography of the Emperor Aurelian (A.D. 270–275). Ann Arbor, 1991.
33. Sergeev I.P. Rimskaya imperiya v III veke nashej ehry. Problemy social'no-politicheskoy istorii. Har'kov, 1999.
34. Sergeev I.P. Problema social'no-politicheskogo razvitiya Rimskoj imperii v III veke n. eh. v sovremennom rossijskom antikovedenii // Vestnik Khar'kovskogo universiteta. 2012. № 1005: Istorija. Vyp. 45. S. 92–98.

35. *Sommer M.* Die Soldatenkaiser. Darmstadt, 2004.
36. *Sommer M.* «A vast scene of confusion». Die Krise des 3. Jahrhunderts in der Forschung // Das Recht der «Soldatenkaiser». Rechtliche Stabilität in Zeiten politische Umbruchs? / Hrsg. von U. Babusiaux und A. Kolb. Berlin, 2015. S. 15–30.
37. *Strobel K.* Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert». Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr. Stuttgart, 1993.
38. *Watson A.* Aurelian and the Third Century. London, 1999.
39. *Witschel Ch.* Krise — Rezession — Stagnation? Der Westen des römischen Reiches im 3. Jahrhundert n. Chr. Frankfurt a. M., 1999.
40. Die Zeit der Soldaten-Kaiser. Krise und Transformation der Römischen Reiches im 3. Jahrhundert n.Chr. (235–284). Bd. 1–2 / Hrsg. K.-P. Johnе, U. Hartmann, Th. Gerhardt. Berlin, 2008.

 Махлаюк Александр Валентинович

доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

К.В. Марков

ИСТОРИОПИСАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III ВЕКА КАК ПРЕДМЕТ НАРРАТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рецензия на книгу: Kemezis Adam M. *Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, xii, 340 p.

Книга А. Кемезиса издана в Кембридже в рамках серии «Греческая культура в римском мире», посвященной проблематике греко-римских взаимоотношений в императорский период, и прежде всего вопросу о влиянии широкого спектра исторических условий этого времени на греческую культуру, в том числе религию, философию, литературу. Основой для работы Кемезиса стала его диссертация, защищенная в 2006 г.¹, материал которой был существенно доработан, особенно в отношении методологии и концептуального оформления. В качестве одной из главных задач Кемезис называет определение места Северовской эпохи в контексте развития греческой литературы (с. 3). Вместе с тем исследователь ставит целью показать специфику отражения исторических реалий в сочинениях трех авторов, обусловленную изменением политического контекста. Политическая нестабильность эпохи Северов (193–235) приводит к исчезновению характерного для II в. консенсуса между властью и обществом в отношении восприятия прошлого, что побуждало и правителей, и их подданных по-новому взглянуть на

¹ Kemezis A.M. *The Roman Past in the Age of the Severans*. PhD Dissertation. University of Michigan, 2006.

историю и собственную культурную идентичность. Цель работы Кемезиса заключается, таким образом, в выявлении сущности произошедших изменений, демонстрации отличительных черт восприятия прошлого в эпоху Северов.

Книга состоит из введения, пяти глав, составляющих основное содержание работы, заключения, трех приложений (посвященных проблемам датировки изучаемых сочинений, а также проблеме характеристики социальной и профессиональной принадлежности Геродиана), библиографии и указателя исторических терминов и имен собственных.

В пространном введении автор дает общую характеристику задач и содержания своего труда, уделяя значительное внимание методологии. Свой исследовательский инструментарий автор называет «эклектичным», варьирующимся в зависимости от аспектов изучаемой проблематики (с. 11). Опираясь на материал современных литературоведческих штудий, Кемезис применяет к текстам древних авторов концепт «нарративы» — некое целостное повествование, имеющее определенную структуру, в рамках которой отдельные элементы выполняют самостоятельные заданные автором функции (с. 10). Таким образом, исследователь изучает труды Диона, Филострата и Геродиана как произведения художественной литературы, каждое из которых содержит свой «повествовательный мир» («narrative world») — обобщенный образ бытия, находящийся под влиянием реальной жизни, но не обусловленный внешней действительностью, какой она представлялась читателям (с. 11). Общей чертой исследуемых в книге нарративов было формирование особой «версии» Римской империи как исторической сцены, где разворачиваются описываемые в текстах события. Изучение таких «повествовательных миров» предполагает выявление подтекстов, намеков, смысловых оттенков, а главное, определение общих принципов построения и функционирования нарратива. Вот почему Кемезис констатирует необходимость делать допущения и формулировать обобщенные объяснительные модели, призывает давать общие оценки, не вникая в частности риторического анализа (с. 11, 14). Предполагается, что древние тексты были рассчитаны на читательскую аудиторию, способную понять «повествовательные миры» как результат творческой деятельности авторов, ибо ни во времена Северов, ни в наши дни люди не воспринимали мир текста и реальность как идентичные (с. 14). Кемезис, к сожалению, не приводит конкретных примеров такой рефлексии в античные времена. Обзор методологических основ работы Кемезиса также побуждает задать вопрос о том, в какой степени сознательное, целенаправленное конструирование «повествова-

тельных миров», если оно действительно имело место быть, зависело от жанровой специфики. Как оно соотносится с характерным для античных авторов представлением о том, что задача историка — поведать истину о прошлом, и именно достоверная передача информации о минувших событиях отличает историю от поэтического повествования, основанного на вымысле (Polib. I. 14. 5–6, II. 56. 12; Arist. Poet. 9. 1451 b 1; Luc. *De hist.* 8–9)? Еще один вопрос, тесно связанный с предыдущим — соотношение между индивидуальным авторским «конструированием» нарратива, традициями античного историописания и литературными веяниями современной авторам эпохи. Справедливым представляется замечание одного из рецензентов о том, что Кемезис слишком избирательно отнесся к проблематике огромного массива современных исследований по Второй софистике².

Еще одна цель, которую автор ставит во введении, — изучить тексты в их отношении к общественной и культурной ситуации и выяснить, как в этих сочинениях рассматриваются вопросы континуитета и преемственности, особенно в определении ключевых компонентов римской идентичности. При этом исследователь дистанцируется от рассмотрения воззрений трех авторов через призму их социального положения или этнической принадлежности, а также от установления взаимосвязи между социальным статусом автора и типом читательской аудитории, для которой предназначался его труд (с. 22).

Во второй главе «От Антонинов к Северам» автор книги, кратко охарактеризовав правление Северов, показывает контраст между династиями Антонинов и Северов, формами их идеологической политики, а также констатирует появление нового толкования прошлого. Именно попытки императоров найти идеологическое основание для обеспечения легитимности новой династии послужили точкой отсчета для общей переоценки прошлого, представленной в нарративах, созданных представителями элиты. Основное различие между отношением Антонинов и Северов к прошлому сформулировано следующим образом: для первых было характерно стремление исключить повествование о временах после Августа, для последних же главный интерес представляли современность и события недавнего прошлого, а также переосмысленная римская история в целом. Во второй главе подробно описывается процесс выработки представителями новой

² Burden-Strevens C. Review-Discussion. Historical Knowledge and Historiographical Narratives in the Severan Period (On A.M. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian) // *Histos*. 2016. Vol. 10. P. XI.

династии собственного взгляда на прошлое и характер отношений между правителем и подданными. Вместе с тем начальная стадия этого процесса связывается с Коммодом, последним из Антонинов (с. 46). Кемезис привлекает довольно широкий спектр источников, опирается также на материалы исследований по идеологической политике династии Северов, но все же некоторые смелые утверждения либо выходят за пределы имеющихся свидетельств, либо оказываются слишком вольной их интерпретацией. Например, мы узнаем, что правление Марка Аврелия воспринималось Коммодом главным образом не как звено, связывающее молодого императора с династией Антонинов, но как «необходимое условие для нового порядка, воплощением которого стал сам Коммод» (с. 48). Ему же приписывается «навязчивое представление о самом себе как о преобразовательной силе в римском мире» (с. 50). Септимий Север назван правителем, целенаправленно «манипулирующим» своим имиджем и пытающимся объединить различные направления династической пропаганды в «единый последовательный нарратив» (с. 58).

Третья глава называется «Дион Кассий: последний анналист». «Римская история» характеризуется здесь как сочинение уникальное по хронологическому охвату и авторскому замыслу — создать новую версию всей истории римского народа с древнейших времен. Кемезис ставит задачу понять этот труд как «литературное целое в определенном культурном контексте (с. 91). В сравнении с предшествующей историографией новизна работы Диона заключалась в создании оригинальной композиционной структуры повествования, охватывающей несколько исторических эпох. «Повествовательный мир» Диона не статичен. Он меняется на разных исторических этапах, которые Дион обозначил в своих суждениях о периодизации римской истории (LII. 1. 1; LIII. 19. 1–6; LXXII[LXXI]. 36. 4; LXXIII [LXXII]. 36. 4; LXXIII[LXXII]. 18. 4), и каждому из которых соответствовал определенный тип повествования, или, в терминологии Кемезиса, «повествовательный модус» («narrative mode») (с. 98). Исследователь выделяет четыре таких «модуса»: республика, *dynasteiai*, принципат и «модус очевидца» (the «eyewitness» mode)³. Он отмечает, что Дион нигде

³ Первые два модуса выделены в соответствии с периодизацией истории Рима во вступлении к III книге. Здесь для обозначения экстраординарной власти отдельных политических лидеров Дион употребляет термин *δυναστεία*, который Кемезис в своей книге передает латиницей. Основанием для выявления двух других модусов в рамках императорского периода послужили упоминание Диона о царстве железа и ржавчины, пришедшем на смену царству золотому после смерти Марка LXXII[LXXI]. 36. 4; и его краткая ремарка о том, что события, происходившие в его время, он будет описывать подробнее и тщательнее, поскольку сам был их свидетелем (LXXII. 18. 4).

явно не упоминает о подобном структурировании своего труда. Выявление модусов — предмет новаторской реконструкции Кемезиса, причем, как он сам поясняет, весьма условной (с. 109). Для каждого модуса характерны свои функции, литературные приемы, принципы отбора и репрезентации определенного типа событий и мотивации персонажей, а также свое представление о сущности Римского государства и его отношении к индивидуальностям. Кроме того, каждому модусу соответствует особый характер речей, авторских отступлений, экскурсов и толкований. Сосредоточиваясь на том, чем один период отличался от другого, Дион тем самым дает ответы на вопросы, как в обществе произошли изменения и в чем преемственность. Республиканский период представлен как время, когда превалявали коллективные интересы, а деятельность индивидуальностей была направлена на достижение общего блага. Следующий модус характеризуется как специфическое повествование о гражданских войнах в Риме, которое разворачивается вокруг описания борьбы за власть отдельных политических лидеров. Кемезис подчеркивает композиционное и концептуальное значение II—III книг, а именно таких сюжетов, как дискуссия Агриппы и Мецената о выборе формы правления, отказ Октавиана от власти и описание государственных преобразований в книге III (гл. 11—18). Именно здесь представлен ответ на вопрос, каким образом произошли важнейшие изменения в истории Рима, именно эту часть труда Диона Кемезис называет ключом к интерпретации всей работы в целом (с. 128). Утверждение единоличной власти произошло, как убедительно показывает Кемезис, не благодаря доблестям Октавиана, а вследствие изменения государственной системы, инкорпорирования политической элиты в систему монархического управления. Значительную часть повествования занимает модус, условно обозначенный автором как «принципат», который демонстрирует, как идеализированная система, созданная Августом, работала на практике при нем самом и при последующих императорах. Дион сосредоточивается не столько на индивидуальных характеристиках правителей, сколько на том, соответствовала ли их деятельность требованиям системы, созданной Августом. Повествование о событиях после смерти Марка Аврелия отличается главным образом тем, что речь идет уже не просто о «плохих» императорах, а о крахе всей системы, созданной Августом. Причина кризиса крылась не в субъективном факторе, но в структурных изменениях, подобных тем, что привели в свое время к переходу от республики к единовластию.

Концепция Кемезиса вызывает целый ряд вопросов. Во-первых, не понятно, как в предложенную им схему вписывается материал первых двух

книг, посвященных царскому периоду. Во-вторых, предложенная Кемезисом характеристика основных черт республиканского модуса не вполне соответствует повествованию Диона о Риме, например, V в. до н.э. как обществе, погрязшем в междоусобных конфликтах⁴. В-третьих, сам Дион Кассий упоминает о различиях в повествовании о республике и принципе в целом без какой бы то ни было «спецификации» (LIII. 19. 1–6). Его краткое примечание относительно особенностей повествования о современных ему событиях (LXXII. 18. 4) имеет в основе типичное для греческих авторов представление о значимости личных наблюдений как источника информации и, следовательно, возможности более точного и тщательного повествования о событиях, которым автор был свидетелем. Само по себе это краткое примечание автора не предполагает смены методологической парадигмы.

Отдельного внимания заслуживает параграф «Идеальные государства, преемственность и изменения», посвященный дискуссии Агриппы и Мецената о наилучшей форме правления (кн. LII). Широкий спектр современных подходов к интерпретации этих речей Кемезис охарактеризовал весьма схематично, указав, что этот диспут может рассматриваться либо как политическая пропаганда, связанная с противоречиями современной Диону эпохи, либо как литературная репрезентация действий и мотивов исторического Августа и его окружения. Кемезис отмечает особый интерес исследователей к речи Мецената, в которой представлен проект конкретных государственных преобразований. По его мнению, большинство исследователей рассматривают этот проект как реакцию римского сенатора на реалии эпохи Северов и, в частности, на утрату сенатом былых привилегий, в том числе на монопольное обладание высшими государственными постами (с. 127). Удивляет отсутствие здесь ссылки на статью А.А. Смышляева, которая, судя по диссертации, знакома автору, по крайней мере, в англоязычном варианте⁵. Кемезис предлагает рассматривать материал LII книги как часть общего литературного замысла Диона, намеревавшегося показать в речи Мецената проект идеального государства вне исторического контекста, создаваемого с чистого

⁴ *Burden-Strevens* C. Review-Discussion... P. XII.

⁵ В статье представлена выделяющаяся на фоне прочих исследований интерпретация проекта Мецената как программы существенного реформирования государственной системы, реализация которой могла бы привести к фактическому установлению в Риме сенатской олигархии при номинальном сохранении власти принцепса. См.: *Smyslyayev A.L.* «Rech Mecenata» (Dio Cass. LII, 14–40): problemi interpretatsii // VDI. 1990. № 1. С. 54–66.

листа, а в книге LIII представить реформы Октавиана Августа как проведенные в духе предложений Мецената, но на основе имеющихся общественно-политических институтов (с. 135). Политический смысл речи Мецената Кемезис определяет как установление стабильной монархии, где «урегулированы» отношения между правителем и элитой, которая, в свою очередь, является воплощением континуитета с более ранней римской традицией (с. 128–129). Исследователь выделяет две ключевые черты идеальной «монархической системы» — централизация и унификация. Главный принцип — каждая социальная группа должна выполнять строго определенную функцию (с. 132). Отмечается, что роль правителя в такой системе заметно ограничена. Император принимает решения, но «жесткая иерархия» определяет, кто будет влиять на эти решения и исполнять их. В подтверждение этого тезиса Кемезис приводит предложение Мецената запретить городам подавать прошения императору напрямую, дабы посредником между ними и правителем выступал наместник провинции (LII. 30. 9). Такая монархия идеальна потому, что она минимально зависит от того, кто будет правителем (с. 133). Здесь была бы уместна ссылка на аналогичный тезис в известной работе Ф. Миллара⁶. Вместе с тем действительно инновационным является вывод о том, что, повествуя об императорском Риме, Дион связывал преемственность и изменения не с атрибутами хорошего правителя, но с государственными установлениями, общественными институтами, магистратурами. Кроме того, новой и важной для понимания труда представляется идея, что Дион оценивает не личные качества правителей, но исполнение ими роли императора, в соответствии с эталоном, представленным в LII и LIII книгах (с. 140). Вполне резонным представляется также вывод о том, что Дион мог проводить параллели между переходом от гражданских войн поздне-республиканского периода к принципату Августа и обстоятельствами утверждения в Риме новой династии Северов (с. 146).

Две главы посвящены произведениям Флавия Филострата — «Жизни Аполлония Тианского» и «Жизнеописаниям софистов». Кемезис предлагает рассматривать эти тексты как диптих, ибо оба они представляют собой описание того, как греческая культура могла оказывать трансформирующее воздействие на Римскую империю. Оба произведения относятся к инновационному виду исторической литературы — история без политических событий. В отличие от Диона Кассия и Геродиана, Филострат отводит императорам отнюдь не центральную роль в его повествовательном мире.

⁶ Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964. P. 111.

В основе его историй лежит идея признания императорской властью греческого культурного превосходства, культурной автономии греков и «привилегированности» их прошлого, которое вызывало повышенный интерес у читательской аудитории.

Современные исследователи в работах, посвященных Филострату и другим софистам, часто разделяют сферу политической активности, которая обозначается как римская, и все, что связано с культурой, литературой и образованием и обозначается как греческое. Можно согласиться с Кемезисом в том, что такое разделение не всегда очевидно. Например, для Аполлония стойкость философа перед тираном — это главное испытание для его философской мудрости. В данном случае нет четкого разделения между «греческой культурной» и «римской политической» сферами (с. 174).

«Жизнь Аполлония Тианского» Кемезис называет псевдодокументальной историей и рассматривает этот труд как художественное произведение, основные события которого были вымышлены автором. Именно так это произведение воспринималось читателями, поскольку, в представлении современников Филострата, в том числе предполагаемой заказчицы произведения, Юлии Домны, Аполлоний был «маргинальным», обладающим сомнительной репутацией персонажем (с. 167). Данный вывод представляется спорным. Материал источников не позволяют нам определить отношение Юлии Домны к Аполлонию Тианскому, но, судя по сообщению Диона Кассия, его почитал сын Юлии, император Каракалла, который построил храм в честь Аполлония (LXXIII[LXXII]. 18. 4).

Цель Филострата состояла в том, чтобы показать Аполлония истинным эллином, выдающимся представителем греческой культуры, сыгравшим значительную роль в римской династической истории. Сначала он благодаря своим сверхъестественным способностям преобразует дальнюю периферию, затем — греческий мир, после чего он меняет вектор политического процесса в самом Риме. Выступая против тиранического режима Домициана, он действует в интересах и греков, и римлян, и, таким образом, культурное разделение между ними отступает на второй план (с. 190).

Если «Аполлоний» представляет собой проекцию греческого безвременного и обезличенного мира на римскую повествовательную историю, «Жизнеописание софистов» — история индивидуальностей, принадлежащих к сменяющимся друг друга поколениям наставников и учеников. В мире «Софистов» есть императоры, но нет династий. Этот мир примечателен также своей географией. В центре событий оказываются грече-

ские города, и сюжетная линия движется от известных городов классической Греции к центру империи, где проявляется мастерство софистов, которое ранее воспринималось как явно греческое. Устанавливая прямую взаимосвязь между современными автору софистами и софистикой IV в. до н.э., автор преодолевает характерное для его времени противопоставление прошлого настоящему. Еще одна проблема — как рассматривать общественную деятельность софистов. Примечательно не то, что софисты вовлечены в социальную и политическую сферу, а то, что эта деятельность подается как характерная для софистов. Яркий пример — биография Герода Аттика, которая предстает кульминацией всего повествования. Согласно Кемезису, и для Диона Кассия, и для Флавия Филострата период правления Антонинов был «золотым веком», который Дион связывал с Антонином Пием и Марком Аврелием, а Филострат — с Полемоном и Геродом. Эпоха Северов — время кризиса, который в представлении Филострата проявлялся в том, что были нарушены принципы общения софистов с императорами, и они не могли уже более свободно выражать свое мнение (с. 220–223). Вывод Кемезиса о существенном контрасте между двумя эпохами представляется спорным. Никто из софистов, например, не становится жертвой тиранического режима, а стабильность их положения выражается в том, что греческое образование функционирует обособленно от правящей династии⁷.

У читателя может вызвать недоумение присутствие в заглавии книги имени Геродиана рядом с формулировкой «нарративы времен Северов». Во введении Кемезис кратко отмечает, а в приложении стремится всячески доказать, что труд относился к 240-м гг., а не к 250-м. По мнению исследователя, несмотря на явные отличия от произведений Диона и Филострата, сочинение Геродиана относится к историографии упадка и кризиса эпохи Северов (с. 227). В шестой главе, посвященной данному труду, представлен свежий взгляд на корреляцию между характером повествования и культурными новшествами эпохи Северов. Геродиан не создает новой литературной парадигмы. Он скорее использует инструментарий эпохи Антонинов, т.е. статичные и упорядоченные формы историописания. Таким образом, эта история в значительной степени противоречит хаотичности событий после Марка. У Геродиана, в отличие от Диона и Филострата, нет общих схем для переосмысления хронологии и географии. Тем не менее его литературный стиль — это скорее его сознательная тактика, нежели следствие заурядных аналитических способностей или

⁷ *Burden-Strevens C. Review-Discussion... P. XV.*

невысокого литературного таланта. Безупречной литературной формой, характерной для эпохи Антонинов, Геродиан показывает дисфункциональность римской действительности, которая проявляется прежде всего в том, что основные действующие персонажи его истории руководствуются представлениями прежней антониновской эпохи применительно к современным им хаотичным реалиям, пришедшим на смену правлению Марка Аврелия. Разрушение единства Рима находит выражение в том, что разные социальные группы перестали понимать друг друга, риторика потеряла способность адекватно описывать реальность и влиять на нее, а это приводит к фатальному недопониманию как базовой характеристики того мира, который наступил после Марка. Следует отметить, что сам по себе разрыв между риторикой и исторической конкретикой может рассматриваться как результат влияния общей тенденции Второй софистики⁸ и, следовательно, не является надежным аргументом в пользу наличия у Геродиана концепции дисфункциональности. Можно также согласиться с замечанием А.В. Махлаюка о том, что Кемезис преувеличивает роль географического аспекта в концепции Геродиана (особенно с. 245), утверждая, что успех или неудачи главных персонажей и даже судьбы империи были предопределены географическим и культурным различием между центром империи и периферией. Кемезис скорее привносит в данном случае свое схематичное видение в текст древнего историка, нежели выявляет истинные намерения автора⁹. Сходное впечатление производит также идея Кемезиса о том, что Геродиан оставляет очень мало информации о себе, дабы не обозначать свою принадлежность к какой-либо из частей известного ему дисфункционального и поделенного на отдельные сегменты мира (с. 264). И в шестой главе, и в посвященном Геродиану приложении Кемезис затрагивает вопрос о происхождении Геродиана. Важным представляется наблюдение Кемезиса о том, что наиболее точное описание древний историк дает такому географическому объекту, как Аквилея (VIII. 2. 3; VIII. 4. 1–2), что вкупе с нейтральным отношением автора к Греции, грекам и собственному литературному стилю может свидетельствовать о его италийских корнях.

⁸ Именно так, например, В. Амелинг интерпретирует несоответствие между содержанием речей и историческими реалиями в труде Диона Кассия: *Ameling W. Griechische Intellectuelle und das Imperium Romanum: das Beispiel Cassius Dio // ANRW. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2472–2496.*

⁹ *Makhlaiuk A.V. [Rev.] Kemezis, Adam M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world. Cambridge; New York: Cambridge University Press, xii, 340 p. // Bryn Mawr Classical Review. 2015.07.24. Режим доступа: <http://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015-07-24.html>.*

В целом, шестая глава — это одна из немногих современных попыток определить сущность исторической концепции Геродиана, о котором в настоящее время пишут довольно редко.

В Заключении автор суммирует наблюдения, сделанные по ходу повествования, но также формулирует некоторые новые выводы, сосредоточившись главным образом на характерных чертах повествования о прошлом во времена Северов. В поле зрения всех трех авторов оказывается специфический феномен нарушения консенсуса между прошлым и настоящим. Если во времена Марка Аврелия большая политика воспринималась как источник стабильности, то при Северах, наоборот, именно деятельность императоров представлялась причиной нестабильности, причем касалось это различных групп населения. Вот почему все авторы представляют свой взгляд на то, каким мог бы быть идеальный правитель, но никто из них не ожидает того, что даже идеальный правитель может преодолеть негативные тенденции.

Приложения к книге связаны с уточнением исторических условий появления изучаемых нарративов. Основной задачей данного раздела Кемезис называет обзор существующей проблематики и расстановку приоритетов. Вместе с тем он находит новые аргументы в пользу некоторых имеющихся версий датировки трудов Диона, Филострата и Геродиана. Наиболее подробно автор рассматривает вопрос о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей». Кемезис выделяет три основные версии. Согласно одной из них, значительная часть труда была написана в 200-е и 210-е гг. и закончена до 220 г.¹⁰ Альтернативный вариант предполагает, что эта работа осуществлялась главным образом в 220-е и начале 230-х гг.¹¹ Кемезис склоняется более к иной, компромиссной, версии, согласно которой основная часть работы приходится на 190–210-е гг., но с последующей существенной ревизией¹². В качестве самой ранней даты для начала работы Диона он допускает 195-й г., следуя оригинальной, но весьма спорной версии М.Г. Шмидта, которая основана главным образом на предположении, что сообщение Диона о начале его творческого пути (LXXII. 23. 1–5) дошло до нас в искаженном

¹⁰ Gabba E. Sulla «Storia romana» di Cassio Dione // *Revista storica italiana*. Vol. 67. 1955. P. 312; Millar F. A Study... P. 28–32.

¹¹ Наиболее убедительные аргументы представлены в работе Барнса: Barnes T. D. The composition of Cassius Dio's Roman History // *Phoenix*. 1984. Vol. 38. № 3. P. 240–255.

¹² Murison C. L. *Rebellion and Reconstruction: Galba to Domitian: An historical commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 64–67 (AD 68–96)*. Atlanta, 1999. P. 8–12.

виде¹³. Вывод о том, что наибольшая часть работы была выполнена Дионом до 218 г., основан на хорошо известных аргументах сторонников ранней версии датировки (с. 285–287). Аргументация сторонников поздней датировки связана главным образом с упоминаниями Диона о государственных постах, которые он занимал в 220-е гг. Кемезис трактует эти упоминания как свидетельства редакторской работы Диона, ибо они содержатся в «ранних» частях «Римской истории». Коль скоро эти части были написаны сравнительно рано, впоследствии они были пересмотрены и отредактированы (с. 288). Такое предположение выходит за пределы имеющихся у нас данных, ибо в действительности мы не знаем, когда и в какой последовательности были созданы те или иные книги.

Рассматривая вопрос о датировке «Жизнеописаний софистов» (с. 294–297), Кемезис вступает в полемику с К. Джонсом¹⁴, который предложил датировать это сочинение, адресованное «славнейшему консулу Антонию Гордиану», временем правления Гордиана III (238–244 гг.). По мнению Кемезиса, труд был написан при Гордиане I или II, т.е. во времена, более близкие к эпохе Северов. Главный довод К. Джонса — несоответствие упомянутой в тексте должности имеющимся сведениям о карьере двух первых Гордианов. Кемезис же, обойдя стороной данный вопрос, сосредоточивается на аргументе косвенного характера, а именно формулировке обращения к должностному лицу, которая, как полагает исследователь, был бы уместна лишь в общении с давним приятелем, но между Филостратом, весьма пожилым человеком, и восемнадцатилетним юношей, с точки зрения исследователя, вряд ли могли сложиться такие отношения (с. 296). «Жизнь Аполлония Тианского» Кемезис склонен датировать началом 220-х гг. и рассматривает этот труд как своего рода реакцию на религиозные новшества правления Элагабала. Труд Геродиана, по его мнению, был написан не при Филиппе (244–249 гг.) или Деции (249–251 гг.), а в правление Гордиана III.

Качественно изданная книга Кемезиса представляет собой образец применения новейших подходов к исследованию античных нарративных источников и, безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории, прежде всего специалистов по истории Древнего Рима и античной исто-

¹³ Обзор основных версий хронологии работы Диона над «Римской историей», в том числе подробную критику аргументов М.Г. Шмидта (*Schmidt M.G. Die «zeitgeschichtlichen» Büchern im Werk des Cassius Dio von Commodus zu Severus Alexander // ANRW. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2598–2613*) см. в статье: *Markov K.V. K voprosu o khronologii raboti Diona Cassiya nad «Rimsskoy istoriyey» // VDI. 2008. № 2. S. 145–148.*

¹⁴ *Jones C.P. Philostratus and the Gordiani // MediterrAnt. 2002. № 5. P. 759–767.*

риографии. Главное значение работы видится в том, что автор формирует представление об исторических сочинениях первой половины III в. как особом явлении в античной историографии. Стремясь освободиться от шаблонных подходов и стереотипных трактовок, он поднимает целый ряд вопросов, способных придать новый импульс исследованиям исторической и политической мысли II—III вв.

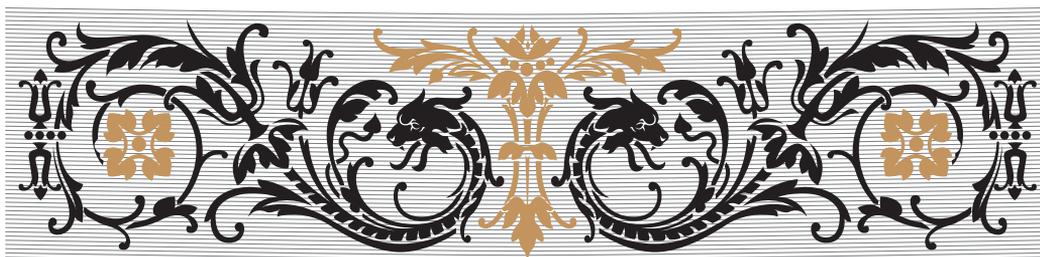

REFERENCES

1. *Ameling W.* Griechische Intellectuelle und das Imperium Romanum: das Beispiel Cassius Dio // ANRW. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2472–2496.
2. *Barnes T. D.* The composition of Cassius Dio's Roman History // Phoenix. 1984. Vol. 38. № 3. P. 240–255.
3. *Burden-Strevens C.* Review-Discussion. Historical Knowledge and Historiographical Narratives in the Severan Period (On A.M. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian) // Histos. 2016. Vol. 10. P. IX–XVIII.
4. *Gabba E.* Sulla «Storia romana» di Cassio Dione // Revista storica italiana. Vol. 67. 1955. P. 289–333.
5. *Jones C.P.* Philostratus and the Gordiani // MediterrAnt. 2002. № 5. P. 759–767.
6. *Kemezis A.M.* The Roman Past in the Age of the Severans. PhD Dissertation. University of Michigan, 2006.
7. *Makhlaiuk A.V.* [Rev.] Kemezis Adam M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Greek culture in the Roman world. Cambridge; New York: Cambridge University Press, xii, 340 p. // Bryn Mawr Classical Review. 2015.07.24. Режим доступа: <http://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015-07-24.html>.
8. *Markov K.V.* К вопросу о хронологии работи Дiona Cassiya nad «Rimsskoi istoriyei» // VDI. 2008. № 2. S. 142–154.
9. *Millar F.* A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964.
10. *Murison C. L.* Rebellion and Reconstruction: Galba to Domitian: An historical commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 64–67 (AD 68–96). Atlanta, 1999.
11. *Smyshliaev A.L.* «Rech Mecenata» (Dio Cass. LII, 14–40): problemi interpretatsii // VDI. 1990. № 1. S. 54–66.
12. *Schmidt M.G.* Die «zeitgeschichtlichen» Büchern im Werk des Cassius Dio von Commodus zu Severus Alexander // ANRW. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2591–2649.

 Марков Константин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского

Е.С. Марей

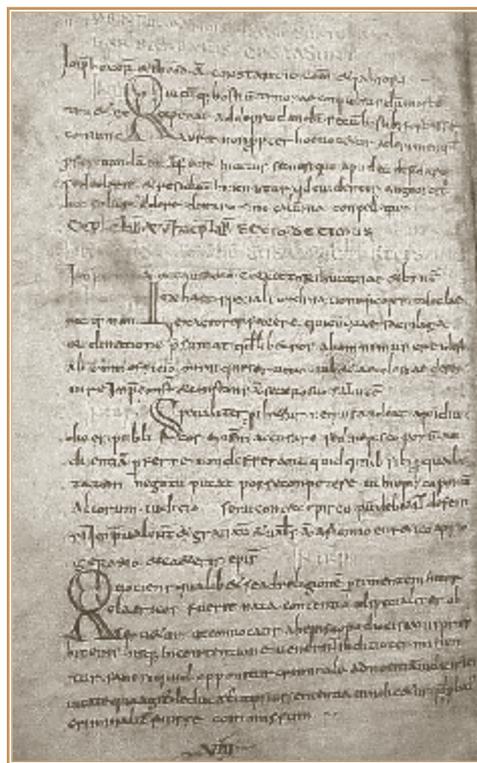
КОДЕКС ФЕОДОСИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ВИКАРИЕВ И НАМЕСТНИКОВ ПРОВИНЦИЙ

Я искренне благодарю А.А. Смышляева за его ценные замечания к переводу и ряд комментариев, без которых текст памятника был бы для русского читателя гораздо менее понятным.

одекс Феодосия (*Codex Theodosianus*) представляет собой первый унифицированный свод законов Римской империи. Работа над ним началась в 429 г.: специальная комиссия под руководством префекта претория Иллирии Антиоха должна была отобрать императорские конституции, начиная с правления Константина I (306–337), отредактировать их, систематизировать в хронологическом порядке и разбить на титулы и книги в соответствии с тематикой¹. В 438 г. Кодекс вступил в силу в Восточной Римской империи,

¹ CTh. I.1.5–6. Подробнее см.: *Контев А.В.* Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // *Ius antiquum. Древнее право.* 1996. 1. С. 253–256; *Сильвестрова Е.В.* *Lex generalis.* Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. М., 2007; *Honore T.* *Emperors and Lawyers. With a palingenesia of Third Century Imperial Rescripts,* 193–305. Oxford, 1994; *Cañizar Palacios J.L.* *Propaganda y Codex Theodosianus.* Madrid, 2005, и представленную в этих работах библиографию. См. также детальное исследование рукописей Кодекса: *Coma Fort J.M.* *CODEX THEODOSIANUS: Historia de un texto.* Madrid, 2014.

Breviarium Alarici (Бревиарий Алариха)

а на следующий год — в Западной². Он включает в себя более 2,5 тыс. постановлений, начиная с 311 и заканчивая 437 г., разделенных на шестнадцать книг, которые охватывают, пожалуй, все сферы права³. Особый интерес вызывает первая книга, в которой содержатся определения источников права и перечисляются обязанности и полномочия высших должностных лиц, в том числе префектов претория, префектов Города, наместников провинций и т. д. Таким образом, Кодекс Феодосия является важнейшим источником по истории управления провинциями в эпоху Домината.

Несколько слов о территориальном устройстве поздней Империи. Как известно, в результате административных реформ Диоклетиана и Константина Империя в III — сер. IV в. была разделена на префектуры (первоначально две, после смерти Константина три, а к середине IV в. было образовано четыре префектуры: Галлии, Италии, Иллирии и Востока). Префектуры возглавлялись префектами претория — высшими должностными

² См.: *Konnev A.B. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // Ius antiquum. Древнее право. 1996. 1. С. 246. Другую точку зрения см.: Sirks B. From the Theodosian to Justinian Code // Atti dell'Accademia Romanistica Costantiniana. Perugia, 1986. VI. P. 265–302.*

³ *Konnev A.B. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // Ius antiquum. Древнее право. 1996. 1. С. 246.*

лицами в провинциальной администрации (см. СTh. I.5). Префектам претория и префектам Города адресовано множество императорских указов и рескриптов, из которых видно, что сфера их ответственности была очень широкой (строительство и ремонт общественных зданий, ремонт дорог, организация общественных праздников, сбор налогов, поддержание работы имперской почтовой системы, забота о движимом и недвижимом имуществе императора в провинции, решение самых разных судебных тяжб, контроль всех провинциальных чиновников и служащих провинциальной канцелярии, преследование еретиков и т. д.). Единственная сфера, на которую не распространялась власть префекта, была военная⁴, здесь, как правило, распорядился магистр армий.

Префектуры делились на диоцезы, административное управление которым осуществлял викарий, а военная власть была сосредоточена в руках комита провинций (*comes provinciarum*)⁵. В свою очередь, диоцезы делились на провинции. Ими управляли наместники, называемые в источниках *proconsules*, *praesides*, (*cor*)*rectores* и *moderatores*, однако установить между ними разницу чрезвычайно трудно⁶. Наместник был ответствен за сбор налогов, организацию общественных работ, а также являлся судьей в семейных делах, спорах о наследстве и разделе земли. Вообще, судебные разбирательства были одной из главных обязанностей наместника еще в Ранней Римской империи⁷. Часто наместники называются словом *iudex* (букв. «судья»)⁸; видимо, законодатель тем самым желает подчеркнуть, что разбирательства и вынесение приговора были главной обязанностью наместника⁹.

Кодекс Феодосия пережил Западную Римскую империю и во многом лег в основу формирующегося права варварских королевств. Так, в 506 г. при дворе вестготского короля Алариха I был составлен так называемый Римский закон вестготов (*Lex Romana wisigothorum*), или Бревиарий Алариха (*Breviarium Alarici*). Он представлял собой эпитому Кодекса Феодосия, а также включал в себя новеллы императоров Феодосия, Валентиниана, Марциана, Майориана и Севера, отрывки из «Сентенций» Павла, «Институций»

⁴ Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602. A Social, economic and administrative survey.* Oxford, 1964. P. 373–377; Barnwell P.S. *Emperors, Prefects and Kings. The Roman West, 395–565.* Chapel Hill, London, 1992. P. 58–62.

⁵ Barnwell P.S. *Emperors, Prefects and Kings...* P. 63–65.

⁶ Именно поэтому я перевожу их одним словом — наместник.

⁷ Смышляев А.А. *Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе* // ВДИ. 1997. 3. С. 27–30.

⁸ См. напр.: СTh. I.15.2: *iudicum qui provincias regunt.*

⁹ Ср. СTh. I.16.9.

Гая, фрагменты из кодексов Григория и Гермогениана и один титул из сочинений Папиниана¹⁰. Интересно, что почти каждая конституция сопровождалась так называемой интерпретацией — фактически, упрощенным пересказом сути закона. Что же касается Восточной Римской империи, то там Кодекс Феодосия действовал вплоть до обнаружения Кодекса Юстиниана в 529 г. Для того чтобы показать взаимосвязь этих трех памятников и подчеркнуть особенности каждого из них, в предлагаемом вниманию читателя переводе даны сноски на соответствующие конституции, сохранившиеся в Кодексе Юстиниана (CJ) и в Бrevиарии Алариха (Brev.).

Предлагаемый перевод выполнен по изданию: *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Simondianis* / Ed. Krueger P., Mommsen Th. Berolini, 1905. Т. I. При подготовке русского текста учитывался перевод на английский язык: *The Theodosian Code, and Novells, and the Sirmundian Constitutions / a translation with commentary, glossary and bibliography* by C. Pharr (in coll. with T. Sherrer Davidson and M. Brown Pharr. Princeton, 2001.

I.15 (=CJ.I.38). Об обязанностях викария

I.15.1. *Император Константин Август Сильвию Павлу, магистру*¹¹ *Италии. После прочего. Пусть Твоя Солидность, поглощенная другими занятиями, не обременяет себя огромным количеством такого рода рескриптов*¹²; *Твоей Солидности следует брать на себя только те тяжбы, в которых лицо более могущественное может оказывать давление на того, кто ниже рангом или на подчиненного ему судью, или же если возникает такое дело, что не подобает его решать в суде наместника*¹³, *либо которое долго разбиралось теми же наместниками и теперь должно быть решено тобой. Дано в 5-й день до мартовских календ в Никомедии в консульство Паулина и Юлиана (25 февраля 325 г.).*

¹⁰ Подробнее см.: *Lambertini R. La codificazione di Alarico II. Torino, 1990; Le Bréviaire d'Alaric: Aux origines du Code civil / dir. M. Rouche, B. Dumézil. Paris, 2008.*

¹¹ Т. Моммзен предполагал, что должно быть написано *vicarium Italiae*, раз уж эта конституция находится в титуле о викариях.

¹² Рескрипт — особая форма распоряжения императора. В IV в. выделяются следующие виды рескриптов: пометки императора на полях поданного прошения, письма императора в ответ на прошения, прагматические санкции (которые станут отдельным видом постановления лишь в VI в.). Подробнее см.: *Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. New York, 1953. P. 680; Сильвестрова Е.В. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. М., 2007. С. 61 сл.*

¹³ В тексте *praesidali iudicio*.

1.15.2. *Император Константин Август Цезонию, викарию Африки*¹⁴. Приняв донесения судей, которые управляют провинциями, а также казначеев и прочих, кто захочет что-то довести до нашего сведения, Твое Величие должно будет как можно быстрее передать их нам. Дано в 4-й день до октябрьских календ в консульство Филиппа и Салии (28 сентября 348 г.).

1.15.3. *Тот же Август Илику, консуляру Нумидии*. Когда управляющие провинциями¹⁵ захотят о чем-то нас известить, пусть сначала сообщат это викарию, которому предписано, чтобы он принимал доклады и донесения, долженствующие быть переданными моему комитату¹⁶ через служителя, и, чтобы он выполнял то, что ему покажется необходимым, так что помимо всего прочего, получив большое облегчение, государственная почта станет лучше. Дано в 3-й день до декабрьских нонн в Сирмии в 6-е консульство Констанция Августа и [первое] — Константа Цезаря (3 декабря 353 [352?] г.).

1.15.4. *Император Юлиан Август Мамертину*¹⁷, *префекту претория*. Пусть Твое Величие доведет до сведения управляющих провинциями¹⁸, что во всех делах, о которых, как они считают, надлежит сообщать нам или вам, следует принимать участие викариям¹⁹. Принято в 8-й день до июньских ид в консульство Мамертина и Невитты (6 июня 362 г.).

1.15.5. *Императоры Валентиниан и Валент Драконцию, викарию Африки*. Пусть официий²⁰ префектуры викария в Африке ограничивает-

¹⁴ Из сохранившихся в Кодексе Феодосия рескриптов, адресованных наместникам провинций, абсолютное большинство — около шестидесяти девяти документов — направлено проконсулам Африки. Эта цифра сравнима с числом рескриптов, адресованных префектам претория, что объясняется тем, что провинция Африка являлась поставщиком зерна и продовольствия для Рима (см.: *Barnwell P.S. Emperors, Prefects and Kings. The Roman West, 395–565. Chapel Hill, London, 1992. P. 65*).

¹⁵ В тексте *rectores provinciarum*.

¹⁶ Комитат — должностные лица при дворе, приближенные императора. В ведении комитов находились дворцовое хозяйство и канцелярии, а также императорские земли и имущество (подробнее см.: *Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284–602. A Social, economic and administrative survey. Oxford, 1964. P. 366–373; 566–586*).

¹⁷ *Клавдий Мамертин* — префект претория Италии, Африки и Иллирии в 361–365 гг. См. PLRE. I. 540–541.

¹⁸ В тексте *rectores provinciarum*.

¹⁹ То есть чтобы наместники обращались к императору или к префекту не напрямую, а только через викариев.

²⁰ Официий (*officium*) — штат помощников (официалы, аппариторы) префекта претория, викария или наместника, исполняющий самые разные функции, главной из которых является делопроизводственная (не случайно официий иногда обозначается словом *scrinia* — канцелярии). Первоначально в официий входили легионеры, которые должны были помогать префекту или наместнику осуществлять управление и разбирать судебные дела. С правления Диоклетиана им на смену приходят гражданские слу-

Бревиарий Алариха. Миниатюра из рукописи первой половины XI в.
Изображен король в окружении епископа, герцога и графа

ся таким числом, чтобы едва мог выйти за три сотни, как Мы и предписали в отношении остальных викариев. Дано в 8-й день до февральских календ в Медиолане в консульство Валентиниана и Валента Августов (25 января 365 г.).

I.15.6. *Те же Августы Кресценту, викарию Африки.* Если когда-либо кто-то из сборщиков податей или табуляриев будет назван виновным в неправильном исчислении или в обмане, пусть для представления этого (на рассмотрение викария) не отправят (его) официала, но (предварительное) расследование дела пусть будет поручено управляющему провинцией²¹. Как только Твоя искренность вступит в провинцию, пусть внимательно иссле-

жащие. Примечательно, что, несмотря на то, что они несли гражданскую службу, они тем не менее назывались *milites* (воинами) (подробнее см.: *Смышляев А.А. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // ВДИ. 1979. 3. С. 60–81*). В результате реформ Диоклетиана и Константина (между 284 и 315 гг.) право назначать официалов перешло от префекта к императору.

Во главе официция стоял *princeps* (в нашем переводе «глава», см. СТh. I.16.7). Члены официция были записаны в особый перечень — матрикулу (*matricula*), что давало право на получение наград (см. СТh. VIII.1.2) и продвижение по службе, однако материальных ресурсов префектуры не хватало, так что императоры стремились ограничить число официалов. В начале IV в. сыновья официалов имели право унаследовать должность отца, однако с сер. IV в. это право стало восприниматься как обязанность (*Chastagnol A. La préfecture urbaine à Rome sous le Bas-Empire. Paris, 1960. P. 214–253*).

²¹ В тексте *rectores provinciarum*.

дует, насколько ординарный судья²² в возложенных на него делах проявит себя добросовестным и деятельным. Если он будет уличен в том, что не довел расследование до конца, или не позаботился о погашении долга по тем статьям²³, относительно которых он был осведомлен, то будет правильно, чтобы он получил заслуженный строгий выговор за нерадение общественной пользе. *Дано в 4-й день до мартовских календ в Тревири в консульство Модеста и Аринфея (27 февраля 372 г.).*

I.15.7 (=CJ.38.1). *Императоры Валент, Грациан и Валентиниан Августы Антонию, префекту претория.* Подобаает, чтобы в гражданских судебных делах викарии ставились выше комитов армий, а в военных²⁴ комитам отдавалось предпочтение перед викариями. И каждый раз, когда они соберутся для суда, в первую очередь [дело] пусть рассматривает викарий, а комит присоединится²⁵. И поскольку же значимость префекта превосходит другие звания, то в случае, если викарий от своего имени объявит, что он принимает на себя часть ее (префектуры. — *Прим. пер.*) [обязанностей], то пусть он получит право священного²⁶ расследования, и пусть с почтением отнесется к Нашему судебному решению. *Дано в 8-й день до январских календ в 4-е консульство Грациана Августа и Меробавда (6 января 377 г.).*

I.15.8 (=CJ.1.38.2). *Те же Августы Гесперию²⁷, префекту претория.* Донесения викариев пусть доходят до [сведения] Нашей Кротости, когда [в том] появится потребность. Ведь даже если много таких, на которые Твоя Светлейшая Строгость сможет дать ответ, не спросив Нас, все же Мы знаем, что есть несколько [вопросов], которые ничто, кроме авторитета высказывания принцепса, не может решить. И²⁸ донесения²⁹ судей мы охотно выслушиваем, дабы не показалось, будто исчезает власть наместников, если Мы отвергаем их советы в наших святилищах, как будто это молитвы не-

²² Ординарный судья (в данном случае наместник провинции) выносил решения по текущим делам в обычном порядке, в отличие от судьи, назначенного разбирать какое-то конкретное необычное или запутанное дело.

²³ К. Фарр в примечании указывает, что под *tituli*, как правило, понимались финансовые и налоговые документы.

²⁴ *Iust. addidit negotiis.*

²⁵ Примечательно, что в ранней Римской империи тяжбы военных, как и тяжбы всех остальных, рассматривал наместник провинции, обладавший не только гражданской, но и военной властью (см.: *Смышляев А. А. Civilis dominatio... С. 27*).

²⁶ Священный (*sacer*) — обычный эпитет императора, то есть префект получает право вести дело от его имени.

²⁷ *Децим Гесперий* — в 378–379 гг. префект претория Италии и Галлии. Подробнее см. PLRE. I. 427–428.

²⁸ *Iust. omisit.*

²⁹ *Iust. addidit enim.*

посвященных. Дано в 12-й день до февральских календ в 4-е консульство Грациана Августа и Меробавда (21 января 377 [379?] г.)

I.15.9. *Те же Августы Алипию*³⁰. Пусть официий Твоей Хвалы впредь по прежнему обычаю заботится заполнять всю отчетность по нашим щедротам с особым тщанием и на свой страх, так что после этого предписания он не смог бы разделить вину с официием счетоводов и знал бы, что это не их забота. Дано в июньские календы в Тревире. Принято в июльские нонны в 6-е консульство Валента и 2-е — Валентиниана Августов (1 июня 378 г.).

I.15.10. *Императоры Грациан, Валентиниан и Феодосий Августы Сиagriю*³¹. Викария Африки следует удерживать от вступления в проконсульскую провинцию, и только ради его пронциательности пусть ему будет открыт доступ в город Тевестина³². Сбор же налога пусть лежит на префекте анноны³³. Пусть официий Твоей Искренности собирает наградные одежды, к каковому занятию приставлен и казначей, но так, чтобы у твоих аппариторов³⁴ на первом месте были усердность в сборе налогов и ненависть к обманам. И пусть аппариторы префектуры викария заведуют податями, установленными в Карфагене. *Опубликовано в Карфагене. Дано в 7-й день до сентябрьских календ в консульство Авксония и Олибрия* (26 августа 379 г.).

I.15.11. *Те же Августы Юстиану, викарию Понтийскому*. Дошло до Нас, что помощники официия, который подчиняется Твоей Значимости, возобновили установленный в древности порядок службы, чтобы, закончив службу помощника, войти в число агентов³⁵. Но [этому] препятствуют императорские постановления, из которых Мы узнали, что помощники префектов претория, даже [ранга] сиятельных мужей³⁶, и даже комита Востока³⁷ предписанием того времени поставлены надзирать за стадами верблюдов, так

³⁰ Комит священных щедрот (прим. К. Фарра).

³¹ Префект претория (прим. К. Фарра).

³² Проконсульская провинция Африка не входила в диоцез Африка.

³³ В ведении префекта анноны находилась раздача хлеба в Риме и Константинополе. См.: Jones A.H.M. The Late Roman Empire... P. 486.

³⁴ То есть канцелярских служащих.

³⁵ *Agentes in rebus* — должностные лица, занимавшиеся отправкой срочных донесений, а также исполнявшие функции тайного сыска (Jones A.H.M. The Late Roman Empire... P. 578—582).

³⁶ *Vir illustris* — наивысший сенаторский титул. В поздней Империи его носили высшие должностные лица — префекты претория и префекты Города, комиты священных щедрот и т. д. За *vir illustris* следовал титул *vir spectabilis* (высокородный муж); этот титул имели проконсулы, викарии, комиты войск и т. д. Наконец, последним в ряду сенаторских титулов был *vir clarissimus* (славнейший муж).

³⁷ Викарий Востока.

что обязанность [производить] различные раздачи в городе Константинополе легла на помощников всех викариев. Дано во второй день до апрельских нонн в Фессалонике в 5-е консульство Грациана и первое — Феодосия Августов (4 апреля 380 г.).

1.15.12. Императоры Валентиниан, Феодосий и Аркадий Августы всем викариям. Пусть знают некоторые викарии, что на службе во вверенных им диоцезах должны находиться только триста человек, так чтобы все, кто по происхождению должен быть связан с курией, были бы переданы на муниципальную службу, и никто бы не мог уклониться под предлогом какой-либо привилегии или преклонных лет³⁸. Дано в 6-й день до ноябрьских календ в консульство знатного юноши Гонория и светлейшего мужа Эвдия (27 октября 386 г.).

1.15.13. Те же Августы желают здравствовать любезному нам Татиану³⁹. Мы предписываем, чтобы оффиций азиатского диоцеза, в котором простираются по кругу на большом протяжении восемь провинций, был укомплектован двумястами аппариторами. Дано в 4-й день до майских календ в Медиолане в консульство Тимазия и Промота (28 апреля 389 г.).

1.15.14. Императоры Аркадий и Гонорий Августы Евсевию⁴⁰, префекту претория. Следует остерегаться, как бы не случилось обмана при сборе хлебного налога в Африке⁴¹. Итак, мы желаем, чтобы высокородный муж викарий Африки⁴² взял на себя бремя сбора налога в проконсульской провинции⁴³ и его пересылки (в Рим). Дано в 14-й день до январских нонн в Риме в консульство Олибрия и Пробина (19 декабря 395 г.).

1.15.15. Те же Августы Винцентию, префекту претория. Мы приказываем, чтобы высокородный муж викарий истребовал недоимки за прошлые годы по семи провинциям, и постановляем, чтобы ординарные судьи⁴⁴ поторопились с взысканием недавних долгов, и чтобы викарий этого от них

³⁸ В эпоху домината членство в курии стало наследственным, однако многочисленные обременительные обязанности, ставившие декурионов на грань разорения, вынуждали их искать способ выйти из курии. Между тем без курии управление городом было бы невозможно, так что императорская власть была заинтересована в их сохранении (см. СTh. XII.1; *Nuyens M. Le statut obligatoire des decurions dans le droit constantinien. Louvain, 1964; Jones A.H.M. The Late Roman Empire... P. 737–757.*)

³⁹ Вероятно, Флавий Эвтолмий Татиан, префект претория Востока в 388–392 гг., консул 391 г. См. PLRE. I. 876–878.

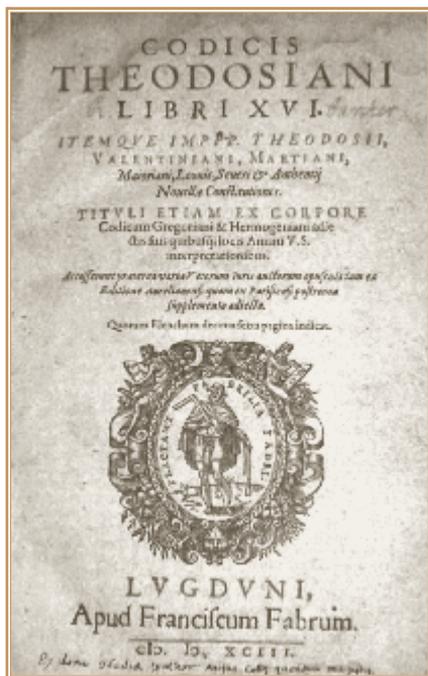
⁴⁰ *Евсевий* — в 395–396 гг. префект претория Италии. PLRE. I. 306–307.

⁴¹ Имеется в виду проконсульская провинция Африка.

⁴² Имеется в виду диоцез Африка.

⁴³ Формально проконсульские провинции не входили в состав диоцезов.

⁴⁴ То есть наместники.

Издание Кодекса Феодосия 1593 г.

добивался. Дано в 14-й день до июльских календ в консульство Стилихона и Аврелиана (18 июня 400 г.).

I.15.16. *Те же Августы Вигилию, викарию Испаний.* Пусть никому из тех, кто занимает почетные должности, не подобает во время официального прибытия в (диоцез) принимать полномочия викария, не облачившись в хламиду. Итак, пусть штраф в десять либр золота будет наложен на официий⁴⁵, если кто-то осмелится нарушить Наше постановление. Дано в 4-й день до сентябрьских ид в Медиолане в консульство Винцентия и Фравита (10 сентября 401 г.).

I.15.17. *Те же Августы Мессале, префекту претория.* Мы желаем, чтобы высокородный муж викарий Африки, который заботится обо всех сборах и пересылках [налогов], с величайшей осмотрительностью добился бы от судей⁴⁶ сведений, сколько в каждый и в какой месяц было собрано и что было отправлено, дабы в дальнейшем без сомнения наказать тех, чье бездействие будет очевидно. И прочее. Дано в 3-й день до октябрьских календ в Альтине в консульство Винцентия и Фравита (29 сентября 401 г.).

⁴⁵ За ошибки высокопоставленного начальника нередко наказывались его служащие, своевременно не предупредившие его о нарушении того или иного правила. Эти начальники занимали свои должности, обычно, в течение одного года и, в отличие от постоянных служащих, могли не ориентироваться в относящихся к их должности правилах.

⁴⁶ То есть от наместников.

I.16 (=CJ.I.40; Brev.I.6). *Об обязанностях наместника провинции*⁴⁷

I.16.1. *Император Константин Август Руфину Октавиану, наместнику*⁴⁸ *Лукании и Бруттия.* Не позволяй, чтобы к официю префекта или викария обращались или прибегали люди, необходимые для [слушания] дела, или противники того, кто будет добиваться экстраординарного суда префектов или викариев, либо кто уже добился его. Но ты сам в своем суде проводи дознание о всяком деле в присутствии сторон и лиц в течение срока, который ты отсчитаешь со дня, когда дело стало слушаться в твоём суде, чтобы, в случае, если требовавший экстраординарного разбирательства, не согласится с твоим судебным решением, его апелляция, предъявленная в законном порядке, приостановила бы это судебное решение и осуществила бы переход к его судье. *Дано в 3-й день до августовских нонн в Тревири в 4-е консульство Константина и 4-е — Лициния* (3 августа 315 г.).

I.16.2. *Тот же Август Бассу*⁴⁹. Декреты⁵⁰ провинциалов подобает передавать в комитат не раньше, чем каждый из судящих с ними ознакомится, одобрит и подпишет. Если же случится что-то противоположное, пусть осуществится соответствующая кара. *Предложено в 8-й день до октябрьских календ в Карале в консульство Галликана и Басса* (24 сентября 317 г.).

I.16.3 (=CJ.7.49.2). *Тот же Август Феликсу, наместнику Корсики.* Поскольку прошло шесть месяцев⁵¹, пусть заполненные твоим официем реестры всех дел перейдут в скриний высокороднейшей префектуры, а затем будут проверены и перенесены в наши скринии, чтобы стало ясно, кто из судей и в расследовании каких дел сослужил верную службу, дабы и достойный получил награду, или нерадивый понес наказание, а провинциалам дана возможность прибегать к твоему суду в случае нерадивости или жадности твоего официа⁵². А что касается того, кто, прельстившись подкупом или благосклонностью, будет судить превратно, пусть ему в качестве наказания будет не только утрата репутации, но и угроза судебной тяжбы с оскорбленным им⁵³. *Дано в 9-й день до ноябрьских календ в Сирмии в 5-е консульство Константина Августа и [первое] — Лициния Цезаря* (24 октября 319 г.).

⁴⁷ В тексте *rector*.

⁴⁸ В тексте *corrector*.

⁴⁹ Вероятно, Цезоний Басс, консул 317 г.

⁵⁰ Здесь — просьбы провинциалов к императору. См. перевод К. Фарра.

⁵¹ То есть половина срока управления провинцией.

⁵² *Iust. inc.*

⁵³ То есть пострадавший может вчинить иск, требуя возмещения понесенного ущерба.

Миниатюра из конституции Наес Кодекса Юстиниана

I.16.4 (=CJ.1.40.2). *Тот же Август Максиму*⁵⁴. В случае, если обнаружится кто-то высокомерный из людей могущественных, и наместники провинций⁵⁵ сами не смогут его наказать или будут не в состоянии расследовать дело или вынести приговор, им подобает довести до нашего сведения или до сведения Твоей Солидности⁵⁶ его имя, чтобы стало ясно, как позаботиться об общественном порядке и об оскорбленных людях низкого звания. *И прочее. Дано в 4-й день до январских календ в Тревире в консульство Януария и Юста (29 декабря 328 [?] г.).*

I.16.5. *Тот же Август Секунду, префекту претория Востока.* Власть ординарного судьи провинций: наместника⁵⁷ или викария, должна, как стражник, исправлять совершенное зло. И надлежит, чтобы служащие оффиция Вашего Благородия и власти викария были отстранены от сбора налогов, и чтобы все подати собирались через провинциальные оффиции и наместников⁵⁸. Ведь если сбор будет неполным, они претерпят опасность лишиться головы и всего состояния в нашем судилище. *Дано в 14-й день до майских календ в Константинополе в 8-е консульство Константина Августа и 4-е — Констанция (18 апреля 329 [362/3] г.).*

⁵⁴ Префект претория, адресат конституции CTh. VII.20.5 (прим. К. Фарра).

⁵⁵ Praesides provinciarum.

⁵⁶ Iust. praetorianae praefecturae.

⁵⁷ Provinciarum rectoris.

⁵⁸ Rectores.

I.16.6 (=CJ.I.4.3). *Тот же Август провинциалам.* Пусть наместники⁵⁹ занимаются публичными судебными разбирательствами, посещая со свитой трибуналы, и направляясь слушать гражданские прения, пусть не прячутся за секретарями в расчете на то, чтобы тот, кто собирается судиться, не получил бы возможность бесплатно обратиться к ним⁶⁰. Когда же они окончат слушания по всем делам, которые были им предъявлены, и обычный призыв глашатаев, который всегда бывает, не застигнет ни одного желающего привлечь другого к судебной ответственности, пусть они уйдут, окончив все публичные и частные дела⁶¹. Мы даруем всем право восхвалять посредством общественных аккламаций справедливейших и бдительных судей, чтобы принести им больше почетной славы. И напротив, несправедных и злонамеренных следует обвинять посредством жалобных воплей, чтобы сила Нашей строгости их истребила. А правдивы ли эти голоса, не звучат ли они по заказу и не принадлежат ли они клиентеле, Мы будем тщательно выяснять, когда префекты претория и комиты, которые поставлены в провинциях, будут доводить до Нашего сведения слова наших провинциалов. *Предложено в ноябрьские календы в Константинополе в консульство Басса и Аблавия* (1 ноября 331 г.).

I.16.7 (=Brev. I.6.1). *Император Константин Август провинциалам.* Пусть уже исчезнут алчные отряды служащих официция, повторяю, пусть исчезнут: ведь если после этого приказа они не исчезнут, то будут вырублены мечом. Пусть не будет ни продажных занавесок судьбы⁶², ни доступа взяточнику, ни постыдного тайника для торгов, ни самого явления наместника⁶³ за плату⁶⁴: пусть уши судящего будут равным образом открыты и бедным, и богатым. Пусть не будет разграбления при участии того, кто называется главой официция. Пусть помощники тех самых глав официциев не учиняют никаких вымогательств у тяжущихся; пусть будет пресечен невыносимый напор центурионов⁶⁵ и других официциалов, вымогающих малое или многое, и умерена ненасытная жадность тех, кто возобновляет дела тяжущихся. И пусть наместник усердно печется о том, чтобы никто из вышеупомянутых родов людей ничего не брал с тяжущегося. Если же кто посчитает, что

⁵⁹ Praesides.

⁶⁰ Обязанность наместника проводить судебные заседания публично восходит ко времени Принципата (см.: *Смышляев А.Л. Civilia dominatio...* С. 28–29).

⁶¹ Iust. inc.

⁶² То есть закрытого судебного разбирательства.

⁶³ Praesidis.

⁶⁴ Имеется в виду доступ к наместнику.

⁶⁵ Так назывался глава официция.

нужно что-то потребовать за [ведение] гражданских судебных дел, пусть явятся вооруженные блюстители, которые отрубят головы и шеи нечестивых, так что, выплатив компенсацию всем пострадавшим, доведут это до сведения наместников. Если же кто-то будет это скрывать, Мы всем разрешаем вслух жаловаться всем комитам провинций или префектам претория; особенно если кто-то будет рядом⁶⁶, чтобы Мы, проинформированные его донесениями, покарали бы этих разбойников. *Дано в ноябрьские календы в Константинополе в консульство светлейших мужей Басса и Аблавия.*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Да не дерзнут служащие оффициев всех судей быть продажными и не будут искать никакой награды за вход или выход приходящих или тяжущихся, и пусть выслушивают возражения как богатых, так и бедных безо всякой выгоды. Если же они захотят сделаться алчными, то будут наказаны мечом, или же о их алчности будет доложено правителю.

I.16.8. *Император Юлиан Август Секунду*⁶⁷, *префекту претория.* Есть некоторые дела, в которых излишне ждать управляющего провинцией⁶⁸, поэтому мы даем наместникам⁶⁹ возможность назначать вспомогательных судей⁷⁰, то есть тех, кто разбирает незначительные дела. *Дано в 5-й день до августовских календ в Антиохии в консульство Мамертина и Невитты (28 июля 362 г.).*

I.16.9 (=Brev. I.6.2). *Императоры Валентин и Валент Августы желают здравствовать любезному нам Артемию.* Пусть судья не сомневается, что на нем лежит первоочередная забота по выслушиванию и распутыванию тяжб, так что пусть он выносит приговор о статусе человека или о его наследстве⁷¹ не в убежище своего дома, но, открыв двери своего кабинета и пригласив всех внутрь или расположившись на трибунале⁷², пусть выслушивает и гражданские, и уголовные споры, дабы не утратить внимания к назначению соответствующей кары. Ведь оно отсутствует, когда судья, став слугой народной любви и организации игр, больше забот уделает зрелищам,

⁶⁶ Имеются в виду свидетели.

⁶⁷ *Сатурнин Секунд* — префект претория Востока в 361–365 и 365–367 гг.; возможно, тот же, что и адресат конституции CTh. I.16.5.

⁶⁸ *Moderator provinciae.*

⁶⁹ *Praesidibus.*

⁷⁰ *Iudex pedaneus* — судья, назначенный наместником или префектом для разбора незначительных тяжб.

⁷¹ Дела о статусе человека, то есть о признании его свободным или рабом, а также о наследстве считались самыми важными в гражданском судопроизводстве.

⁷² Имеется в виду возвышение, с которого судья, окруженный толпой тяжущихся и зрителей, вершил правосудие. Суд с трибунала был воплощением открытого и гласного судебного разбирательства.

чем серьезным делам. Дано в октябрьские календы в Аквилее в консульство божественного Иовиана и Варрониана (19 сентября 364 г.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: пусть судья знает, что на нем лежит первоочередная забота о выслушивании тяжб, чтобы он немедленно распутывал дела тяжущихся, вооружившись справедливостью. Пусть знает, что он не должен выносить окончательный приговор в домашнем уединении или в какой-то глуши, но, напротив, открыв двери своего дома и впустив толпу; чтобы ни от кого не скрылось, что суд будет происходить в законном и правдивом порядке.

I.16.10 (=Brev. I.6.3). *Те же Августы Валериану, викарию Испаний.* Мы запрещаем предоставлять письменные заявления уходящим [домой] судьям, чтобы они не выносили судебное решение по делам, относящимся к другим лицам, или к статусу (человека), когда исчезнут из поля зрения оффиция и с глаз народа. *Высказано в 6-й день до сентябрьских ид в Вероне в консульство Валентиниана и Валента.*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Пусть судьи, уйдя домой с публичного судебного заседания, не берут у тяжущихся письменные заявления, чтобы не изучать что-либо по делам, относящимся к другим лицам, или к статусу (человека) без своего оффиция.

I.16.11 (=Brev. I.6.4). *Императоры Валентиниан, Валент и Грациан Августы Пробу, префекту претория.* Пусть управляющие провинциями объедут потихоньку обычным порядком все виллы и деревни и сверх того разузнают у каждого, что [у них] вытребовал всякий сборщик податей против обыкновения или из алчности. Ибо тот, о ком к нам поступит такая жалоба, будет подвергнут смертной казни. *Дано в апрельские календы в Тревири в консульство знатного юноши Валентиниана и светлейшего мужа Виктора (1 апреля 369 г.).*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: судьи в провинциях должны будут заняться следующим: пусть объезжают отдельные поля и местечки с безостановочным расследованием и узнают, как поступают с владельцами при уплате общественного долга. Если они не позаботятся о чем-то имуществе, пусть не сомневаются, что по жалобам граждан будут наказаны чрезвычайно строго.

I.16.12. *Те же Августы Вивенцию*⁷³, *префекту претория.* Каждый судья пусть учредит свою резиденцию в тех местах, где подобает наместнику⁷⁴ быть доступным для всех, а не ищет полного неги пристанища. К этому Мы добавляем, чтобы силами фиска оберегалась та усадьба, которая находится в

⁷³ *Вивенций* — префект претория Галлии в 368–371 гг. См. PLRE. I. 972.

⁷⁴ *Rectorem.*

Феодосий преподносит лавровый венок победителю.
Колонна Феодосия, Константинополь

собственном владении принимающего, и в которой управляющий провинцией⁷⁵, находясь в пути, остановился, как в гостинице. И еще пусть судьи стараются строить и ремонтировать путевые станции. Дано в апрельские календы в Тревире в консульство знатного юноши Валентиниана и Виктора (1 апреля 369 г.).

I.16.13 (=Brev. I.6.5(1) — Naenel). Императоры Валент, Грациан и Валентиниан Августы Антонию⁷⁶, префекту претория. Пусть никто не стремится войти запросто в дом ординарного судьи даже той же самой провинции в послеобеденное время по какому-то тайному делу, знаком он судье, незнаком ли, ставя авторитет [своего] чина выше авторитета заслуг. Дано в 5-й день до августовских календ в Могонтиаке в 4-е консульство Грациана Августа и [первое] — Меробавда (28 июля 377 г.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: пусть ни один человек, знакомый или незнакомый, даже той же провинции, не видится с судьей в послеобеденное время или тайно.

I.16.14 (=CJ.1.40.1; Brev. I.6.5). Императоры Гонорий и Феодосий Августы Феодору, префекту претория. Мы приказываем управляющим про-

⁷⁵ Provinciae praesidentem.

⁷⁶ Флавий Клавдий Антоний — префект претория Италии 377–378 гг., консул 382 г. Подробнее см. PLRE I. 77.

винцией⁷⁷ заботиться, чтобы прокураторы⁷⁸ людей могущественных не учинили ничего неподобающего или незаконного. Дано в 8-й день до декабрьских календ в Равенне в консульство светлейших мужей Басса и Филиппа (25 ноября 408 г.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: судьбы провинций должны главным образом беспокоиться, как бы управляющие могущественных людей не учинили бы чего незаконно и несправедливо против людей более низкого ранга.

Принятые сокращения:

СTh. — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Simordianis / Ed. Krueger P., Mommsen Th. Berolini, 1905;

PLRE — Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire: Vol. I A.D. 260—395; Vol. II. A.D. 395—527. Cambridge University Press: Cambridge, 1971—1980.

⁷⁷ Moderator provinciarum.

⁷⁸ Прокуратор — здесь: управляющий имуществом.

Ключевые слова:

Кодекс Феодосия, наместник провинции, Римская империя, доминат, римское право.

Elena Marey

CODEX THEODOSIANUS ON THE DUTIES OF VICARS AND PROVINCE GOVERNORS

The Codex Theodosianus is one of the most important Roman law codes. Published in 438 by the emperor Theodose II, it was the first official compilation of the Roman law.

It includes more than 2.5 thousand resolutions by Roman emperors from 311 to 437, divided into 16 books. The Codex covers, perhaps, all areas of law. The first book is very interesting, because it contains the definition of sources of law and lists the duties and powers of senior officials, including Pretorian prefect, prefect of the City, provincial governors, etc. Thus, the Theodosian Code is the most important source on the history of provincial governance in the era of Dominat.

The governors of provinces are called in the Code as proconsules, praesides, (cor) rectores and moderatores, but it is extremely difficult to distinguish them. The governor was responsible for collecting taxes, he organised a public works, and also was a judge in family's cases, disputes about the inheritance and division of land. In general, the proceeding was one of the main duties of the governor.

We offer the reader a translation into Russian of the 15th and 16th titles of the Theodosian Code, devoted to the duties of the governor of the province.

 Марей Елена Сергеевна

кандидат исторических наук,
доцент Школы исторических наук НИУ ВШЭ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано к печати 29.03.2017 г. Формат 72×104 1/16. Усл.-печ. л. 21.5. Заказ № 75

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2017

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Очередной выпуск журнала будет посвящен сообществу христианских культур Передней Азии и Северо-Восточной Африки, известному под наименованием Христианский Восток.

Рассматриваются как общие закономерности развития этой субцивилизации, так и локальные сюжеты, связанные с историей доисламских арабов, Крестовых походов, монгольского владычества в Месопотамии, православных Церквей Египта и Грузии в Позднее Средневековье, ближневосточных христиан в османскую эпоху.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке